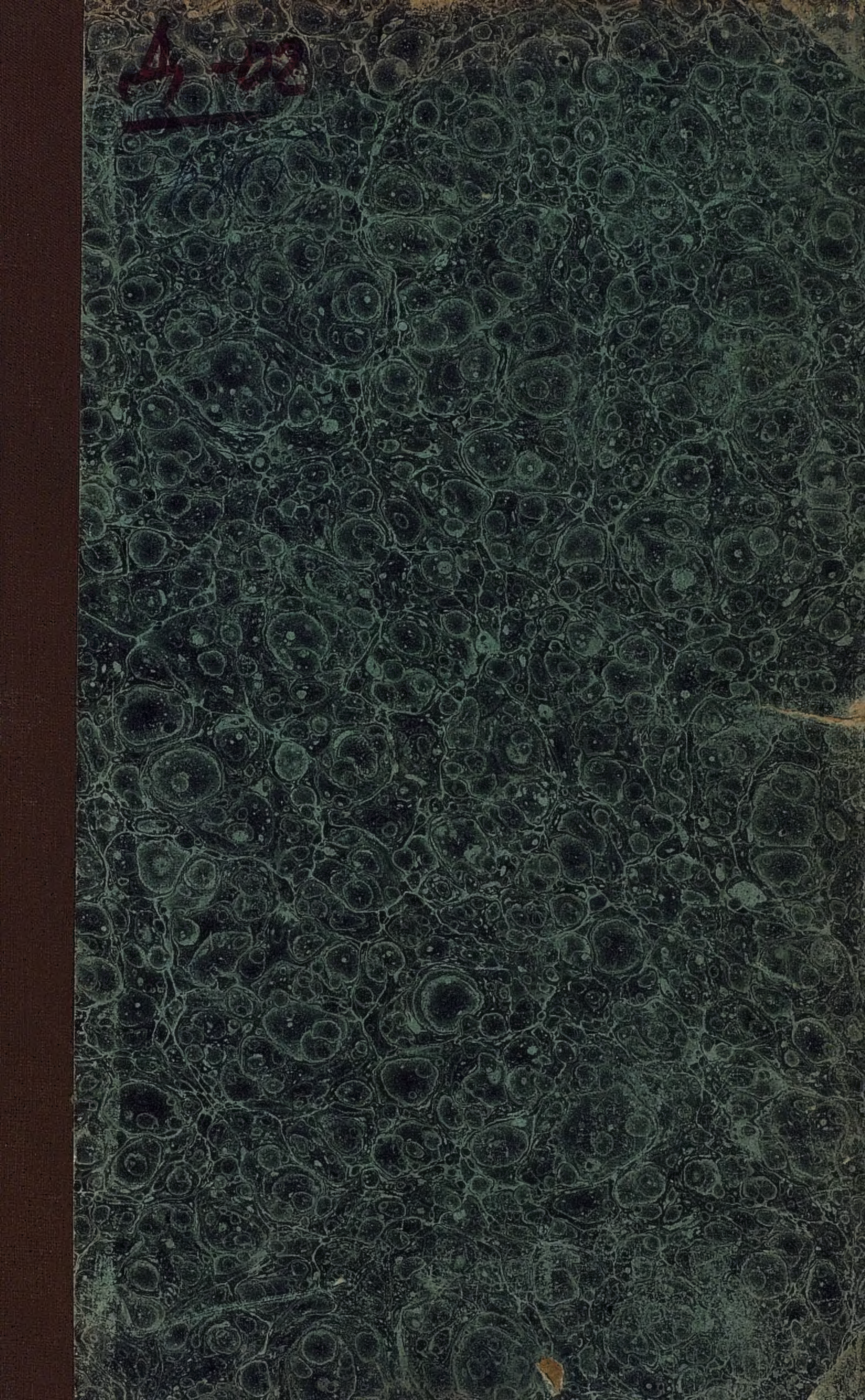

ВРЕМЕННИКЪ ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ.

КНИГА СЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литогр. Э. Г. Фалькъ, Духовская ул., соб. д.
1898.

Печатано по опредѣленіямъ Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

семьдесятъ четвертой книги Временника Лицея.

LXXIV книга вышла 15 Іюня 1898 года;
въ ней 30 листовъ.

ЖУРНАЛЫ

Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

1895 года декабря 18 дня въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора, заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго,* присутствовали: Ординарные профессоры—Н. С. *Суворовъ* и Э. Н. *Берендтсъ*, профессоръ Богословія Протоіерей Н. А. *Тихвинскій*, ис. д. экстра-ординарныхъ профессоровъ—В. Г. *Щегловъ* и А. А. Піонтковскій, ис. д. доцентовъ—М. А. *Липинскій,* А. Е. *Минервинъ,* приватъ-доценты А. Р. *Свирщевскій* и Д. Н. *Стефановскій.* Не присутствовали: ис. д. доцента М. М. *Катковъ,* приватъ-доценты А. В. *Шмидтъ,* И. Я. *Гурляндъ* и В. А. *Юшкевичъ* по нахожденію въ отпуску.

Слушали:

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** представить оный, г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 11 сего декабря за № 24928, коимъ увѣдомляетъ, что г. Министръ Народнаго Просвѣще-

нія согласенъ на оставленіе студента Лицея Владиміра *Приклонскаго* на 3 курсѣ на третій годъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

3) Отношеніе ученаго Секретаря Ученаго Комитета Министерства Финансовъ отъ 11 минувшаго декабря за № 288, коимъ проситъ высылать въ 1896 году въ Ученый Комитетъ Министерства Финансовъ издаваемый Лицеемъ Временникъ. **Опредѣлили:** Высылать г. Ученому Секретарю Ученаго Комитета Министерства Финансовъ Временникъ, начиная съ 66-й книги.

4) По выслушаніи о кондидатскихъ разсужденіяхъ прилагаемыхъ при семъ отзывовъ: заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. Шпилевскаго о сочиненіи Бошняка „О личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ по Русскому праву"; ординарнаго профессора Н. С. Суворова о сочиненіи Николая Крылова (Рыбинскаго) „Время Константина Великаго. Государство и церковь. Императорская власть въ церкви"; ординарнаго профессора Э. Н. Берендтса о сочиненіи Леульта „Законъ и законность въ русскомъ правѣ"; прив.-доцента В. А. Юшкевича о сочиненіи Курдюмова „О давности владѣнія по русскому гражданскому праву", **Опредѣлили**: Утвердить *Бошняка*, *Крылова*, *Леульта* и *Курдюмова* въ степени кандидата юридическихъ наукъ.

5) Своевременно поданы кандидатскія сочиненія: Кротковымъ „Крестьянскія переселенія въ пореформенное время въ Россіи, ихъ причины и организація", Трегубовымъ „Естественныя обязательства", Карасовымъ: „Значеніе свѣтской власти въ дѣлахъ церкви въ Византійскій періодъ въ его историческомъ развитіи", Петинымъ „Акціонерныя товарищества въ современномъ торговомъ оборотѣ", Орнштейномъ „Договорное

представительство въ гражданскомъ правѣ и процессѣ“ и Кузнецовымъ „Управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи. **Опредѣлили:** Передать для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзывовъ сочиненія Кроткова—Э. Н. Берендтсу, Трегубова—В. А. Юшкевичу, Карасова и Кузнецова—Н. С. Суворову, Орнштейна—М. А. Липинскому и Петина—И Я. Гурлянду.

6) По выслушаніи прилагаемыхъ при семъ отзывовъ: ис. д. доцента А. Е. Минервина о сочиненіи студента Гагена „Источники права въ періодъ республики“ и приватъ-доцента А. Р. Свирщевскаго о сочиненіи студента Павла Покровскаго „Прибыль предпринимателя“, **Опредѣлили:** Удостоить студента *Покровскаго* большой денежной преміи въ 50 руб., а *Гагена* малой въ 25 рублей.

7) По заявленію ординарнаго профессора Э. Н. Берендтса, **Опредѣлили:** Напечатать во Временникѣ Лицея составленную имъ программу курса Государственнаго права.

8) На основаніи § 41 Устава Лицея **Опредѣлили:** Просить ординарнаго профессора Э. Н. Берендтса вступить въ званіе Члена Правленія Лицея.

9) Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ приняты имъ: на 2-й курсъ Давидовичъ Иванъ изъ Варшавскаго Университета (среднее образованіе получилъ въ Черниговской Духовной Семинаріи) и Лиръ Николай изъ Московскаго Университета (Екатеринодарской гимназіи); на 3-й курсъ Вергелесонъ Николай бывшій студентъ Лицея и Поповъ Алексѣй изъ Петербургскаго Университета (Тверской гимназіи). **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

(Приложенія къ ст. 4-й).

I. ОТЗЫВЪ

о диссертаціи г. Бошняка „О личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ по русскому праву".

Указанныя въ заглавіи этой диссертаціи отношенія разбираются въ ихъ историческомъ развитіи и догматически на основаніи постановленій X т. св. зак. и правилъ обычнаго права. Многія статьи свода объясняются кассаціонною практикою. Авторъ при составленіи своей диссертаціи пользовался преимущественно „изслѣдованіями по русскому праву" Оршанскаго, „курсомъ гражданскаго права" Побѣдоносцева и „обычнымъ правомъ" Пахмана. Работа г. Бошняка представляетъ довольно удачную компиляцію изъ указанныхъ и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ изслѣдованій. Весь свой матеріалъ авторъ излагаетъ въ стройной системѣ, можно указать и главное исходное начало, положенное въ основаніе всего изслѣдованія. Это договорное начало между супругами, господство котораго авторъ доказываетъ въ древней Россіи и въ современномъ обычномъ правѣ крестьянъ недостаткомъ современнаго русскаго законодательства, признаетъ, авторъ игнорированіе этого начала. Диссертація г. Бошняка представляется удовлетворительною для полученія степени кандидата.

Заслуженный ординарный профессоръ

С. Шпилевскій.

II. ОТЗЫВЪ

ординарнаго профессора Н. С. Суворова о сочиненіи Николая Крылова (Рыбинскаго): „Время Константина Великаго. Государство и церковь. Императорская власть въ церкви".

Довольно длинный заголовокъ этой работы, съ тремя точками въ немъ, могъ бы быть съ успѣхомъ замѣненъ другимъ, болѣе краткимъ, напр. „отношеніе Константина Великаго къ церкви" или „положеніе церкви при Константинѣ Великомъ„. Послѣдній заголовокъ въ особенности подходилъ бы къ содержанію сочиненія, такъ какъ авторъ не только излагаетъ разные законы и мѣропріятія Константина Великаго относительно церкви, но и ту организацію, которую имѣла церковь во время Константина. Литературныхъ указаній и цитатъ въ сочиненіи г. Крылова не имѣется; страннымъ образомъ указанія эти авторъ сдѣлалъ не въ диссертаціи своей, а въ письмѣ ко мнѣ. Я дѣйствительно не сомнѣваюсь, что г. Крыловъ, располагающій довольно подробными и обстоятельными свѣдѣніями о времени Константина Великаго, хотя и допускающій иногда нѣкоторыя неточности, проштудировалъ сочиненія Бурхгарда, Флаша, Ленинча, еще сочиненіе „объемъ дисциплинарнаго суда", и, можетъ быть, еще нѣкоторыя историческія пособія. Но указанный недостатокъ во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о литературной неумѣлости автора. О томъ же свидѣтельствуетъ и самое изложеніе содержанія сочиненія недостаточно послѣдовательное, съ рубриками иногда случайными, иногда недостаточно отчетливо формулированными. Къ тому

же еще г. Крыловъ любитъ разныя вычурныя выраженія и обороты рѣчи, вмѣсто того, чтобы говорить простымъ и яснымъ языкомъ; напр., желая сказать, что Константинъ, владѣвшій замѣчательнымъ даромъ слова, пользовался своимъ ораторскимъ искуствомъ для политическихъ цѣлей, произнося рѣчи въ многочисленной придворной аудиторіи, авторъ пишетъ: „*Константинъ не приминулъ воспользоваться замѣчательною чертою своей личности для политическихъ цѣлей*“ и т. д. Въ другомъ мѣстѣ г. Крыловъ пишетъ, что при Константинѣ произошла аналогія гражданскихъ и церковныхъ чиновъ, т. е., какъ поясняетъ авторъ, были составлены списки чиновъ императорскаго двора съ указаніемъ на соотвѣтствующіе чины духовной іерархіи. Такъ, напр., по словамъ автора, первый вселенскій соборъ ясно обнаружилъ значеніе и видъ, присущіе римскому епископу, т. е. что положеніе римскаго епископа, какъ видно изъ дальнѣйшаго поясненія автора, было безспорно положеніемъ перваго епископа въ государствѣ. Желая сказать, что христіанскія церкви были поставлены Константиномъ въ привиллегированное положеніе сравнительно съ языческими храмами, г. Крыловъ выражается: „Константинъ не поставилъ христіанской церкви на одинъ пьедесталъ съ языческими храмами“ и проч. Авторъ неумѣетъ даже выразиться настолько точно и ясно, чтобы не было юридическаго смѣшенія межу testamenti factio passiva и testamenti factio ac. tiva. Изъ того, что, по словамъ г. Крылова, императоръ въ 321 году призналъ за церковію свободу завѣщательныхъ распоряженій, можно бы было вывести, что церкви дарована была testamenti factio activa, чего на самомъ дѣлѣ вовсе не предоставлялось церкви. Не смотря на всѣ эти недостатки, въ виду того, что авторъ собралъ

довольное число фактовъ для характеристики эпохи Константина Великаго въ отношеніи къ представленному въ заголовкѣ сочиненія вопросу, между прочимъ довольно обстоятельно излагаетъ постановку епископскаго суда при Константинѣ Великомъ и отношеніе императора къ данатизму и аріанству, я полагалъ бы возможнымъ ходатайствовать предъ Совѣтомъ Лицея объ удостоеніи Крылова искомой имъ степени кандидата юридическихъ наукъ.

Н. Суворовъ.

III. ОТЗЫВЪ

о дессертаціи В. Леульта „Законъ и законность въ Русскомъ правѣ“.

Г. Леультъ избралъ весьма интересную тему для своего кандидатскаго разсужденія. Вопросъ о природѣ и отличительныхъ признакахъ закона вызвалъ, какъ извѣстно, не только на западѣ Европы обширную литературу, а и у насъ въ Россіи не только обширные отдѣлы въ курсахъ государственнаго права посвящены попыткамъ разрѣшить этотъ спорный вопросъ, но появилась и обширная монографія г. Коркунова, въ которой природа и свойства закона подверглись всестороннему обслѣдованію какъ съ исторической, такъ и догматической точки зрѣнія. Диссертація г. Леульта не обширна: она обнимаетъ 89 небольшихъ страницъ и не лишена значительныхъ недостатковъ. Историческая часть наименѣе обработана, въ ней не маловажные пробѣлы, такъ напр. на эпохѣ Петра Великаго авторъ останавливается только вскользъ. Исторія литературы вопроса могла бы быть обработана болѣе

тщательно. Догматическая же часть написана вполнѣ удовлетворительно, слогъ ясенъ, выводы логичны и работа вообще доказываетъ хорошее знакомство автора съ законодательнымъ матеріаломъ. Въ виду этихъ достоинствъ работы я ходатайствую о признаніи г. Леульта достойнымъ степени кандидата.

Ординарный профессоръ *Э. Берендтсъ.*

IV. ОТЗЫВЪ

о кандидатскомъ сочиненіи студента Виктора Курдюмова „Давность владѣнія по русскому гражданскому праву“.

Разсужденіе г. Курдюмова на избранную имъ самимъ тему „о давности владѣнія по русскому гражданскому праву“ представляетъ довольно объемистую рукопись. Авторъ поставилъ себѣ задачею догматическое изложеніе ученія о давности пріобрѣтеннаго по X тому. Для этой цѣли онъ собралъ мнѣнія нашихъ лучшихъ писателей и изложилъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ (Эйхедьманъ, Побѣдоносцевъ, Куницинъ, Мейеръ), а кромѣ того ознакомился еще и съ нѣкоторыми сочиненіями по римскому праву. Работа не представляетъ никакихъ раздѣленій. Г. Курдюмовъ пьетъ, такъ сказать, чашу своего творчества залпомъ. Но по существу въ его сочиненіи слѣдуетъ различать двѣ главныя части: Введеніе (стр. 1—24 рукоп.) посвященное вопросамъ о понятіи давности, объ основаніи давности, о давности по римскому праву—эта часть менѣе ясно и систематично изложена—и корпусъ работы, трактующій о русскомъ гражданскомъ правѣ. Послѣдняя часть можетъ быть подраздѣлена на двѣ главы: 1) уче-

ніе объ историческомъ развитіи давности въ русскомъ правѣ (24 - 44) и 2) ученіе о догмѣ давности по дѣйствующему законодательству (44 до конца). При всѣхъ несовершенствахъ свойственныхъ ученическимъ трудамъ, г. Курдюмовъ своимъ разсужденіемъ доказалъ хорошее знакомство съ юридическими понятіями академическаго курса. Мѣстами онъ очень отчетливо и даже бойко излагаетъ свои юридическія мысли, вступаетъ иногда въ полемику и авторитетами (см. догмат. часть труда стр. 70—80), непосредственно знакомя насъ съ положеніями нашего гражданскаго законодательства. Къ числу недостатковъ работы г. Курдюмова слѣдуетъ отнести полное отсутствіе ссылокъ на сочиненія, которыми онъ пользуется, какъ при разборѣ разныхъ мнѣній и отдѣльныхъ вопросовъ, такъ и гдѣ нибудь особо; при этомъ авторъ очень часто и смѣло приводитъ имена разныхъ писателей; такъ что рецензентъ поставленъ передъ неисполнимою для него, при другихъ занятіяхъ, задачею разыскивать источники г. Курдюмова для того чтобы убѣдиться, насколько авторъ умѣло ихъ передаетъ, (см. напр. замѣтки на стр. 1—10). Такъ же, какъ указано выше, г. Курдюмовъ могъ бы избавить своего рецензента отъ необходимости дѣлить его произведеніе на части и на главы. Особенно же важнымъ недостаткомъ представляется неупоминаніе авторомъ въ довольно подробно развитомъ имъ отдѣлѣ: „о предметѣ давности", объ изъятіи изъ подъ дѣйствія давности церковныхъ земель—вопросѣ, бывшемъ недавно темою для самыхъ оживленныхъ споровъ въ нашей литературѣ. Бросая общій взглядъ на все сказанное, считаю возможнымъ ходатайствовать предъ Совѣтомъ Лицея объ удостоеніи г. Курдюмова степени кандидата.

В. Юшкевичъ.

(Приложенія къ ст. 6 й).

1. ОТЗЫВЪ

о сочиненіи студента III курса Владиміра Гагена: „Источники права въ періодъ республики.

Сочиненіе г. Гагена, представленное имъ на соисканіе преміи, какъ показываетъ уже заглавіе, имѣетъ предметомъ изложеніе источниковъ права въ періодъ республики. Оно распадается на введеніе и семь главъ. Во введеніи г. Гагенъ, указавъ тѣсную связь источниковъ права съ государственнымъ устройствомъ, разсматриваетъ виды народныхъ собраній въ періодъ республики и въ заключеніи намѣчаетъ планъ дальнѣйшаго изложенія. Въ первой главѣ г. Гагенъ даетъ понятіе римскаго дѣленія права по его источникамъ на jus scriptum и jus non scriptum, въ остальныхъ главахъ, за исключеніемъ послѣдней, которая имъ озаглавлена: „о передачѣ римскаго права чрезъ литературу", онъ излагаетъ отдѣльные источники права и ихъ значеніе въ развитіи права. Какъ видно изъ сочиненія, г. Гагенъ, предпринимая свой трудъ, познакомился со многими пособіями, какъ-то: Крюгера (Geshichte der Quellen), Карловы (Röm. Rechtsgeschichte), Ланге (Röm. Alterthumer), Пухты (Исторія Римскаго права), Виллемса (Государственное право). Но хотя пособія, которыми г. Гагенъ пользовался, даютъ достаточно матеріала для полнаго и обстоятельнаго изложенія *всѣхъ* источниковъ республиканскаго періода, не всѣ однако имъ изложены одинаково полно и обстоятельно. Особенно подробно и, можно сказать, вполнѣ основательно имъ изложены leges и edicta magistratuum; менѣе полно - sena-

tus consulta и обычай. Относительно постановленій сената г. Гагенъ совершенно проходитъ молчаніемъ тотъ фактъ, что у самихъ римлянъ въ періодъ республики было спорнымъ: имѣютъ ли постановленія сената силу закона или нѣтъ; относительно обычая, какъ источника права г. Гагенъ останавливается только на понятіи обычнаго права, главнѣйшій же вопросъ: какую роль игралъ обычай въ развитіи права во времена республики, остался совершенно не затронутымъ. Не смотря на эти и другіе недостатки, которые встрѣчаются въ работѣ г. Гагена, въ виду указаннаго достоинства, я нахожу вполнѣ возможнымъ удостоить его за это сочиненіе малой преміи.

Ис. дол. Доцента *А. Минервинъ.*

II. ОТЗЫВЪ

о сочиненіи „Прибыль предпринимателя", поданномъ для соисканіе преміи студентомъ 2-го курса Павломъ Покровскимъ.

Исходя изъ той справедливой мысли, что ученіе о прибыли предпринимателя, какъ о части, должно находиться въ тѣсной связи съ ученіемъ о прибыли вообще, какъ о цѣломъ, авторъ вышесказанной работы, составляя планъ своего сочиненія, рѣшился совмѣстно разсмотрѣть экономическія теоріи, касающіяся обоихъ этихъ видовъ дохода. Поэтому начало своего труда — первыя двѣ главы, являющіяся какъ бы введеніемъ, онъ посвящаетъ вопросу о происхожденіи прибавочной стоимости, какъ источника прибыли и анализу этой стоимости. Понятіе о содержаніи слѣдующихъ главъ даютъ ихъ заглавія: „Ad. Смитъ (3-я глава), Рикардо

(4 гл.), Д. С. Милль (5-я гл.) о прибыли, французскіе и нѣмецкіе ученые о прибыли предпринимателя (Сэй, Дрозъ, Дюпуанъ, Гарнье, Краузе, Небеніусъ, Лотце, Якоби, Притвицъ, Рошеръ, Эйзеленъ, Гуфеландъ, Тюненъ, Мангольдтъ и пр. (6-я гл.), Родбертусъ о прибыли (7-я гл.), попытки рѣшить загадку о прибыли по Марксу (8-я гл.), теоріи Скворцова, Лексиса, Шмидта, Фиремана. Съ особенной подробностью авторъ разсматриваетъ въ предпослѣдней главѣ ученіе К. Маркса о прибыли вообще и прибыли предпринимателя въ частности на основаніи недавно появившагося третьяго тома сочиненія „Das Kapital“ этого экономиста, что вполнѣ оправдывается тѣмъ интересомъ и значеніемъ, какое имѣетъ этотъ томъ для избранной авторомъ темы. Наконецъ, послѣдняя глава содержитъ въ себѣ нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу появившихся въ литературѣ возраженій противъ теоріи Маркса.

Сочиненіе г. Покровскаго не даетъ какихъ либо самостоятельныхъ выводовъ по вопросу о прибыли предпринимателя, но этого обстоятельства нельзя поставить ему въ вину. Вопросъ о прибыли предпринимателя въ источникѣ законахъ ею управляющихъ, есть одинъ изъ труднѣйшихъ въ политической экономіи. Поэтому при постановкѣ этой темы для студенческаго сочиненія и не могло имѣться въ виду самостоятельной догматической ея разработки; представлялся желательнымъ лишь полный и обстоятельный историко—критическій очеркъ экономическихъ ученій о прибыли. Этому послѣднему требованію вполнѣ соотвѣтствуетъ работа г. Покровскаго, носящая исключительно историко-литературный характеръ. Авторъ добросовѣстно изучилъ множество различныхъ теорій, касающихся взятой имъ темы частью по подлиннымъ сочиненіямъ важнѣйшихъ

экономистовъ (Смитъ, Рикардо, Миль, Родбертусъ, Марксъ), частью по изложеніямъ ихъ въ монографіяхъ о прибыли предпринимателя. Онъ подвергаетъ старательной, а часто и весьма справедливой критикѣ многія изъ этихъ теорій и вполнѣ основательно оцѣниваетъ ихъ значеніе. Съ большимъ умѣньемъ и знаніемъ дѣла онъ разбирается въ тяжеловѣсныхъ, иногда неясныхъ и отрывочныхъ положеніяхъ третьяго тома „капитала“ Маркса и излагаетъ ихъ въ стройной системѣ. На всей работѣ отражается любовь автора къ той научной области, изъ которой онъ взялъ тему для своего сочиненія, большая начитанность въ литературѣ предмета и извѣстный навыкъ къ экономическимъ изслѣдованіямъ. Если къ вышеизложенному прибавить указаніе на замѣчательное трудолюбіе автора (обширное сочиненіе его написано въ теченіи очень короткаго времени, такъ какъ онъ только лѣтомъ принятъ въ число студентовъ Лицея) и на прекрасное знаніе иностранныхъ языковъ, то, по моему мнѣнію, необходимо придти къ заключенію что г. Покровскій вполнѣ заслуживаетъ награжденія за свой трудъ большой преміей.

Приватъ-доцентъ *А. Свирщевскій.*

1896 года 17 января въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго*, присутствовали: ординарные профессоры: Н. С. *Суворовъ* и Э. Н. *Берендтсъ*, Профессоръ Богословія протоіерей Н. А. *Тихвинскій*, ис. д. Экстраординарныхъ профессоровъ: В. Г. *Щегловъ* и А. А. *Піонтковскій*. ис. д. доцента

А. Е. *Минервинъ*, приватъ-доценты: А. Р. *Свирщевскій*, А. В. *Шмидтъ*, В. А. *Юшкевичъ* и Д. Н. *Стефановскій*. Не присутствовали: ис. д. доцентовъ: М. А. *Липинскій* и М. М. *Катковъ* по болѣзни.

СЛУШАЛИ:

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 23 минувшаго декабря за № 25875, коимъ увѣдомляетъ, что Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ виду предстоящихъ торжествъ по случаю Священнаго Коронованія въ маѣ 1896 года по отношенію къ учебнымъ занятіямъ и производству выпускныхъ и окончательныхъ испытаній, а также каникулярному времени, объявилъ слѣдующія льготы: выпускныя и окончательныя испытанія во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ во всѣхъ учебныхъ Округахъ (въ томъ числѣ и Московскомъ внѣ гор. Москвы) производятся въ установленный нынѣ срокъ, но при этомъ испытуемые освобождаются отъ занятій во время коронаціонныхъ торжествъ на три дня и каникулы продолжаются въ 1896 году до 1 сентября. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и исполненію.

3) Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 3 января за № 58, при коемъ приложена копія утвержденныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ правилъ о стипендіи Ильи Людвиговича Шрага. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

4) Отношеніе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества отъ 20 декабря 1895 г. за № 470, коимъ сообщаетъ Лицею для свѣдѣнія, что съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора, Всемилостивѣйшаго Покровителя означеннаго Общества, празднованое полувѣковаго юбилея этого Общества имѣетъ быть 21 января сего 1896 года. По обсужденіи **Опредѣлили**: Составить адресъ для поднесенія Императорскому Русскому Географическому Обществу въ день празднованія имъ юбилея въ слѣдующей редакціи:

„Императорскому Русскому Географическому Обществу“.

Пятидесятилѣтняя исторія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, поставившаго себѣ главною задачею изученіе Россіи и сопредѣльныхъ съ ней областей Азіи, свидѣтельствуетъ, что, благодаря почину Общества и трудамъ членовъ его, внесены въ сокровищницу научныхъ знаній такія данныя, за которыя Обществу признателенъ весь образованный міръ. Ученыя заслуги Общества относятся къ физической, математической и исторической географіи, къ статистикѣ и этнографіи.

Двѣ послѣднія области ученой дѣятельности Общества имѣютъ тѣсную связь съ изученіемъ права. Сюда относятся изслѣдованія по внутренней торговлѣ Россіи, изученіе народныхъ вѣрованій, устройства домашняго и общественнаго быта въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи и у русскихъ инородцевъ, особенно народныхъ юридическихъ обычаевъ. Примѣромъ благотворности почина Общества представляется и справедливое признаніе, что со времени изданія Обществомъ „Программы для

собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ" начинается новая эпоха въ изученіи русскаго народнаго обычнаго права. Въ сознаніи такихъ заслугъ Общества Демидовскій Юридическій Лицей присоединяется къ многочисленнымъ привѣтствіямъ, приносимымъ знаменитому Обществу въ день пятидесятилѣтняго его юбилея. Г. Ярославль. 17 января 1896 года".

Одобривъ текстъ настоящаго адреса и напечатавъ его, поднести оный отъ Лицея въ юбилейный день Императорскому Русскому Географическому Обществу; для присутствованія же на означенномъ торжественномъ юбилеѣ командировать, въ качествѣ представителя отъ Лицея, ординарнаго профессора Э. Н. Берендтса.

5) По выслушаніи прилагаемыхъ при семъ отвывовъ о кандидатскихъ сочиненіяхъ: ординарнаго профессора Н. С. Суворова о сочиненіи Андрея Карасова „Значеніе свѣтской власти въ дѣлахъ церкви въ византійскій періодъ въ его историческомъ развитіи", его же, г. Суворова, о сочиненіи Кузнецова „управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи" и приватъ-доцента А. В. Шмидта о сочиненіи Василья Казанцева „о консульской юрисдикціи на Востокѣ, **Опредѣлили**: Удостоить Карасова, Кузнецова и Казанцева степени кандидата юридическихъ наукъ, выдавъ имъ установленные аттестаты, отзывы же о ихъ сочиненіяхъ напечатать во Временникѣ Лицея.

6) Г. Директоръ заявилъ, что 1) въ число студентовъ приняты имъ: на первый курсъ Руденко Иванъ изъ Кіевскаго Университета (4-й Кіевской гимназіи); на 2-й курсъ: Дамянскій Петръ Московскаго Университета (Рязанской гимназіи), Искржицкій Петръ Кіевскаго Университета (Кіевской 4-й гимназіи), Образцовъ Ари-

стархъ Юрьевскаго Университета (2-й Петербургской гимназіи), Шаломытовъ Николай бывшій студентъ Лицея: на 3-й курсъ: Галецкій Тадеушъ Юрьевскаго Университета (Нижегородской гимназіи), Приклонскій Владиміръ бывшій студентъ Лицея; на 4-й курсъ: Вальденбергъ Дмитрій Петербургскаго Университета (гимназіи Человѣколюбиваго Общества въ Петербургѣ), Пасситъ Леонидъ Юрьевскаго Университета (Рижской гимназіи), Тоддесъ Менашель Московскаго Университета (Смоленской гимназіи) и Щипановскій-Домбровичъ Марцелій Казанскаго Университета (3-й Казанской гимназіи). 2) Выбыли изъ Лицея: Брунсъ Эрвинъ въ Петербургскій Университетъ, Сабунаевъ Николай по прошенію и Бокщанинъ Густавъ умеръ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

7) По заявленію г. Директора **Опредѣлили:** Выслать одинъ экземпляръ Временника Лицея въ Ярославскую Ученую Архивную Коммиссію.

8) По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи прилагаемыхъ при семъ отзывовъ ис. дол. экстраординарнаго профессора А. А. Піонтковскаго о сочиненіяхъ, представленныхъ на соисканіе медалей подъ заглавіемъ „о вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ“, подъ девизами: 1) „Fais ce que dois, advienne ce que pourra“ и 2) „Feci, quod potui, feciant meliora potentes. **Опредѣлили:** Признать авторовъ обѣихъ сочиненій достойными награжденія серебряными медалями. По вскрытіи же конвертовъ съ девизами, авторомъ перваго сочиненія оказался Александръ Позняковъ, а втораго — Валеріанъ Ширяевъ, которыхъ, согласно примѣчанію къ § 53 правилъ для студентовъ, и утвердить въ степени кандидата юридическихъ наукъ. Послѣ чего г. Директоръ заявилъ, что Ширяевъ же-

лалъ бы остаться при Лицеѣ для приготовленія къ каѳедрѣ уголовнаго права. По обсужденіи **Опредѣлили:** Оставить Ширяева безъ содержанія при Лицеѣ на два года для подготовки къ профессорскому званію, обязавъ его къ сентябрю мѣсяцу представить въ Совѣтъ отчетъ о занятіяхъ и предпринять надлежащее ходатайство предъ г. Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа объ оставленіи Ширяева при Лицеѣ.

(*Приложеніе къ ст. 3-й*).

На подлинномъ написано: „Утверждаю". За Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, Товарищъ Министра *Долгово-Сабуровъ*. 22 ноября 1895 года. Вѣрно. За Вице-Директора *Исаевичъ*.

ПРАВИЛА

о стипендіи Ильи Людвиговича Шрага.

1) При одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Россійской Имперіи учреждается, съ Высочайшаго соизволенія Его Императорскаго Величества, послѣдовавшаго въ 16 день ноября 1895 года, стипендія имени Ильи Людвиговича Шрага на счетъ процентовъ съ капитала въ 7500 рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью дворяниномъ Иваномъ Яковлевичемъ Дунинъ-Борковскимъ.

2) Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двѣнадцати 4% облигаціяхъ, изъ которыхъ 5 облигацій по 1000 руб. каждая (въ каждомъ листѣ по 10 облигацій въ 100 руб. каждая): 1) съ № 103151 по 103160, 2) съ № 103161 по 103170, 3) съ № 103141 по 103150, 4) съ № 753591 по 753600 и 5) съ № 753601 по 753610 и семь облигацій по 100 руб. каждая за №№ 063628 по 063634 включительно и въ восемнадцати

$4^{1}/_{2}\%$ свидѣтельствахъ крестьянскаго банка по 100 р. каждое за № 20614 по 20621 включительно и 21204 по 21213 включительно,—хранится въ Черниговскомъ Губернскомъ Казначействѣ и проценты съ этого капитала должны, по мѣрѣ надобности, быть переводимы въ то высшее учебное заведеніе, въ которомъ стипендіатъ будетъ обучаться, въ сроки, установленные для казенныхъ стипендій.

3) Размѣръ стипендіи опредѣляется за вычетомъ 5% государственнаго сбора.

4) Назначеніе стипендіатовъ производится Ильею Людвиговичемъ Шрагомъ, а за смертію его—Черниговскимъ Губернскимъ Земскимъ Собраніемъ, по соглашенію: а) съ начальствомъ того учебнаго заведенія, въ которомъ окончило курсъ избранное въ стипендіаты лицо, если стипендія предоставляется ему по окончаніи предварительнаго образованія до вступленія въ высшее учебное заведеніе, или б) съ начальствомъ подлежащаго высшаго учебнаго заведенія, если назначеніе стипендіи касается лицъ, состоящихъ уже студентами.

5) Стипендіатами могутъ быть только лица изъ русскихъ подданныхъ, православнаго исповѣданія, уроженцы Черниговской губерніи.

6) Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ, но стипендіатъ не освобождается отъ платы за слушаніе лекцій.

7) Черниговская Губернская Земская Управа распоряжается переводомъ или высылкою процентовъ съ капитала, въ суммѣ впередъ за полгода или за годъ, съ зачисленіемъ ихъ на общемъ основаніи въ депозитъ того учебнаго заведенія, въ которомъ состоитъ стипендіатъ.

Подписалъ: Директоръ *И. Кабатъ* и скрѣпилъ Начальникъ Отдѣленія *Исаевичъ.* Вѣрно: Дѣлопроизводитель Департамента Народнаго Просвѣщенія *А. Бѣликовъ.*

(*Приложенія къ ст. 5-й*).

I. ОТЗЫВЪ

ординарнаго профессора Н. Суворова о сочиненіи Андрея Карасова: „Значеніе свѣтской власти въ дѣлахъ церкви въ византійскій періодъ въ его историческомъ развитіи".

Авторъ, руководствуясь сочиненіемъ Gasquet: „Del' autorite impèriale en matieres religieuses à Byzantie и монографіей Попова о Львѣ Мудромъ и рядомъ статей о византійскихъ церковно-государственныхъ отношеніяхъ—въ Чтеніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія за 1875—1879 г.г., устанавливаетъ историческую связь между римскимъ до-христіанскимъ понтификатомъ и между церковною властію христіанскихъ императоровъ. Поэтому сочиненіе г. Карасова состоитъ изъ двухъ главъ. Въ первой, сравнительно-краткой, сообщаются историческія свѣдѣнія о римскомъ понтификатѣ до-императорскаго времени и о томъ измѣненіи, которое испыталъ понтификатъ, соединившись съ другими республиканскими магистратурами въ лицѣ принцепса. Авторъ старается прослѣдить, впрочемъ очень бѣгло, исторію языческаго понтификата и при христіанскихъ императорахъ, при чемъ безъ достаточнаго основанія оспариваетъ фактъ отказа императора Граціана отъ титула языческаго понтифекса. Во второй главѣ, болѣе обширной, авторъ старается разъяснить, что хотя съ VII вѣка титула понтифекса уже

не видно въ публичныхъ памятникахъ, но императоръ сохраняетъ свой прежній религіозный престижъ только уже не въ отношеніи къ язычеству, а въ отношеніи къ христіанству. Съ перемѣною религіи, какъ справедливо разсуждаетъ г. Карасовъ, не могли разомъ перемѣниться идеи и обычаи, складывавшіеся цѣлыми вѣками. Въ данной главѣ имъ разсматриваются: положеніе императора относительно патріарха Константинопольскаго, положеніе императора какъ законодателя въ дѣлахъ церкви, положеніе императора относительно вселенскихъ соборовъ, императорская юрисдикція въ церковныхъ дѣлахъ. Почему то авторъ забылъ объ императорскомъ надзорѣ и объ апокризіаріяхъ, не сказалъ ни слова о σύνοδος ἐνδημοῦσα при Константинопольскомъ патріархѣ. Слово δεποτάτος, употребленное Симеономъ Өессалоникскимъ для обозначенія церковнаго положенія императора, г. Карасовъ неправильно переводитъ: „защитникъ церкви". Хотя авторъ черпаетъ свои свѣдѣнія обыкновенно изъ вторыхъ рукъ, но свѣдѣнія по предмету своего изслѣдованія онъ обнаружилъ всетаки довольно обстоятельныя, и потому я нахожу возможнымъ ходатайствовать предъ Совѣтомъ Лицея объ удостоеніи г. Карасова ученой степени кандидата юридическихъ наукъ.

Н. Суворовъ.

II. ОТЗЫВЪ

ординарнаго профессора Н. С. Суворова о сочиненіи г. Кузнецова: „Управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи".

Г. Кузнецовъ исторически прослѣдилъ образованіе въ Россіи управленія дѣлами иностранныхъ исповѣда-

ній: римско-католическаго, евангелическаго и армяно-грегоріанскаго, закончивъ свое изслѣдованіе краткимъ изложеніемъ существенныхъ пунктовъ управленія по уставамъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, включенныхъ въ XI томъ Свода Законовъ Россійской Имперіи изданія 1857 г. Авторъ устанавливаетъ пять періодовъ въ послѣдовательномъ образованіи этого управленія. Первый періодъ обнимаетъ собою время до Петра Великаго, когда нельзя собственно говорить объ управленіи дѣлами иностранныхъ исповѣданій и когда отношеніе къ нимъ русской государственной власти опредѣлялось двумя простыми началами: охраненіемъ отъ иностранцевъ господствующей православной вѣры и полнымъ невмѣшательствомъ во внутреннюю церковную жизнь пребывающихъ въ Россіи иностранцевъ. Послѣднее начало весьма характерно выражено было правительствомъ царя Θедора Ивановича по поводу просьбы англійскихъ пословъ о свободѣ вѣры для англійскихъ купцовъ: „государю нашему, великому государю царю и великому князю, до ихъ вѣры дѣла нѣтъ; многихъ вѣръ люди живутъ въ государя нашего государствѣ и всякій живетъ въ своей вѣрѣ". И только въ видахъ огражденія спокойствія въ государствѣ, государственная власть вступалась иногда въ вѣроисповѣдныя дѣла; причемъ правительственнымъ органомъ всего чаще былъ посольскій приказъ. Второй періодъ начинается эпохою петровскихъ преобразованій и продолжается до вступленія на престолъ императрицы Екатерины II. Полное невмѣшательство въ вѣроисповѣдныя дѣла уже не можетъ быть проведено. Созданная въ 1711 г. Петромъ Великимъ должность суперъ-интендента была первою попыткою установить нѣкоторое управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи.

А затѣмъ, съ учрежденіемъ Св. Синода, послѣдній дѣлается главнымъ правительственнымъ органомъ, вѣдающимъ дѣла иностранныхъ исповѣданій въ отношеніи къ построенію церквей, къ дозволенію священнодѣйствія, къ опредѣленію на должности, къ надзору. Это, не лишенное историческаго интереса, участіе Св. Синода въ управленіи дѣлами другихъ вѣроисповѣданій, до нѣкоторой степени раздѣлявшееся коллегіей иностранныхъ дѣлъ, которая замѣнила прежній посольскій приказъ и въ особенности значительно умалившееся съ учрежденіемъ при Аннѣ Ивановнѣ юстицъ-коллегіи эстляндскихъ, лифляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, продолжалось, тѣмъ не менѣе, какъ обстоятельно доказываетъ авторъ, до царствованія Екатерины II, когда указомъ 1773 г. было разъяснено, что управленіе духовными дѣлами другихъ вѣроисповѣданій должно быть исключительно подвѣдомо свѣтской власти. Третій періодъ обнимаетъ царствованіе императрицы Екатерины II и императора Павла. Призывъ иностранныхъ колонистовъ на югъ Россіи и въ особенности раздѣлы Польши выяснили для императорскаго правительства необходимость твердой организаціи управленія дѣлами иновѣрцевъ. Для католиковъ присоединенныхъ къ Россіи областей созданы католическія епархіи съ архіепископіею могилевскою во главѣ, для уніатовъ особыя уніатскія эпархіи; государственнымъ учрежденіемъ по духовнымъ дѣламъ иновѣрцевъ остается юстицъ-коллегія лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ съ апелляціей въ Сенатъ. Въ царствованіе императора Павла отъ юстицъ-коллегіи былъ отдѣленъ департаментъ для римско-католическихъ юстицкихъ дѣлъ, поставленный подъ начальство архіепископа могилевскаго съ аппеляціей въ сенатъ; но по отношенію къ протестантскимъ духовнымъ дѣламъ

юстицъ-коллегія продолжала дѣйствовать на прежнихъ основаніяхъ. Четвертый періодъ составляетъ царствованіе императора Александра I-го, богатое преобразованіями въ высшемъ государственномъ управленіи: создается главное управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій и соединяется съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, организуется римско-католическая духовная коллегія, государственная евангелическая генеральная консисторія, учреждается особая епископская каѳедра для армяно-католиковъ и т. д. Пятый періодъ есть царствованіе императора Николая I-го, когда управленіе дѣлами иновѣрныхъ исповѣданій приводится почти въ тотъ самый видъ, какой оно имѣетъ нынѣ, начиная съ отдѣленія главнаго управленія дѣлами иностранныхъ исповѣданій отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и включенія этого управленія въ видѣ департамента, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Авторъ, между прочимъ, хорошо прослѣдилъ исторію уніатскаго церковнаго управленія и колеблющуюся политику русскаго императорскаго правительства относительно уніатовъ вплоть до того момента, когда самая унія въ предѣлахъ Россіи изчезла съ возсоединеніемъ бѣлорусскихъ уніатовъ съ православною церковью въ царствованіе императора Николая I-го и съ возсоединеніемъ холмскихъ уніатовъ царства польскаго въ 1875 году.

Въ общемъ изслѣдованіе г. Кузнецова представляетъ весьма солидный трудъ. Авторъ не только хорошо изучилъ рядъ изслѣдованій профессора Цвѣтаева, выясняющихъ вѣроисповѣдное положеніе иностранцевъ до эпохи преобразованій, извѣстное сочиненіе графа Толстого, „Римскій католицизмъ въ Россіи“, исторію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Варадиноваи др., не

только обильно исчерпалъ матеріалъ, заключающійся въ „полномъ собраніи постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія“ и въ „полномъ собраніи законовъ россійской имперіи“, но и извлекъ цѣнный рукописный матеріалъ изъ документовъ хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. На основаніи главнымъ образомъ этого послѣдняго матеріала, за недостаткомъ другихъ источниковъ, авторъ излагаетъ исторію интересующаго его вопроса во второмъ изъ намѣченныхъ имъ періодовъ, т. е. начиная съ эпохи преобразованій Петра до царствованія императрицы Екатерины II-й. Для полноты изслѣдованія автору нужно бы было еще, при изложеніи послѣдняго періода, сказать о тѣхъ отношеніяхъ между русскимъ императорскимъ правительствомъ и римскимъ дворомъ, результатомъ которыхъ былъ договоръ или конкордатъ цитирующійся подъ многими статьями дѣйствующаго устава объ управленіи духовныхъ дѣлъ христіанъ римско-католическаго вѣроисповѣданія.

Въ виду выдающихся достоинствъ этой работы, я не только считаю г. Кузнецова достойнымъ степени кандидата юридическихъ наукъ, но и ходатайствую предъ Совѣтомъ о разрѣшеніи ему напечатать во Временникѣ Лицея свой трудъ, который восполнитъ замѣтный пробѣлъ въ русской литературѣ и принесетъ несомнѣнную пользу будущимъ изслѣдователямъ, предполагая, что авторъ пожелаетъ напечатать свой трудъ и воспользуется тѣми указаніями, которыя будутъ сдѣланы ему мною.

Н. Суворовъ.

III. ОТЗЫВЪ

приватъ-доцента А. Шмидта о сочиненіи Василія Казанцева „о консульской юрисдикціи на Востокѣ".

Г. Казанцевъ въ своемъ изслѣдованіи „о консульской юрисдикціи на Востокѣ" руководствовался трудами Продье-фодере, Мартенса и нѣкоторыми статьями, помѣщенными въ періодическихъ изданіяхъ. Оно распадается на двѣ главныя части. Первая содержитъ происхожденіе и развитіе консульскихъ учрежденій. Авторъ приходитъ къ тому выводу, что консульства первоначально учреждены были на Востокѣ, откуда впослѣдствіи они распространили свою дѣятельность на всѣ европейскія государства, и что въ трактатахъ, заключенныхъ въ средніе вѣка между торговыми городами и мусульманскими властителями коренится первоначальное основаніе историческаго развитія предоставленныхъ консуламъ правъ и преимуществъ. Во второй части излагается современное устройство и дѣятельность консульскихъ учрежденій на Востокѣ.

Послѣ общаго взгляда на положеніе консуловъ на Востокѣ, авторъ довольно подробно разсматриваетъ ихъ судебную дѣятельность. Прежде всего онъ разбираетъ вопросы о подсудности дѣлъ, возникающихъ между подданными одного государства, между подданными различныхъ европейскихъ государствъ и, наконецъ, между иностранцами и туземцами. Затѣмъ онъ приводитъ главные типы организаціи консульскихъ судовъ. Двѣ слѣдующія главы касаются порядка разсмотрѣнія и рѣшенія гражданскихъ и торговыхъ дѣлъ, а также судопроизводства по дѣламъ уголовнымъ. Послѣд-

няя глава посвящена судебной власти консуловъ въ государствахъ дальняго Востока (Китаѣ, Сіамѣ, Японіи). Къ сожалѣнію въ своемъ довольно полномъ очеркѣ авторъ не обращаетъ вниманія на сдѣланныя въ послѣднее время заявленія нѣкоторыхъ восточныхъ государствъ объ уничтоженіи (отмѣнѣ) консульскихъ привиллегій. Здѣсь особенно интересенъ договоръ, не упоминаемый г. Казанцевымъ, заключенный между Англіей и Японіей въ 1894 году имѣющій вступить въ дѣйствіе и отмѣняющій привиллегіи установленныя въ пользу англійскихъ подданныхъ. Не смотря на нѣсколько компилятивный характеръ, сочиненіе г. Казанцева свидѣтельствуетъ объ основательномъ знакомствѣ съ приводимою имъ литературою вопроса и написано оно хорошимъ языкомъ. Въ виду этого я имѣю честь ходатайствовать предъ Совѣтомъ объ утвержденіи г. Казанцева въ степени кандидата.

Приватъ-доцентъ *А. Шмидтъ.*

(*Приложеніе къ ст. 8-й*).

ОТЗЫВЪ

о двухъ сочиненіяхъ „О вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ“, представленныхъ для полученія золотой медали.

I. *О вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ.* Девизъ Fait ce que doit, advienne ce que pourrais.

Сочиненіе состоитъ изъ введенія и четырехъ главъ, изъ которыхъ первая посвящается изученію историческаго процесса развитія и современнаго положенія го-

сударственнаго вознагражденія, вторая—изученію и установленію основаній института государственнаго вознагражденія, третья — опредѣленію круга лицъ, имѣющихъ право пользоваться государственнымъ вознагражденіемъ и четвертая — установленію размѣровъ вознагражденія и порядка его полученія. Таковъ тотъ планъ, котораго авторъ придерживается при изученіи намѣченнаго имъ вопроса.

Во введеніи авторъ указываетъ на существованіе въ высшей степени печальнаго явленія въ современной жизни—привлеченія къ суду и связанныхъ съ послѣднимъ предварительнаго заключенія и осужденія лицъ невинныхъ. Это явленіе, по мнѣнію автора, къ сожалѣнію, не рѣдкое. Усовершенствованіе органовъ суда и улучшеніе процесса, въ особенности предварительнаго слѣдствія, могутъ, по мнѣнію автора, содѣйствовать сокращенію этого зла, но уничтожить его окончательно всѣ эти мѣропріятія не въ состояніи, такъ какъ оно обусловливается несовершенствомъ „человѣческихъ средствъ распознаванія истины“; по этому, по мнѣнію автора, необходимо, по крайней мѣрѣ, позаботиться о томъ, чтобы изгладить тѣ вредныя послѣдствія (матеріальнаго и моральнаго свойства), которыя связываются съ привлеченіемъ къ суду лицъ невинныхъ, необходимо позаботиться о вознагражденіи этихъ лицъ за вредъ причиненный имъ такимъ привлеченіемъ ихъ къ суду. Сообразно характеру этого вреда, вознагражденіе можетъ быть то идеальное, то матеріальное. Авторъ останавливается только на послѣднемъ, при чемъ сосредоточиваетъ свое вниманіе исключительно на томъ вознагражденіи, которое предоставляется, можетъ и должно быть предоставлено государствомъ, а не лицами, по винѣ коихъ состоялось привлеченіе къ суду не-

виннаго. (О вознагражденіи, оказываемомъ виновными частными лицами авторъ упоминаетъ только вскользь).

Опредѣливъ, такимъ образомъ, предметъ своего изслѣдованія, какъ разработку вопроса о государственномъ вознагражденіи лицъ невинно къ суду привлекаемыхъ, авторъ обращается къ изученію этого вопроса и придерживается въ этомъ изученіи указаннаго выше плана.

Останавливаясь на исторіи этого вопроса въ XVIII вѣкѣ, авторъ обрисовываетъ положеніе этого вопроса, главнымъ образомъ во французской литературѣ (Brissor. de Warwille, Pastoret и др.), хотя не обходитъ молчаніемъ положеніе этого вопроса и въ другихъ странахъ Европы, при чемъ отмѣчаетъ, что разрѣшеніе этого вопроса успѣло еще въ XVIII в. найти себѣ законодательную санкцію въ Тосканскомъ уложеніи 1786 г. Разрѣшеніе этого вопроса въ XVIII в., по мнѣнію автора, носитъ такъ сказать идеальный характеръ: въ XVIII вѣкѣ, говоритъ авторъ, поднимался главнымъ образомъ вопросъ объ идеальномъ вознагражденіи—возстановленіи чести потерпѣвшаго; денежное удовлетвореніе разсматривалось только какъ добавленіе къ первому. Съ XIX в. вопросъ о вознагражденіи получаетъ иной характеръ: все вниманіе обращается на матеріальную сторону дѣла. Обрисовывая положеніе этого вопроса въ текущемъ столѣтіи, авторъ останавливается на положеніи этого вопроса во французской литературѣ (Tiss[illegible], Bonnerille de Marsanqy, Toustin He'lre, Pascaud и др.), въ англійской (Бентамъ) и нѣмецкой (Hanze, Walberg, Geuer и мн. др.).

Обрисовывая положеніе вопроса о вознагражденіи въ литературѣ, авторъ не оставляетъ безъ вниманія попытки разрѣшенія этого вопроса въ законодатель-

ствахъ и упоминаетъ о законодательствахъ, принявшихъ уже институтъ вознагражденія.

Этотъ историческій очеркъ претендовать на полноту, всестороннюю обрисовку вопроса о вознагражденіи не можетъ. Авторъ не воспользовался новѣйшими работами относящимися къ этому вопросу (напр. работой J. Mayer-a „La guestion de la revision des proces criminels et correctionnels“. Paris, 1894, статьями, помѣщенными въ Rev. penit, 1894 г.); авторъ слишкомъ поверхностно обрисовываетъ положенія вопроса о вознагражденіи въ современныхъ законодательствахъ; онъ, напр., слишкомъ сжато говоритъ о регуляціи этого вопроса австрійскимъ закономъ 1892 г. и совершенно не знаетъ, что этотъ вопросъ разрѣшенъ въ прошломъ 1895 г. въ утвердительномъ смыслѣ французскимъ законодательствомъ. (Это послѣднее обстоятельство, впрочемъ, не можетъ быть вмѣнено автору въ вину, такъ какъ разбираемое изслѣдованіе написано до появленія французскаго закона 1895 г.). Не смотря однако на эти недостатки, нельзя не признать, что этотъ историческій очеркъ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ начитанности автора, добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу и способности его оріентироваться среди имѣющагося въ его распоряженіи матеріала.

Обрисовавъ историческій процессъ развитія института вознагражденія невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ, авторъ обращается къ изученію основаній этого института.

Выставляемыя сторонниками этого института основанія сводятся, по мнѣнію автора, то къ основаніямъ правового свойства, то къ требованіямъ справедливости.

Основанія послѣдняго рода, по мнѣнію автора, представляются носящими печать произвола; на нихъ онъ

не останавливается, а сосредоточиваетъ свое вниманіе на изученіи основаній правоваго свойства и находитъ эти основанія во 1-хъ въ отсутствіи какого бы то ни было права у государства привлекать къ суду лицъ невинныхъ и во 2-хъ въ соображеніяхъ уголовно-политическаго свойства (вознагражденіе потерпѣвшихъ отъ неправильнаго привлеченія къ суду, преграждая вступленіе на путь преступленій со стороны лицъ, поставленныхъ этимъ привлеченіемъ въ крайне тяжелое и затруднительное матеріальное положеніе, содѣйствуетъ въ тоже время усиленію и развитію въ обществѣ чувства законности).

Придерживаясь правильнаго возрѣнія объ основаніи на правовыхъ началахъ института вознагражденія невинно къ суду привлекаемыхъ, авторъ, къ сожалѣнію, не съумѣлъ достодолжнымъ образомъ развить этого воззрѣнія, а ограничился лишь общими положеніями, иллюстрируя эти положенія соображеніями, неимѣющими никакого научнаго значенія.

Признавая институтъ государственнаго вознагражденія лицъ невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ вполнѣ желательнымъ, авторъ обращается къ опредѣленію круга тѣхъ лицъ, которымъ должно бы быть предоставлено вознагражденіе за неправильное привлеченіе ихъ къ суду и признаетъ вполнѣ основательнымъ предоставить право на такое вознагражденіе всѣмъ невинно осужденнымъ, а также освобожденнымъ отъ преслѣдованія до судебнаго разбирательства либо оправданнымъ судомъ, за исключеніемъ лицъ, оправданныхъ, не смотря на ихъ сознаніе въ совершеніи приписываемаго имъ дѣянія, и лицъ, навлекшихъ на себя преслѣдованіе въ интересахъ полученія вознагражденія за неправильное привлеченіе къ суду.

Нельзя не замѣтить, что аргументація автора относительно необходимости вознагражденія лицъ, невинно привлеченныхъ къ суду, хотя бы это привлеченіе и не окончилось осужденіемъ и не повлекло за собою примѣненія наказанія, не представляется достаточно убѣдительной. Извѣстно, что вопросъ о вознагражденіи лицъ, невинно осужденныхъ и понесшихъ наказаніе, представляется вопросомъ не возбуждающимъ какихъ либо серьезныхъ возраженій и опасеній, между тѣмъ какъ вопросъ о вознагражденіи лицъ, невинно привлеченныхъ къ суду, но не понесшихъ наказанія, представляется крайне жгучимъ и спорнымъ. Французскій законъ 1895 г., опасаясь, чтобы предоставленіе этимъ лицамъ права на вознагражденіе не повлекло за собою выдачу въ качествѣ вознагражденія особой преміи опытнымъ закононарушителямъ за ихъ ловкость, за ихъ умѣнье скрыть слѣды преступленія, совершенно устраняетъ какое бы то ни было право этихъ лицъ на вознагражденіе, точно также разрѣшается этотъ вопросъ, напр. австрійскимъ и португальскимъ законами. Придерживаясь діаметрально противоположнаго новѣйшимъ законамъ воззрѣнія, автору слѣдовало-бы позаботиться обставить свое положеніе возможно сильными и безупречными доказательствами; между тѣмъ авторъ не позаботился подвергнуть вопросы о вознагражденіи невинно къ суду привлеченныхъ, но не понесшихъ наказанія, спеціальному изученію, а ограничился лишь общими соображеніями относительно необходимости вознагражденія невинно къ суду привлекаемыхъ вообще. Обращаясь далѣе, къ опредѣленію размѣровъ вознагражденія, авторъ находитъ что возмѣщенію должны подлежать какъ damnum emergens, такъ и lucrum cessans, и что размѣръ вознагражденія не можетъ быть

въ точности опредѣленъ закономъ, законъ долженъ установить только maximum и minimum этого размѣра, предоставляя суду право окончательнаго опредѣленія этого размѣра примѣнительно къ каждому конкретному случаю въ отдѣльности. Наконецъ, относительно процессуальныхъ вопросовъ, связанныхъ съ осуществленіемъ права на вознагражденіе, авторъ, затрогивая эти вопросы только вскользь, находитъ, что присужденіе вознагражденія можетъ наступить только при наличности жалобы потерпѣвшаго и что для подачи такой жалобы должны быть установлены спеціальные сроки. Разсмотрѣніемъ этихъ вопросовъ авторъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе.

Это изслѣдованіе, въ виду присущихъ ему недостатковъ, не можетъ быть отнесено къ числу изслѣдованій, могущихъ содѣйствовать освѣщенію и уясненію вопроса о вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ. Не смотря на это, оно однако представляется неоспоримымъ доказательствомъ трудолюбія и начитанности автора; вслѣдствіе чего оно можетъ служить, по моему мнѣнію, основаніемъ награжденія автора его серебряной медалью.

II. *О вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ.* Девизъ — Feci, quod potui, faciant meliora potentes. Это сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей: части исторической и части догматической. Первая часть историческая распадается на четыре параграфа. Въ первомъ параграфѣ авторъ останавливается на обрисовкѣ положенія вопроса о вознагражденіи невинно къ суду привлекаемыхъ лицами, по винѣ коихъ это привлеченіе совершилось (частными обвинителями, доносчиками, должностными лицами) и указываетъ на недостаточность такого способа вознагражденія. Привлеченіе къ суду

невиннаго можетъ быть послѣдствіемъ фатально сложившихся обстоятельствъ, послѣдствіемъ случая. „Кто же тогда, спрашиваетъ авторъ, искупитъ вредъ и горе невиннаго? Тотъ, на чей алтарь гражданинъ приноситъ въ жертву свою честь, свободу, свой матеріальный достатокъ, свое счастье и счастье своей семьи, тотъ ратай за правду, отъ имени и во имя котораго случайно совершилась неправда. Государство должно вознаградить невиннаго, должно заплатить ему за то, что несправедливо по ошибкѣ у него отняло“. Признавая такимъ образомъ необходимымъ государственное вознагражденіе невинно къ уголовному суду привлекаемыхъ, авторъ обращается къ изученію исторіи вопроса объ этомъ вознагражденіи, посвящая второй параграфъ своей исторической части исторіи научной разработки этого вопроса, а третій—исторіи законодательныхъ проэктовъ и законодательства, относящихся къ регуляціи этого вопроса.

Авторъ обрисовываетъ положеніе вопроса о государственномъ вознагражденіи невинно къ уголовному суду привлекаемыхъ во Франціи, Италіи, Англій, Германіи и Россіи. Наибольшей полнотой отличается обрисовка положенія этого вопроса въ Германіи. Обрисовывая положеніе этого вопроса во Франціи, авторъ почему то упоминаетъ о работахъ Пуффендорфа и Прица (?!) и совершенно неправильно причисляетъ Гарро къ безусловнымъ противникамъ института государственнаго вознагражденія. Гарро, какъ извѣстно, различаетъ при разсмотрѣніи вопроса о вознагражденіи двѣ категоріи лицъ: лицъ подвергшихся предварительному заключенію и затѣмъ оправданныхъ и лицъ невинно по суду наказанныхъ; только примѣнительно къ первой категоріи онъ устраняетъ возможность вознагражденія, раздѣляя

въ этомъ отношеніи положенія принятыя послѣднимъ французскимъ закономъ 1895 года. (См. Précis de Droit criminel, V èdition. 1895, стр. 601).

Говоря о работѣ Прица, представителя современной науки уголовнаго права въ Бельгіи, авторъ обнаруживаетъ врядъ ли соотвѣтствующую достоинству научныхъ изслѣдованій развязность, упрекая Прица чуть ли не въ легкомысліи и пренебреженіи четырьмя правилами ариѳметики (самые трудные вопросы, говоритъ авторъ, ими, т. е. Prinsom и Pergameni, рѣшаются очень легко и при статическихъ изслѣдованіяхъ авторы пренебрегли четырьмя правилами ариѳметики); а останавливаясь на Россіи, авторъ считаетъ нужнымъ почему то бросить по адресу русскихъ криминалистовъ слѣдующій укоръ: „русскіе криминалисты, не въ укоръ имъ будь сказано, въ вопросѣ о государственномъ вознагражденіи невинно къ уголовному суду привлекаемыхъ держатся той традиціонной привычки, которую замѣтилъ одинъ изъ историографовъ зарусскими учеными вообще: „они считаютъ не только за обыкновеніе, но даже за научную доблесть не ворошить тѣхъ, вопросовъ, которыхъ не успѣла обстоятельно разработать наука Западной Европы“. Нельзя, наконецъ, не отмѣтить еще одной особенности въ воззрѣніяхъ автора: авторъ придаетъ особенно авторитетное значеніе (?) при разрѣшеніи научныхъ вопросовъ голосу членовъ прокуратуры, лицъ судейской практики знакомыхъ съ процессомъ въ правѣ и съ процессомъ въ дѣйствительности!

Не говоря объ этихъ крайне неумѣстныхъ аксессуарахъ, которыми украшенъ очеркъ автора, посвященный исторіи научной разработки вопроса о государственномъ вознагражденіи, нельзя не замѣтить, что

этотъ очеркъ представляется вообще неудачнымъ: онъ является ничѣмъ инымъ, какъ сырымъ матеріаломъ, которому придать соотвѣтствующую форму автору не удалось.

Діаметральную противоположность представляетъ изъ себя третій параграфъ исторической части, посвященный исторіи законодательныхъ проэктовъ и законодательства о вознагражденіи невинно къ суду привлекаемыхъ. Авторъ начинаетъ съ Тосканскаго уложенія 1786 г., подробно останавливается на развитіи законодательной регуляціи вопроса о вознагражденіи во Франціи до 1892 года, упуская изъ вида дальнѣйшее развитіе этой регуляціи, завершившееся закономъ 8 іюня 1895 г., допустившимъ возможность вознагражденія примѣнительно къ лицамъ невинно осужденнымъ; онъ останавливается далѣе на обрисовкѣ попытокъ регуляціи института вознагражденія въ Англіи, Бельгіи, Германіи и на ознакомленіе съ законами, посвященными этой регуляціи въ Швейцаріи, Португаліи, Мексикѣ, Даніи, Швеціи и Австріи, упуская изъ вида исландскій законъ 1890 г. Этотъ очеркъ, представляя изъ себя сравнительно полную и ясную картину постепеннаго проникновенія института вознагражденія въ законодательства, является самой лучшей частью всей работы автора. Неупоминаніе въ этомъ очеркѣ о французскомъ законѣ 1895 года не можетъ быть поставлено автору въ вину, такъ какъ этотъ законъ появился въ іюнѣ 1895 г., работа же автора была представлена 1-го апрѣла 1895 года. Историческую часть своего изслѣдованія авторъ заканчиваетъ обрисовкой отношенія правительства и общества къ жертвамъ судебныхъ ошибокъ и приводитъ случаи вознагражденія невинно осуж-

денныхъ во Франціи, Германіи, Англіи и Россіи. Такова историческая часть работы автора.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію догматической ея части. Эта часть въ свою очередь распадается на нѣсколько параграфовъ. Отличительной ея особенностью представляется непомѣрная растянутость изложенія и многословіе. Свою догматическую часть авторъ начинаетъ изъ изученія понятія судебной ошибки и считаетъ почему то нужнымъ предпослать изученію этого понятія описаніе душевнаго состоянія невинно къ суду привлекаемаго и невинно осужденнаго.

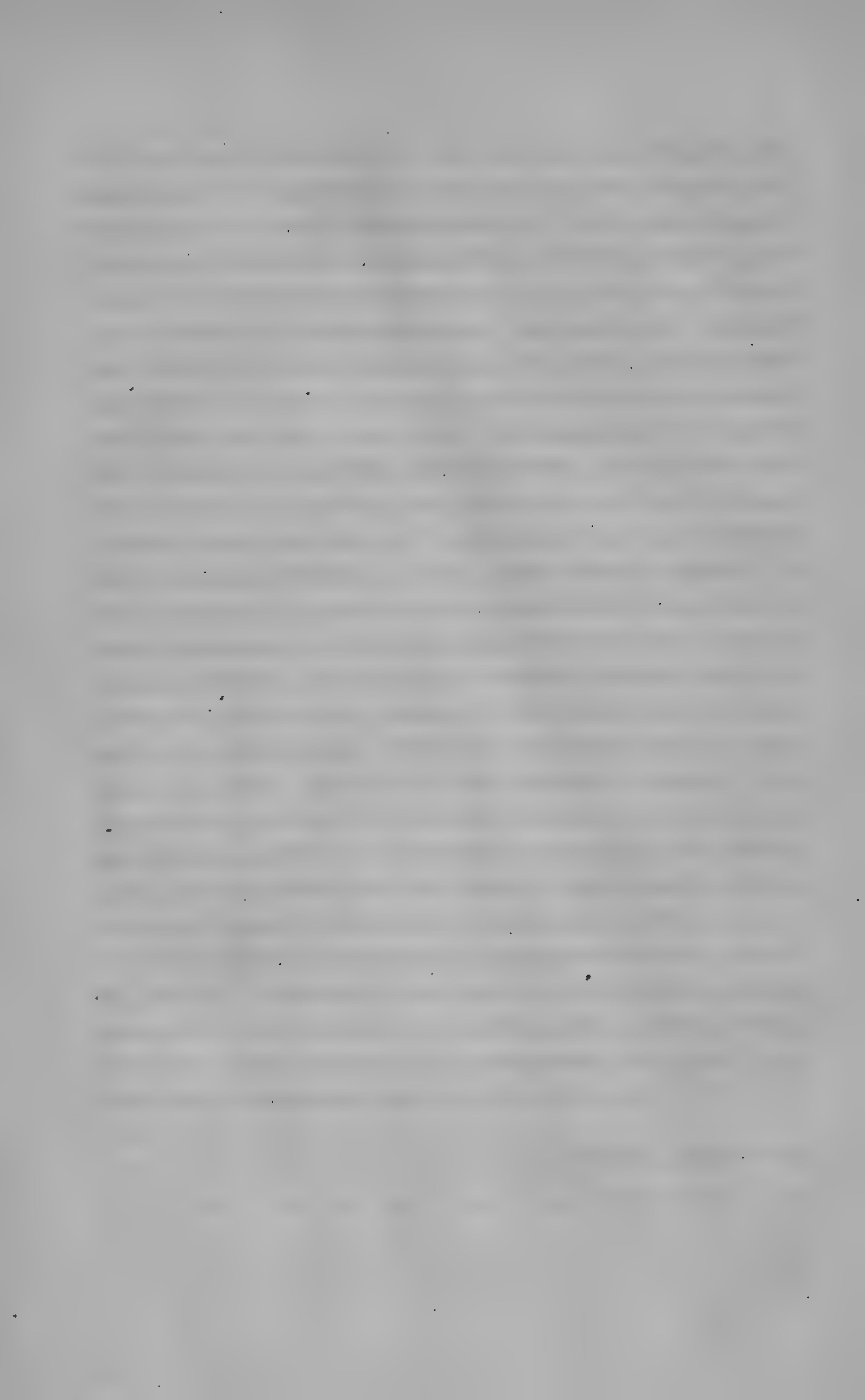
Установивъ это понятіе, авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на изученіи слѣдующихъ двухъ видовъ судебныхъ ошибокъ: а) осужденія невиннаго и б) привлеченія къ слѣдствію и суду, осложненнаго предварительнымъ заключеніемъ. Обращаясь къ этому изученію авторъ останавливается прежде всего на уясненіи вопроса „для кого имѣетъ значеніе вредъ отъ привлеченія къ уголовному суду невиннаго?“ и для уясненія этого вопроса пускается въ пространное совершенно излишнее разсужденіе, облекаетъ это разсужденіе въ алгебраическія формулы и дѣлаетъ все это для того только, чтобы придти къ такому очевидному заключенію, что страдающимъ лицомъ, лицомъ испытывающимъ вредъ отъ привлеченія къ суду, является само привлекаемое лицо, а также и его семья. Упомянувъ далѣе вскользь объ идеальномъ вознагражденіи за понесенный вредъ, авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на изученіи вопроса о матеріальномъ вознагражденіи. Онъ останавливается на изученіи основаній этого вознагражденія. Касаясь лишь только слегка доводовъ противниковъ вознагражденія, онъ занимается, главнымъ образомъ, изученіемъ соображеній, приводимыхъ въ пользу

этого вознагражденія. Это изученіе приводитъ его, по-видимому, къ признанію основаніемъ вознагражденія требованія высшей справедливости. Выступая, такимъ образомъ, сторонникомъ института вознагражденія, авторъ обращается къ установленію круга лицъ, имѣющихъ право на вознагражденіе, къ изученію условій, при наличности которыхъ вознагражденіе можетъ быть допущено. Излагая циркулирующія по этимъ вопросамъ воззрѣнія, авторъ, хотя и не приходитъ къ точнымъ ясно формулированнымъ положеніямъ, во всякомъ случаѣ является сторонникомъ вознагражденія не только невинно осужденныхъ, но и невинно къ суду уголовному привлеченныхъ. Далѣе, доказанный вредъ, по мнѣнію автора, долженъ быть возмѣщенъ полностью и такое возмѣщеніе особыхъ обременительныхъ для государственнаго казначейства расходовъ не потребуетъ. Отрицая возможность какихъ бы то нибыло злоупотребленій съ введеніемъ института вознагражденія и указывая въ тоже время на благотворное вліяніе этого института на ходъ уголовнаго правосудія, авторъ въ заключеніи своего изслѣдованія выражаетъ пожеланіе, чтобы этотъ институтъ не остался забытымъ при пересмотрѣ нашего уголовнаго законодательства.

Не смотря на указанные недостатки этого сочиненія, нельзя отказать его автору въ трудолюбіи, начитанности и добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, вслѣдствіе чего мнѣ казалось бы возможнымъ наградить автора этого сочиненія серебряной медалью.

Испр. дол. Экстраординарнаго профессора

А. Піонтковскій.

кромѣ осуществленія правъ величества, осуществляетъ въ разномъ объемѣ права власти и по внутреннимъ церковнымъ дѣламъ, хотя никто изъ нихъ не занимаетъ и не можетъ занимать того положенія, которое занимаетъ русскій императоръ въ русской православной церкви. Высшія духовно-іерархическія лица, сами по себѣ, имѣютъ то большія, то меньшія права. Постоянные архіерейскіе соборы или синоды существуютъ, кромѣ Россіи, въ восточныхъ патріархатахъ и въ церкви королевства греческаго; періодически созываемые—въ Сербіи, Румыніи, Болгаріи, въ церквахъ Австро-Венгріи и на островѣ Кипрѣ.—Въ *Константинопольскомъ патріархатѣ* при вселенскомъ патріархѣ существуетъ *св. синодъ* изъ 12-ти архіереевъ. Всѣ архіереи патріархата имѣютъ право быть членами синода на два года; каждый годъ половина членовъ смѣняется. Ни патріархъ безъ синода, ни синодъ безъ патріарха не могутъ ничего рѣшать. Печать синода составляется изъ шести частей, изъ которыхъ каждую хранитъ одинъ изъ шести членовъ, второй годъ отправляющихъ свои обязанности, а ключъ къ соединенію всѣхъ шести частей въ одно цѣлое хранитъ патріархъ (вопросу о печати въ восточныхъ патріархатахъ придается важное значеніе, въ виду историческихъ опытовъ, показавшихъ, насколько патріархъ или хранитель печати могутъ злоупотреблять оффиціальными документами). Синодъ имѣетъ попеченіе о всѣхъ духовныхъ дѣлахъ греческаго народа. Для дѣлъ не духовныхъ существуетъ *смѣшанный совѣтъ* изъ четырехъ архіереевъ и восьми мірянъ, избираемыхъ особымъ порядкомъ изъ обывателей Константинополя на два года, съ выходомъ каждогодно половины членовъ. Печать совѣта состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ одну хранятъ архіереи—члены совѣта, другую свѣтскіе члены, третью—предсѣдатель—старѣйшій изъ архіереевъ. Къ смѣшанному совѣту патріархъ собственно не принадлежитъ, но онъ можетъ, по своему усмотрѣнію, явиться въ засѣданіе совѣта и предсѣдательствовать. Мірской элементъ принимаетъ также участіе въ избраніи патріарха, которое совершается особымъ избирательнымъ собраніемъ, состоящимъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ избирателей. Вопросъ о низложеніи патріарха подлежитъ общему разсмотрѣнію синода и смѣшаннаго совѣта. Патріархъ управляетъ ставропигіальными учрежденіями, изъятыми изъ подчиненія мѣстнымъ митрополитамъ

и епископамъ, обыкновенно черезъ этихъ же митрополитовъ и епископовъ, какъ своихъ экзарховъ.

Въ церкви *королевства греческаго* постоянный синодъ состоитъ изъ 5-ти членовъ—архіереевъ подъ предсѣдательствомъ митрополита аѳинскаго; члены смѣняются ежегодно, за исключеніемъ предсѣдателя; при синодѣ состоитъ королевскій епитропъ, участвующій во всѣхъ засѣданіяхъ синода, но безъ права голоса, и подписывающійся подъ опредѣленіями синода послѣ членовъ синода, безъ каковой подписи опредѣленія синода недѣйствительны. Епитропъ соотвѣтствуетъ русскому оберъ-прокурору по инструкціи Петра В., слѣдовательно не имѣетъ министерской власти, которая принадлежитъ министру духовныхъ дѣлъ, какъ органу государства. Два секретаря и писцы синода суть духовныя лица. Внутреннія дѣла, къ которымъ относятъ вѣру и ученіе церковное, богослуженіе и судъ по духовнымъ дѣламъ, синодъ вѣдаетъ независимо отъ государственной власти, остальныя дѣла съ участіемъ государственной власти.

Въ *Сербіи*, по закону 1890 г. высшее церковное руководство принадлежитъ епископскому собору и архіепископу бѣлградскому, митрополиту всей Сербіи. Соборъ созывается обыкновенно разъ въ годъ митрополитомъ (по требованію чрезвычайныхъ обстоятельствъ и чаще) и постановляетъ рѣшенія большинствомъ голосовъ; при раздѣленіи голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Митрополитъ не только созываетъ соборъ епископскій и предсѣдательствуетъ на немъ, но и имѣетъ попеченіе о поддержаніи любви и согласія между епископами, о поддержаніи благочестивой жизни въ духовенствѣ, о приведеніи въ исполненіе постановленій епископскаго собора въ сербскихъ епархіяхъ, совершаетъ посвященіе новыхъ епископовъ, избранныхъ епископскимъ соборомъ и утвержденныхъ королемъ, наблюдаетъ за чистотою вѣры въ богословскомъ преподаваніи, въ проповѣди и въ церковной литературѣ, даетъ дозволеніе епископамъ на отлучки изъ ихъ епархій въ предѣлахъ страны; всѣ сербскіе епископы обязаны поминать имя митрополита за богослуженіемъ и безъ его разрѣшенія не могутъ вводить какія либо измѣненія въ существующій церковный порядокъ. Къ центральнымъ же учрежденіямъ принадлежитъ высшій духовный судъ—апелляціонная инстанція для рѣшеній епар-

хіальныхъ судовъ. Предсѣдательствуетъ въ немъ одинъ изъ епископовъ, избираемый епископскимъ соборомъ на годъ; ординарные члены суда — одинъ архимандритъ и четыре лица бѣлаго духовенства; столько же почетныхъ членовъ того же званія; всѣ они назначаются, по представленію министра духовныхъ дѣлъ, королевскимъ указомъ на три года изъ тѣхъ кандидатовъ, которые избраны большинствомъ $^2/_3$ голосовъ на собраніяхъ епархіальнаго духовенства подъ предсѣдательствомъ епархіальнаго епископа. Высшій духовный судъ собирается дважды въ годъ въ Бѣлградѣ; открывается и закрывается митрополитомъ или лично, или посредствомъ пастырскаго посланія.

Въ церкви *королевства Румыніи* св. синодъ составляется изъ двухъ митрополитовъ бухарестскаго и ясскаго и еще изъ девяти членовъ-епископовъ (епархіальныхъ и викарныхъ). Предсѣдатель есть митрополитъ бухарестскій—*примасъ* угро-валахскій. На засѣданіяхъ синода присутствуетъ, но только съ совѣщательнымъ голосомъ, министръ духовныхъ дѣлъ, который въ случаѣ, если онъ не принадлежитъ къ православному исповѣданію, замѣняется другимъ министромъ-православнымъ. Опредѣленія синода по духовносуднымъ вопросамъ получаютъ юридическую силу сами по себѣ, а остальныя опредѣленія вступаютъ въ законную силу по утвержденіи ихъ королевскою властію.

Изъ церквей *Австро-Венгріи* въ сербской *карловацкой* митрополіи (патріархатѣ) духовныя дѣла находятся въ вѣдѣніи *архіерейскаго синода*, который составляется изъ митрополита и изъ шести епархіальныхъ епископовъ; въ засѣданіяхъ синода, за исключеніемъ тѣхъ, которыя касаются вѣры, участвуетъ представитель австрійскаго императора—венгерскаго короля. Дѣла не чисто духовныя, каковыми признаются дѣла церковно-учебныя и церковно-имущественныя, подлежатъ вѣдѣнію *народно-церковнаго собора*, составляющагося, подъ предсѣдательствомъ карловацкаго митрополита-патріарха, изъ всѣхъ епархіальныхъ епископовъ и изъ 75 депутатовъ, изъ коихъ $^1/_3$ духовныхъ и $^2/_3$ мірянъ; вице-президента избираетъ соборъ изъ среды депутатовъ-мірянъ. Архіерейскій синодъ созывается обыкновенно каждый годъ, церковно-народный соборъ черезъ два года,—тотъ и другой митрополитомъ, по испрошеніи предварительнаго согласія на то австрійскаго импе-

ратора. Открывается и закрывается соборъ по распоряженію свѣтскаго правительства. Для веденія текущихъ дѣлъ на промежуточное время между закрытіемъ состоявшагося народно-церковнаго собора и созваніемъ новаго, составляется *соборный комитетъ* подъ предсѣдательствомъ митрополита изъ девяти членовъ, изъ коихъ пять членовъ-міряне. По дѣламъ школьнымъ въ особенности, церковно-народный соборъ делегируетъ еще *народно-школьный совѣтъ* для управленія и надзора за всѣми элементарными и средними народными школами, существующими на церковныя средства, а равно для надзора за высшими учебными заведеніями, пользующимися субсидіей изъ церковныхъ фондовъ. Для духовно-судныхъ дѣлъ имѣется еще особое центральное учрежденіе—митрополитскій *церковный совѣтъ*, составляющійся изъ митрополита, какъ предсѣдателя, изъ двухъ епископовъ, трехъ членовъ духовныхъ и трехъ свѣтскихъ; при этомъ судѣ состоитъ *фискалъ*, какъ представитель обвинительнаго начала ex officio. Подобнымъ же образомъ въ другой православной церкви Австро-Венгріи—*семиградской* или трансильванской (румынской) духовныя дѣла вѣдаетъ *архіерейскій синодъ*, составляющійся одинъ разъ въ годъ подъ предсѣдательствомъ митрополита, изъ епископовъ,—управленіе учебными и хозяйственными дѣлами вѣдаетъ *народно-церковный соборъ*, составляющійся черезъ два года на третій, подъ предсѣдательствомъ митрополита изъ епископовъ и изъ 90 депутатовъ ($^1/_3$ духовныхъ и $^2/_3$ мірянъ). Постояннымъ же органомъ администраціи и суда служитъ митрополитская *консисторія*, состоящая, подъ предсѣдательствомъ митрополита изъ епархіальныхъ епископовъ и изъ засѣдателей, духовныхъ и свѣтскихъ, избираемыхъ народно-церковнымъ соборомъ изъ своей среды. Впрочемъ, изъ трехъ отдѣленій, на которыя дѣлится консисторія (чисто церковное, учебное и епитропское) въ первомъ—чисто церковномъ—всѣ засѣдатели суть духовныя лица. При консисторіи существуетъ *фискалъ*, а для брачныхъ дѣлъ въ особенности *отвѣтникъ*, или бранитель брака (defensor matrimonii), поддерживающій ex officio крѣпость брачнаго союза. (Ср. ниже соотвѣтственный институтъ въ католической церкви § 93). Въ *буковинско-далматинской* митрополіи высшій органъ по дѣламъ управленія и суда есть митрополитскій *синодъ*, составляющійся обыкновенно разъ въ годъ изъ архіереевъ, изъ которыхъ

каждый имѣетъ право привести на засѣданіе синода по одному церковно-должностному лицу; эти привходящіе члены имѣютъ однако только совѣщательный голосъ. Митрополитъ лично приводитъ въ исполненіе постановленія синода и поэтому самому имѣетъ надзоръ за епархіями, онъ разрѣшаетъ спорные вопросы, не терпящіе отлагательства (въ промежуточное время между закрытіемъ синода и созваніемъ новаго), ведетъ текущія дѣла, осуществляетъ т. н. *деволюціонное право* въ тѣхъ случаяхъ, когда епархіальный епископъ, не смотря на очевидную потребность, не замѣстилъ бы церковной должности (ср. ниже соотвѣтственный институтъ въ католич. ц. § 110) и проч.

Болгарская церковь составляетъ собою *экзархатъ*. Какъ самое это слово показываетъ, высшее духовно-іерархическое лицо этой церкви должно бы было производить свои правительственныя полномочія изъ делегаціи константинопольскаго патріарха. Въ дѣйствительности же болгарская церковь не состоитъ даже въ церковномъ общеніи съ константинопольскимъ патріархомъ. Центральная организація болгарской церкви обнимаетъ собою не только болгаръ княжества Болгаріи и восточной Румеліи, но и болгаръ турецкихъ въ Македоніи. Въ этомъ отношеніи болгарская церковь отличается отъ сербской; послѣдняя совпадаетъ съ предѣлами королевства сербскаго. Сербамъ, оставшимся подъ турецкою властью, удалось лишь въ послѣднее время достигнуть замѣщенія каѳедры епископской въ Скоплѣ (или Ускюбѣ) сербомъ (вмѣсто грека), но турецкимъ подданнымъ и подвластнымъ константинопольскому патріарху. Что касается болгарской церкви, то стоящій во главѣ ея экзархъ резидируетъ въ Константинополѣ и избирается пожизненно собраніемъ, состоящимъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ избирателей. Церковными дѣлами Болгаріи и Румеліи онъ управляетъ вмѣстѣ съ свящ. *синодомъ* изъ архіереевъ, а насколько экзархату подчинены турецкіе болгары, въ его центральную организацію входитъ еще *экзархійскій совѣтъ*, представляющій собою мірской элементъ церкви.

§ 81. Центральная церковная организація въ Россіи въ особенности. Въ *православной церкви Россіи* высшее учрежденіе, чрезъ которое дѣйствуетъ въ церковномъ управленіи самодержавная власть, есть святѣйшій правительствующій синодъ, состоя-

щій, подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго—митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго, изъ нѣсколькихъ архіереевъ, изъ которыхъ одни называются членами, другіе присутствующими. Члены назначаются пожизненно именными высочайшими указами св. синоду обыкновенно изъ митрополитовъ и изъ старѣйшихъ архіереевъ; присутствующіе вызываются высочайшими повелѣніями изъ числа епархіальныхъ архіереевъ для временнаго присутствованія въ св. синодѣ, впредь до объявленія высочайшей воли о возвращеніи ихъ въ свои епархіи. Первоприсутствующій не есть предсѣдатель коллегіи въ томъ смыслѣ, чтобы, при раздѣленіи голосовъ, голосъ его давалъ перевѣсъ, такъ какъ въ настоящее время дѣла въ св. синодѣ должны быть рѣшаемы единогласно, хотя по духовному регламенту, который въ отношеніи къ порядку веденія дѣлъ, ссылается на генеральный регламентъ, синодъ долженъ бы былъ рѣшать дѣла на правахъ обыкновенной коллегіи. При вступленіи въ должность, членами и присутствующими дается, по установленной Петромъ Великимъ формѣ, присяга, въ которой „крайнимъ судіей духовной коллегіи“ признается самъ всероссійскій монархъ. Ни члены, ни присутствующіе не освобождаются отъ управленія ввѣряемыми имъ епархіями, но тѣмъ и другимъ св. синодъ можетъ разрѣшать временную отлучку. Возможно однако, что епископъ, при назначеніи его членомъ св. синода, совсѣмъ увольняется отъ управленія епархіею вообще. Св. синодъ сносится съ правительствующимъ сенатомъ посредствомъ вѣдѣній; съ министрами и главноуправляющими отдѣльныхъ вѣдомствъ вступаетъ въ сношенія черезъ посредство синодальнаго оберъ-прокурора; архіереямъ, консисторіямъ и протопресвитерамъ посылаетъ указы. Кругъ вѣдомства св. синода обнимаетъ законодательство по дѣламъ церковнымъ, администрацію и высшій церковный судъ. Дѣлопроизводство св. синода ведетъ синодальная канцелярія, состоящая подъ начальствомъ управляющаго и раздѣляющаяся на шесть отдѣленій.

Въ первомъ отдѣленіи производятся дѣла о замѣщеніи высшихъ духовныхъ должностей, о перемѣщеніи, наградахъ и увольненіи высшихъ духовно-должностныхъ лицъ, о сложеніи духовнаго сана и монашества по прошеніямъ и др;. во второмъ отдѣленіи—дѣла по сношеніямъ св. синода съ другими единовѣрными церквами, напр. по ока-

занію пособій этимъ послѣднимъ, объ устройствѣ миссій, объ учрежденіи и упраздненіи епархій, монастырей и общинъ, церковныхъ приходовъ, о цензурѣ книгъ, о разрѣшеніи церквамъ и монастырямъ залога принадлежащихъ имъ недвижимыхъ имуществъ и проч.; въ третьемъ отдѣленіи дѣла по отводу земель и разныхъ угодій церковнымъ учрежденіямъ, о завѣщаніяхъ въ пользу духовнаго вѣдомства, о церковно-свѣчной операціи, единовѣрческихъ церквахъ, о появленіи мощей и чудотворныхъ иконъ, объ учрежденіи праздниковъ и крестныхъ ходовъ и т. д.; въ четвертомъ отдѣленіи—дѣла брачныя; въ пятомъ и шестомъ—дѣла духовнаго суда надъ духовенствомъ и мірянами и о разныхъ произшествіяхъ въ духовномъ вѣдомствѣ, причемъ однѣ епархіи (по большей части юго-восточныя) вѣдаются въ пятомъ отдѣленіи, другія (по большей части сѣверо-западныя)—въ шестомъ.

Коллегія св. синода есть учрежденіе постоянное, а не періодически составляющееся: но этимъ учрежденіемъ не устраняется возможность составленія собора изъ русскихъ епископовъ; въ 80-хъ годахъ были примѣры составленія такихъ соборовъ, впрочемъ не изъ всѣхъ русскихъ епископовъ, а въ извѣстномъ географическомъ районѣ (казанскій и кіевскій соборы). При св. синодѣ, состоитъ синодальный оберъ-прокуроръ, который вопервыхъ исполняетъ функцію надзора за дѣлопроизводствомъ въ св. синодѣ согласно инструкціи Петра Великаго, и вовторыхъ имѣетъ положеніе главноуправляющаго особымъ вѣдомствомъ. Въ качествѣ таковаго, онъ представляетъ духовное вѣдомство въ государственномъ совѣтѣ, въ совѣтѣ и комитетѣ министровъ и въ правительствующемъ сенатѣ, ведетъ дѣла по сношеніямъ св. синода съ министрами и главноуправляющими другими вѣдомствами, имѣетъ въ своемъ подчиненіи состоящія при св. синодѣ духовно-учебный комитетъ, хозяйственное управленіе и контроль, опредѣляетъ и перемѣщаетъ на всѣ свѣтскія должности вѣдомства православнаго исповѣданія до пятаго класса включительно, назначаетъ пенсіи и пособія чиновникамъ этого вѣдомства. По нѣкоторымъ дѣламъ, производящимся въ государственныхъ установленіяхъ и соприкосновеннымъ съ духовнымъ вѣдомствомъ, оберъ-прокуроръ св. синода дѣлаетъ представленія и даетъ заключенія въ защиту интересовъ этого вѣдомства, напр. по тяжебнымъ дѣламъ казны и частныхъ лицъ съ духовнымъ вѣдомствомъ, или по пререканіямъ о подсудности между общими судебными установленіями и духовными судами, а по тяжебнымъ дѣламъ архіерейскихъ домовъ, монастырей и церквей

можетъ входить, независимо отъ участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ, въ кассаціонные департаменты правительствующаго сената съ представленіями объ отмѣнѣ рѣшенія на общихъ кассаціонныхъ основаніяхъ. При оберъ-прокурорѣ существуетъ *канцелярія*, состоящая, подъ управленіемъ директора, изъ трехъ отдѣленій.

Въ этой канцеляріи приготовляются всеподданнѣйшіе доклады по духовному вѣдомству, сообщаются свѣдѣнія о состояніи духовнаго вѣдомства путемъ разсмотрѣнія срочныхъ вѣдомостей о ходѣ дѣлъ по всѣмъ церковнымъ учрежденіямъ, центральнымъ и епархіальнымъ, и составляется, на основаніи этихъ свѣдѣній, ежегодный всеподданнѣйшій отчетъ, ведутся вѣдомости объ исполненіи высочайшихъ повелѣній по духовному вѣдомству, объявляемыхъ св. синоду синодальнымъ оберъ-прокуроромъ; здѣсь сосредоточиваются дѣла по всеподданнѣйшимъ и частнымъ жалобамъ на рѣшенія св. синода и подвѣдомственныхъ ему мѣстъ и лицъ, дѣла о присоединеніи къ православной церкви иновѣрцевъ и о православномъ заграничномъ духовенствѣ, состоящемъ при дипломатическихъ миссіяхъ, о перевозѣ мертвыхъ тѣлъ и проч.

Съ 1865 г. существуетъ должность товарища оберъ-прокурора св. синода съ правами и обязанностями, присвоенными товарищамъ министровъ. Для судныхъ дѣлъ состоитъ при оберъ-прокурорѣ юрисконсультъ, обязанный предварительно разсматривать судныя дѣла, поступающія изъ сената на заключеніе оберъ-прокурора св. синода. Для обсужденія предметовъ особой важности, при синодальномъ оберъ-прокурорѣ составляется консультація, подъ предсѣдательствомъ товарища оберъ-прокурора изъ свѣтскихъ должностныхъ лицъ, занимающихъ высшіе служебные посты въ духовномъ вѣдомствѣ (директоръ канцеляріи оберъ-прокурора, директоръ и вице-директоръ хозяйственнаго управленія, управляющій синодальною канцеляріей и его помощникъ, управляющій контролемъ и юрисконсультъ).

До сихъ поръ сохранилась еще *московская синодальная контора*, которая завѣдуетъ московскимъ синодальнымъ домомъ съ церковью двѣнадцати апостоловъ, съ синодальною ризницей и съ синодальной библіотекой, управляетъ ставропигіальными монастырями, т. е. изъятыми изъ подчиненія епархіальной власти (большая часть которыхъ находится въ Москвѣ), освящаетъ св. мѵро и разсылаетъ его по епархіямъ; но мѵро освящается также въ кіево-печерской лаврѣ. Личный составъ конторы образуется изъ

московскаго митрополита, какъ первоприсутствующаго, изъ одного или двухъ архіереевъ—настоятелей московскихъ ставропигіальныхъ монастырей и изъ протопресвитера Успенскаго собора. Засѣданія московской конторы закрываются на то время, когда св. синодъ, по случаю коронаціи, переноситъ свои засѣданія изъ С.-Петербурга въ Москву, и напротивъ въ С.-Петербургѣ на это время открывается с.-петербургская синодальная контора, закрываемая немедленно съ переѣздомъ св. синода обратно изъ Москвы въ С.-Петербургъ. При конторѣ находится канцелярія; управляющій конторою есть вмѣстѣ прокуроръ конторы, подчиненный оберъ-прокурору св. синода.

Для завѣдыванія спеціальными отраслями церковнаго управленія существуетъ при св. синодѣ нѣсколько учрежденій. 1) *Духовно-учебный комитетъ*, состоящій, подъ предсѣдательствомъ духовнаго лица, изъ девяти членовъ духовныхъ и свѣтскихъ, обсуждаетъ подлежащіе разрѣшенію главнаго духовнаго управленія вопросы по учебно-педагогической частн (о программахъ преподаванія, объ учебникахъ и руководствахъ и т. п.) и наблюдаетъ, посредствомъ ревизіи, за состояніемъ этой части въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. 2) *Училищный совѣтъ* при св. синодѣ, для завѣдыванія церковными школами начальнаго народнаго образованія, состоитъ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ св. синода, по избранію послѣдняго, изъ девяти постоянныхъ членовъ наблюдателя церковно приходскихъ школъ и его помощниковъ. Члены назначаются изъ духовпыхъ и свѣтскихъ лицъ, причемъ усмотрѣнію св. синода предоставляется опредѣлить, сколько должно быть духовныхъ членовъ и сколько свѣтскихъ (въ общемъ составѣ девяти). Наблюдатели имѣютъ цѣлью объединеніе дѣйствій епархіальныхъ наблюдателей па окраинахъ Россіи, а также въ мѣстностяхъ съ инородческимъ и иновѣрческимъ населеніемъ. На наблюдателя и его помощниковъ возлагается, по распоряженіямъ оберъ-пророкура, ревизія школъ, а также дѣлопроизводства и денежной отчетности епархіальныхъ и уѣздныхъ органовъ по завѣдыванію этими школами. Кромѣ того, на наблюдателя возложено завѣдываніе статистическимъ отдѣломъ по начальному народному образованію, состоящимъ при училищномъ совѣтѣ. *Хозяйственное управленіе*, состоящее, подъ начальствомъ директо-

ра, изъ свѣтскихъ чиновниковъ, имѣетъ въ своемъ завѣдываніи капиталы и имущества, принадлежащія св. синоду, а также синодальныя типографіи—с.-петербургскую и московскую—съ книжными запасами, лавками и проч., кромѣ того наблюдаетъ за хозяйствомъ всѣхъ вообще русскихъ православныхъ церковныхъ установленій и духовно-учебныхъ заведеній, а равнымъ образомъ за приведеніемъ въ исполненіе завѣщательныхъ распоряженій въ пользу церквей и монастырей. 4) *Контроль*, составляющійся, подъ начальствомъ управляющаго, изъ контролеровъ, техниковъ и счетныхъ чиновниковъ, наблюдаетъ за правильностію оборотовъ и сохранностію денежнаго и матеріальнаго имущества учрежденій духовнаго вѣдомства. Контролированіе осуществляется путемъ документальной ревизіи по отчетамъ и документамъ, путемъ повѣрки наличности, путемъ командировки техника отъ контроля на техническія совѣщанія хозяйственнаго управленія, на торги и т. п. Нѣкоторые отчеты восходятъ на ревизію контроля непосредственно (изъ синодальнаго казначейства, по книжнымъ запасамъ и типографіямъ, по московской конторѣ, синодальному хору и синодальнымъ подворьямъ). Другіе поступаютъ на разсмотрѣніе контроля послѣ обревизованія ихъ въ мѣстныхъ ревизіонныхъ комитетахъ (по духовно-учебнымъ заведеніямъ, консисторіямъ и церковнымъ казначействамъ грузинскаго экзархата и проч.). 5) Въ подчиненіи св. синоду дѣйствуютъ *духовно-цензурные комитеты* с.-петербургскій и московскій. 6) Кромѣ исчисленныхъ учрежденій, существуетъ еще *грузино-имеретинская синодальная контора*, которая, судя по ея названію, должна быть сопоставляема съ московскою синодальною конторою. На самомъ дѣлѣ это учрежденіе не имѣетъ центральнаго характера. Оно вѣдаетъ обширный мѣстный районъ въ подчиненіи св. синоду, какъ высшей инстанціи. Грузино-имеретинская синодальная контора находится въ Тифлисѣ и управляетъ епархіями Грузіи, Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, какъ высшая правительственная инстанція надъ епархіальными начальствами, подчиненная въ свою очередь св. синоду, или даже какъ первая инстанція, потому что въ епархіяхъ грузинскаго экзархата нѣтъ консисторій, а имѣются лишь епархіальныя канцеляріи съ церковными казначействами. Поэтому многія дѣла, напр. брачныя, въ другихъ епархіяхъ поступающія въ консисторію, какъ въ пер-

вую инстанцію, въ экзархатѣ направляются прямо въ контору. Въ составъ конторы входятъ: членъ св. синода—экзархъ Грузіи, два епископа и ректоръ тифлисской духовной семинаріи. При конторѣ находится канцелярія, управляющій которою есть вмѣстѣ прокуроръ конторы, подчиненный оберъ-прокурору св. синода.

Римско-католическая церковь въ Россіи состоитъ изъ двухъ архіепархій—могилевской и варшавской—съ подвѣдомственными каждой изъ нихъ епархіями. Для разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ, общихъ всѣмъ римско-католическимъ епархіямъ, существуетъ въ С.-Петербургѣ римско католическая духовная коллегія, подъ предсѣдательствомъ архіепископа могилевскаго, который есть вмѣстѣ митрополитъ въ предѣлахъ могилевской архіепархіи (обнимающей всѣ русскія собственно губерніи и Финляндію). Коллегія, подъ его предсѣдательствомъ, состоитъ изъ двухъ членовъ и изъ засѣдателей, по одному отъ каждой епархіи. Дѣла въ коллегіи рѣшаются по большинству голосовъ; при равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ; но обжалованія разнаго рода изъ могилевской епархіи, (за исключеніемъ дѣлъ брачныхъ и другихъ духовныхъ) поступающія въ коллегію, какъ въ высшую инстанцію, рѣшаются въ ней безъ присутствія могилевскаго митрополита. При коллегіи состоятъ прокуроръ и канцелярія. По дѣламъ административнаго характера коллегія подчинена министру внутреннихъ дѣлъ, по дѣламъ суднымъ, не касающимся вѣры или каноническихъ правилъ, подчинена правительствующему сенату и министру юстиціи. Въ дѣлахъ же, относящихся къ догматамъ вѣры и каноническимъ правиламъ, въ особенности въ дѣлахъ брачныхъ, высшая судебная власть признается за римскимъ папой, который для дѣлъ брачныхъ и другихъ духовныхъ по могилевской епархіи делегируетъ одного изъ сосѣднихъ епископовъ въ качествѣ втовой инстанціи, а въ въ высшей инстанціи самолично осуществляетъ церковную власть.

Центральное учрежденіе *евангелическо-лютеранской* церкви въ предѣлахъ Россіи есть евангелическо-лютеранская генеральная консисторія въ С.-Петербургѣ, состоящая изъ свѣтскаго президента, духовнаго вице-президента, двухъ свѣтскихъ и двухъ духовныхъ членовъ и находящаяся въ тѣхъ же отношеніяхъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, прав. сенату и министру юстиціи.

какъ и римско-католическая духовная коллегія. При консисторіи состоятъ прокуроръ и канцелярія. По усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, съ высочайшаго разрѣшенія, можетъ быть созванъ генеральный евангелическо-лютеранскій синодъ изъ депутатовъ отъ всѣхъ консисторіальныхъ округовъ; предсѣдательствуетъ въ немъ одинъ изъ свѣтскихъ его членовъ по высочайшему назначенію.— Управленіе духовными дѣлами *евангелическо реформатскихъ общинъ* западнаго края принадлежитъ виленскому евангелическо-реформатскому синоду и виленской евангелическо-реформатской коллегіи. Синодъ составляется изъ всѣхъ почетныхъ особъ реформатскаго исповѣданія духовнаго и дворянскаго званій западнаго края однажды или дважды въ годъ для рѣшенія важнѣйшихъ церковныхъ дѣлъ, текущія же дѣла вѣдаются коллегіей, которую составляютъ: президентъ (свѣтское лицо), вице-президентъ (духовное лицо) и шесть членовъ (трое духовныхъ и трое свѣтскихъ). Управленіе духовными дѣлами лютеранъ и реформатовъ въ польскихъ губерніяхъ имѣетъ особую организацію.

Главное управленіе *армяно-григоріанскою церковью* принадлежитъ патріарху, который имѣетъ резиденцію въ Эчміадзинскомъ монастырѣ эриванской губерніи и носитъ титулъ верховнаго католикоса народа гайканскаго, и состоящему при немъ синоду, въ составъ котораго, кромѣ патріарха, входятъ имѣющіе постоянное пребываніе въ Эчміадзинѣ четыре архіепископа и епископа и столько же архимандритовъ-вартапедовъ (т. е. докторовъ, ученыхъ). Синодъ дѣйствуетъ вообще на правѣ коллегіи, но во всѣхъ чисто духовныхъ дѣлахъ патріархъ имѣетъ рѣшительный голосъ, и, при сужденіи объ этихъ дѣлахъ, въ синодѣ не присутствуетъ, а разсмотрѣвъ заключенія синода, даетъ по нимъ свои резолюціи; въ прочихъ дѣлахъ голосъ его, какъ предсѣдателя, при раздѣленіи голосовъ, даетъ перевѣсъ. По дѣламъ не чисто духовнымъ синодъ подчиненъ министру внутреннихъ дѣлъ и правительствующему сенату. При синодѣ состоятъ прокуроръ и канцелярія.

82. Епархіальная церковная организація. Во главѣ православныхъ епархій и католическихъ діэцезовъ стоитъ епископъ (у армяно-григоріанъ архіепископъ). Власть епископа распространяется на всѣ церковныя учрежденія въ географиче-

скихъ предѣлахъ епархіи, за исключеніемъ изъятыхъ. Такимъ изъятіемъ пользуются у насъ лавры, находящіяся въ непосредственной зависимости отъ св. синода, ставропигіальные монастыри, находящіеся въ завѣдываніи московской синодальной конторы, церковныя учрежденія военнаго вѣдомства, находящіяся подъ управленіемъ протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, и церковныя учрежденія придворнаго вѣдомства, находящіяся подъ управленіемъ протопресвитера-духовника Ихъ Величествъ. Однако дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ духовныхъ лицъ, подвѣдомственныхъ протопресвитеру военнаго и морскаго духовенства, какъ скоро для обнаруженія виновности требуется производство формальнаго слѣдствія, подлежатъ суду епархіальнаго архіерея. Нѣкоторымъ русскимъ православнымъ епископамъ высочайше жалуется титулъ митрополитовъ и архіепископовъ, какъ почетный титулъ безъ какихъ либо правъ власти: титулъ митрополитовъ соединяется въ настоящее время съ каѳедрами с.-петербургскою, московскою и кіевскою, а титулъ архіепископа можетъ быть пожалованъ всякому епископу независимо отъ каѳедры. Кіевскій митрополитъ имѣетъ особый знакъ отличія—предносимый ему при всякихъ его служеніяхъ митрополитскій крестъ: это есть знакъ отличія, соединенный съ кіевской каѳедрою, т. е. принадлежащій всякому кіевскому митрополиту. Митрополитъ московскій и с.-петербургскій могутъ получать отъ монарха подобный знакъ отличія только для себя лично. Всѣ вообще православные епископы имѣютъ извѣстные знаки архіерейскаго достоинства: панагію, посохъ или жезлъ, митру, саккосъ, омофоръ, орлецы, каѳедру въ главномъ епархіальномъ соборѣ и въ своей домовой (крестовой) церкви: русскіе митрополиты, въ отличіе отъ другихъ архіереевъ, носятъ бѣлый клобукъ. Внѣшніе знаки архіерейскаго достоинства католическихъ епископовъ суть: искривленный вверху пастырскій жезлъ (pedum curvum), въ отличіе отъ папскаго pedum rectum, перстень, митра (но не металлическая, какъ у православныхъ архіереевъ, а парчевая, имѣющая видъ цилиндра, съ выемкой па верху), перчатки и др.; но pallium или омофоръ, по общему правилу, епископамъ не дается. Права епископа какъ православнаго, такъ и католическаго, суть двоякаго рода: права сана (jura ordinis) и права правительственныя (jura jurisdictionis). Права сана суть или

права общія съ пресвитерами (jura ordinis communia), какъ напр. право совершенія Евхаристіи или права, исключительно принадлежащія архіерею (jura ordinis reservata), какъ рукоположеніе въ степени священства, освященіе антиминсовъ (въ католической церкви сюда же относится совершеніе мνропомазанія). Права правительственныя суть права по управленію епархіей. Соотвѣтственно древнему церковному пресвитеріуму, въ католическихъ діэцезахъ духовенство каѳедральной епископской церкви привлекается къ участію въ управленіи: духовенство это составляетъ изъ себя капитулъ, отдѣльные члены котораго называются канониками, а должность или мѣсто каждаго отдѣльнаго въ капитулѣ члена называется каноникатомъ; первенствующій членъ носитъ названіе то пробста, то декана. Къ каѳедральному капитулу, т. е. къ каѳедральному духовенству, епископъ долженъ обращаться во всѣхъ важныхъ случаяхъ за *совѣтомъ*, а въ нѣкоторыхъ даже связанъ *согласіемъ* капитула. Согласіе капитула, подъ страхомъ ничтожности акта, требуется для отчужденія имущества, займовъ и другихъ обязательствъ; ничтожны произведенныя епископомъ безъ согласія капитула измѣненія въ бенефиціяхъ, напр. unio, incorporatio, erectio (см. ниже § 111) введеніе или упраздненіе въ діэцезѣ праздника, судебные приговоры по преступленіямъ (въ такихъ діэцезахъ, гдѣ нѣтъ организованныхъ учрежденій епархіальнаго суда). Затѣмъ, при вакантности архіерейской каѳедры, капитулъ же управляетъ діэцезомъ сначала непосредственно, потомъ черезъ избранныхъ имъ эконома и капитулярнаго викарія. Таково положеніе капитула по каноническому праву, но въ отдѣльныхъ странахъ оно можетъ представляться въ иномъ видѣ: такъ во Франціи, на основаніи органическихъ артикуловъ къ конкордату 1801 г., капитулъ проявляетъ свою жизнь только sede vacante; въ Россіи католическій капитулъ составляетъ *совѣтъ* епархіальнаго начальника и помогаетъ ему въ дѣлахъ, а въ случаѣ наступившей вакантности каѳедры, если нѣтъ епископа коадъютора cum jure succedendi, избираетъ викарія впредь до замѣщенія каѳедры. Въ русскихъ православныхъ епархіяхъ каѳедральное духовенство, какъ таковое, участія въ епархіальномъ управленіи не принимаетъ; лишь отдѣльные, высшіе его члены (каѳедральный протоіерей и ключарь) имѣютъ это участіе, поскольку они состоятъ членами епархіальной кон-

систоріи. Консисторіи же принадлежитъ и управленіе епархіею при вакантности каѳедры, если нѣтъ викарнаго архіерея.

При епархіальномъ епископѣ можетъ состоять, въ качествѣ помощника, *викарный архіерей* или даже нѣсколько викарныхъ архіереевъ. Русскій викарный архіерей есть помощникъ епархіальнаго архіерея въ осуществленіи какъ правъ священнодѣйствія, такъ и управленія. Участіе въ послѣднемъ, впрочемъ, по уставу духовныхъ консисторій, ограничивается *предварительнымъ просмотромъ* консисторскихъ журналовъ и протоколовъ, прежде чѣмъ они поступятъ на разсмотрѣніе епархіальнаго епископа; послѣдній *можетъ* предоставить викарію и самое *разсмотрѣніе и утвержденіе* журналовъ, особенно на время своего отсутствія изъ епархіальнаго города. По усмотрѣнію епархіальныхъ архіереевъ, въ отдѣльныхъ епархіяхъ викаріямъ поручаются и нѣкоторыя дѣла, не означенныя въ законѣ, напр. о присоединеніи иновѣрцевъ къ православной церкви, объ опредѣленіи на причетническія должности и т. п. Лишь нѣкоторые викарные архіереи, въ силу исключительныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, вмѣстѣ съ подчиненными имъ духовными правленіями, дѣйствительно ведутъ церковное управленіе въ извѣстномъ мѣстномъ районѣ: такъ епископъ люблинскій, викарій холмско-варшавской епархіи, управляетъ холмскою (бывшею уніатскою) епархіей,—епископъ селенгинскій, викарій иркутской епархіи управляетъ епархіальными дѣлами забайкальской области,—епископы устюжскій и сарапульскій управляютъ разными отдаленными отъ епархіальныхъ городовъ уѣздами вологодской и вятской епархій. Такъ какъ, по принципамъ каноническаго права, титулярныхъ архіереевъ безъ каѳедры не можетъ быть, то русскіе викарные епископы посвящаются на каѳедру одного изъ уѣздныхъ городовъ данной епархіи, хотя въ отношеніи къ этому уѣзду они, по общему правилу, не имѣютъ никакихъ самостоятельныхъ правъ управленія.

Въ католической церкви различаются два рода вспомогательныхъ епископовъ: викарный архіерей (vicarius in pontificalibus, Weihbischof) по осуществленію епископскихъ jura ordinis и коадъюторъ по осуществленію епископскихъ jura jurisdictionis; послѣдній впрочемъ, осуществляя епископскую юрисдикцію, можетъ не имѣть епископскаго сана.

Викарный архіерей называется иначе episcopus in partibus (scil. infidelium), такъ какъ посвящается на фиктивную каѳедру, находящуюся въ странахъ невѣрныхъ. Коадъюторъ поставляется при епископѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда епископъ, вслѣдствіе преклоннаго возраста или болѣзненнаго состоянія, становится неспособнымъ къ управленію епархіей; если нѣтъ въ данномъ діэцезѣ викарія, то коадъюторъ долженъ получить посвященіе во епископа in partibus. Коадъюторъ можетъ быть временный (temporarius), или постоянный съ правомъ преемства послѣ смерти епископа (coadj. perpetuus cum jure succedendi).

Русскіе православные архіереи управляютъ епархіями черезъ *консисторіи* (за исключеніемъ епархій грузинскаго экзархата, гдѣ нѣтъ консисторій). Въ кругъ вѣдомства консисторій входятъ тѣже предметы, которые входятъ въ кругъ попеченій архіерея, какъ епархіальнаго правителя, за исключеніемъ т. н. непосредственнаго архіерейскаго суда, призрѣнія бѣдныхъ и сиротъ духовнаго званія, духовно-учебнаго дѣла, наконецъ учебнаго дѣла въ церковно-приходскихъ школахъ и въ школахъ грамоты по епархіи.

Непосредственный архіерейскій судъ производится лично архіереемъ, минуя консисторію. Дѣло призрѣнія вѣдается особымъ попечительствомъ о бѣдныхъ духовнаго званія; духовно-учебное дѣло—правленіями духовныхъ семинарій и училищъ и съѣздами духовенства, епархіальными и окружными; учебное дѣло въ школахъ первоначальнаго народнаго обученія—епархіальными училищными совѣтами. Послѣдніе состоятъ, подъ предсѣдательствомъ духовнаго лица, изъ девяти постоянныхъ членовъ—духовныхъ и свѣтскихъ, епархіальнаго наблюдателя школъ церковно-приходскихъ и грамоты и члена отъ министерства народнаго просвѣщенія; епархіальные училищные совѣты могутъ быть замѣняемы мѣстными совѣтами епархіальныхъ братствъ.

По личному составу, консисторія есть коллегія, но безъ предсѣдателя; штатное число членовъ 4, но въ случаѣ надобности назначаются и сверхштатные, всего до 7-ми членовъ,—въ настоящее время обыкновенно изъ лицъ бѣлаго духовенства, а не изъ монаховъ. Въ столицахъ консисторіи имѣютъ два присутствія или двѣ экспедиціи съ двойнымъ составомъ членовъ, для административныхъ и судныхъ дѣлъ. Члены консисторіи, разъ утвержденные, по представленію архіерея, въ своихъ должностяхъ св. синодомъ, проходятъ эти должности, независимо отъ смѣны архіереевъ: это значитъ, что консисторія есть органъ, уполномоченный къ управленію не архіереемъ, а высшимъ правительствомъ. При консисто-

ріи находится канцелярія, состоящая изъ свѣтскихъ чиновниковъ (въ Сибири, впрочемъ, разрѣшено исполнять канцелярскія обязанности духовнымъ лицамъ), подъ начальствомъ секретаря. Секретарь, однако, не только имѣетъ подъ своимъ вѣдѣніемъ канцелярію, но и считается органомъ прокурорскаго надзора, и кромѣ того онъ же фактически ведетъ и предсѣдательство въ консисторіи. Въ отношеніи къ архіерею, консисторія есть совѣщательное учрежденіе: принятіе или непринятіе, утвержденіе или неутвержденіе ея рѣшеній епископомъ зависитъ отъ его усмотрѣнія. Архіерей не есть предсѣдатель, а есть начальникъ консисторіи, никогда въ ней не присутствующій. Онъ можетъ не согласиться съ мнѣніемъ консисторіи, хотя бы и единогласнымъ; только въ этомъ послѣднемъ случаѣ (т. е. когда рѣшеніе единогласное) долженъ предложить консисторіи вновь пересмотрѣть дѣло, а если и затѣмъ консисторія останется при своемъ мнѣніи, архіерей полагаетъ собственное рѣшеніе, которое и приводится въ исполненіе.

Изъ другихъ православныхъ церквей выдаются своею епархіальною организаціею *карловацкая* и *семиградская* церкви: въ обѣихъ епархія организована съ участіемъ выборныхъ депутатовъ, духовныхъ и міранъ, въ видѣ періодически созываемой епархіальной скупщины и въ видѣ постоянной консисторіи. Въ епархіяхъ *константинопольскаго* патріархата, въ соотвѣтствіе синоду и смѣшанному совѣту въ центрѣ, имѣются епархіальные совѣты и епитропіи, послѣднія изъ духовныхъ и міранъ.

Въ *католическихъ* діэцезахъ епархіальное управленіе ведется черезъ генеральнаго викарія, или черезъ генеральнаго викарія и оффиціала (тамъ, гдѣ состоялась спеціализація административныхъ и судныхъ дѣлъ). Юрисдикція этихъ лицъ признается викарною въ техническомъ смыслѣ (см. выше стр. 261). Какъ при генеральномъ викаріѣ, такъ и при оффиціалѣ могутъ образоваться совѣщательныя коллегіи (викаріатъ, ординаріатъ, оффиціалатъ или консисторія); но образованіе такихъ коллегій не есть нѣчто требуемое и регулируемое закономъ, а зависитъ отъ усмотрѣнія епископа, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подобныя коллегіи поставлены весьма самостоятельно, напр. въ близкихъ къ Риму діэцезахъ Италіи епископъ, вмѣстѣ съ членами суда, образуетъ коллегію, рѣшающую дѣла на началахъ строго коллегіальныхъ, а въ Бреславлѣ

составленное епископомъ учрежденіе рѣшаетъ дѣла, даже не обращаясь къ епископу за утвержденіемъ рѣшеній. Въ сѣверо-американскихъ діэцезахъ, гдѣ вообще нѣтъ особыхъ учрежденій для администраціи и суда, епископъ на епархіальномъ соборѣ долженъ избрать 3—5 свѣдущихъ духовныхъ лицъ, мнѣніе которыхъ и долженъ выслушивать при рѣшеніи дѣлъ. По русскому уставу духовныхъ дѣлъ христ. римско-католич. исповѣд., при каждомъ католическомъ епископѣ должна существовать консисторія съ опредѣленными въ законѣ личнымъ составомъ и кругомъ вѣдомства, хотя западно-католическій принципъ викарной юрисдикціи выражается въ томъ, что должности членовъ консисторіи прекращаются со смертію епископа, или въ случаѣ сложенія имъ епископскаго сана, а также съ прекращеніемъ управленія вакантной епархіи викаріемъ, т. е. новый епископъ или временно заступающій мѣсто епископа викарій немедленно вновь составляютъ консисторію. Консисторіи имѣются также въ *русскихъ армяно-григоріанскихъ епархіяхъ*, какъ коллегіальныя учрежденія съ законно-опредѣленнымъ личнымъ составомъ, не зависящимъ отъ смѣны епископовъ, и съ законно-опредѣленнымъ кругомъ дѣлъ. Но особенность здѣсь та, что, примѣнительно къ порядку производства дѣлъ въ армяно-григоріанскомъ эчміадзинскомъ синодѣ, епископъ имѣетъ рѣшительный голосъ только въ чисто духовныхъ дѣлахъ, въ прочихъ же дѣлахъ голосъ его, какъ *предсѣдателя*, въ случаѣ равенства голосовъ, имѣетъ перевѣсъ, и слѣдовательно если голосъ его оказывается въ меншинствѣ, исполнительную силу получаетъ мнѣніе большинства коллегіи. Консисторіи наконецъ существуютъ и въ *евангелическихъ церквахъ*, какъ иностранныхъ, такъ и русской. Въ Германіи церковное дѣленіе, соотвѣтствующее нашей епархіи, есть церковная провинція. Церковно-правительственный органъ въ провинціи есть консисторія, состоящая подъ предсѣдательствомъ мірянина, изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, кромѣ того для надзора существуетъ должность генералъ-суперъ-интендента, которому иногда даже усвояется титулъ епископа. Общественное церковное представительство въ предѣлахъ церковной провинціи выражается черезъ періодически созываемый провинціальный синодъ, изъ депутатовъ духовныхъ и мірянъ, и черезъ комитетъ его, дѣйствующій въ промежуточное время между за-

крытіемъ состоявшагося синода и между созваніемъ новаго. Комитетъ участвуетъ также въ дѣлахъ провинціальнаго церковнаго управленія, содѣйствуя консисторіи и усиливая собою личный ея составъ. Въ Россіи евангелическо-лютеранской генеральной консисторіи подчинены консисторіальные округа, въ которыхъ существуютъ консисторіи, составляющіяся, подъ предсѣдательствомъ свѣтскаго лица, изъ духовныхъ и свѣтскихъ засѣдателей, а для надзора въ особенности существуютъ генералъ-суперъ-интенденты и суперъ-интенденты. Въ знакъ особой монаршей милости и въ награду за долголѣтную усердную службу, генералъ-суперъ-интендентъ можетъ быть возведенъ въ почетное званіе евангелическо-лютеранскаго епископа. Духовныя дѣла христіанъ *евангелическо-реформатскаго* исповѣданія въ другихъ губерніяхъ, кромѣ западныхъ (гдѣ дѣйствуютъ виленскій синодъ и виленская коллегія), вѣдаются мѣстными *евангелическо-лютеранскими* консисторіями, въ которыхъ, при разсмотрѣніи и рѣшеніи реформатскихъ духовныхъ дѣлъ, присутствуютъ, вмѣсто духовныхъ членовъ евангелическо-лютеранскаго исповѣданія, одинъ или двое пасторовъ и столько же церковныхъ старшинъ евангелическо-реформатскаго исповѣданія.

§ 83. Церковная организація мѣстныхъ подраздѣленій епархіи).* Русская православная епархія подраздѣляется на благочинническіе округа, обнимающіе собою отъ 10 до 30 приходовъ, такъ что въ уѣздѣ можетъ быть нѣсколько такихъ округовъ. Уѣздъ въ настоящее время имѣетъ значеніе церковно-административной инстанціи лишь постольку, поскольку въ уѣздныхъ городахъ существуютъ уѣздныя отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта по дѣламъ церковно-приходскихъ школъ.

Они состоятъ, подъ предсѣдательствомъ духовнаго лица, изъ восьми постоянныхъ членовъ—духовныхъ и свѣтскихъ, уѣзднаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ и грамоты, мѣстныхъ благочинныхъ, представителя отъ министерства народнаго просвѣщенія и земскихъ начальниковъ или—гдѣ таковые не введены—соотвѣтствующихъ имъ должностныхъ лицъ; кромѣ того, епархіальному архіерею предоставляется приглашать членовъ отъ уѣзднаго земскаго собранія и отъ городскаго общества по одному отъ каждаго.

---

*) См. брошюру: Церковное управленіе въ предѣлахъ уѣзда". Изд. синод. типогр. СПБ. 1890.

Духовныя правленія, какъ органъ для болѣе обширнаго района, сохранились только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ смыслѣ инстанціи, посредствующей между епархіальнымъ начальствомъ и подвѣдомственными этой инстанціи церковными учрежденіями. Таковы духовныя правленія холмское, читинское, устюжское и сарапульское при викарныхъ архіереяхъ, управляющихъ обширными частями нѣкоторыхъ епархій. Кромѣ того, духовное правленіе существуетъ при протопресвитерѣ военнаго и морскаго духовенства, какъ учрежденіе, соотвѣтствующее, хотя и не вполнѣ, епархіальной консисторіи.

Права и обязанности благочиннаго опредѣлены особою синодальною инструкціей. Благочинный есть органъ надзора, назначаемый епархіальнымъ архіереемъ для наблюденія за церковнымъ порядкомъ въ предѣлахъ округа. Наблюденіе благочиннаго простирается въ частности на благоустройство храмовъ, напр. достаточное снабженіе храма утварью и богослужебными книгами, поддержаніе чистоты въ храмахъ, на колокольняхъ, кладбищахъ, на поведеніе духовенства, на исправное исполненіе имъ должностныхъ обязанностей по совершенію богослуженія, требъ, церковному хозяйству и письмоводству. Вмѣстѣ съ надзоромъ благочинному поручается и духовное руководство въ отношеніи къ приходскому духовенству и его прихожанамъ, причемъ въ отношеніи къ духовенству благочинный имѣетъ извѣстную дисциплинарную власть, такъ какъ можетъ „штрафовать священника внушеніемъ при причтѣ, а діакона и причетниковъ и поклонами въ церкви". Кромѣ того, благочинный принимаетъ извѣстныя мѣры въ случаѣ смерти одного изъ подчиненныхъ ему церковно-должностныхъ лицъ, доноситъ о смерти епархіальному архіерею, дѣлаетъ опись оставшемуся послѣ умершаго имѣнію и представляетъ ее въ попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія, вмѣстѣ съ назначеніемъ опекуна, если остались малолѣтнія сироты, а въ случаѣ смерти священника въ особенности, повѣряетъ наличность церковнаго имущества и церковныя дѣла и, по прибытіи новоопредѣленнаго священника, передаетъ ихъ этому послѣднему, вводя его и въ должность прочтеніемъ въ церкви его ставленной грамоты. Для провѣрки церковнаго имущества и документовъ благочинный является въ приходъ и въ случаѣ смерти или выхода изъ должно-

сти церковнаго старосты и руководитъ выборомъ новаго старосты. Благочинный же служитъ посредникомъ между епархіальнымъ начальствомъ и приходскимъ духовенствомъ, объявляя последнему распоряженія начальства, а начальству представляя прошенія и жалобы со стороны духовенства.

Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ не на основаніи закона, а съ дозволенія епархіальнаго архіерея, составляются при благочинномъ благочиннические совѣты, въ вѣдѣніе которыхъ предоставляются: разсмотрѣніе разныхъ спорныхъ дѣлъ и жалобъ, аттестація духовенства, представленіе къ наградамъ, наблюденіе за тѣмъ, чтобы церковные старосты пріобрѣтали свѣчи изъ епархіальнаго свѣчнаго завода и т. п. Совѣтъ этотъ составляется, подъ предсѣдательствомъ благочиннаго, изъ нѣсколькихъ священниковъ, выбираемыхъ духовенствомъ округа; впрочемъ, вмѣсто выборныхъ священниковъ, членами совѣта въ нѣкоторыхъ епархіяхъ состоятъ тѣ священники, которые занимаютъ особыя должности, именно духовникъ благочинническаго округа, слѣдователь, наблюдатель за церковно-приходскими школами.

Монастыри, не изъятые изъ подчиненія епархіальному архіерею, изъяты изъ подчиненія благочиннымъ приходскихъ церквей и состоятъ подъ наблюденіемъ особыхъ монастырскихъ благочинныхъ, въ руководство которымъ существуетъ особая инструкція. Военное и придворное духовенство равнымъ образомъ имѣютъ своихъ благочинныхъ, подвѣдомственныхъ протопресвитерамъ. Для Петербурга учреждена еще должность особаго благочиннаго надъ прибывающими въ столицу изъ епархій духовными лицами: прибывающіе въ столицу должны предъявлять свой отпускной билетъ благочинному, обязуясь не совершать въ Петербургѣ требъ и богослуженій безъ разрѣшенія митрополита. Въ нѣкоторыхъ православныхъ церквахъ (какъ напр. въ Австро-Венгріи) протопресвитерскіе или протоіерейскіе округа организованы съ участіемъ мірянъ.

Въ римско-католической церкви органъ надзора и посредникъ между епархіальнымъ начальствомъ и приходскимъ духовенствомъ, соотвѣтствующій русскому благочинному, есть сельскій деканъ, или архипресвитеръ. Подъ предсѣдательствомъ и подъ руководствомъ декана, составляются въ предѣлахъ деканатовъ пастырскія конференціи или сельскіе капитулы (capitula ruralia) съ цѣлью взаимнаго сообщенія сдѣланныхъ опытовъ въ прохожденіи пастырства,

общаго совѣщанія о средствахъ борьбы съ явленіями, неблагопріятными для религіи и нравственности, для обсужденія особо важныхъ и трудныхъ казусовъ, а также для выслушанія и разбора составляемыхъ приходскими священниками рефератовъ на темы изъ области церковной науки. Въ *евангелической церкви* соотвѣтственный органъ надзора есть суперъ-интендентъ, или, какъ у насъ въ Россіи, пробстъ. Но въ Германіи церковная организація уѣзда или округа (Kreis) включаетъ въ себя, кромѣ названнаго органа надзора (которому усвояется и право ординаціи), общественное представительство отъ уѣзда, какъ церковной единицы, состоящее изъ духовныхъ лицъ уѣзда и изъ депутатовъ-мірянъ.—Изъ этого представительства образуется уѣздный синодъ (періодически созывающійся) и комитетъ уѣзднаго синода, дѣйствующій въ промежуточное время между закрытіемъ состоявшагося синода и открытіемъ новаго. Эта уѣздная организація стоитъ въ связи съ дарованіемъ автономіи приходскимъ общинамъ: автономія приходовъ, съ дѣятельнымъ участіемъ въ приходской жизни мірянъ, требуетъ установленія нѣкоторой, мѣстной же, высшей инстанціи, которая бы, близко стоя къ приходамъ, исправляла ошибки приходскаго управленія, поддерживала дисциплину, поскольку дѣло не идетъ о тяжкихъ общихъ церковныхъ или должностныхъ преступленіяхъ, высказывала бы свои мнѣнія и желанія высшему правительству соотвѣтственно мѣстнымъ обстоятельствамъ и нуждамъ. Подобная же организація существуетъ въ протоіерействахъ или протопресвитерствахъ православныхъ церквей Австро-Венгріи—карловацкой и семиградской. Напротивъ въ константинопольскомъ патріархатѣ приходы состоятъ въ непосредственной зависимости и подъ непосредственнымъ надзоромъ епископа безъ какихъ либо посредствующихъ между епархіальною властію и приходами органовъ управленія и надзора.

§ 84. Церковная организація приходовъ *). Приходское общество составляется изъ приходскаго духовенства или причта и изъ прихожанъ. Существенная черта этого общества есть бого-

---

*) *Otto Meier,* Das Rechtsleben etc. *Riecker,* Die rechtliche Natur des evangel. Pfarramts; *Заболинъ,* Права и обязанности пресвитеровъ по основнымъ законамъ христ. церкви. 1884; *Пѣвницкій,* Служеніе священника въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ, 1891.

служебное общеніе, имѣющее своимъ центромъ приходскій храмъ. Нормальный составъ церковнаго причта во всѣхъ епархіяхъ, за исключеніемъ западныхъ и закавказскихъ, опредѣленъ штатами примѣнительно къ численности прихода: въ приходахъ, имѣющихъ менѣе 700 душъ мужескаго пола, причтъ состоитъ изъ священника и псаломщика, а въ приходахъ, имѣющихъ болѣе 700 душъ, изъ священника, дьякона и псаломщика. Въ городахъ, а равно и въ селахъ, при существованіи особыхъ мѣстныхъ средствъ къ обезпеченію духовенства, епархіальнымъ архіереямъ предоставляется опредѣлять дьяконовъ и при меньшемъ числѣ прихожанъ. Если въ приходѣ два священника и болѣе, то на каждаго полагается псаломщикъ.

Въ настоящее время дѣленіе приходскихъ священниковъ на настоятелей и помощниковъ настоятелей отмѣнено. Въ этомъ отношеніи русскій православный приходъ различается отъ католическаго и греко-восточнаго: по католическому церковному праву, въ парохію, какъ бы она ни была обширна и многолюдна, поставляется только одинъ парохъ, и если силъ его недостаточно для выполненія приходскихъ задачъ, ему даются помощники; въ константинопольскомъ патріархатѣ приходы имѣютъ не менѣе трехъ священниковъ, но одинъ изъ нихъ (προεστώς) отвѣтствуетъ предъ архіереемъ за управленіе приходомъ и за дѣлопроизводство, остальные суть его помощники.

Приходскій священникъ, или приходскіе священники, если ихъ нѣсколько, осуществляютъ пастырство въ предѣлахъ прихода совершеніемъ богослуженія и духовныхъ требъ, проповѣдью съ церковной каѳедры, преподаваніемъ религіи въ школахъ, поученіемъ, наставленіемъ и вразумленіемъ внѣ церкви и школы при всякихъ житейскихъ обстоятельствахъ. Это пастырское служеніе (cura animarum, Seelsorge, душестарательство на языкѣ южныхъ славянъ) выступаетъ въ приходскомъ священникѣ на первый планъ. Епархіальный епископъ есть, конечно, архипастырь, или главный пастырь для епархіи, но онъ осуществляетъ свое пастырство не столько непосредственно, сколько посредствомъ приходскихъ священниковъ, которые, какъ выражено въ посланіи восточныхъ патріарховъ, суть уполномоченные епископа, дѣйствующіе его властію и по его порученію, такъ что въ епископѣ на первый планъ выступаетъ его правительственная власть, а не пастырство.

Изъ этой мысли порученія или уполномоченія католическое церковное право дѣлаетъ два важные вывода: 1) епископъ можетъ поручить духовному лицу пастырство на время, не опредѣляя этого лица на постоянную должность, такъ что этотъ епископскій делегатъ по осуществленію пастырства можетъ быть во всякое время устраненъ отъ даннаго ему порученія,—этотъ выводъ сдѣланъ былъ въ особенности во Франціи (и оттуда въ Бельгіи), гдѣ сравнительно меньшая часть приходскаго духовенства состоитъ на постоянныхъ пожизненныхъ должностяхъ, большая же часть (curés desservants, amovibles, ad nutum episcopi amovibiles) всегда находится подъ страхомъ перемѣщенія въ какой либо отдаленный приходъ; на языкѣ западнаго каноническаго права, различіе между священникомъ, занимающимъ постоянную должность, и временнымъ делегатомъ по осуществленію пастырства, выражается тѣмъ, что первый есть бенефиціатъ, имѣющій beneficium, второй не имѣетъ бенефиціи, т. е. строго говоря, не имѣетъ должности церковной; 2) епископъ можетъ дать порученіе пастырства, въ особенности проповѣдничества съ церковной каѳедры и выслушанія исповѣди съ разрѣшеніемъ отъ грѣховъ, другимъ лицамъ, кромѣ приходскихъ священниковъ, главнымъ образомъ монашествующимъ разныхъ орденовъ.

Въ предѣлахъ прихода дѣйствуетъ извѣстное приходское право (jus parochiale), въ силу котораго приходскій священникъ съ одной стороны исключаетъ всякаго другаго иноприходнаго священника отъ пастырскихъ дѣйствій въ предѣлахъ своего прихода, а съ другой стороны имѣетъ право требовать отъ прихожанъ, чтобы они обращались къ нему, а не къ кому-либо другому, за удовлетвореніемъ своихъ религіозныхъ потребностей. У насъ это приходское право сложилось не столько въ силу законныхъ постановленій, какъ на западѣ, сколько въ силу обычая. Именно считается необходимымъ совершеніе покрайней мѣрѣ нѣкоторыхъ дѣйствій приходскимъ священникомъ, каковы крещеніе и мѵропомазаніе младенца, молитва надъ роженицей, крестные ходы и молебны по домамъ и въ поляхъ прихожанъ, браковѣнчаніе и погребеніе, если только тотъ или другой прихожанинъ не вынужденъ обстоятельствами проживать внѣ своего прихода. Въ городахъ, однако, точныя границы приходовъ весьма трудно установить, такъ какъ значительный, или даже составляющій громадное большинство, элементъ населенія проживаетъ на квартирахъ, часто мѣняющихся.

Кромѣ осуществленія пастырства, приходскій священникъ, вмѣстѣ съ другими членами причта и при участіи прихожанъ, является администраторомъ въ приходѣ по управленію церковнымъ имуществомъ. На приходскіе причты наконецъ возложено обширное и сложное книговодство: при церквахъ составляются разныя книги, вѣдомости, таблицы, отчасти удовлетворяющія церковно-статистическимъ цѣлямъ, отчасти имѣющія государственное значеніе. Къ послѣднимъ принадлежатъ метрическія и обыскныя книги. Метрическія книги пишутся по формѣ, указанной въ приложеніи къ ст. 1035 т. IX свода законовъ росс. импер. и раздѣляются на три части: о родившихся, о бракосочетавшихся и о умершихъ. Метрическими книгами доказываются права состоянія, законность брака и рожденія, права наслѣдственныя. Книги эти провѣряются и скрѣпляются благочинными и отсылаются въ консисторію, копія же съ нихъ остается при церквахъ. На основаніи метрическихъ книгъ, консисторія выдаетъ *метрическія свидѣтельства*, которыя суть не что иное, какъ воспроизведеніе слово въ слово, безъ всякой перемѣны и опущенія, извѣстной статьи изъ метрической книги. И само приходское духовенство выдаетъ *метрическія выписи* изъ хранящагося при церкви экземпляра, напр. о рожденіи лицъ, призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности, о рожденіи малолѣтнихъ, поступающихъ на заработки въ промышленныя заведенія и проч. Метрическими книгами провѣряются т. н. посемейные списки, которые ведутся въ волостныхъ правленіяхъ, и на основаніи которыхъ совершается призывъ къ отбыванію воинской повинности, а также вѣдомости о раждающихся, которыя ведутся городскими полицейскими учрежденіями.

Насколько дѣло это обременительно для приходскаго духовенства, видно изъ того, что, какъ призналъ самъ св. синодъ, въ 1881 г. въ одной изъ епархій за четыре года производилось 429 дѣлъ объ исправленіи въ метрическихъ книгахъ неправильныхъ записей и о внесеніи въ эти книги пропущенныхъ актовъ о рожденіяхъ, бракахъ и смерти.

Обыскныя книги содержатъ въ себѣ т. н. брачные обыски, которые пишутся по формѣ, указанной въ прилож. къ ст. 26 т. X, ч. 1 св. зак. гражд. Въ случаѣ уничтоженія или не исправ-

ности метрической книги, обыскныя книги получаютъ значеніе важнаго гражданскаго документа.

Прихожане въ русскихъ православныхъ приходахъ, помимо той дѣятельности на пользу церкви, которая можетъ быть исполняема черезъ приходскія попечительства,—учрежденія, не входящія въ церковную организацію и слѣдовательно дѣйствующія не въ качествѣ члена церковнаго устройства (см. ниже § 114),—проявляютъ свое активное участіе въ церковно-приходской жизни выборомъ довѣреннаго человѣка—церковнаго старосты, для веденія церковнаго хозяйства совмѣстно съ причтомъ, и двухъ счетчиковъ—для провѣрки доходовъ и правильности произведенныхъ расходовъ. Въ другихъ православныхъ церквахъ прихожане вмѣстѣ съ приходскимъ духовенствомъ составляютъ организованное церковное общество съ общими собраніями и съ представительными учрежденіями (совѣтами, комитетами, или одборами, попечительствами, епитропіями): приходъ, какъ церковная единица, завѣдуетъ тѣми дѣлами, которыя у насъ входятъ въ кругъ дѣятельности приходскихъ попечительствъ, какъ частныхъ обществъ (впрочемъ въ Сербіи всѣ статьи закона 27 апрѣля 1890 г., относившіяся къ организаціи участія мірянъ въ дѣлахъ прихода, были въ 1894 г. отмѣнены). Участіе прихожанъ въ церковныхъ дѣлахъ въ значительной мѣрѣ допускается въ римско-католической церкви Франціи, Германіи и у насъ; въ особенности же оно развито въ евангелическихъ приходахъ, гдѣ приходскіе органы дѣйствуютъ не только въ области имущественнаго управленія и приходской благотворительности, но и при осуществленіи принадлежащаго приходу избирательнаго права, въ выработкѣ приходскихъ статутовъ и въ области приходской дисциплины. (О приходской организаціи въ отношеніи къ управленію церковнымъ имуществомъ подробности см. въ § 121).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Церковное управленіе.

ГЛАВА I-я.

Церковное законодательство.

§ 85. *Органы церковнаго законодательства**). Законодательные органы опредѣляются церковнымъ устройствомъ. Кому принадлежитъ высшая церковно-правительственная власть, тому принадлежитъ и право устанавливать общія нормы церковнаго порядка, вмѣстѣ съ правомъ дарованія привилегій и съ правомъ диспензаціи, т. е. правомъ допускать непримѣненіе общей, установленной въ объективномъ правѣ, нормы къ отдѣльному лицу въ отдѣльномъ случаѣ. Но между тѣмъ какъ установленіе законныхъ нормъ, какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ, не можетъ быть делегируемо подчиненнымъ органамъ, а осуществляется лично и непосредственно высшею властію, диспензаціонныя правомочія могутъ быть осуществляемы и подчиненными органами по порученію или уполномоченію высшей власти. Высшею церковною, а слѣдовательно и законодательною властію въ *древней церкви*, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлалось возможно установленіе обще-церковнаго, обязательнаго для всѣхъ христіанскихъ общинъ, законодательства, были римскіе христіанскіе императоры, которые или созывали соборы епископовъ, или непосредственно издавали законы по дѣламъ церковнымъ. Въ томъ случаѣ, когда императоромъ созывался вселенскій соборъ для установленія православнаго ученія, соборъ не былъ собраніемъ только свѣдущихъ людей, призванныхъ дать мнѣ-

---

*) См. соотвѣтств. §§ въ учебникахъ и руководствахъ Вальтера, Рихтера, Леннига и др. *Schulte,* Die Stellung der Concilien, Päpste und Bischöfe vom historischen und canon. Standpuncte, 1871; *Суворовъ,* Западно-каноническое ученіе о диспензаціи (Юридич. Вѣстн. 1891, сент.) и рецензія книги Остроумова въ „Сборн. правовѣд. и общ. знан.“ т. IV.

ніе и совѣтъ, а былъ органомъ церкви, черезъ который выражалось общецерковное сознаніе, обязательное и для императора, какъ скоро оно выразилось въ формахъ, не допускающихъ сомнѣнія; но въ тоже время онъ былъ органомъ императорской власти, поскольку отъ императора, какъ поставленнаго Богомъ общаго епископа (по выраженію церковнаго историка Евсевія), зависѣло созвать соборъ и скрѣпить своимъ утвержденіемъ результаты дѣятельности собора. Ходъ соборной дѣятельности былъ иногда таковъ, что императору приходилось собственною властью изыскивать и обезпечивать наилучшій способъ къ установленію взгляда большинства епископовъ на спорный вопросъ и къ устраненію розни между ними, какъ это было на III всел. соборѣ 431 г. Если соборъ, созванный для установленія догмата вѣры, постановлялъ, кромѣ того, каноны по церковному управленію, спеціальная санкція такихъ каноновъ императоромъ не считалась необходимою. такъ какъ она выводилась изъ самаго факта созванія собора императоромъ и изъ того, что важнѣйшія опредѣленія собора по вопросамъ вѣры получили императорское утвержденіе. Впрочемъ, каноны трулльскаго собора, который и созванъ былъ собственно для законодательства по дѣламъ управленія, а не для установленія догмата, были скрѣплены и императорскою подписью. Принимая во вниманіе значеніе трулльскаго собора для восточнаго церковнаго права, можно сказать, что этою подписью скрѣплены были и всѣ предшествовавшіе каноны, утвержденные во 2-мъ правилѣ трулльскаго собора (см. выше стр. 176—178). Кромѣ утвержденія соборныхъ вѣроопредѣленій, императоры иногда обнародовали эти вѣроопредѣленія въ видѣ эдиктовъ, какъ сдѣлали это Константинъ Великій, Θеодосій В., Маркіанъ, Константинъ Погонатъ. Въ форму же эдиктовъ облекались церковные законы и въ томъ случаѣ, когда императоры законодательствовали безъ созванія соборовъ. Законы ихъ, съ точки зрѣнія ихъ матеріальнаго содержанія, стояли на почвѣ св. Писанія, соборныхъ каноновъ, и существующей церковной практики; но съ формальной стороны это были императорскіе законы, обязательная сила которыхъ имѣла своимъ источникомъ императорскую законодательную власть.

Изъ исторіи, конечно, извѣстно, что нѣкоторые изъ религіозныхъ эдиктовъ, изданныхъ помимо собора или даже въ сообразность рѣше-

нію собора, какъ выражавшіе личный взглядъ императора, или одной изъ партій, а не общее церковное сознаніе, не получили въ позднѣйшее время признанія ни въ церкви вообще, ни у императоровъ въ особенности (см. выше стр. 52). Но въ моментъ изданія, они издавались, безъ сомнѣнія, какъ церковные законы, разсчитанные на обязательное исполненіе.

Въ западной церкви, еще до отдѣленія ея отъ восточной, *одинаковое* значеніе съ постановленіями соборовъ получило папское законодательство въ формѣ декреталовъ, а послѣ раздѣленія церквей, оно сдѣлалось *единственнымъ* источникомъ общаго церковнаго права для католическаго запада. Папа, не созывая собора и не нуждаясь въ немъ, хотя отъ него зависитъ и созвать соборъ, можетъ законодательствовать по дѣламъ вѣры и церковнаго порядка. Но такъ какъ западно-католическое право, развивавшееся на основахъ римскаго, понимаетъ юрисдикцію въ смыслѣ совокупности всѣхъ вообще церковно-правительственныхъ полномочій и допускаетъ возможность перенесенія на подчиненные органы всѣхъ этихъ полномочій, то церковное законодательство можетъ принадлежать и другимъ органамъ, именно епископамъ (ср. выше стр. 197—198).

Въ евангелической церкви законодательная власть принадлежитъ монарху, а тамъ, гдѣ введено общественно-церковное представительство, монарху въ общеніи съ синодомъ.

Въ разныхъ православныхъ церквахъ церковные законы издаются съ утвержденія верховной власти, но это утвержденіе можетъ имѣть различное значеніе, смотря потому, принадлежитъ ли монархъ къ православной церкви, и входятъ ли въ организацію верховной государственной власти конституціонные элементы, не обусловленные принадлежностію къ православной церкви. Въ Турціи напр. утвержденіе султана можетъ быть разсматриваемо исключительно, какъ государственное *placet*. Напротивъ въ русской православной церкви законодательная власть во всемъ, что касается устроенія юридическаго порядка церкви, принадлежитъ самодержавному монарху, не въ смыслѣ только государственнаго *placet*, а въ смыслѣ внутренне-церковной правообразующей силы. По ст. 51 основн. закон. росс. имп., никакое мѣсто или правительство въ государствѣ не можетъ само собою установить новаго за-

кона, и никакой законъ не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія верховной власти. Къ „мѣстамъ или правительствамъ“, о которыхъ идетъ рѣчь въ этой статьѣ, долженъ быть отнесенъ и св. синодъ, какъ высшее центральное правительственное установленіе, черезъ которое дѣйствуетъ въ управленіи церковномъ верховная самодержавная власть (ст. 43), которому, наравнѣ съ сенатомъ и министерствами въ области государственнаго управленія, предоставляется право возбуждать вопросъ объ изданіи новаго закона (ст. 49) и, наравнѣ съ государственнымъ совѣтомъ, представлять свои мнѣнія и предположенія, въ видѣ выработаннаго законопроекта, на высочайшее усмотрѣніе. Кромѣ утвержденія подносимыхъ на высочайшее усмотрѣніе докладовъ и законопроектовъ, верховная власть обращается въ св. синодъ съ непосредственными повелѣніями, которыя черезъ синодъ сообщаются подчиненнымъ ему епархіальнымъ правительствамъ. Въ консисторіяхъ высочайшія повелѣнія вносятся въ особый реэстръ, и объ исполненіи ихъ въ канцеляріи синодальнаго оберъ-прокурора составляются общія вѣдомости. Дарованіе привилегій также исходитъ отъ императора, какъ напр. допущеніе нѣкоторыхъ особенностей въ порядкѣ заключенія браковъ лицами императорской фамиліи, дарованіе лицу бѣлаго духовенства права носить митру при богослуженіи, или архимандриту служить съ рипидами, архіерейскимъ осѣненіемъ и орлецами и т. п. Диспензаціонная власть равнымъ образомъ принадлежитъ императору же, хотя осуществленіе ея предоставляется не только св. синоду, но отчасти и епархіальнымъ архіереямъ, именно въ дѣлахъ брачныхъ.

Такъ какъ всѣ опредѣленія св. синода, хотя бы и не получившія высочайшаго утвержденія, составляются по указу Его Императорскаго Величества, то изданіе св. синодомъ подобныхъ опредѣленій, не устанавливающихъ притомъ же какого либо новаго закона, а представляющихъ собою примѣненіе закона существующаго, не свидѣтельствуетъ о принадлежности св. синоду законодательной власти, независимой отъ императора. Съ этой же точки зрѣнія должны быть разсматриваемы постановленія соборовъ епископовъ, собирающихся въ предѣлахъ извѣстнаго района для обсужденія мѣръ борьбы съ вредными для церкви явленіями, напр. съ расколомъ, штундизмомъ: постановленія эти не сами по себѣ получаютъ обязательную силу, а вслѣдствіе утвержденія ихъ св. синодомъ. Иногда въ самыхъ же высочайше утвержденныхъ

правилахъ и уставахъ св. синоду предоставляется право дѣлать измѣненія, какія окажутся впослѣдствіи нужными по указаніямъ опыта (такъ въ правилахъ о мѣстныхъ средствахъ содержанія духовенства 1873 г.), или дѣлать изъятія изъ дѣйствующихъ законовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ по особо уважительнымъ обстоятельствамъ (такъ въ уставахъ и штатахъ духовно-учебныхъ заведеній). Изъ того, что св. синоду не принадлежитъ самостоятельная законодательная власть, слѣдуетъ, что тѣмъ менѣе можно говорить о епископской законодательной власти.

§ 86. *Виды церковнаго законодательства* *). Устанавливаемыя законодательною властію церкви нормы могутъ относиться или къ области догматическаго ученія по вопросамъ вѣры и нравственности, или къ церковной дисциплинѣ въ обширномъ смыслѣ, т. е. къ устроенію порядка церковной жизни, кратко сказать, церковныя постановленія могутъ быть догматическія и дисциплинарныя. Это различіе, оправдываемое существомъ тѣхъ и другихъ, выяснилось лишь съ теченіемъ исторіи. На западѣ оно ясно установлено тридентскимъ соборомъ, а у насъ еще и до сихъ поръ можно встрѣчать сужденія, не различающія догматовъ отъ соборныхъ каноновъ.

I. *Догматическія постановленія* разсматриваются, какъ *непогрѣшимыя* истины, ибо они суть отвлеченныя положенія или аксіомы, отрѣшенныя отъ всякой связи съ конкретными отношеніями мѣста и времени. Ученіе о непогрѣшимости церкви, основанное на вѣрѣ въ обѣщанное церкви Христомъ руководство Св. Духа, выражалось соборами съ самыхъ первыхъ временъ существованія христіанства. По примѣру апостоловъ, которые выразили вѣру, что постановленное ими на соборѣ іерусалимскомъ внушено имъ Духомъ Святымъ, древніе соборы какъ до, такъ и во время періода вселенскихъ соборовъ, какъ вселенскіе, такъ и мѣстные, какъ по вопросамъ догмата, такъ и по установленію порядка жизни, дѣйствовали въ убѣжденіи, что они руководятся Св. Духомъ. Поэтому въ „православномъ исповѣданіи“ Петра Могилы (вопр. 72 и 96) непогрѣшимость приписывается не только вселенскимъ, но и мѣстнымъ православнымъ соборамъ съ ссылкою на слова апостольскаго собора въ Іерусалимѣ: „изволися Духу Святому и намъ“.

---

*) Проф. *Кипарисовъ*, О церковной дисциплинѣ, Сергіевъ посадъ, 1897.

Вѣра въ непогрѣшимость *церковнаго ученія* осталась общимъ вѣрованіемъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, хотя и не безъ разностей въ весьма важныхъ пунктахъ. Римско-католическая церковь путемъ продолжительнаго историческаго развитія пришла къ тому выводу, что непогрѣшимость церкви олицетворяется въ римскомъ епископѣ въ томъ смыслѣ, что обѣщанное I. Христомъ руководство Св. Духа почиваетъ на лицѣ папы и предохраняетъ его отъ заблужденія, когда онъ говоритъ *ex cathedra,* т. е. выступаетъ оффиціально въ качествѣ учителя церкви, и притомъ только въ вопросахъ вѣры и нравственности христіанской (in rebus fidei et morum). По евангелическому взгляду, церковь также не можетъ заблуждаться и ошибаться. Хотя не признается никакого внѣшняго видимаго органа, съ которымъ бы соединялось непогрѣшимое учительство, и хотя, въ силу права каждаго члена церкви толковать Св. Писаніе, возможно величайшее разнообразіе мнѣній и сужденій, но, не смотря на это разнообразіе, и евангелическая церковь вѣруетъ, что свѣтъ истины никогда не угаснетъ въ ней, такъ чтобы вся она, въ полномъ своемъ составѣ, отступила отъ истиннаго ученія, а напротивъ, что самое столкновеніе разнообразныхъ мнѣній будетъ всегда выводить церковную мысль на правильный путь. Взглядъ православныхъ богослововъ сходенъ съ католическимъ въ томъ отношеніи, что признается необходимость внѣшняго видимаго органа, которому принадлежитъ непогрѣшимое учительство. Таковымъ органомъ, однако, признается не единичное какое либо лицо, а вселенскій соборъ. Этотъ взглядъ можетъ не возбуждать сомнѣній, какъ скоро рѣчь идетъ о семи вселенскихъ соборахъ древней церкви, составляющихъ достояніе исторіи и признаваемыхъ въ настоящее время вселенскими всѣмъ христіанствомъ. Но для людей періода вселенскихъ соборовъ вопросъ о непогрѣшимости того или другаго собора былъ далеко не яснымъ. Случалось, что соборы, по внѣшнимъ своимъ признакамъ не удовлетворявшіе требованіямъ, необходимымъ для понятія вселенскаго собора, признавались въ христіанствѣ вселенскими, и напротивъ соборы, созывавшіеся какъ вселенскіе и, по внѣшнимъ своимъ признакамъ, соотвѣтствовавшіе понятію вселенскаго собора, не признавались за таковой или даже признавались за еретическій соборъ. Мало того, исторія показываетъ, что самая

рѣшительная борьба между православіемъ и противными партіями возгоралась именно послѣ вселенскаго собора. Такъ борьба православія съ аріанствомъ получила наиболѣе острый характеръ послѣ никейскаго собора, осудившаго аріанство, и на востокѣ дѣло доходило до того, что даже и немногіе, остававшіеся вѣрными никейскому догмату, епископы, должны были искать спасенія на западѣ. Затѣмъ борьба, наступившая послѣ халкидонскаго собора, между православіемъ и осужденными на этомъ соборѣ монофизитами, наполняетъ не одно столѣтіе. Никейскій и халкидонскій догматы восторжествовали надъ противными ученіями лишь тогда, когда истинность ихъ прояснилась для общецерковнаго сознанія. Такимъ образомъ въ древней исторіи не соборъ самъ по себѣ устанавливалъ непогрѣшимое ученіе: печать непогрѣшимости сообщалась соборнымъ опредѣленіямъ лишь позднѣйшимъ церковнымъ признаніемъ. Тоже самое должно повториться и въ позднѣйшей исторіи, какъ скоро потребуется разъясненіе и установленіе не ясныхъ доселѣ пунктовъ христіанскаго ученія.

Эта мысль выражена восточными патріархами въ оффиціальномъ документѣ, именно въ отвѣтной энцикликѣ на приглашеніе папы Пія IX участвовать во вселенскомъ соборѣ: на востокѣ, говорится въ этомъ документѣ, ни патріархи, ни соборы не могли никогда ввести что либо новое, высшій стражъ религіи есть тѣло самой церкви, т. е. народъ, который не допускаетъ какихъ-либо измѣненій отеческихъ преданій.

Извѣстное ученіе можетъ проникнуть въ общехристіанское сознаніе и сдѣлаться общехристіанскимъ достояніемъ и помимо вселенскаго собора, бывъ выражено однимъ или нѣсколькими авторитетными лицами, или бывъ раскрыто христіанскою наукою. Долгъ послѣдней въ особенности состоитъ въ томъ, чтобы разъяснять всѣ требующіе разъясненія вопросы, такъ чтобы, въ случаѣ составленія собора, не оказалось разлада между взглядами собора и вѣрою большинства, и чтобы соборъ не послужилъ, какъ это бывало въ древности, поводомъ къ обостренной борьбѣ религіозныхъ взглядовъ, а напротивъ чтобы ему оставалось лишь ясно формулировать и подтвердить общецерковную вѣру.

Догматическое законодательство церкви, какъ получившее печать непогрѣшимости въ силу общецерковнаго признанія и, по самой своей сущности, отрѣшенное отъ всякой связи съ конкрет-

ными отношеніями мѣста и времени, не можетъ подлежать какимъ либо *измѣненіямъ:* разъ установленное и признанное, непогрѣшимое ученіе составляетъ предѣлъ для церковной законодательной власти. Въ этомъ пунктѣ опять согласны всѣ христіанскія церкви, не только православная и католическая, но и евангелическая; ибо, и по воззрѣнію послѣдней, есть нѣчто такое, что стоитъ выше всѣхъ конфессіональныхъ разногласій, какъ, общее благо всѣхъ христіанскихъ церквей,—именно вѣроученіе, выраженное въ древнихъ христіанскихъ символахъ, такъ какъ съ измѣненіемъ древнихъ символовъ, церковь потеряла бы историческое право называться христіанскою. Кромѣ того, неизмѣнными должны оставаться, по воззрѣнію евангелической церкви, тѣ ученія, которыя служатъ характеристически—отличительными для этой церкви, такъ какъ съ измѣненіемъ ихъ, она потеряла бы право называть себя евангелическою: таково именно ученіе объ оправданіи вѣрою. Неизмѣнность однако не означаетъ окончательной исчерпанности или *законченности* догматическаго церковнаго законодательства. Какъ въ періодъ древнихъ вселенскихъ соборовъ церковь не создавала чего либо новаго, не устанавливала новыхъ, неизвѣстныхъ дотолѣ ученій, а раскрывала лишь то, что implicite содержалось въ св. Писаніи, такъ и на будущее время можетъ оказаться необходимость раскрытія того, что оставалось неяснымъ для христіанскаго мышленія. Въ римско-католической церкви возможность догматизированія истинъ христіанскаго ученія, не бывшихъ ранѣе догматами, не только въ теоріи поддерживается, но и подтверждена историческими фактами: догматизированіемъ ученія о церкви въ XVI в. на тридентскомъ соборѣ и установленіемъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, при папѣ Піѣ IX, догматовъ о непорочномъ зачатіи Божіей Матери и о папской непогрѣшимости. Тѣмъ болѣе евангелическая церковь допускаетъ возможность прогресса въ пониманіи св. Писанія, каковой прогрессъ, однако, долженъ быть плодомъ не мѣропріятій церковнаго правительства, а усилій христіанской науки, глубже и глубже проникающей въ смыслъ св. Писанія и проводящей въ общественное церковное сознаніе добытую путемъ этого изученія божественную истину. Въ православной церкви возможность установленія новыхъ догматовъ, хотя теоретически не всѣми признается, но не

опровержимо доказывается фактами исторіи. Та часть догматическаго православнаго ученія, которая содержитъ въ себѣ ученіе о церкви, іерархіи и таинствахъ, формулирована и установлена послѣ семи древнихъ вселенскихъ соборовъ, около половины XVII в., въ „православномъ исповѣданіи“ Петра Могилы, утвержденномъ, впрочемъ, не на вселенскомъ соборѣ, а на нѣсколькихъ мѣстныхъ соборахъ. За безспорный же историческій фактъ нужно принять то обстоятельство, что *нравственное* христіанское ученіе, въ смыслѣ общихъ моральныхъ положеній или принципіальныхъ аксіомъ, на востокѣ никогда не было предметомъ соборнаго разсужденія и догматизированія.

II. Дисциплинарныя нормы въ обширномъ смыслѣ, т. е. относящіяся къ порядку церковнаго управленія, какъ сообразующіяся съ конкретными отношеніями мѣста и времени, не могутъ быть устанавливаемы на вѣчныя времена, не могутъ претендовать ни на непогрѣшимость, ни на неизмѣнность. Какъ всякое законодательство, направляющееся къ устроенію юридическаго порядка, дисциплинарное церковное законодательство должно двигаться впередъ, вмѣстѣ съ движеніемъ церковной жизни, и соотвѣтствовать ея потребностямъ. Необходимость этого соотвѣтствія служитъ наилучшимъ доказательствомъ необходимости *постоянной* церковной власти, которая бы принимала во вниманіе возникающія потребности жизни, и нормировала юридическій порядокъ примѣнительно къ нимъ. Церковь, какъ юридическій порядокъ, не можетъ существовать безъ видимаго главы, т. е. безъ постоянной земной власти, устрояющей порядокъ церковной жизни, устанавливающей новыя нормы, взамѣнъ устарѣвшихъ, и новые способы къ проведенію и охраненію этихъ нормъ, наконецъ допускающей непримѣненіе ихъ къ отдѣльнымъ лицамъ и случаямъ. Однако, если уже свѣтскій законодатель только формально неограниченъ въ своемъ законодательствованіи, матеріально же ограниченъ этическими требованіями, которыхъ онъ не можетъ ниспровергать своими законами, не ниспровергая государственнаго порядка, то тѣмъ болѣе законодательная власть церкви должна сообразоваться съ началами христіанскаго ученія. Законъ, который идетъ въ разрѣзъ съ церковнымъ сознаніемъ, не можетъ разсчитывать на дѣйствующую силу въ церкви, не потому чтобы духовной іерархіи

принадлежало право кассировать или напротивъ канонизовать законъ, а потому, что церковная совѣсть не допуститъ проведенія въ жизнь противорѣчащаго духу церкви закона, хотя бы и духовная іерархія склонялась къ его одобренію. Но законъ, вызывающій противъ себя оппозицію въ церкви, есть все-таки законъ, пока онъ не будетъ отмѣненъ законодателемъ. Не невозможно, что, съ прояснепіемъ взглядовъ, тотъ же самый законъ будетъ признанъ вполнѣ соотвѣтствующимъ духу церкви. Если бы всякій законъ былъ только выраженіемъ народнаго правосознанія или народнаго юридическаго убѣжденія, какъ учила историческая школа, то законодателямъ не было бы надобности выступать реформаторами юридическаго порядка и выдерживать борьбу съ инерціей или съ явнымъ сопротивленіемъ, для доставленія торжества лучшимъ началамъ надъ худшими.

ГЛАВА II-я.

Церковный надзоръ.

§ 87. *Органы надзора.* Церковная власть, пекущаяся о поддержаніи истинно-христіанской жизни въ церкви и о дѣйствительномъ соблюденіи церковныхъ предписаній, должна принимать мѣры къ освѣдомленію относительно состоянія церкви, подобно тому какъ уже апостолы частію лично, частію черезъ другихъ, собирали свѣдѣнія о состояніи основанныхъ ими христіанскихъ общинъ. Сначала въ каждой епископской церкви высшимъ и вмѣстѣ единственнымъ органомъ надзора былъ епископъ; съ IV в., съ расширеніемъ епископскихъ парикій и по мѣрѣ возникновенія парохій или приходовъ въ собственномъ смыслѣ, появились періодевты, которые должны были обходить, т. е. лично обозрѣвать подвѣдомственныя епископу сельскія общины, какъ подчиненные органы епископскаго надзора. Съ послѣдовательнымъ движеніемъ церковной централизаціи, и надзоръ централизовался въ лицѣ митрополитовъ, патріарховъ и императора на востокѣ, митрополитовъ, папскихъ викаріевъ и папы на западѣ. Послѣдній, впрочемъ, выходя изъ той мысли, что ему ввѣрено попеченіе о всѣхъ церквахъ (sollicitudo omnium, κηδεμονία πάντων), требовалъ, чтобы ему

доставлялись свѣдѣнія и о положеніи церковныхъ дѣлъ на востокѣ. При Карлѣ Великомъ императорская власть черезъ пословъ (missi) и епископовъ имѣла высшее наблюденіе и за церковнымъ, и за государственнымъ порядкомъ. Вмѣняемая же епископамъ и церковными канонами и императорскими законами въ строгую обязанность правильная визитація парохіальныхъ церквей въ діэцезѣ вызвала любопытный институтъ синодальныхъ судовъ или зендовъ (judicia synodalia, Sendgerichte) съ синодальными свидѣтелями (testes synodales).

Свидѣтели эти давали присяжное обѣщаніе доводить до свѣдѣнія епископа всѣ преступленія, совершившіяся въ предѣлахъ парохіи, какъ скоро епископъ, или, позднѣе, его архидіаконъ лично посѣтитъ эту парохію и соберетъ всѣхъ парохіанъ на синодъ или зендъ. Къ концу среднихъ вѣковъ институтъ синодальныхъ судовъ прекратилъ свое существованіе, но тридентскій соборъ настойчиво рекомендовалъ какъ епископамъ, такъ и подчиненнымъ имъ органамъ, личную визитацію подвѣдомственныхъ имъ церковныхъ учрежденій. Этими подчиненными органами по надзору со времени тридентскаго собора стали, по общему правилу, архипресвитеры или сельскіе деканы, тогда какъ въ средніе вѣка между епископами и деканами стояли еще архидіаконы, которые, по терминологіи каноническаго права, назывались даже judices ordinarii, находились въ малой зависимости отъ епископовъ и имѣли въ своемъ подчиненіи архипресвитеровъ.

Затѣмъ митрополиты католическіе удержали до сихъ поръ, между другими правами, право надзора въ предѣлахъ своей провинціи. Тоже самое нужно сказать о тѣхъ православныхъ церквахъ, въ которыхъ высшія духовно-іерархическія лица не ограничиваются предсѣдательствованіемъ въ синодѣ или въ соборѣ, а и сами по себѣ имѣютъ нѣкоторыя права высшей власти.

Въ православной русской церкви верховный надзоръ за состояніемъ церковной жизни принадлежитъ императору: это не есть только государственный надзоръ (jus inspectionis saecularis), направляющійся къ огражденію интересовъ государства противъ притязаній и злоупотребленій церкви, какъ онъ практикуется въ государствахъ западной Европы, или напр. въ Сербіи, гдѣ министръ исповѣданій, какъ органъ государственнаго правительства, имѣетъ подъ своимъ надзоромъ всѣ церковныя учрежденія королевства сербскаго, но это есть вмѣстѣ и церковный надзоръ, направляю-

щійся къ наилучшему достиженію церковныхъ задачъ. Глава русскаго народа имѣетъ своимъ призваніемъ блюсти не только за порядкомъ государственной жизни, но и за порядкомъ церковнымъ, съ тѣмъ чтобы въ той и другой области, не допуская конфликтовъ между ними, соотвѣтственно фактическимъ отношеніямъ принимать мѣры, клонящіяся къ устроенію, охраненію и возстановленію порядка. Въ этомъ смыслѣ 42 ст. основныхъ законовъ росс. импер. называетъ императора „верховнымъ защитникомъ и хранителемъ догматовъ господствующей вѣры, блюстителемъ правовѣрія и всякаго въ церкви святой благочинія". Надзоръ можетъ осуществляться и личнымъ непосредственнымъ усмотрѣніемъ государя; но въ порядкѣ управленія онъ осуществляется черезъ посредство какъ центральныхъ, такъ и среднихъ и низшихъ органовъ, т. е. св. синода и синодальнаго оберъ-прокурора, епархіальныхъ архіереевъ, протопресвитеровъ и благочинныхъ.

Попытки введенія особой организаціи по надзору, которыми ознаменовались первые годы существованія св. синода (приказъ инквизиторскихъ дѣлъ съ протоинквизиторомъ во главѣ и съ подчиненными послѣднему провинціалъ-инквизиторами, а также контора „изуграфствъ" для наблюденія за иконописнымъ дѣломъ), не имѣли практическихъ результатовъ. И позднѣйшая попытка (см. выше стр. 139—140) установить въ епархіяхъ органъ надзора за епархіальнымъ управленіемъ также оказалась безуспѣшною.

Въ евангелической церкви высшій надзоръ принадлежитъ монарху и органамъ церковнаго правительства на разныхъ ступеняхъ устройства, въ особенности генералъ-суперъ-интендентамъ, суперъ-интендентамъ, пробстамъ.

§ 88. Средства надзора. Средства надзора могутъ быть сведены къ тремъ главнымъ: полученіе письменныхъ отчетовъ высшими органами отъ низшихъ, личная явка и личный докладъ низшихъ органовъ высшимъ о состояніи церковныхъ дѣлъ, наконецъ визитація или личное обозрѣніе власть имѣющимъ лицомъ подвѣдомственныхъ ему учрежденій.

1) Письменные отчеты или донесенія практикуются въ весьма широкихъ размѣрахъ и, составляя, сами по себѣ, одно изъ дѣйствительныхъ и необходимыхъ средствъ надзора, могутъ быть далеки отъ достиженія цѣли, какъ скоро весь надзоръ будетъ осно-

ванъ на ознакомленіи высшихъ органовъ съ письменными отчетами или донесеніями низшихъ. Свѣдѣнія, представляемыя въ письменныхъ отчетахъ, могутъ далеко не соотвѣтствовать дѣйствительному положенію дѣлъ, какъ скоро къ этому средству не присоединятся еще другія. Въ русской православной церкви письменные отчеты и донесенія подаются благочинными архіереямъ и протопресвитерамъ, архіереями, протопресвитерами и секретарями консисторій въ св. синодъ и синодальному оберъ-прокурору; оберъ-прокуроромъ, на основаніи всѣхъ епархіальныхъ и другихъ отчетовъ, каждогодно составляется одинъ общій всеподданнѣйшій отчетъ по духовному вѣдомству для представленія государю императору.

2) Личная явка или личный докладъ о состояніи церковныхъ дѣлъ практикуется у насъ въ видѣ вызова благочинныхъ къ епархіальнымъ архіереямъ, возможенъ и вызовъ епархіальныхъ архіереевъ въ св. синодъ для доклада. Въ римско-католической церкви это средство надзора имѣетъ ту особенность, что служитъ цѣлямъ не только подчиненнаго, но и верховнаго, т. е. папскаго надзора; именно установлены опредѣленные, различные для различныхъ странъ земнаго шара сроки (отъ 2 до 10 лѣтъ) для личной явки епископовъ къ папѣ, съ цѣлію личнаго доклада о состояніи церковныхъ дѣлъ, что называется посѣщеніемъ предѣловъ апостольскихъ (visitatio liminum ss. apostolorum); при личномъ докладѣ требуется однако и представленіе письменнаго отчета (relatio status).

3) Визитація, т. е. личное обозрѣніе органами, власть имѣющими, подвѣдомственныхъ имъ учрежденій, практикуется у насъ епископами и ихъ уполномоченными по надзору, т. е. благочинными. По духовному регламенту каждый епископъ долженъ посѣтить свою епархію разъ въ годъ, или по крайней мѣрѣ въ два года (на путешествіе епископа отпускаются изъ казны прогонныя деньги). Затѣмъ благочинный долженъ по инструкціи посѣщать порученныя его смотрѣнію церкви дважды въ годъ.

Въ дѣйствительности весьма многіе приходы никогда не видали архіереевъ, и изъ того, что въ духовной прессѣ (см. напр. Церковно-общ. Вѣстн. за 1877 г. № 24, 1878 г. № 88, 1879 г. №№ 9 и 14) высказаны были мнѣнія о безполезности, даже о вредности личнаго обо-

зрѣнія архіереями епархій, можно заключить, что это, само по себѣ наилучшее средство надзора, поставлено у насъ неудовлетворительно, хотя еще духовный регламентъ Петра Великаго стремился къ тому, чтобы архіерейскія посѣщенія дѣйствительно приносили пользу и были наименѣе обременительны для духовенства и для народа. Въ „духовномъ регламентѣ", повидимому, даже имѣлось въ виду связать архіерейское посѣщеніе съ распросомъ духовенства и мѣстныхъ жителей о церковныхъ безпорядкахъ, суевѣріяхъ и проч. по опредѣленной программѣ и съ немедленнымъ судомъ по дѣламъ, которыя могли бы быть рѣшены немедленно. Другими словами тутъ имѣлось въ виду нѣчто подобное западно-европейскимъ средневѣковымъ синодальнымъ судамъ, хотя и безъ синодальныхъ свидѣтелей.

Кромѣ епископовъ, лично обозрѣваетъ церковныя учрежденія протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства. Въ послѣднее время нерѣдко также производится личное обозрѣніе синодальнымъ оберъ-прокуроромъ. Духовно-учебныя заведенія (семинаріи и училища) ревизуются членами ревизорами духовно-учебнаго комитета, —церковно-приходскія школы и школы грамоты—наблюдателями; наконецъ особо делегируемыми отъ св. синода лицами производятся иногда ревизіи духовныхъ академій и духовныхъ консисторій. Въ католической церкви визитація производится епископами и деканами, въ евангелической суперъ-интендентами и пробстами.

ГЛАВА III-я.

Церковный судъ.

§ 89. *Кругъ вѣдомства церковнаго суда:* 1) *по дѣламъ спорнымъ* *). Христіане первыхъ вѣковъ, слѣдуя наставленію апостола Павла (1 Кор. VI, 1. 5—8), избѣгали языческихъ судовъ и свои спорныя дѣла, даже касавшіяся гражданскихъ отношеній, представляли на разсмотрѣніе епископовъ, рѣшенія которыхъ, не имѣвшія исполнительной силы въ государствѣ, опирались исключи-

*) *Dove*, De jurisdictionis ecclesiasticae apud germanos gallosque progressu, 1855; *Gallier*, Du rôle des évêques dans le droit public et privé du Bas—Empire, 1893 г.; *Fournier*, Les officialités au moyen âge, 1880 г.; *Суворовъ*, Объемъ дисциплинарнаго суда и проч.; *Неволинъ*, О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра В.; *Суворовъ*, Слѣды западно-католич. церк. права и проч.

тельно на нравственный авторитетъ епископовъ и на церковную дисциплину. Судъ по дѣламъ *духовнымъ*, насколько могъ въ нихъ заключаться юридическій элементъ, подлежащій спору и судебному разбирательству, остался за церковію и при христіанскихъ императорахъ; въ X и XI вв. къ духовнымъ дѣламъ причислены были дѣла брачныя въ томъ смыслѣ, что хотя церковь и раньше смотрѣла на бракъ, какъ на таинство, подлежащее ея вѣдѣнію, но условія и способъ заключенія брака, а также его расторженіе опредѣлялись государственными законами и подлежали вѣдомству свѣтскаго суда, съ десятаго же вѣка эти дѣла стали подлежать *исключительно* вѣдомству духовнаго суда съ юридическими послѣдствіями и для области гражданскаго права. Что касается положенія епископовъ, какъ судей по дѣламъ *гражданскимъ*, то двумя законами Константина Великаго была создана для нихъ юрисдикція, *конкуррирующая* съ юрисдикціей гражданскихъ магистратовъ. Закономъ 321 г. тяжущимся предоставлено, по ихъ взаимному соглашенію, переносить любое гражданское дѣло на разсмотрѣніе епископа, даже и послѣ того какъ свѣтскій судья приступилъ бы къ разсмотрѣнію дѣла; при этомъ объявлено было достаточнымъ всякое безформенное соглашеніе сторонъ о перенесеніи дѣла на судъ епископа, т. е. безъ заключенія сторонами того формальнаго компромисса cum stipulatione poenali, который требовался римскимъ правомъ при соглашеніи сторонъ объ отдачѣ спорнаго дѣла на рѣшеніе арбитра; но принципъ безапелляціонности былъ примѣненъ и къ епископскому рѣшенію. Закономъ 331 г. епископскія рѣшенія признаны окончательными и безапелляціонными даже и по дѣламъ несовершеннолѣтнихъ, которыя, по общему правилу, допускали прошеніе о restitutio in integrum; кромѣ того, предоставлена возможность одной изъ судебныхъ сторонъ, даже при нежеланіи другой, перенести дѣло на судъ епископскій, въ какой бы стадіи гражданскаго процесса это дѣло ни находилось, лишь бы не состоялась еще sententia. Однако, въ концѣ IV и вначалѣ V в. законодатель нашелъ нужнымъ ограничить осуществленіе епископами гражданской юрисдикціи, возвратившись къ требованію взаимнаго соглашенія сторонъ, даже формальнаго компромисса относительно представленія дѣла на судъ епископа. При Юстиніанѣ епископскій судъ по дѣ-

ламъ гражданскимъ былъ поставленъ въ еще болѣе тѣсныя границы, такъ какъ тяжущимся предписано обращаться къ намѣстникамъ провинцій, и только въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ ординарнаго свѣтскаго судьи, дозволенъ выборъ между свѣтскимъ судомъ городскаго *дефензора* или экдика (компетенція котораго была болѣе ограниченна сравнительно съ компетенціей провинціальнаго магистрата) и между епископскимъ судомъ. Относительно *гражданскихъ дѣлъ духовенства*, въ церковныхъ канонахъ высказывалось начало исключительной подсудности его духовному суду, но въ императорскомъ законодательствѣ это начало не нашло себѣ полнаго выраженія. Юстиніанъ, предоставивъ первоначально привилегію однимъ монашествующимъ, по вчинаемымъ противъ нихъ искамъ, судиться у епископовъ, распространилъ потомъ, по просьбѣ константинопольскаго патріарха Мины, эту привилегію на все духовенство. Но позднѣе въ новеллѣ CXXIII подсудность всего вообще духовенства была опредѣлена такимъ образомъ: духовенство по дѣламъ гражданскимъ подлежитъ духовному суду, рѣшеніе котораго, если имъ обѣ стороны довольны, приводится въ исполненіе, безъ дальнѣйшаго обжалованія; если же втеченіе 10 дней одна изъ сторонъ заявитъ неудовольствіе на рѣшеніе, дѣло восходитъ на разсмотрѣніе мѣстнаго гражданскаго судьи, и какъ скоро послѣдній найдетъ рѣшеніе правильнымъ, подтверждаетъ его и приводитъ въ исполненіе, безъ возможности обжалованія,—если же рѣшеніе гражданскаго судьи не совпадаетъ съ рѣшеніемъ епископа, то противъ рѣшенія гражданскаго судьи возможна апелляція въ общемъ порядкѣ гражданскаго процесса; если бы наконецъ епископу пришлось разбирать гражданское дѣло по делегаціи отъ императора или отъ магистрата, обжалованіе рѣшенія епископа направляется къ императору или къ магистрату делегировавшему. Въ позднѣйшемъ законѣ Ираклія 629 г. былъ проведенъ принципъ: actor sequitur forum rei, т. е. истецъ—міранинъ долженъ вчинать искъ противъ духовнаго отвѣтчика духовному судьѣ, а духовный истецъ противъ отвѣтчика-мірянина долженъ искать предъ свѣтскимъ судомъ. Въ базиликахъ снова читается приведенное опредѣленіе юстиніановской CXXIII новеллы.

На *западѣ* кругъ вѣдомства церковнаго суда долженъ былъ разростись тѣмъ болѣе, что характеръ средневѣковаго міровоззрѣ-

нія былъ религіозный, и что церковь обладала болѣе совершеннымъ законодательствомъ, болѣе совершенными органами суда и болѣе совершеннымъ процессомъ сравнительно съ законами и судами какого бы то ни было изъ тогдашнихъ государствъ. Къ вѣдомству церкви относились: 1) дѣла чисто духовныя (causae mere spirituales), какъ напр. касающіяся вѣры, таинствъ, въ томъ числѣ дѣла брачныя (о дѣйствительности или недѣйствительности брака, о разлученіи супруговъ, о законности рожденія, объ обрученіи), даже дѣла по имущественнымъ отношеніямъ въ бракѣ, какъ скоро они входили, въ качествѣ инцидента, въ процессъ, разбираемый духовнымъ судьей; 2) дѣла, въ которыхъ гражданскій элементъ тѣсно связанъ съ духовнымъ (res spiritualibus annexae), напр. по вопросамъ патронатскаго права, о бенефиціяхъ, о десятинахъ, дѣла по духовнымъ завѣщаніямъ; 3) гражданскія обязательства, скрѣпленныя присягой, также дѣла, по которымъ послѣдовалъ отказъ въ правосудіи со стороны свѣтскаго судьи, наконецъ дѣла, въ которыхъ замѣшанъ элементъ грѣха, и которыя доведены до свѣдѣнія духовнаго судьи путемъ доноса. Затѣмъ *нѣкоторые классы лицъ*, по ихъ личнымъ качествамъ, а не по характеру дѣлъ, вѣдались духовнымъ судомъ или безусловно, или съ извѣстнымъ ограниченіями: 1) духовныя лица (а къ таковымъ относимы были всѣ имѣвшіе тонзуру) отвѣтствовать могли только исключительно предъ духовнымъ судомъ по всякимъ гражданскимъ дѣламъ, а равно выступать истцами противъ другихъ духовныхъ лицъ; что же касается исковъ духовныхъ лицъ противъ міранъ, то здѣсь дѣйствовалъ принципъ: „actor sequitur forum rei“ при невозможности сослаться на обычай, противоположный этому принципу; 2) крестоносцы пользовались привилегіей духовной подсудности даже въ большемъ объемѣ, чѣмъ духовенство, такъ какъ, при вчатіи иска противъ мірянина, крестоносецъ имѣлъ *выборъ* между духовнымъ судомъ и свѣтскимъ, а не необходимо долженъ былъ слѣдовать принципу: „actor sequitur forum rei“; 3) члены средневѣковыхъ университетовъ (всѣ membra et supposita universitatis, т. е. учащіе, учащіеся, книгопродавцы, переплетчики и проч.) въ разныхъ странахъ пользовались привилегіей церковной подсудности (впрочемъ, чаще всего гражданская юрисдикція осуществлялась самимъ университетомъ); 4) вдовы и сироты, лица, призрѣ-

ваемыя въ богоугодныхъ заведеніяхъ, и всѣ вообще personae miserabiles, въ томъ числѣ женщины.

Даже всѣ вообще женщины, не исключая и состоятельныхъ, могли обратиться къ духовному суду съ поссессорнымъ (а не съ петиторнымъ) искомъ въ случаѣ не правомѣрнаго лишенія владѣнія, т. е. тамъ, гдѣ, по римскому праву, долженъ былъ имѣть мѣсто рекуператорный интердиктъ unde vi, преобразовавшійся въ средніе вѣка въ exceptio spolii и actio spolii (см. ниже § 93).

Конецъ XII в. и XIII в. считаются временемъ наибольшаго расширенія круга вѣдомства церковнаго суда; не во всѣхъ, однако, странахъ одинаково удалось церкви утвердить свою подсудность. Въ средніе уже вѣка начались ограничительныя мѣропріятія свѣтскихъ властей, и чѣмъ болѣе государство крѣпло, чѣмъ болѣе совершенными становились государственное законодательство и государственная судебная процедура, тѣмъ чаще и рѣшительнѣе становились попытки къ ограниченію круга вѣдомства церковнаго суда. Результатъ, къ которому привелъ долговременный ограничительный процессъ на западѣ, представляется въ слѣдующемъ видѣ: всѣ дѣла, по существу своему гражданскія, не исключая и гражданскихъ дѣлъ духовенства, даже споры о патронатскомъ правѣ и всѣ брачныя дѣла, подлежатъ гражданской юрисдикціи, причемъ не отрицается за церковью право подвергать ея собственному сужденію тѣ дѣла, которыя она считаетъ церковными (напр. брачныя), но безъ послѣдствій или безъ исполнительной силы церковныхъ рѣшеній для гражданской жизни. Этимъ же началомъ руководствуется современное государство на западѣ и по отношенію къ евангелической церкви. духовные суды которой, не смотря на желаніе реформаторовъ освободить церковь отъ ея государственнаго характера, подъ господствомъ территоріализма почти сравнялись съ католическими церковными судами по кругу вѣдомства.

Историческое развитіе круга вѣдомства церковнаго суда *въ Россіи* представляетъ черты, общія съ западнымъ развитіемъ и отчасти испытало на себѣ вліяніе послѣдняго. Кромѣ разрѣшенія разныхъ спорныхъ вопросовъ чисто церковнаго характера, церковный судъ вѣдалъ: дѣла брачныя, т. е. какъ о дѣйствительности, такъ и о расторженіи браковъ, далѣе дѣла, состоящія въ

связи съ бракомъ, какъ напр. по ряднымъ грамотамъ (о приданыхъ животахъ), дѣла о незаконныхъ дѣтяхъ, родителями не признаваемыхъ, дѣла по сговорнымъ записямъ (объ обрученіи), далѣе дѣла по усыновленію и братотворенію, по духовнымъ завѣщаніямъ и по дѣламъ наслѣдства вообще (о зауморныхъ животахъ), между прочимъ о раздѣлахъ наслѣдства, о выдачѣ вдовьей части. Затѣмъ *нѣкоторые классы лицъ*, по ихъ личнымъ качествамъ, а не по характеру дѣлъ, подлежали церковному суду: 1) духовныя лица съ ихъ женами и дѣтьми (за исключеніемъ дѣтей, которые жили „опричь отцовъ“ и „ѣли свой хлѣбъ“), чернецы и черницы, проскурницы; 2) разные классы лицъ, поставлявшіеся въ извѣстную связь съ церковью и соотвѣтствовавшіе западно-европейскимъ personae miserabiles (паломникъ, сторонникъ, т. е. странникъ, слѣпецъ, хромецъ, прощенникъ, задушный человѣкъ, монастыри, больницы, гостинницы, страннопріимницы со всѣми въ нихъ людьми богадѣльными, а также и лѣчецъ, какъ исполнявшій свою врачебную профессію въ больницахъ, нищіе и вдовицы, питающіеся отъ церкви Божіей и т. д.); 3) все крестьянское населеніе церковныхъ земель.

Принципіальнаго различія между разными классами лицъ, относимыхъ къ вѣдѣнію церкви, и принципіальнаго различія основаній этой подвѣдомственности не сознавалось у насъ до XVI в., когда на стоглавомъ соборѣ и еще сильнѣе впослѣдствіи, на соборахъ XVII в., стала высказываться идея собственно клерикальная, что „князи, бояре и судіи не могутъ привлачать священническаго и иноческаго чина на судъ“ именно въ виду ихъ духовнаго характера. Сами архіереи не выдерживали принципа неподсудности духовенства свѣтскимъ судьямъ, поручая управленіе и судъ свѣтскимъ служилымъ людямъ. Въ этомъ отношеніи средневѣковая европейская жизнь рѣзко отличалась отъ древне-русской. Хотя въ западно-европейскомъ епископѣ духовное еще въ большей степени переплеталось съ мірскимъ, чѣмъ въ древнерусскомъ епископѣ, хотя западно-европейскій епископъ былъ феодаломъ съ графскими, герцогскими и княжескими правами надъ населеніемъ своей территоріи, но его свѣтское правительство стояло въ сторонѣ отъ церковнаго, и послѣднее велось черезъ духовныя лица.

По суднымъ дѣламъ между людьми, подвѣдомственными церкви, и посторонними, все равно, выступалъ ли церковный человѣкъ въ качествѣ истца, или отвѣтчика „практиковался „смѣсный“ или „вопчій“ судъ, личный составъ котораго включалъ въ

себя представителей и отъ церковной, и отъ княжеской власти. Рѣшенія „смѣснаго суда“ приводились въ исполненіе представителемъ той власти, которой былъ подвѣдомственъ отвѣтчикъ, но судебныя пошлины дѣлались судьями пополамъ. Впрочемъ, когда споръ возбуждался между самымъ церковнымъ учрежденіемъ и посторонними людьми о правѣ на землю, такія спорныя дѣла вѣдались не церковнымъ и не смѣснымъ судомъ, а государственнымъ. Съ возвышеніемъ Москвы, московскіе государи систематически стремились къ тому, чтобы поставить въ непосредственную отъ себя зависимость всѣ принадлежащія церковнымъ учрежденіямъ земли вмѣстѣ съ ихъ населеніемъ, предоставляя эту непосредственную подсудность въ видѣ привилегій для церковныхъ учрежденій, посредствомъ несудимыхъ грамотъ. Органомъ, черезъ который производился государевъ судъ по гражданскимъ дѣламъ церковныхъ учрежденій и подвѣдомственныхъ имъ людей, былъ приказъ большаго дворца, въ которомъ существовало особое отдѣленіе для этихъ дѣлъ, со времени уложенія царя Алексѣя Михайловича ставшее особымъ государственнымъ учрежденіемъ подъ именемъ монастырскаго приказа. Въ учрежденіи монастырскаго приказа въ первый разъ была сознательно проведена идея государственнаго суда по гражданскимъ дѣламъ церковныхъ людей.

По уложенію 1649 г. монастырскому приказу предоставлено судить „во всякихъ исцовыхъ искахъ“ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, ихъ приказныхъ и дворовыхъ людей, дѣтей боярскихъ и крестьянъ ихъ, монастыри, архимандритовъ, игуменовъ, строителей, келарей, казначеевъ, рядовую братію, монастырскихъ слугъ и крестьянъ, поповъ и церковный причтъ, причемъ слѣдовательно опять не сдѣлано никакого различія между церковными крестьянами съ одной стороны и между духовенствомъ, даже архіереями и митрополитами съ другой, подобно тому какъ раньше не сознавалось никакого принципіальнаго различія между тѣми и другими въ предоставленіи ихъ вѣдомству церковнаго суда. Исключеніе изъ общаго правила допущено уложеніемъ для патріарха, который и самъ лично, и его приказные и дворовые люди и крестьяне были изъяты изъ вѣдомства монастырскаго приказа; въ 1651 г. такое же исключеніе было сдѣлано для новгородскаго митрополита Никона и еще позднѣе для иверскаго монастыря (въ 1654 г.).

Идея государственной подсудности духовенства въ дѣлахъ гражданскихъ настолько шла въ разрѣзъ съ воззрѣніями духов-

ной іерархіи XVII в., что въ 1667 г. царь долженъ былъ утвердить постановленія собора этого года, противоположныя принципамъ уложенія 1649 г.: вообще всѣмъ государственнымъ учрежденіямъ воспрещено производить судъ надъ архіереями, архимандритами, игуменами и вообще всѣмъ церковнымъ чиномъ и ихъ людьми, а въ 1677 г. самый монастырскій приказъ былъ закрытъ. Петръ Великій, однако, въ 1701 г. возстановилъ это учрежденіе и снова предоставилъ ему судить всѣхъ церковныхъ людей по дѣламъ гражданскимъ, вмѣстѣ съ хозяйственною администраціей церковныхъ недвижимыхъ имѣній. По учрежденіи св. синода, монастырскій приказъ нѣкоторое время существовалъ въ зависимости отъ него, удержавъ за собою отчасти и вотчинный судъ по дѣламъ архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ, за исключеніемъ синодальныхъ (бывшихъ патріаршихъ), которые подчинены были синодальному (бывшему патріаршему) дворцовому приказу. Дальнѣйшая исторія учрежденій, явившихся на смѣну монастырскаго приказа, болѣе относится къ церковному имуществу, чѣмъ къ суду. Что касается до тѣхъ гражданскихъ дѣлъ, которыя въ древней Руси были относимы къ вѣдомству церковнаго суда въ виду связи ихъ съ церковію, то уже въ 1692 г. разбиравшіеся въ патріаршемъ разрядѣ гражданскіе иски по ряднымъ и сговорнымъ, грамотамъ, по духовнымъ завѣщаніямъ и по зауморнымъ животамъ было предписано передать въ вѣдомство московскаго суднаго приказа. Окончательно же гражданскіе иски были изъяты изъ духовнаго вѣдомства въ 1700 г. съ упраздненіемъ самаго разряда и съ передачей вѣдавшихся имъ дѣлъ тѣмъ свѣтскимъ учрежденіямъ, которымъ они по существу своему подлежали. По дѣйствующему уставу дух. конс. изъ дѣлъ спорныхъ, не чисто духовнаго характера, подлежатъ епархіальному суду: 1) взаимные споры между духовными лицами, могущіе возникать изъ *пользованія* движимою и недвижимою церковною собственностью (отсюда слѣдуетъ, что спорныя дѣла между церковными учрежденіями, напр. приходомъ и монастыремъ, монастыремъ и архіерейскимъ домомъ и проч., о правѣ *собственности* на недвижимость должны разбираться гражданскимъ судомъ); 2) просьбы о побужденіи духовныхъ лицъ къ исполненію безспорныхъ обязательствъ и къ уплатѣ безспорныхъ долговъ. Таковыми, по дореформеннымъ судебнымъ порядкамъ, при-

знявались долги, облеченные въ форму законно совершенныхъ актовъ, какъ закладныя крѣпости, заемныя письма. По 208 ст. уст. дух. конс. просьбы о взысканіи подобныхъ долговъ подаются въ консисторіи только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не введены мировыя судебныя установленія; притомъ, согласно 578 ст. т. XVI ч. 2 зак. о суд. гражд., когда, вслѣдствіе такой жалобы, возникаетъ споръ по документамъ, искъ направляется въ свѣтскій судъ; 3) дѣла свѣтскихъ лицъ а) бракозаключительныя, т. е. о законности или незаконности заключенныхъ браковъ, б) бракоразводныя, т. е. о прекращеніи браковъ, в) объ удостовѣреніи въ дѣйствительности событія браковъ и въ происхожденіи отъ законнаго брака.

Подсудность брачныхъ дѣлъ по епархіямъ опредѣлена на основ. 443 ст. т. XVI ч. 2 зак. суд. гражд. слѣдующими правилами: 1) дѣла объ удостовѣреніи въ дѣйствительности событія браковъ вчинаются въ тѣхъ епархіяхъ, въ коихъ браки были совершены; 2) дѣла о признаніи браковъ законными—въ тѣхъ епархіяхъ, въ коихъ тѣ браки совершены, а если бракъ совершенъ за границей и супруги состоятъ въ русскомъ подданствѣ,—въ с.-петербургской епархіи; 3) дѣла о расторженіи браковъ, совершенныхъ въ предѣлахъ имперіи, а равно за границей, когда въ этомъ послѣднемъ случаѣ супруги состоятъ въ русскомъ подданствѣ, разбираются въ тѣхъ епархіяхъ, въ которыхъ жительствуютъ супруги, а если оба или одинъ изъ нихъ проживаютъ за границей, то въ с.-петербургской епархіи.

Судъ духовныхъ учрежденій по дѣламъ брачнымъ сопровождается юридическими послѣдствіями для граждамской жизни. Въ Россіи и брачныя дѣла другихъ вѣроисповѣданій христіанскихъ вѣдаются духовными судами этихъ исповѣданій. Но когда одна изъ брачущихся сторонъ принадлежитъ къ православному исповѣданію, а равнымъ образомъ, если оба брачущіеся неправославнаго вѣроисповѣданія, но обвѣнчаны православнымъ священникомъ, разрѣшеніе вопросовъ о томъ, былъ ли бракъ, и законно ли онъ совершенъ, а также существуютъ ли уважительныя причины къ его расторженію, принадлежитъ къ вѣдомству духовнаго суда православной церкви (ст. 453—454 т. XVI ч. 2. и ст. 730 и 65 т. X ч. 1 св. зак.). Когда оба брачущіеся принадлежатъ къ неправославнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ и притомъ различнымъ, сужденіе о дѣйствительности и законности брака подле-

житъ суду того вѣроисповѣданія, священникъ коего совершилъ вѣнчаніе, а если вѣнчаніе совершено было въ церквахъ обоихъ исповѣданій, то суду того вѣроисповѣданія, священникъ коего совершилъ первое вѣнчаніе; вопросъ о расторженіи брака подлежитъ суду того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ отвѣтчикъ (ст. 435). Производство бракоразводныхъ дѣлъ, когда одинъ изъ супруговъ исповѣдуетъ протестантскую вѣру, а другой нехристіанскую, предоставляется вѣдомству протестантскаго духовнаго начальства (436). Наконецъ, что касается раскольниковъ, такъ какъ расколъ не есть признанное вѣроисповѣданіе, не имѣетъ законно признаннаго церковнаго брака и законно признанныхъ духовныхъ учрежденій, брачныя ихъ дѣла подлежатъ гражданскому суду (т. XVI ч. 2, ст. 440 зак. суд. гражд.).

Въ нѣкоторыхъ другихъ православныхъ церквахъ, напр. въ Австро-Венгріи, брачныя дѣла подлежатъ гражданскому суду; въ церкви королевства греческаго бракоразводныя дѣла подлежатъ гражданскому суду, но прошеніе о разводѣ подается архіерею, который втеченіе 3 мѣсяцевъ склоняетъ супруговъ къ примиренію, и затѣмъ дѣло поступаетъ въ гражданскій судъ, рѣшеніе котораго сообщается къ свѣдѣнію архіерея. Напротивъ, въ константинопольскомъ патріархатѣ, благодаря особому положенію патріарха въ турецкой имперіи, кругъ вѣдомства церковнаго суда обнимаетъ, кромѣ брачныхъ, и многія другія гражданскія дѣла, напр. спорныя дѣла по завѣщаніямъ.

§ 90. Кругъ вѣдомства церковнаго суда: 2) по преступленіямъ *). Канонами древней церкви воспрещаются и объявляются церковно-наказуемыми всякія вообще преступныя дѣянія, противныя не только нравственности и церковной дисциплинѣ, но и уголовному закону. Обычная классификація преступленій, подлежавшихъ церковному суду, состояла въ подведеніи ихъ подъ три обширныя категоріи: идолослуженіе, убійство и плотскіе грѣхи. Церковное осужденіе и наказаніе не могли имѣть мѣста только тамъ, гдѣ совмѣщеніе двухъ судовъ и двухъ наказаній (свѣтскаго уголовнаго и церковнаго) было фактически невозможно (въ слу-

*) Кромѣ указанныхъ въ предыдущ. § сочиненій: *München*, Das kanonische Gerichtsverfahren und Strafrecht, 1865; *Katz*, Ein Grundriss des canonischen Strafrechts, 1880 г. *Prevost*, L'église et les campagnes; *Hinschius*, Kirchenrecht, B. V и B. VI §§ 355 и сл. *Суворовъ*, Къ вопросу о западномъ вліяніи на древне-русское право.

чаѣ присужденія преступника государственнымъ судомъ къ смертной казни). Но и тутъ церковный судъ, при христіанскихъ императорахъ, могъ нерѣдко примѣнять свои церковныя мѣры къ уголовнымъ преступникамъ, избавляя ихъ отъ уголовнаго наказанія, въ силу права ходатайства (jus intercessionis) и права убѣжища (jus asyli), признаннаго за церковью христіанскими императорами.

Ходатайство епископовъ, по историческому значенію римскаго термина „intercessio", было даже не ходатайствомъ предъ высшею властію въ пользу лицъ, которымъ угрожали уголовный судъ и наказаніе, а властнымъ вмѣшательствомъ церковнаго магистрата въ отправленіе должностныхъ дѣйствій свѣтскаго магистрата съ освобожденіемъ виновныхъ изъ рукъ свѣтскаго правосудія и съ наложеніемъ на нихъ церковнаго покаянія за ихъ преступленія. Въ виду безпорядковъ, съ которыми могло соединяться освобожденіе преступниковъ изъ рукъ правосудія, съ конца IV в. стали издаваться ограничительные законы, воспрещавшіе клирикамъ и монахамъ насильно и самовольно исторгать преступниковъ изъ рукъ правосудія. Въ силу права убѣжища, епископы давали въ храмахъ пріютъ лицамъ, спасавшимся отъ судебнаго и несудебнаго преслѣдованія. Съ конца IV в. и въ этомъ отношеніи послѣдовали запрещенія и ограниченія, причемъ нѣкоторыя категоріи преступниковъ были лишены благодѣянія убѣжища: убійцы, прелюбодѣи и похитители лицъ женскаго пола. Преступники, которымъ удавалось воспользоваться правомъ убѣжища и тѣмъ самымъ освободиться отъ угрожавшаго имъ уголовнаго наказанія, должны были понести церковное покаяніе по каноническимъ правиламъ.

Послѣ IV в. коллизія государственнаго уголовнаго наказанія съ церковнымъ сдѣлалась невозможною потому, что церковное покаяніе получило видъ тайно исполняемой епитиміи, вмѣсто практиковавшагося въ первые вѣка публичнаго покаянія, такъ что слѣдовательно и подвергнутый уголовному наказанію (кромѣ смертной казни) могъ нести на себѣ церковную епитимію. *Духовныя лица* подлежали церковному суду по всѣмъ преступленіямъ противъ духовно-должностной дисциплины; въ отношеніи же къ уголовнымъ преступленіямъ допущенъ былъ Юстиніаномъ (nov. CXXIII c. 21) параллельный судъ—епископскій и свѣтскій уголовный. Обвиненіе могло быть возбуждаемо предъ тѣмъ и другимъ. Епископъ, какъ скоро предъ нимъ вчиналось дѣло, если находилъ подсудимаго виновнымъ, лишалъ его сана по церковнымъ канонамъ и передавалъ затѣмъ свѣтскому судьѣ для уголов-

наго наказанія. Если, наоборотъ, обвиненіе возбуждалось въ свѣтскомъ судѣ и виновность обвиняемаго была доказана, судья долженъ былъ препроводить все дѣлопроизводство къ епископу. Послѣдній, по разсмотрѣніи судебныхъ актовъ, или могъ придти къ тому же убѣжденію, къ которому пришелъ и судья,—и въ такомъ случаѣ, лишивъ виновнаго сана, отсылалъ его къ судьѣ для уголовнаго наказанія,—или же могъ не согласиться съ выводомъ судьи о виновности подсудимаго,—въ такомъ случаѣ дѣло должно было представляться на окончательное разрѣшеніе императора. Въ отношеніи къ епископамъ въ частности было постановлено Юстиніаномъ (nov. CXXIII c. 8), что никакой магистратъ, военный или гражданскій, не можетъ вызвать или заставить привести къ себѣ на судъ епископа по денежному или по уголовному дѣлу, *противъ воли епископа*, безъ императорскаго повелѣнія. Тѣ же самыя опредѣленія читаются и въ базиликахъ. Въ позднѣйшія времена, въ синодальномъ опредѣленіи патріарха Константина Лихуда (около половины XI в.) было выражено, что для всякаго вообще духовнаго лица, виновнаго въ уголовномъ преступленіи, достаточно изверженія въ толпу мірянъ, безъ присужденія его къ какому либо уголовному наказанію.—На *западѣ*, гдѣ церкви пришлось имѣть дѣло съ варварами, очень долго поддерживалось (за исключеніемъ Британіи) публичное церковное покаяніе за всѣ вообще преступленія, противныя нравственному христіанскому порядку, въ томъ числѣ и уголовныя. При несовершенствѣ варварскаго уголовнаго права, сама свѣтская власть, въ особенности при каролингахъ, смотрѣла на церковныя наказанія, какъ на необходимое средство репрессіи преступленій. Когда возникли синодальные суды или зендгерихты, епископъ или архидьяконъ, созвавъ на соборъ всѣхъ жителей парохіи, въ которую они прибыли, и узнавъ отъ синодальныхъ свидѣтелей о существованіи въ данной парохіи преступниковъ противъ церковныхъ каноновъ, опредѣляли имъ публичное церковное покаяніе. Этимъ не исключалось и осужденіе тѣхъ же преступниковъ свѣтскимъ судомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе каралось и по народнымъ правамъ. Но такъ какъ въ систему церковныхъ наказаній были приняты и мѣры чисто свѣтскаго характера, то для избѣжанія двойного суда и двойного наказанія за одно и тоже преступле-

ніе, къ концу среднихъ вѣковъ стали различать: 1) delicta mere saecularia—исключительно подсудныя свѣтскому суду, 2) delicta mere ecclesiastica—исключительно подсудныя церковному суду и 3) delicta mixti fori, въ отношеніи къ которымъ развилась практика превенціи, не во всѣхъ впрочемъ странахъ однообразная. Практика эта состояла въ томъ, что извѣстныя преступленія могли судиться и духовнымъ, и свѣтскимъ судомъ, тотъ и другой судъ были компетентны, исключая себя взаимно: если свѣтскому судьѣ раньше приходилось разсмотрѣть дѣло, то церковный судья уже не могъ вызвать виновнаго и осужденнаго къ своему суду, церковь могла имѣть съ нимъ дѣло только въ исповѣдальнѣ; если же напротивъ духовный судья предупреждалъ свѣтскаго, то налагалъ и уголовное наказаніе (за исключеніемъ тѣлесныхъ наказаній и смертной казни). Къ такимъ деликтамъ смѣшанной подсудности относимы были: богохульство, клятвопреступленіе и лжеприсяга, святотатство, прелюбодѣяніе и противоестественные плотскіе грѣхи, лихва, нарушеніе божьяго мира и др. Къ деликтамъ же чисто церковнымъ, въ отношеніи къ которымъ свѣтскій судья былъ некомпетентенъ, относимы были обыкновенно четыре преступленія: haeresis, schisma, apostasia, simonia,—ересь, т. е. уклоненіе отъ церковнаго догмата,—расколъ, т. е. отпаденіе отъ повиновенія іерархическимъ властямъ и отъ единства церкви,—апостазія, т. е. отпаденіе въ нехристіанство,—симонія, т. е. предоставленіе съ одной стороны, пріобрѣтеніе съ другой духовныхъ благъ (въ особенности іерархическихъ степеней и церковныхъ должностей) за матеріальный эквивалентъ. Преступленія эти могли быть судимы только духовнымъ судомъ, хотя для наказанія виновные въ ереси, схизмѣ и апостазіи выдавались свѣтскому судьѣ. *Духовныя лица* по уголовнымъ преступленіямъ имѣли privilegium fori т. е. привилегированную духовную подсудность, которую могли утратить только вслѣдствіе деградаціи. Къ духовнымъ лицамъ относимы были всѣ имѣющіе тонзуру; но, кромѣ того, привилегіею должны были пользоваться служители кардиналовъ и епископовъ, дѣти духовныхъ лицъ (родившіяся до посвященія ихъ отцовъ), а также дѣти унированныхъ греческихъ священниковъ,—тѣ и другія при жизни ихъ отцовъ, наконецъ жены латинскихъ клириковъ низшихъ степеней и греческаго унированнаго духовенства.

Хотя свѣтскія власти въ средніе вѣка не отрицали принципіально privilegium fori, но уже рано стали устанавливать разныя ограниченія, такъ что вполнѣ и безусловно провести эту привилегію церкви никогда не удавалось. И сами папы, не имѣя возможности закрывать глаза на справедливость требованій свѣтскихъ властей, для которыхъ быстрое отправленіе правосудія, особенно во времена смутъ и насилій, затруднялось пререканіями о подсудности между духовными и свѣтскими судами, давали дозволеніе (индультъ) на привлеченіе духовенства къ свѣтскому суду. Въ новой исторіи мало по малу выработался принципъ, что церковный судъ не долженъ служить къ умаленію государственной судебной власти по всѣмъ преступленіямъ, подсуднымъ этой последней, кѣмъ бы они ни были совершены (въ томъ числѣ и епископами).

Только въ конкордатахъ съ государствами центральной и южной Америки (Костарика, Гватемала, Никарагуя, С. Сальвадоръ), даже во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія папамъ удалось отстоять нѣкоторые остатки средне-вѣковой привилегіи: изъятіе епископовъ отъ свѣтской уголовной юрисдикціи, привлеченіе двухъ духовныхъ лицъ (по назначенію епископа) къ составу суда во второй инстанціи въ качествѣ судей, немедленное извѣщеніе епископа объ арестѣ духовнаго преступника и т. п.

Наказывая всѣ уголовныя преступленія, кѣмъ бы они ни были совершены, современное государство не отрицаетъ за церковью права обсуживать каждое дѣяніе съ точки зрѣнія ея собственной дисциплины: таковы напр. преступленія, называвшіяся въ средніе вѣка delicta mixti fori, наказуемыя по современнымъ уголовнымъ законамъ. Существенная разница средневѣковой точки зрѣнія отъ современной на эти деликты состоитъ въ томъ, что въ средніе вѣка и церковь и государство угрожали за нихъ одинаково свѣтскими наказаніями (откуда и возникала необходимость устраненія конкурренціи между церковными и свѣтскими судами), а въ настоящее время церкви предоставляется смотрѣть на данное дѣяніе лишь съ точки зрѣнія ея собственнаго, церковнаго порядка.

Должно замѣтить притомъ, что каноническому праву чуждъ принципъ: „nulla poena sine lege". Церковь никогда не устанавливала полной системы карательнаго права въ томъ видѣ, какъ это дѣлается въ современныхъ уголовныхъ уложеніяхъ, предусматривающихъ и форму-

лирующихъ опредѣленные Thatbestand'ы (т. е. составы преступленія), съ обозначеніемъ таковыхъ же опредѣленныхъ наказаній. Дисциплинарно-карательное право церкви отказывается предусмотрѣть всѣ возможныя нарушенія церковныхъ обязанностей. Поэтому, если ни jus commune, ни партикулярное право не опредѣлило наказанія за извѣстный образъ дѣйствій, то одно это обстоятельство, само по себѣ, еще не есть препятствіе для мѣстнаго органа судебной власти угрожать наказаніемъ, или налагать таковое. Тутъ мѣстный органъ дѣйствовалъ бы не contra jus commune, а praeter jus commune, на что онъ имѣетъ право.

Что же касается четырехъ т. н. delicta mere ecclesiastica, то въ современныхъ уголовныхъ кодексахъ такихъ преступленій нѣтъ, такъ что въ отношеніи къ нимъ возможенъ только церковный судъ безъ юридическихъ послѣдствій для гражданскихъ правъ и для положенія лица осужденнаго въ государствѣ.

Въ *Россіи* кругъ вѣдомства церковнаго суда, засвидѣтельствованный разными уставами, дошедшими до насъ съ именами древнихъ русскихъ князей, и другими памятниками, обнималъ: 1) преступленія противъ вѣры и церкви, какъ ересь, волшебство (сюда же и отравленіе посредствомъ снадобья), нарушеніе святости и неприкосновенности храмовъ и мѣстъ погребенія, 2) преступленія въ предѣлахъ семейнаго союза, какъ самовольное оставленіе и изгнаніе мужемъ жены, нарушеніе брачной вѣрности, вступленіе въ бракъ въ близкомъ родствѣ и свойствѣ, двоеженство, непочтительность дѣтей къ родителямъ, 3) преступленія противъ цѣломудрія въ разныхъ видахъ и 4) въ связи съ бракомъ даже такія преступленія, какъ кража (мужемъ у жены и наоборотъ) и убійство (совершенное на свадьбѣ). Между дѣлами патріаршаго разряда въ XVII в. упоминаются: 1) челобитныя родителей на дѣтей въ непослушаніи или въ какихъ иныхъ неистовствахъ, 2) челобитныя женъ на мужей и мужей на женъ въ прелюбодѣяніи и иныхъ дѣлахъ, 3) челобитныя рабовъ на господъ въ блудодѣяніи и иныхъ насиліяхъ, 4) челобитныя женщинъ и дѣтей всякаго чина на насиліе со стороны всякаго чина людей, 5) челобитныя отцовъ духовныхъ на дѣтей ихъ духовныхъ въ непослушаніи и во всякомъ безчиніи, 6) челобитныя священниковъ на своихъ прихожанъ, отказывающихся быть дѣтьми ихъ духовными, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и въ посты въ церковь не ходящихъ и не молящихся, 7) оскорбленіе бранными

словами: выблядокъ, блудникъ, прелюбодѣй и т. п. 8) хватаніе за тайные уды и опростоволосеніе женщины.—*Духовенство*, а также всѣ разряды лицъ, причислявшихся къ *церковнымъ людямъ*, по преступленіямъ уголовнымъ (за исключеніемъ самыхъ тяжкихъ) вѣдались духовнымъ судомъ. Обыкновенно въ грамотахъ, опредѣлявшихъ подсудность церковныхъ людей, говорилось, что волостели и другіе княжескіе органы не въѣзжаютъ къ нимъ для производства слѣдствія и суда „опричь душегубства и разбоя и татьбы съ поличнымъ", или „опричь душегубства и разбоя", или „опричь одного душегубства"; нерѣдко даже въ жалованныхъ грамотахъ монастырямъ не дѣлалось никакого исключенія изъ правила о неподсудности жителей жалуемаго селенія княжескимъ органамъ. Исторія уголовной подсудности духовенства и другихъ церковныхъ людей со времени уложенія 1649 г. совпадаетъ съ вышеизображенною судьбой гражданской его подсудности. Такъ какъ въ XVII в. съ большею силою, чѣмъ когда либо, отстаивалась исключительная подсудность духовенства духовному суду въ смыслѣ западно-католической privilegium fori, то соборомъ 1667 г. и позднѣйшими постановленіями было запрещено „градскимъ" судьямъ судить духовныхъ лицъ по уголовнымъ преступленіямъ (татьбамъ, денежнымъ дѣламъ, разбоямъ, убійствамъ, вѣдовствамъ).

Свѣтскимъ сыщикамъ дозволено вызывать обвиняемыхъ къ допросу въ сыскную избу, но самый допросъ велѣно производить въ присутствіи закащика (какъ представителя отъ духовнаго начальства), который долженъ занимать мѣсто выше сыщика при производствѣ допроса. Если оговоренные не винились, а оговорившіе съ трехъ или четырехъ пытокъ не отказывались отъ оговора, сыщикъ долженъ былъ, сковавъ духовныхъ арестантовъ, отсылать ихъ къ архіереямъ, подъ конвоемъ стрѣльцовъ. Архіерей, которому подсуденъ присланный, нашедши его виновнымъ въ томъ преступленіи, въ которомъ онъ оговоренъ, препровождалъ его къ „градскому суду" съ грамотою, дающею знать, что виновный „отлученъ священства", т. е. что съ него снятъ санъ, и слѣдовательно онъ перересталъ быть неприкосновеннымъ для свѣтскаго судьи, подобно тому, какъ на западѣ деградація разоблачала клирика отъ его клерикальныхъ привилегій, послѣ чего виновныхъ можно было подвергать наказанію, какое кто заслужилъ по законамъ.

Петръ Великій оставилъ въ вѣдомствѣ духовнаго суда: дѣла о богохульствѣ, ереси, расколѣ и волшебствѣ (исключивъ состоявшія

дотолѣ въ этомъ вѣдомствѣ блудъ, изнасилованіе, кровосмѣшеніе, похищеніе, вступленіе въ бракъ безъ согласія родителей), нѣкоторыя преступленія противъ семейнаго союза (прелюбодѣяніе и двоеженство) и дѣла о похищеніи церковнаго имѣнія, а изъ преступленій духовныхъ лицъ „партикулярныя“ преступленія (какъ преступленія противъ чести и противъ имущества), въ отличіе отъ „явныхъ злодѣяній“ или „тяжкихъ государственныхъ дѣлъ“ (какъ политическія преступленія и преступленія противъ жизни); по этимъ послѣднимъ слѣдствіе и судъ предписано производить свѣтскому суду, и только для снятія сана велѣно отсылать осужденныхъ къ духовному начальству. Въ послѣдующее время кругъ вѣдомства церковнаго суда еще болѣе сокращенъ. По *дѣйствующему праву*, лица свѣтскаго званія подлежатъ духовному суду по проступкамъ и преступленіямъ, подвергающихъ виновнаго церковной епитиміи, а лица духовнаго званія по проступкамъ и преступленіямъ противъ должности, благочинія и благоповеденія и, кромѣ того, по жалобамъ на нихъ со стороны духовныхъ и свѣтскихъ лицъ въ обидахъ. Что касается вопервыхъ лицъ *свѣтскаго званія*, то епархіальное начальство подвергаетъ ихъ епитиміи за тѣ преступленія и проступки, за которыя по уложенію о наказаніяхъ назначено очищеніе совѣсти церковнымъ покаяніемъ, или которыя обнаруживаются по дѣламъ, производившимся въ консисторіяхъ или въ окружныхъ судахъ. Преступленія, соотвѣтствующія западнымъ delicta mere ecclesiastica: ересь, расколъ и отступленіе отъ христіанства вѣдаются уголовнымъ судомъ, поскольку извѣстное религіозное ученіе, какъ поставленное уже въ опредѣленное отношеніе къ церкви, т. е. осужденное ею, подвергаетъ его послѣдователей наказанію по уголовнымъ законамъ. Сюда же нужно отнести отступленіе отъ православія въ другое христіанское исповѣданіе, какъ особое преступленіе, не подходящее подъ понятіе ереси, раскола или отпаденія въ нехристіанство. Переходъ же изъ какого либо христіанскаго неправославнаго исповѣданія въ другое, неправославное же, допускается съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. О симоніи не говорится ни въ уложеніи о наказаніяхъ, ни въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, ни даже въ уставѣ духовныхъ консисторій.

Отступившіе отъ вѣры христіанской въ нехристіанство, или отъ

православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе, а также совратившіеся изъ вѣры православной въ какую либо ересь, во всякомъ случаѣ назидаются въ истинной вѣрѣ и увѣщаваются духовнымъ начальствомъ по правиламъ церковнымъ. Свѣдѣнія о происшествіяхъ, заключающихъ въ себѣ признаки отступленія отъ вѣры и постановленій церкви, сообщаются, въ отношеніи православныхъ, епархіальному начальству по принадлежности. Предварительное слѣдствіе по дѣламъ о совращеніи изъ православія или отступленіи отъ вѣры христіанской начинается не иначе, какъ по требованію духовнаго начальства; изъ этого правила исключаются дѣла о распространителяхъ скопческой ереси и о совратившихся въ скопчество и другія ереси, соединенныя съ свирѣпымъ изувѣрствомъ и фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, либо съ противонравственными гнусными дѣйствіями,—по этимъ дѣламъ предварительное слѣдствіе начинается и безъ требованія духовнаго начальства (уст. угол. суд. т. XVI ч. 1. ст. 1004—1007).

Изъ преступленій, соотвѣтствующихъ западнымъ delicta mixti fori, нѣкоторыя судятся исключительно уголовнымъ судомъ, какъ богохульство, лжеприсяга, святотатство, растлѣніе, изнасилованіе. Нѣкоторыя же судятся съ извѣстнымъ участіемъ духовнаго начальства. О нихъ въ уст. угол. суд. существуетъ особая рубрика: „преступленія, соединенныя съ нарушеніемъ церковныхъ правилъ“ (ст. 1011—1016).

Здѣсь установлено слѣдующее: 1) когда, при разсмотрѣніи въ духовномъ вѣдомствѣ дѣлъ, заключающихъ въ себѣ нарушенія церковныхъ правилъ, откроются преступленія, подлежащія суду уголовному, то духовныя правительства сообщаютъ о томъ прокурорскому надзору для дальнѣйшаго направленія этихъ дѣлъ по установленному порядку; 2) дѣла о *бракахъ*, совершенныхъ по *насилію*, *обману* или въ *сумасшествіи* одного или обоихъ брачившихся, начинаются и ведутся въ уголовномъ судѣ, приговоръ коего относительно насилія или обмана сообщается духовному суду, какъ для рѣшенія о дѣйствительности или недѣйствительности брака, такъ и для опредѣленія отвѣтственности духовныхъ лицъ, совершившихъ бракосочетаніе; 3) по дѣламъ о *многобрачіи* лицъ христіанскихъ исповѣданій, а также по дѣламъ о *кровосмѣшеніи* между лицами, не состоящими въ брачномъ союзѣ, обвиняемые предаются уголовному суду не прежде, какъ по истребованіи отъ суда духовнаго точныхъ свѣдѣній о совершеніи брака при существованіи уже другаго, или о наличности степени родства и свойства, благодаря которой преступная связь между данными лицами должна квалифицироваться какъ кровосмѣшеніе; 4) дѣла о *вступленіи въ бракъ*

въ недозволенныхъ степеняхъ родства или свойства, о воспрещенномъ бракѣ христіанъ съ *нехристіанами* и о *четвертомъ* бракѣ православныхъ, а равно о *вступленіи въ бракъ* ранѣе или позднѣе опредѣленнаго законами возраста, поступаютъ въ уголовный судъ, по *окончаніи надъ виновными суда духовнаго;* сюда же относятся дѣла о *бракахъ* такихъ *лицъ духовнаго званія*, коимъ, по законамъ церкви ихъ, воспрещено вступать въ брачный союзъ, если виновными былъ совершенъ для сего обманъ или подлогъ; 5) дѣла по жалобѣ одного изъ супруговъ на нарушеніе другимъ святости брака *прелюбодѣяніемъ* вѣдаются или уголовнымъ судомъ, когда оскорбленный супругъ проситъ о наказаніи виновнаго по уголовнымъ законамъ, или судомъ духовнымъ, когда оскорбленный супругъ проситъ о расторженіи брака и наказаніи виновнаго по правиламъ церковнымъ; 6) *противозаконное сожитіе неженатаго съ незамужнею*, по взаимному ихъ согласію, не сопровождавшееся рожденіемъ ребенка (а въ прибалтійскомъ краѣ и въ томъ случаѣ, когда послѣдствіемъ было рожденіе ребенка) подлежитъ вѣдѣнію духовнаго суда. Изложенныя правила въ общемъ примѣняются къ духовному суду всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

Лица *духовнаго званія* по дѣламъ, подлежащимъ уголовному суду, судятся общимъ порядкомъ уголовнаго судопроизводства, но съ нѣкоторыми отступленіями отъ него. Предъ начатіемъ слѣдствія, духовное начальство поставляется въ извѣстность объ имѣющемъ быть слѣдствіи. По дѣламъ, подлежащимъ суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, всѣ слѣдственные акты отсылаются прокуроромъ къ духовному начальству, которое сообщаетъ ему свое мнѣніе по обстоятельствамъ дѣла. Приговоры, влекущіе за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія духовныхъ лицъ, для снятія съ осужденныхъ духовнаго сана, сообщаются въ копіяхъ подлежащему духовному начальству съ назначеніемъ срока, втеченіе котораго должно быть доставлено увѣдомленіе о снятіи съ осужденнаго сана. Изъ преступленій общаго характера, т. е. не состоящихъ въ связи съ религіей и съ церковной дисциплиной, *преступленія духовныхъ лицъ противъ чести*, по жалобамъ на нихъ не только духовныхъ лицъ, но и мірянъ, судятся и до сихъ поръ духовнымъ судомъ. Сказанное, впрочемъ, относится только къ священно-служителямъ, а не къ церковно-служителямъ. И сами священно-служители, за оскорбленіе ими должностныхъ лицъ и учрежденій, даже духовнаго же вѣдомства, напр. духовныхъ консисторій, подлежатъ окружному суду. Преступленія и проступки

духовныхъ лицъ *противъ должности, благочинія и благоповеденія*, упоминаемыя въ ст. 148 уст. дух. конс., подлежатъ исключительно духовному суду, какъ относящіяся къ церковной дисциплинѣ. Преступленія противъ должности суть нарушенія обязанностей, лежащихъ на духовномъ лицѣ, какъ должностномъ, имѣющемъ на своей отвѣтственности извѣстный кругъ дѣлъ, напр. отправленіе богослуженія и требъ, исправное веденіе документовъ и т. п. Понятія благочинія и благоповеденія не могутъ быть разграничены одно отъ другаго: преступленія или проступки противъ благочинія и благоповеденія суть вообще нарушенія обязанностей званія или сана духовнаго, каковы нетрезвость, нецѣломудріе, неприличіе въ одѣяніи, занятіе не сообразными съ духовнымъ саномъ профессіями и т. п.

*§ 91. Церковныя наказанія**). Церковныя наказанія могутъ быть или общія, направляющіяся противъ всѣхъ вообще членовъ церкви, или особенныя, направляющіяся противъ духовныхъ и церковно-должностныхъ лицъ. I. *Общія* наказанія древней церкви были: а) отлученіе или анаѳема, т. е. исключеніе изъ христіанскаго общества съ лишеніемъ всѣхъ благъ, вытекающихъ для человѣка изъ принадлежности его къ церкви, и съ обреченіемъ виновнаго Божіему возмездію, и б) публичное церковное покаяніе, весьма продолжительное, иногда даже пожизненное. Публичное покаяніе, впрочемъ, первоначально было не наказаніемъ, а благодѣяніемъ, которое церковь изъ снисхожденія и только одинъ разъ оказывала кающемуся грѣшнику, желавшему возстановленія въ правахъ церковныхъ. Уже въ III в., примѣнительно къ постепенному принятію нехристіанъ въ церковь (оглашенныхъ), выработался постепенный же порядокъ обратнаго принятія кающагося въ церковь.

---

*) *Morinus*, Commentarius historicus de disciplina in administratione sacramenti poenitentiae, 1651 г.; *Bruno Schilling*, Der Kirchenbann nach canonischem Rechte, 1859 г.; *Kober*, Der Kirchenbann und seine Folgen, 1863 г., *Kober*, Die Suspension der Kirchendiener nach den Grundsätzen des can. Rechts; *Kober*, Deposition und Degradation, 1867 г.; *Frank*, Die Bussdisciplin der Kirche von den Apostelzeiten bis zum 7 Jahrh. 1867 г.; *Eck*, De natura poenarum secundum jus canonicum, 1866 г.; *München*, Das kanonische Gerichtsverfahren und Strafrecht; *Katz*, Grundriss des canonischen Strafrechts.; *Hinschius*, Kirchenrecht, III, 690 и см. литературу, означенную въ § 58. *Знаменскій*, О приходскомъ духовенствѣ въ Россіи со времени реформы Петра.

Образовались четыре покаянныя ступени (stationes poenitentiales): 1) плачущіе (flentes, προσκλαίοντες), которые не допускались внутрь храма, но внѣ церковнаго зданія съ плачемъ просили о допущеніи къ покаянію и о молитвахъ за нихъ вѣрующихъ, входящихъ въ храмъ; 2) слушающіе (audientes, ἀκροώμενοι), т. е. тѣ, которые слушали чтенія изъ св. Писанія и проповѣдь въ передней части храма (притворъ) и затѣмъ выходили изъ храма вмѣстѣ съ оглашенными; 3) колѣнопреклонные или припадающіе (genuflectentes, substrati, γονυκλίνοντες, ὑποπίπτοντες), допускавшіеся до церковнаго амвона и, послѣ удаленія изъ храма оглашенныхъ и слушающихъ, повергавшіеся на землю ницъ; надъ ними епископъ читалъ молитвы и возлагалъ на нихъ руки, послѣ чего и они, подобно оглашеннымъ и слушающимъ, оставляли храмъ, —эта степень была наиболѣе продолжительная; 4) вмѣстѣ стоящіе (consistentes, σύσταντες), присутствовавшіе въ храмѣ въ продолженіи всей литургіи, но не допускавшіеся къ Евхаристіи и къ принесенію жертвенныхъ даровъ вмѣстѣ съ вѣрующими. Проведя извѣстное время въ этой стадіи покаянія, кающійся получалъ послѣднее руковозложеніе отъ епископа и вступалъ затѣмъ въ полное обладаніе правами члена христіанскаго общенія.

На системѣ послѣдовательнаго прохожденія четырехъ степеней покаянія—плача, слушанія, припаданія и совмѣстнаго стоянія—построены главнымъ образомъ каноны соборовъ и отцовъ IV в., особенно каноны Василія Великаго; но послѣ IV в. публичное покаяніе на востокѣ вышло изъ употребленія, и правила о долгосрочномъ публичномъ покаяніи замѣнились въ практикѣ епитимійными правилами покаянныхъ сборниковъ, получившихъ позднѣе въ восточной церкви широкое употребленіе съ именемъ Іоанна Постника, патріарха константинопольскаго.

Ἐπιτίμιον буквально значитъ запрещеніе: этимъ словомъ обозначалось въ древности публичное церковное покаяніе съ его отрицательной стороны, какъ воспрещеніе пользованія извѣстными церковными благами или правами; но, съ замѣною долгосрочнаго покаянія краткосрочнымъ (напр. вмѣсто 10 лѣтъ 1 годъ), самыя дѣла покаянія (напр. постъ и сухоядѣніе, молитвы и поклоны, милостыня) стали называться епитиміей.

Въ системѣ *римско-католическаго* церковнаго права, еще въ средніе вѣка, было сдѣлано различіе между цензурами или наказаніями врачующими (censurae s. poenae medicinales) и наказаніями виндикативными или воздающими (poenae vindicativae), смотря по различію цѣлей ихъ: вразумить и исправить преступника,

упорствующаго въ своемъ преступномъ состоянiи, или же воздать преступнику за учиненное имъ преступленiе. Цензуры не могутъ имѣть мѣста при наличности раскаянiя, не могутъ быть налагаемы на опредѣленное время, и наложенiю ихъ предшествуютъ три послѣдовательныя каноническiя увѣщанiя (monitiones canonicae); послѣднiя, впрочемъ, отпадаютъ при такъ называемой excommunicatio latae sententiae. Виндикативныя наказанiя поражаютъ преступника за совершенное имъ преступное дѣянiе, независимо отъ раскаянiя или нераскаянности его, могутъ быть налагаемы на опредѣленное время и не предполагаютъ каноническихъ увѣщанiй. Цензуры суть: 1) отлученiе отъ церкви, которое можетъ быть или великое, иначе анаѳема (excommunicatio major s. anathema), т. е. исключенiе изъ церкви съ лишенiемъ званiя христiанина—съ этимъ наказанiемъ по средневѣковому праву соединялось также и объявленiе внѣ покровительства законовъ со стороны государства, если отлученный втеченiе извѣстнаго времени не примирялся съ церковью,—или малое (excommun. minor), т. е. лишенiе участiя въ церковныхъ таинствахъ и права на занятiе церковныхъ должностей; смотря по тому, налагается ли отлученiе по судебному приговору, или слѣдуетъ ipso jure за самымъ преступнымъ фактомъ, различаются censurae ferendae sententiae и censurae latae sententiae; 2) интердиктъ, т. е. запрещенiе предпринимать какiя либо богослужебныя дѣйствiя въ извѣстномъ мѣстѣ, округѣ или странѣ (interdictum locale) или для извѣстныхъ лицъ (interdictum personale). Виндикативныя наказанiя, при широкомъ кругѣ вѣдомствъ церковнаго суда въ средніе вѣка, могли обнимать собою всѣ мѣры уголовной репрессiи, за исключенiемъ смертной казни и тѣлесныхъ наказанiй, соединенныхъ съ пролитiемъ крови. Въ настоящее время, въ качествѣ таковаго, практикуется лишь лишенiе церковнаго погребенiя разныхъ категорiй лицъ, каковы: убитые на дуэли, жившiе въ общеизвѣстномъ грѣхѣ, напр. въ прелюбодѣйной связи, или въ гражданскомъ бракѣ безъ благословенiя церковнаго, и умершiе нераскаянными, не исполнившiе долга ежегоднаго пасхальнаго причащенiя и умершiе безъ всякаго признака раскаянiя,—самоубiйцы, лишившiе себя жизни въ состоянiи вмѣняемости и точно также не обнаружившiе предъ смертью признаковъ раскаянiя.

Въ *евангелической* церкви практикуются въ видѣ общихъ церковныхъ наказаній: недопущеніе къ Евхаристіи, отказъ въ церковномъ содѣйствіи при заключеніи брака, устраненіе отъ воспріемничества, лишеніе активнаго и пассивнаго избирательнаго права, а также церковнаго погребенія.

Въ *Россіи*, съ древнѣйшихъ временъ, практиковались отлученіе и церковное покаяніе, лишеніе церковнаго погребенія, и кромѣ того, разныя наказанія, заимствованныя изъ практики свѣтскихъ судовъ. *Отлученіе* въ видѣ непринятія приношеній въ церковь Божію отъ лицъ, жившихъ въ явныхъ грѣхахъ, безъ всякаго признака раскаянія, особенно отъ лицъ, самовольно расторгавшихъ браки и вступавшихъ въ новые браки, представляется обычнымъ наказаніемъ въ правилахъ и посланіяхъ русскихъ митрополитовъ. Въ XVII в. отлученіе нерѣдко практиковалось въ видѣ такъ называемаго вседомовнаго, распространяющагося на цѣлый домъ со всѣми его домочадцами, не исключая и дворовой челяди и крестьянъ, слѣдовательно безъ различія правыхъ отъ виноватыхъ, и такимъ образомъ съ чертами западно-католическаго интердикта, обыкновенно „за преобидѣніе“ церкви Божіей и церковнаго причта; отлученные члены дома не только не допускались въ церковь, но и исключались отъ всякихъ требъ церковныхъ, такъ что родившіеся оставались безъ крещенія, умершіе безъ погребенія. Кромѣ этого отголоска западно-католическаго церковнаго права, вліяніе послѣдняго на русскую церковную практику засвидѣтельствовано еще обнаружившимся на соборѣ 1666 г. знакомствомъ съ католическою excommunicatio latae sententiae и еще болѣе поздними постановленіями духовнаго регламента объ отлученіи отъ церкви. Хотя епископамъ при Петрѣ Великомъ было строго воспрещено, по ихъ личнымъ распрямъ и столкновеніямъ съ воеводами и другими лицами, прибѣгать къ отлученію, въ особенности вседомовному, но и въ духовномъ регламентѣ отлученіе признается необходимымъ и регулируется подробными правилами. Оно разсматривается какъ цензура, не за грѣхъ просто налагаемая, а имѣющая въ виду сломить преступную волю упорствующаго въ преступномъ состояніи „съ явнымъ закона Божія ругательствомъ и посмѣяніемъ и съ великимъ соблазномъ немощныхъ братій“, и различается какъ отлученіе великое или анаѳема и отлученіе малое,—то и другое

предваряется многократнымъ увѣщаніемъ. Въ практикѣ прошлаго столѣтія были нерѣдкіе примѣры примѣненія отлученія и притомъ въ видѣ воспрещеннаго духовнымъ регламентомъ вседомовнаго отлученія: виновный въ „преобидѣніи церкви Божіей", напр. въ присвоеніи церковной земли, всѣ домашніе его, дворовые люди и крестьяне не допускались въ церковь, и если бы насильно вошли, то богослуженіе должно было пріостанавливаться; на домъ къ нимъ ни съ какими потребами священникъ не долженъ былъ ходить, и если бы кто изъ нихъ умиралъ, то умершіе должны были зарываться въ полѣ безъ всякаго отпѣванія. Въ практикѣ нынѣшняго столѣтія отлученіе не встрѣчается, но возможность этого наказанія прямо предполагается уставами гражданскаго (ст. 44, 246, 83 и 371 и ср. т. XVI ч. 2 ст. 262) и уголовнаго (ст. 95 и 706) судопроизводства, гдѣ говорится о недопущеніи къ свидѣтельству лицъ, отлученныхъ отъ церкви по приговору духовнаго суда. *Церковное покаяніе* практиковалось въ древней Руси или въ видѣ епитиміи, или въ видѣ отдачи въ домъ церковный, въ видѣ монастырскаго подначальства, т. е. въ видѣ отдачи подъ духовное руководство монастырскаго старца „добраго и крѣпкожительнаго", или монастырской старицы „доброй и крѣпкожительной", смотря по полу лица подначальнаго, въ видѣ монастырскаго „смиренія", т. е. съ употребленіемъ наказуемаго на всѣ грязныя монастырскія работы и съ содержаніемъ въ монастырской хлѣбнѣ на цѣпи и въ кандалахъ, а въ XVIII в. даже съ тѣмъ оттѣнкомъ публичнаго опозоренія, который имѣло соотвѣтствующее наказаніе въ XVII в. въ протестантскихъ территоріяхъ Германіи: наказанію этому придавался тотъ смыслъ, что преступникъ, оскорбившій своими дѣлами благочестивое чувство христіанъ, долженъ былъ доставить публичное удовлетвореніе этому чувству публичнымъ покаяніемъ въ слухъ всѣхъ присутствующихъ при богослуженіи. Въ настоящее время церковное покаяніе имѣетъ видъ епитиміи, состоящей въ посѣщеніи церкви, въ молитвѣ и поклонахъ, въ постѣ и милостынѣ; епитимія эта исполняется на дому, т. е. въ мѣстожительствѣ виновнаго, подъ руководствомъ его духовника, но можетъ превратиться въ монастырскую при доказанной безуспѣшности покаянія на мѣстѣ жительства. Эта монастырская епитимія должна быть отличаема отъ заключенія въ монастырѣ, кото-

рое въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣляется уголовнымъ судомъ, на основаніи улож. о наказ., напр. въ отношеніи къ несовершеннолѣтнимъ, а также виновнымъ въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ статьями 1549, 1566, 1585, 1593—1594 улож.. Кромѣ отлученія и церковнаго покаянія, извѣстно нашему законодательству *лишеніе церковнаго погребенія* за самоубійство, совершенное съ намѣреніемъ и не въ безуміи, сумасшествіи, или временномъ отъ какихъ либо болѣзненныхъ припадковъ безпамятствѣ. Лишаются церковнаго погребенія, кромѣ того, преступники, подвергнутые смертной казни; но наказанію этому уже не подвергаются тѣ, которые „купаючись и хвалясь и играя утонутъ или съ качели убьются или на разбоѣ и на воровствѣ какомъ убиты будутъ“, какъ это дѣлалось въ XVII в. Изъ *практики свѣтскихъ судовъ* заимствованы были въ церковную денежныя пени, тѣлесныя наказанія и лишеніе свободы; наказанія эти отошли въ область исторіи.

Въ отношеніи къ *духовнымъ лицамъ*, такъ какъ имъ, кромѣ общехристіанскихъ правъ, принадлежатъ нѣкоторыя особыя права въ церковномъ обществѣ, всегда признавалось возможнымъ примѣненіе нѣкоторыхъ другихъ наказаній, кромѣ общихъ. Каноническому праву древней церкви извѣстны были: 1) низложеніе или изверженіе, т. е. лишеніе должности вмѣстѣ съ саномъ и со всѣми правами, связанными съ принадлежностію къ клиру, 2) лишеніе должности, но съ сохраненіемъ права занимать мѣсто среди клириковъ во время богослуженія и права приступать къ Евхаристіи вмѣстѣ съ духовенствомъ раньше мірянъ; 3) смѣщеніе на низшую ступень духовной іерархіи, 4) лишеніе старшинства между сотоварищами по должности и сану и низведеніе на послѣднее между ними мѣсто; 5) временное пріостановленіе пользованія правами, связанными съ саномъ и должностью на опредѣленный срокъ, или безъ опредѣленія срока, впредь до исправленія.

Въ карѳагенскихъ канонахъ упоминается еще особое дисциплинарное наказаніе, примѣнявшееся къ епископамъ и состоявшее въ лишеніи епископа братскаго общенія съ другими епископами, съ ограниченіемъ епископа общеніемъ лишь своей собственной церкви: виновный епископъ (напр. не явившійся на соборъ безъ уважительной причины, принявшій въ подчиненный себѣ монастырь монаха изъ чужого монастыря) исключался отъ всякихъ оффиціальныхъ сношеній съ другими епископами, не могъ ни самъ лично быть принятымъ въ качествѣ епи-

скопа въ другихъ общинахъ, ни выдавать представительныхъ или рекомендательныхъ грамотъ путешествующимъ христіанамъ своей общины, не могъ являться на провинціальный соборъ вмѣстѣ съ другими епископами.

Римско-католическое церковное право и въ примѣненіи къ духовнымъ лицамъ различаетъ цензуры и виндикативныя наказанія. Характеръ цензуры имѣетъ временное пріостановленіе пользованія правами (suspensio) впредь до исправленія,—различаются: suspensio generalis, простирающаяся па всѣ права духовнаго лица, и suspensio specialis, затрогивающая одну которую либо изъ трехъ категорій правъ, принадлежащихъ духовнымъ лицамъ, т. е. или права священнодѣйствія (suspensio ab ordine), или права должностныя, относящіяся къ юрисдикціи (suspensio ab officio), или права имущественныя, состоящія въ извлеченіи доходовъ, связанныхъ съ церковною должностью (suspensio a beneficio). Къ виндикативнымъ наказаніямъ причисляются: 1) деградація, т. е. снятіе сана, имѣющее своимъ послѣдствіемъ лишеніе всякихъ клерикальныхъ правъ и привилегій и дѣлающее клирика подсуднымъ свѣтскому суду; наказаніе это разсматривается какъ обратная сторона ординаціи, т. е. посвященія въ духовный санъ, такъ какъ епископъ въ храмѣ торжественно разоблачаетъ виновнаго отъ всѣхъ принадлежностей его сана; 2) низложеніе (depositio), состоящее въ лишеніи должности, вмѣстѣ съ способностію къ занятію другихъ должностей на будущее время, но безъ исключенія изъ клира; 3) лишеніе должности (privatio beneficii) безъ лишенія способности къ пріобрѣтенію другой должности; 4) перемѣщеніе или переводъ съ одного мѣста на другое (translatio), допускаемое впрочемъ только при наличности causae necessariae; 5) suspensio на опредѣленный срокъ въ столь же различномъ объемѣ, какъ и suspensio въ смыслѣ цензуры (генеральная или спеціальная).

Примѣненіе къ духовнымъ лицамъ наказаній, направленныхъ противъ гражданскихъ правъ, государственными законами отчасти ограничивается (напр. денежный штрафъ цифрой мѣсячнаго дохода, лишеніе свободы—поставленіемъ отбытія этого наказанія въ зависимость отъ доброй воли наказуемаго), частію совершенно воспрещается (тѣлесное наказаніе).

Евангелическая духовно должностная дисциплина въ Германіи поддерживается частію мѣрами, налагаемыми въ административ-

номъ порядкѣ (Ordnungsstrafen) безъ формальнаго судопроизводства (какъ предостереженіе, выговоръ и денежный штрафъ), частію наказаніями, по суду налагаемыми, (каковы удаленіе отъ должности и увольненіе отъ службы вообще; практикуется и суспензія, т. е. временное пріостановленіе пользованія должностными правами).

Въ *Россіи* церковная практика знала и примѣняла какъ извѣстныя изъ каноновъ наказанія—изверженіе и запрещеніе,—такъ и многія другія, именно лишеніе должности безъ лишенія сана и съ оставленіемъ въ лишенномъ способности совершать всѣ священнодѣйствія, свойственныя извѣстному сану, монастырское подначальство и смиреніе, денежные штрафы, тѣлесныя наказанія, даже ссылку (оземствованіе). По дѣйствующему уставу духовныхъ консисторій, на духовенство могутъ быть налагаемы слѣдующія наказанія: 1) лишеніе священнослужителей сана, а священномонашествующихъ сана и монашества съ исключеніемъ изъ духовнаго вѣдомства какъ за пороки, несовмѣстные съ духовнымъ званіемъ, такъ и за преступленія, подлежащія государственному уголовному суду: лишаемые сана за пороки не могутъ вступать въ гражданскую службу—священникъ ранѣе 20 лѣтъ, дьяконъ ранѣе 12 лѣтъ; причетники, исключенные изъ духовнаго вѣдомства, безусловно не принимаются въ гражданскую службу; если священнослужителями совершено уголовное преступленіе, то, послѣ осужденія виновнаго, должно состояться снятіе сана въ духовной консисторіи, которое такимъ образомъ должно предшествовать приведенію постановленнаго уголовнымъ судомъ приговора въ исполненіе.

Въ старину и у насъ бывали примѣры снятія сана въ видѣ римско-католической деградаціи съ символическими дѣйствіями, совершаемыми въ храмѣ. Указомъ 1733 г. было предписано производить снятіе сана черезъ остриженіе волосъ на головѣ и бородѣ и черезъ замѣну духовнаго одѣянія простонароднымъ въ присутствіи консисторіи. Но въ настоящее время снятіе сана совершается безъ всякихъ символическихъ дѣйствій посредствомъ прочтенія виновному приговора о низложеніи.

2) лишеніе священнослужителей сана, съ оставленіемъ въ духовномъ вѣдомствѣ на низшихъ должностяхъ, и лишеніе священномонашествующихъ сана съ оставленіемъ въ одномъ монашествѣ на покаяніи; 3) временное запрещеніе въ священно-

служеніи съ временнымъ отрѣшеніемъ отъ должности и съ опредѣленіемъ въ причетники впредь до исправленія; 4) временное запрещеніе въ священнослуженіи безъ отрѣшенія отъ должности, но съ возложеніемъ епитиміи, которая должна быть исполнена въ монастырѣ или на мѣстѣ; 5) временное испытаніе въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, т. е. прохожденіе епитиміи безъ запрещенія священнослуженія,—этимъ, равно какъ предыдущимъ наказаніемъ имущественное положеніе наказуемаго затрогивается такимъ образомъ, что половина доходовъ, связанныхъ съ его мѣстомъ, выдается ему или его семейству, а другая половина идетъ въ пользу исправляющаго его должностныя обязанности лица; 6) отрѣшеніе отъ мѣста, наказаніе болѣе тяжелое, чѣмъ два предыдущія, такъ какъ оно, хотя и не сопряжено съ запрещеніемъ священнослуженія, но лишаетъ должности, какъ источника средствъ къ существованію; 7) исключеніе за штатъ, т. е. тоже самое отрѣшеніе отъ должности, безъ запрещенія священнослуженія, но примѣняемое къ престарѣлымъ только лицамъ (свыше 60 л.); 8) усугубленіе надзора, 9) пеня и денежное взысканіе, 10) поклоны, 11) строгій или простой выговоръ, 12) замѣчаніе.

Въ положеніи о протопресвитерѣ военнаго и морскаго духовенства 12 Іюня 1890 г. упоминается, между другими наказаніями, исключеніе изъ военнаго клира и возвращеніе въ ту епархію, къ которой наказуемый принадлежитъ по рожденію, или въ иную, по усмотрѣнію протопресвитера. Кромѣ того въ названномъ положеніи проводится различіе между наказаніями, по суду налагаемыми, и наказаніями, налагаемыми протопресвитеромъ въ административномъ порядкѣ. Къ послѣднему разряду принадлежатъ: замѣчаніе, выговоръ простой или строгій, денежный штрафъ не свыше 50 руб., переводъ съ одного мѣста на другое.

§ 92. *Церковное судоустройство* *). Въ древней церкви епи-

*) *Molitor*, Ueber canonisches Gerichtsverfahren gegen Cleriker, 1856 г.; *Fessler*, Der canonische Process nach seinen positiven Grundlagen in vorjustinianischen Periode, 1860 г.; *Kellner*, Buss—und Strafverfahren gegen Kleriker in den sechs ersten christlichen Jahrhunderten, 1863 г.; *Schulte*, Lehrbuch des catholischen und evangelischen Kirchenrechts, §§ 91, 142—143; *Thudichum* II, §§ 141—142; *Hinschius*, Kirchenrecht, B. V, § 276 и сл. въ особенности B. VI §§ 350—353. *Дмитріевъ*, Исторія судебныхъ инстанцій, 93—119, 162—163, 324 и сл.; Предполагаемая реформа церковнаго суда, изд. Елагина, 1873 г.; *Соколовъ*, Основныя начала судебной реформы въ примѣненіи къ вѣдомству духовнаго суда (Прав. обозр. 1871 г., мартъ и май); *Суворовъ*, Объемъ дисципл. суда, гл. 4.

скопъ судилъ, какъ по спорнымъ дѣламъ, такъ и по преступленіямъ противъ церковной дисциплины, причемъ древне-церковные памятники представляютъ его дѣйствующимъ то въ присутствіи пресвитеровъ и діаконовъ, то въ присутствіи всего вѣрующаго народа. Съ развитіемъ церковной централизаціи, въ митрополіяхъ образовалась апелляціонная инстанція по дѣламъ, рѣшеннымъ епископами, и первая по дѣламъ самихъ епископовъ округа между собою и по жалобамъ на нихъ,—въ патріархатахъ же установилась третья инстанція по дѣламъ рѣшеннымъ епископами, вторая по дѣламъ, рѣшеннымъ митрополитами, и первая по дѣламъ самихъ митрополитовъ и по жалобамъ на нихъ. Такимъ образомъ, епископъ занялъ положеніе низшей инстанціи церковнаго суда по дѣламъ духовенства и мірянъ епископскаго округа.

Только въ сѣверной Африкѣ, какъ видно изъ карѳагенскихъ каноновъ, судъ первой инстанціи былъ опредѣленъ иначе: здѣсь діаконъ судился тремя епископами, пресвитеръ шестью, епископъ двѣнадцатью. Эта особенность объясняется тѣмъ, что въ сѣверной Африкѣ, при множествѣ общинъ, городскихъ и сельскихъ, имѣвшихъ каждая своего епископа, можно было безъ затрудненій епископамъ—сосѣдямъ въ означенномъ составѣ собираться для производства суда надъ духовными лицами. Въ сѣверной Африкѣ существовала и еще одна особенность—судъ посредниковъ, выбранныхъ обѣими спорящими сторонами, для котораго не былъ необходимъ означенный личный составъ, и который исключалъ всякое обжалованіе.

Юстиніанъ, повторяя постановленія каноновъ о правильномъ періодическомъ составленіи соборовъ по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, подтвердилъ указанный порядокъ трехъ инстанцій, добавивъ, что не одни только соборы, въ то время когда они составляются, разсматриваютъ судныя дѣла, но и лично епископы втеченіе цѣлаго года судятъ подчиненныхъ имъ клириковъ, митрополиты—подчиненныхъ епископовъ, патріархи подчиненныхъ митрополитовъ. Патріарху константинопольскому было предоставлено право принимать жалобы и изъ другихъ восточныхъ патріархатовъ. Вселенскіе соборы, когда они составлялись, дѣйствовали иногда въ качествѣ высшаго церковнаго суда не только по дѣламъ судившихся на соборахъ еретиковъ, но и по разнымъ процессамъ между епископами, митрополитами и патріархами. Недостаточность гарантій справедливости въ установленныхъ церковныхъ инстанці-

яхъ и невозможность обращенія къ вселенскому собору, который могъ составляться лишь при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, часто приводили къ необходимости осуществленія высшей судебной власти самимъ императоромъ, которому подавались жалобы на соборные приговоры. Съ другой стороны, въ виду пристрастнаго отношенія императора къ одной какой либо изъ религіозныхъ партій, лица, считавшія себя несправедливо осужденными соборомъ, пользовавшимся поддержкой императора, обращались за помощью къ римскому епископу, и даже одинъ изъ соборовъ (сардикскій), правила котораго вошли и въ восточное каноническое право, призналъ за римскимъ епископомъ высшую судебную власть въ томъ смыслѣ, что папа, въ случаѣ основательности жалобы на соборный приговоръ, можетъ составить новый соборъ для пересмотра дѣла (ср. выше стр. 53—54). На *западѣ* обширность епископскихъ діэцезовъ вызвала образованіе мѣстной инстанціи въ архидіаконскихъ округахъ или архидіаконатахъ. Но такъ какъ архидіаконы стремились къ независимости, желая дѣйствовать какъ judices ordinarii ex jure proprio, а не по делегаціи отъ епископа, то инстанція эта была найдена несоотвѣтствующею духу католическаго церковнаго устройства и упразднена. Хотя за сельскими деканами, деканами капитуловъ и другими лицами признается извѣстная дисциплинарная исправительная власть, но эта власть не связана съ какими либо судопроизводственными формами и стоитъ внѣ всякихъ инстанцій. Такимъ образомъ низшую или первую ординарную инстанцію составляетъ епископъ, въ менѣе важныхъ дисциплинарныхъ дѣлахъ непосредственно дѣйствующій, а въ болѣе важныхъ черезъ генеральнаго викарія или оффиціала; или черезъ коллегіальное учрежденіе (ср. рус. уст. дух. д. иностр. испов. ст. 60—63). Вторую инстанцію составляетъ митрополитъ, къ которому поступаютъ апелляціонныя жалобы по дѣламъ, рѣшеннымъ епископами въ первой инстанціи; что касается дѣлъ, рѣшаемыхъ въ *первой* инстанціи *митрополитами*, какъ имѣющими подъ своимъ управленіемъ собственный епископскій діэцезъ, то апелляціонная по этимъ дѣламъ инстанція организуется различнымъ образомъ: то она устанавливается митрополитомъ же, то епископскій судъ другаго діэцеза принимаетъ полномочіе отъ папы быть апелляціонною инстанціею по дѣламъ архіепископскаго діэцеза (ср. уст.

д. д. иностр. испов. ст. 60 § 2 прим. 1). Высшая судебная власть принадлежитъ папѣ и осуществляется въ разныхъ странахъ различно: или туземными учрежденіями данной страны, делегируемыми къ тому папой (т. н. judices in partibus), или нунціемъ, или самимъ папой (ср. уст. дух. д. иностр. испов. ст. 47 и ст. 60 § 2 прим. 1). Дѣла *самихъ епископовъ* вообще разсматриваются папой чрезъ куріальныя учрежденія (congr. inquisitionis, congr. super negotiis episcoporum и др.), и только тамъ, гдѣ еще не вышли изъ употребленія провинціальные соборы, послѣдніе могутъ вѣдать дѣла о маловажныхъ проступкахъ епископовъ.

Въ *евангелической* церкви разрѣшеніе спорныхъ дѣлъ и дисциплинарный судъ осуществляются отчасти церковно-правительственными, отчасти общественными органами. Напр. въ Пруссіи по такимъ дѣламъ, какъ о лишеніи избирательнаго права, объ ограниченіи или лишеніи должностныхъ правъ духовныхъ лицъ, объ отлученіи отъ церкви, и по всѣмъ важнымъ спорнымъ дѣламъ, какъ напр. возникающимъ изъ патроната, или по дѣламъ брачнымъ, ординарною судебною инстанціею служитъ консисторія, а второю или апелляціонною—высшій евангелическій церковный совѣтъ. Церковно-исправительныя мѣры противъ мірянъ, кромѣ отлученія отъ церкви, налагаются церковно-приходскими совѣтами и подлежатъ обжалованію въ комитетъ уѣзднаго синода, или въ самый синодъ, когда онъ созванъ. Дисциплинарныя мѣры противъ членовъ приходскихъ совѣтовъ (пресвитеровъ) предпринимаются въ первой инстанціи комитетомъ уѣзднаго синода, а обжалованія направляются въ консисторію.

Въ *русской православной церкви*, въ соотвѣтствіе тремъ правительственнымъ ступенямъ церковной организаціи, существовали почти до нынѣшняго столѣтія три судебныя инстанціи: 1) десятинная или уѣздная въ лицѣ архимандритовъ и протопоповъ, десятильниковъ, закащиковъ, духовныхъ дѣлъ управителей и духовныхъ правленій, 2) епархіальная въ лицѣ епископовъ, при которыхъ со времени стоглаваго собора должны были дѣйствовать двоякаго рода суды, смотря по характеру дѣлъ и лицъ, подлежащихъ епархіальному вѣдомству—судъ изъ архимандритовъ и игуменовъ и судъ изъ архіерейскихъ бояръ, въ XVII в. преобразовавшіеся въ приказы, 3) центральная инстанція въ лицѣ митро-

политовъ, позднѣе патріарховъ съ соборомъ и безъ собора епископовъ.

Но древнерусскіе памятники не даютъ возможности придти къ выводу о существованіи какихъ либо правилъ относительно послѣдовательнаго движенія дѣлъ по инстанціямъ. Изъ того, что духовный регламентъ считаетъ нужнымъ оговорить возможность „провокаціи“, безъ опасенія наказанія за то, и при этомъ все-таки стѣсняетъ эту возможность, угрожая „не малымъ наказаніемъ“ тѣмъ челобитчикамъ и истцамъ, которые бы „ложнымъ доношеніемъ пастырей своихъ турбовать дерзнули или *всуе* отъ суда епископскаго на судъ духовнаго коллегіумъ учинили бы провокацію“, можно выводить даже, что апелляціонный принципъ не былъ обычнымъ для юридическаго міровоззрѣнія древней Руси. Послѣдовательность установленныхъ инстанцій церковнаго суда до половины XVII в. не выдерживалась и еще въ одномъ, весьма важномъ, отношеніи: благодаря массѣ несудимыхъ грамотъ, выдававшихся и князьями, и архіереями, множество церковныхъ учрежденій, съ принадлежащими имъ землями и со всѣмъ населеніемъ этихъ земель, освобождалось отъ подсудности ординарной инстанціи и получало привилегію судиться у самаго князя или епископа, или даже привилегію самосуда, т. е. лицу, стоящему во главѣ церковнаго учрежденія, предоставлялось право судить всѣхъ лицъ, подчиненныхъ этому учрежденію.

Въ XVIII в. высшею судебною инстанціею сдѣлался и по настоящее время остается таковою св. синодъ; первую и низшую составляетъ епархіальный архіерей, дѣйствующій черезъ подчиненную ему консисторію: по дѣламъ же самихъ епископовъ и для суда надъ ними св. синодъ есть первая и вмѣстѣ единственная инстанція. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ не на основаніи закона, а по распоряженіямъ мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ организована низшая судебная инстанція въ благочинническихъ округахъ при благочинномъ, подъ названіемъ благочинническаго совѣта, съ предоставленіемъ суду этой коллегіи спорныхъ дѣлъ между членами причтовъ (напр. по раздѣлу доходовъ, по вознагражденію за убытки), а также жалобъ прихожанъ на вымогательство причта за требоисправленія, на недозволенные излишніе поборы, на отказъ или несвоевременное исполненіе церковныхъ требъ, затѣмъ исковъ о личныхъ обидахъ, наконецъ проступковъ противъ духовнаго званія и противъ духовной должности, влекущихъ за собою замѣчанія, внушенія и выговоры безъ внесенія въ формулярные списки.

Самодержавная царская власть въ отправленіяхъ церковнаго суда не принимаетъ участія, подобно тому какъ и въ государствѣ она не составляетъ одной изъ ординарныхъ судебныхъ инстанцій; но въ чрезвычайныхъ случаяхъ верховная власть есть высшій источникъ правосудія по всякимъ дѣламъ и для людей всѣхъ вѣдомствъ, не исключая и духовнаго. Допускается принесеніе на высочайшее имя прошеній и жалобъ по духовному вѣдомству, которыя относятся до духовныхъ дѣлъ и управленія православной церкви.

§ 93. *Церковное судопроизводство* *). Изъ древне-церковныхъ памятниковъ съ наибольшею подробностію изображаютъ церковное судопроизводство постановленія апостольскія. Какъ по спорнымъ дѣламъ, такъ и по преступленіямъ судъ производился епископомъ лично, гласно и открыто, въ присутствіи пресвитеровъ и діаконовъ. Епископъ, выслушавъ объясненія сторонъ и показанія свидѣтелей, старался окончить дѣло примиреніемъ. Судъ по преступленіямъ имѣлъ ту особенность, что, примѣнительно къ словамъ Евангелія о неоднократномъ вразумленіи согрѣшающаго брата, производился открыто послѣ предварительныхъ вразумленій не публичныхъ. При христіанскихъ императорахъ, когда судъ епископскій получилъ оффиціально государственное значеніе какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ отчасти и по уголовнымъ, епископское судопроизводство естественно должно было сообразоваться съ процессомъ въ свѣтскихъ судахъ римской имперіи, и не видно, чтобы церковь выработала себѣ какой либо особый каноническій процессъ, какъ это произошло на западѣ въ средніе вѣка, или внесла какія либо измѣненія въ римскій процессъ. Даже судъ противъ еретиковъ на церковныхъ соборахъ былъ точнымъ подражаніемъ римскому обвинительному процессу.

Римскій обвинительный процессъ (accusatio) былъ судебною борьбою не между обществомъ, вооруженнымъ правомъ наказывать, и пред-

*) Кромѣ означенныхъ въ предыд. § сочиненій Фесслера, Келлнера, Молитора, Мюнхена: *Geib*, Geschichte des röm. Criminalprocesses, 1844 г.; *Bonix*, Tractatus de judiciis ecclesiasticis, 1866 г.; *Biener*, Beiträge zur Geschichte des Inquisitionsprozesses, 1827; *Fournier*, Les officialités au moyen âge, Paris, 1880 г.; *Hinschius*, Kirchenr. B. VI, § 359 и сл.; митр. *Макарій*, Исторія р. ц. VIII; *Дмитріевъ*, Исторія судебныхъ инстанцій, стр. 183 и сл., 252 и сл. 351, 535; *Розановъ*, Исторія московскаго епарх. управленія; *Загоровскій*, О разводѣ по русскому праву.

полагаемымъ виновникомъ преступленія, а между этимъ послѣднимъ и частнымъ лицомъ, его преслѣдующимъ. Тутъ, какъ и въ гражданскомъ процессѣ, происходило состязаніе между сторонами: между частнымъ обвинителемъ (такъ какъ государственная власть не имѣла инциативы въ возбужденіи уголовнаго дѣла), игравшимъ роль истца, изыскивавшимъ и приводившимъ доказательства, съ тѣмъ чтобы убѣдить судью въ виновности обвиняемаго и добиться его осужденія, и между этимъ послѣднимъ, игравшимъ роль отвѣтчика и защищавшимся противъ нападеній истца. Правда, для избѣжанія слишкомъ очевидныхъ неудобствъ такого порядка вещей, по болѣе тяжкимъ преступленіямъ (crimina publica въ отличіе отъ delicta privata), предоставлено было не только потерпѣвшему, но всякому гражданину преслѣдовать виновнаго предъ судомъ посредствомъ actio popularis, но это было правомъ гражданина, а не обязанностію. Законъ ни на кого не налагалъ *обязанности обвинять*, слѣдовательно репрессія преступленій предоставлялась инціативѣ частныхъ лицъ, для которыхъ осуществленіе права обвинять было весьма затруднено вопервыхъ исключеніемъ отъ обвиненія массы лицъ, признававшихся неспособными по закону (incapaces) къ обвиненію по разнымъ основаніямъ (полъ, возрастъ, узы крови, общественное положеніе, инфамія), вовторыхъ тяжелыми послѣдствіями неудавшагося обвиненія. Обвинитель при самомъ вчатіи обвиненія долженъ былъ дать подписку въ томъ, что онъ обязуется доказать виновность обвиняемаго, и, въ случаѣ недоказанности обвиненія, подвергнуться тому же самому наказанію (talio), которому подверся бы виновный, если бы обвиненіе было доказано. Нѣкоторымъ, впрочемъ, подспорьемъ для римскаго обвинительнаго процесса служила допускавшаяся отчасти денунціація, т. е. процессъ по доносу, сдѣланному намѣстнику провинціи, дефензору городскому или другимъ судебнымъ властямъ со стороны полицейскихъ агентовъ, наблюдавшихъ за общественнымъ спокойствіемъ: власти могли приступать къ преслѣдованію преступленій, по поводу сдѣланнаго доноса, помимо формальнаго обвиненія.

Католическая церковь, главнымъ образомъ на основѣ римскаго права и отчасти на основаніи древне-христіанской церковной практики, подъ нѣкоторымъ вліяніемъ германскаго юридическаго міровоззрѣнія, выработала развитыя формы процесса.

Эти формы большею частію утратили практическое свое значеніе для современной церковной жизни, но оказали большое вліяніе на свѣтское процессуальное право въ государствахъ западной Европы, отчасти даже и на матеріальное право, гражданское и уголовное. Каноническое прово для западной Европы, по признанію западной юридической науки, означаетъ историческую стадію, черезъ которую прошла Европа, прежде чѣмъ придти къ современному законодательству:

вотъ почему ни цивилистъ, ни криминалистъ, ни процессуалистъ не могутъ, при изученіи исторіи права, обойдти каноническое право.

Jus canonicum знаетъ вопервыхъ ординарный процессъ по дѣламъ гражданскимъ, вовторыхъ ординарный процессъ по дѣламъ уголовнымъ, а кромѣ ординарныхъ процессовъ, имѣвшихъ значеніе общаго правила, выработаны еще суммарные процессы, т. е. сокращенные, въ которыхъ разныя формальности ординарнаго судопроизводства, для ускоренія дѣла, устранены. Ординарный процессъ по дѣламъ гражданскимъ есть въ основѣ своей римскій, съ тѣми же правилами о litis contestatio, эксцепціяхъ, доказательствахъ, презумпціяхъ, о res judicata, о возстановленіи прежняго состоянія, о прокураторахъ и адвокатахъ.

Важную особенность католическаго процесса, повліявшую и на свѣтское право и преобразовавшую радикально римскую защиту владѣльца посредствомъ интердиктовъ, составляютъ exceptio и actio spolii, занесенныя изъ лжеисидоровскаго сборника въ декретъ Граціана. Canon „Redintegranda“, на которомъ канонисты, а за ними и цивилисты обосновали этотъ институтъ, можетъ быть резюмированъ въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: Spoliatus ante omnia restituendus est“. Кто лишенъ владѣнія насиліемъ, обманомъ, вообще неправомѣрнымъ способомъ (напр. епископъ насильственно выгнанный изъ діэцеза), возбуждается ли противъ него гражданскій искъ, или уголовное обвиненіе въ преступленіи, отражаетъ и искъ и обвиненіе названною эксцепціей, т. е. лишенный владѣнія освобождается отъ обязанности отвѣчать на судѣ, и слѣдовательно судъ надъ нимъ не можетъ состояться до тѣхъ поръ, пока владѣніе не будетъ возстановлено. По уголовнымъ дѣламъ exceptio spolii парализовала всякое обвиненіе, отъ кого бы оно ни исходило, отъ споліатора или отъ третьяго лица; въ порядкѣ гражданскаго процесса она противопоставлялась самому споліатору и третьему, получившему завѣдомо несправедливо отнятую у отвѣтчика вещь. Такимъ образомъ exceptio spolii не имѣла своимъ прямымъ и непосредственнымъ послѣдствіемъ реституціи владѣнія, но она приводила къ этому результату косвеннымъ путемъ, такъ какъ дѣлала право истца практически безполезнымъ (inutilis, inanis), пока не состоялась реституція. И средство это, хотя косвенное, было настолько дѣйствительно, что считалось даже болѣе выгоднымъ, чѣмъ actio spolii—искъ, который сталъ даваться потерпѣвшему, лишенному владѣнія, и который обыкновенно разсматривался какъ встрѣчный искъ, такъ что судья, не требуя предварительной реституціи владѣнія, однимъ и тѣмъ же рѣшеніемъ поканчивалъ дѣло и по главному иску, направленному противъ жертвы споліаціи, какъ отвѣтчика, и по встрѣчному иску со стороны этого послѣдняго.

Суммарный процессъ (имѣвшій мѣсто главнымъ образомъ въ спорныхъ дѣлахъ о дѣйствительности избранія и о правѣ на бенефицію) отличался отъ ординарнаго тѣмъ, что многія формальности отпускались, напр. подача исковаго прошенія (libellus) замѣнялась устнымъ заявленіемъ, заносившимся въ acta, не допускались exceptiones dilatoriae, устранялись безполезные для дѣла свидѣтели, адвокатамъ не дозволялось вдаваться въ длинноты и т. п.

Что касается уголовнаго процесса, то со времени Иннокентія III стали различаться три главныя формы процесса: accusatio, denunciatio и inquisitio. *Accusatio* есть обвинительный процессъ въ римскомъ смыслѣ, со времени введенія другихъ формъ процесса, почти вышедшій изъ практическаго употребленія, но въ теоріи всегда разсматривавшійся какъ оффиціальная процедура церковнаго суда. Римское право настолько импонировало средневѣковой юриспруденціи, что даже сами папы, дѣлая процессуальныя нововведенія, должны были тщательно и подробно мотивировать и оправдывать свои новшества.—*Денунціація* явилась въ двухъ видахъ, какъ denunciatio evangelica и denunciatio judicialis. Denunciatio evangelica собственно не есть уголовный процессъ; она основана на Матѳ. XVIII, 15—18 и мотивируется не необходимостію репрессіи, а братскою любовью, желаніемъ прекратить безнравственное состояніе и побудить виновнаго къ понесенію покаянія, причемъ увѣщанію со стороны органа власти должно предшествовать любвеобильное братское увѣщаніе и вразумленіе (caritativa monitio) виновнаго самимъ денунціантомъ съ глазу на глазъ, а въ случаѣ безуспѣшности—въ присутствіи двухъ или трехъ свидѣтелей. Denunciatio judicialis имѣетъ цѣлью положить конецъ преступленію, нарушающему въ особенности частный интересъ, какъ кража, притѣсненія всякаго рода, но и этой денунціаціи должно предшествовать увѣщаніе. Судья сохраняетъ за собою свободу оцѣнки, т. е. не обязанъ непремѣнно начинать процессъ по всякому доносу. Денунціантъ можетъ настаивать на осужденіи лица подсудимаго, но никогда не обязывается взять на себя onus probandi подъ страхомъ тальона (въ отличіе отъ accusatio), хотя можетъ быть подвергнутъ наказанію за calumnia, если будетъ доказано, что онъ сдѣлалъ клеветническій и кляузническій доносъ съ намѣреніемъ повредить своему ближнему.

Производстно въ т. н. синодальныхъ судахъ отличалось нѣкоторыми своеобразными чертами: синодальные свидѣтели, отвѣчая на вопросъ визитатора и оговаривая тѣхъ или другихъ лицъ въ преступленіяхъ, не обязывались доказать, подъ страхомъ тальона, виновность оговариваемыхъ ими лицъ, но съ другой стороны оговору ихъ не могло предшествовать никакой caritativa monitio. Впрочемъ, позднѣе (именно съ XVII в.) и вообще оставлено было требованіе, чтобы судебной денунціаціи предшествовала евангельская, и послѣдняя вычеркнута изъ ученія о церковномъ судопроизводствѣ, какъ не составляющая судебно-карательнаго института.

Разсмотрѣніе дѣла, доведеннаго до свѣдѣнія власти денунціантомъ, могло повести въ окончательномъ результатѣ къ формальному обвинительному процессу, или къ каноническому очищенію (purgatio canonica—см. ниже), или къ инквизиціонному процессу, какъ скоро послѣдній былъ введенъ, предполагая, что лицо, на которое послѣдовалъ доносъ, есть diffamatus. *Инквизиціонный* процессъ (inquisitio), при введеніи его, разсчитанъ былъ въ особенности на преступленія духовныхъ лицъ, которыя доселѣ могли преслѣдоваться лишь по частной инициативѣ, въ дѣйствительности чрезвычайно затрудненной вопервыхъ обязательствомъ доказать обвиненіе подъ страхомъ наказанія и вовторыхъ устраненіемъ отъ обвиненія массы лицъ (въ томъ числѣ всѣхъ міряиъ). Иннокентій III, систематически преслѣдуя ереси, понималъ въ тоже время, что духовенство своею жизнію даетъ еретикамъ сильнѣйшее оружіе противъ церкви и установилъ новый порядокъ преслѣдованія виновныхъ, оправдывая его частію мѣстами св. Писанія, частію сближеніемъ съ римскою accusatio. Если никто не выступаетъ съ обвиненіемъ и никто не можетъ представить точныхъ доказательствъ преступленія, а между тѣмъ общій голосъ, молва приписываютъ извѣстному лицу преступленіе, то эта молва какъ бы заступаетъ мѣсто обвинителя. Тотъ, о комъ идетъ такая молва, есть diffamatus, и судья обязанъ ex officio начать процессъ и употребить всѣ средства къ раскрытію истины. Такова идея инквизиціоннаго процесса, произведшая переворотъ въ свѣтскомъ уголовномъ правѣ. Если на диффамированнаго послѣдовалъ доносъ отъ какого либо частнаго лица, то денунціація соединялась съ инквизиціей (inquisitio cum promovente) такимъ образомъ, что денунціантъ дѣйствовалъ на судѣ какъ противникъ подсудимаго,

двигая дѣло впередъ приводимыми имп доказательствами: денунціантъ помогалъ судьѣ, который не ограничивался доказательствами, приводимыми денунціантомъ, а самъ изыскивалъ ихъ. Въ XIV в. такой случайный, по собственной инціативѣ дѣйствующій, промовентъ превратился въ постоянную должность промотора или фискала, ex officio обязаннаго блюсти интересы правосудія, требовать во имя епископа преслѣдованія преступленій и проступковъ, подкрѣплять своею поддержкою частныхъ лицъ, являющихся къ суду съ жалобами, блюсти за оказаніемъ защиты вдовамъ, сиротамъ и угнетеннымъ, причемъ требованіе наличности диффамаціи было ослаблено, такъ какъ вчатіе процесса ex officio сдѣлалось возможно и безъ диффамаціи, на основаніи судебной денунціаціи, или уликъ, какимъ либо другимъ способомъ дошедшихъ до свѣдѣнія власти. Въ должности промотора или фискала лежитъ начало отдѣленія обвинительной власти отъ суда. Въ процессахъ по дѣламъ брачнымъ введена была подобная же должность защитника брака (defensor matrimonii), который ex officio долженъ поддерживать крѣпость брака. Должности фискала и защитника брака, очевидно какъ заимствованныя изъ католической церкви, встрѣчаются и въ православныхъ церквахъ (см. выше стр. 276).

Къ крайнему сожалѣнію должно сказать, что за здравую идею и за прогрессъ въ области судопроизводства человѣчество заплатило слишкомъ дорогою цѣною: примѣненный къ еретикамъ и апостатамъ, инквизиціонный процессъ ознаменовалъ себя потоками крови, пролитой инквизиціонными трибуналами. Въ примѣненіи къ еретикамъ инквизиціонный процессъ имѣлъ нѣкоторыя особенности: 1) при сообщеніи подсудимому доноса и показаній свидѣтелей, имена доносчика и свидѣтелей оставлялись втайнѣ; 2) свидѣтели, по общему правилу неспособные свидѣтельствовать на судѣ, въ инквизиціонномъ процессѣ противъ еретиковъ были допускаемы; 3) хотя, по требованію подсудимаго, могъ быть данъ ему адвокатъ инквизиціи, въ качествѣ защитника, но уже послѣ произведеннаго слѣдствія; ему сообщались не подлинные слѣдственные акты, а результаты слѣдствія; подсудимому съ защитникомъ дозволялось говорить только въ присутствіи инквизиторовъ и нотарія (секретаря); 4) допускались пытки, которыя первоначально производились черезъ свѣтскихъ судей, потомъ самими инквизиторами— доминиканцами, взаимно другъ друга диспензировавшими отъ иррегуляритета, которому, по каноническому праву, долженъ подвергаться всякій пролившій кровь. Кромѣ еретиковъ и апостатовъ, а также лицъ

дающихъ поводъ подозрѣвать ихъ въ ереси (напр. богогульствомъ, волшебствомъ), инквизиціонному суду подлежали въ Испаніи многія другія пре..тупленія, напр. убійство инквизитора, лжесвидѣтельство въ инквизиціонныхъ судахъ, sollicitatio ad turpia (т. е. пользованіе исповѣдальней для развращенія духовной дочери), usurpatio ordinis (напр. чтеніе мессы міряниномъ), бигамія и др. Но пытки примѣнялись собственно къ преступленіямъ противъ вѣры.

Диффамація, еще до введенія инквизиціоннаго процесса, могла повести къ такъ называемому *каноническому очищенію* посредствомъ присяги (purgatio canonica), которое было введено какъ уступка со стороны церкви германскимъ юридическимъ воззрѣніямъ, а со времени введенія инквизиціоннаго процесса и самый этотъ процессъ могъ привести въ концѣ концовъ къ purgatio.

Римскій принципъ, что обвиненіе въ преступленіи должно быть возбуждено и доказано, и что не изобличенный доказательствами виновности долженъ считаться невиннымъ, былъ непонятенъ германцамъ, обычаи которыхъ исходили изъ противоположнаго начала: обвиняемый или диффамированный долженъ доказать свою невинность своею собственною присягой и присягой другихъ лицъ, помощниковъ, удостовѣряющихъ, что присягнувшій есть человѣкъ, достойный довѣрія, и что, слѣдовательно, присягѣ его можно вѣрить. Если обвинитель настаивалъ на обвиненіи и заявлялъ, что принесенная присяга есть лжеприсяга, прибѣгали къ суду Божіему (ордаліи) посредствомъ испытанія водою и раскаленнымъ желѣзомъ или къ судебному поединку. По настоянію Карла Великаго, при которомъ и самъ папа Левъ III долженъ былъ прибѣгнуть къ очистительной присягѣ, чтобы оправдаться отъ клеветническихъ обвиненій, на одномъ изъ имперскихъ соборовъ было постановлено, что священникъ, оставшійся подъ подозрѣніемъ, вслѣдствіе недостаточности доказательствъ или по другой причинѣ, долженъ очистить себя присягой, подкрѣпленною соприсяжниками. Процедура очищенія, установленная сначала на случай неполноты доказательствъ, распространена была потомъ на случаи, когда не было другаго обвинителя кромѣ публичной молвы, а по введеніи инквизиціоннаго процесса, стала примѣняться и въ томъ случаѣ, когда этотъ процессъ не приводилъ судью къ полному убѣжденію въ виновности подсудимаго. Но дѣлая уступку германскимъ воззрѣніямъ введеніемъ каноническаго очищенія (purgatio canonica), церковная власть вооружалась противъ другихъ способовъ германскаго очищенія (purgatio vulgaris), именно противъ ордалій и противъ судебнаго поединка (campus), хотя въ дѣйствительности даже и практика синодальныхъ судовъ, подъ неотразимымъ вліяніемъ народныхъ воззрѣній, прибѣгала къ этимъ способамъ очищенія отъ подозрѣнія.

Въ случаѣ *общеизвѣстности* преступленія (notorietas), судья могъ считать себя свободнымъ отъ всякихъ процессуальныхъ формальностей, могъ даже не вызывать виновнаго, могъ, не составляя письменнаго окончательнаго приговора, ограничиться сообщеніемъ виновному объ осужденіи его на извѣстное наказаніе за вмѣненное ему общеизвѣстное преступленіе. Но для того, чтобы преступленіе могло считаться общеизвѣстнымъ (notorium), требовалось, не только чтобы фактъ совершился на глазахъ значительнаго числа лицъ (minimum 6), но и чтобы самая квалификація факта, какъ преступленія, была безпорною (напр. умышленность, несуществованіе состоянія необходимой обороны). Наконецъ, то какъ инцидентъ въ сложномъ процессѣ, то какъ особое самостоятельное судопроизводство практиковался *процессъ per exceptionem*, возникавшій изъ возраженія противъ личности обвинителя или свидѣтеля, противъ мірянина, имѣвшаго получить посвященіе въ духовный санъ, или противъ духовнаго лица, которому предстояло дальнѣйшее движеніе вверхъ по іерархической лѣстницѣ. Эксципіентъ, желавшій подорвать своимъ возраженіемъ довѣріе къ словамъ обвинителя и свидѣтеля, или не допустить посвященія и промоціи заявленіемъ о преступности и порочности кандидата, давалъ поводъ къ особому судопроизводству (per exceptionem), цѣлью котораго было установленіе или опроверженіе заявленнаго факта, и которое въ результатѣ могло привести къ устраненію отъ обвиненія, свидѣтельства, посвященія и промоціи, но не къ наказанію.

Нынѣшній католическій церковный процессъ по преступленіямъ есть инквизиціонный въ томъ смыслѣ, что какимъ бы способомъ ни дошли до епископа свѣдѣнія, судъ долженъ изслѣдовать истину всѣми доступными ему способами. Обвинительная функція возлагается на промотора, а съ другой стороны подсудимому предоставляется возможность имѣть защитника. Въ процессахъ по дѣламъ о дѣйствительности или недѣйствительности брака, назначается особый оффиціальный защитникъ крѣпости брака (defensor matrimonii), на обязанности котораго лежитъ поддержаніе брака въ его канонической силѣ при разсмотрѣніи дѣла въ первой инстанціи, обжалованіе въ высшую инстанцію, помимо апелляціи заинтересованныхъ сторонъ, въ случаѣ если бы рѣшеніе первой инстанціи состоялось въ смыслѣ признанія брака недѣй-

ствительнымъ, и поддержаніе крѣпости брака при пересмотрѣ дѣла въ высшей инстанціи.

Въ 1880 г. конгрегаціей super negotiis episcoporum et regularium была издана получившая папское утвержденіе инструкція церковнымъ судамъ о формахъ процесса по дисциплинарнымъ проступкамъ и по преступленіямъ клириковъ. Инструкція разсчитана на церковные суды Италіи и потому издана на итальянскомъ языкѣ (а не на оффиціальномъ латинскомъ), и притомъ предложена этимъ судамъ какъ факультативная. Но такъ какъ, съ другой стороны, въ инструкціи рекомендуется такой процессъ, который въ настоящее время центральнымъ правительствомъ считается за наиболѣе пригодный и цѣлесообразный, то на инструкцію можно смотрѣть, какъ на руководящее общее правило, которое можетъ найдти примѣненіе въ цѣлой церкви. Судопроизводство по этой инструкціи представляется какъ улучшенное и сокращенное инквизиціонное судопроизводство. Инквизиціоннымъ оно должно быть названо потому, что хотя въ процессѣ, въ видахъ охраненія закона и интересовъ справедливости, дѣйствуетъ фискалъ или промоторъ въ качествѣ обвинительнаго органа, но начатіе слѣдствія зависитъ не исключительно отъ требованія промотора, и результатъ процесса зависитъ не исключительно отъ того доказательственнаго матеріала, который заявленъ промоторомъ. Ординарный судья (епископъ) можетъ возбудить слѣдствіе (черезъ своего слѣдственнаго коммиссара) и безъ требованія промотора, и напротивъ можетъ не дать хода его требованію, равнымъ образомъ можетъ и не ограничиваться тѣмъ обвинительнымъ матеріаломъ, который выставленъ промоторомъ. Дѣло можетъ начаться: 1) ex officio, т. е. непосредственно епископскимъ учрежденіемъ, которому прямо сдѣлался извѣстнымъ фактъ преступнаго дѣянія (напр. при визитаціи), 2) въ силу обвинительнаго доноса, 3) по жалобѣ на поведеніе духовнаго лица, 4) по свѣдѣніямъ, какимъ либо образомъ иначе дошедшимъ до епископскаго суда. Смотря по свойству проступковъ, начатію формальнаго процесса могутъ или даже должны предшествовать мѣры вразумленія. По собраніи свѣдѣній, устанавливающихъ виновность, составляется сводъ существенныхъ его результатовъ и отсылается, вмѣстѣ съ слѣдственными актами, къ промотору, который составляетъ письменно изложенное обвиненіе, послѣ чего все дѣлопроизводство препровождается къ епископу, который, просмотрѣвъ его, назначаетъ срокъ для заключительнаго разбирательства. Подсудимый можетъ выбрать себѣ защитника, духовнаго или мірянина (съ одобренія епископа), или даже защитникъ дается ex officio. Защитникъ имѣетъ право ознакомляться въ канцеляріи со всѣми актами и вручить письменно изложенную защиту. Къ назначенному сроку должны явиться въ засѣданіе суда и промоторъ и защитникъ (если

дѣло идетъ о судѣ первой инстанціи, то и подсудимый долженъ лично являться). Промоторъ долженъ устно повторить въ засѣданіи суда свои обвиненія, изложенныя имъ письменно, а защитникъ устно же долженъ провести защиту подсудимаго, хотя и подана была имъ ранѣе письменная защита. Допускаются репликаціи со стороны промотора и объясненія между нимъ и защитникомъ, но за послѣднимъ должно всегда оставаться послѣднее слово, и засѣданіе оканчивается лишь тогда, когда обѣ стороны откажутся отъ дальнѣйшихъ заявленій, послѣ чего постановляется приговоръ. Свидѣтели, свѣдущіе люди и проч. не вызываются въ заключительное засѣданіе, другими словами весь доказательственный матеріалъ собирается и устанавливается окончательно предварительнымъ слѣдствіемъ. Въ случаѣ недовольства приговоромъ, апеллировать въ высшую инстанцію могутъ какъ подсудимый съ его защитникомъ, такъ и промоторъ. Нѣтъ надобности добавлять, что засѣданія церковнаго суда вообще непубличны.—Отчасти извѣстныя черты сходства, отчасти немаловажныя различія сравнительно съ католическимъ процессомъ представляетъ дисциплинарный процессъ по изданному въ 1886 г. *прусскому дисциплинарному уставу евангелической церкви*. Процессъ начинается по распоряженію консисторіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ—высшаго евангелическаго церковнаго совѣта, причемъ назначаются слѣдственный коммиссаръ или слѣдователь и представитель обвиненія. Въ процессѣ различаются двѣ главныя стадіи: предварительное слѣдствіе (Voruntersuchung) и главное разбирательство (Hauptverhandlung). Обвиняемый вызывается на предварительное слѣдствіе, съ сообщеніемъ ему приэтомъ обвинительныхъ пунктовъ; онъ можетъ и не явиться, но если является, то выслушивается, равно какъ выслушиваются свидѣтели и предъявляются остальныя доказательства, служащія къ уясненію дѣла. Представитель обвиненія имѣетъ право освѣдомляться о ходѣ дѣла, просматривать акты слѣдственнаго дѣлопроизводства и дѣлать свои предложенія въ случаѣ надобности, а по окончаніи предварительнаго слѣдствія, препровождаетъ въ консисторію свое заключеніе или о пріостановленіи процесса, или о наложеніи взысканія административнымъ порядкомъ (предостереженіе, выговоръ, денежный штрафъ) или о назначеніи засѣданія для главнаго разбирательства. На главномъ разбирательствѣ, которое происходитъ непублично, подсудимый можетъ пользоваться услугами защитника. Послѣ выслушанія доклада по данному дѣлу, затѣмъ подсудимаго, свидѣтелей и свѣдущихъ людей, если присутствіе таковыхъ было найдено необходимымъ консисторіей, выслушиваются въ заключеніе представитель обвиненія, подсудимый и его защитникъ; послѣднее слово принадлежитъ подсудимому. Противъ рѣшенія консисторіи могутъ апеллировать въ евангелическій оберъ-кирхенратъ какъ подсудимый, такъ и представитель обвиненія.

Въ *Россіи* не выработалось какого либо особаго церковнаго судопроизводства; церковный процессъ былъ у насъ всегда отраженіемъ того процессуальнаго порядка, который господствовалъ въ ту или другую эпоху въ практикѣ свѣтскаго суда, и, по мѣрѣ того какъ послѣдній усложнялся и видоизмѣнялся, слѣдомъ за нимъ шелъ и церковный процессъ. Только въ нѣкоторыхъ пунктахъ практика церковныхъ судовъ расходилась съ свѣтскою, именно въ отношеніи къ церковнымъ людямъ не допускалось Божьяго суда посредствомъ крестнаго цѣлованія и поединка (который замѣчательнымъ образомъ назывался *полемъ*, т. е. тѣмъ же именемъ, которое прилагалось къ судебному поединку на латинскомъ западѣ—campus). Чѣмъ болѣе крѣпло государственное начало на Руси, и чѣмъ болѣе государственная публичная сторона въ процессѣ брала верхъ надъ частнымъ интересомъ сторонъ, сообщая процессу инквизиціонный характеръ, тѣмъ болѣе и церковный процессъ превращался въ „сыскъ“ и „розыскъ“. Соотвѣтствіе церковнаго судопроизводства свѣтскому нарушилось со времени изданія судебныхъ уставовъ императора Александра II, которыми свѣтское судопроизводство рѣшительно преобразовано и улучшено во всѣхъ своихъ частяхъ, а церковное осталось безъ всякихъ измѣненій, т. е. со всѣми недостатками дореформенныхъ судебныхъ порядковъ. Судопроизводство консисторское настоящаго времени есть судопроизводство слѣдственное въ наиболѣе строгомъ и наименѣе удовлетворительномъ смыслѣ слова: результатъ процесса рѣшительно опредѣляется предварительнымъ слѣдствіемъ, которое производится на мѣстѣ духовнымъ слѣдователемъ, или, лучше сказать, дѣло предрѣшается докладомъ, составленнымъ въ канцеляріи консисторіи на основаніи данныхъ, добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ. Слѣдствіе можетъ быть назначено по распоряженію епархіальнаго начальства и на основаніи слуховъ, и по поводу донесеній, сообщеній и отношеній должностныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ, свѣтскихъ и духовныхъ, по жалобамъ и искамъ частныхъ лицъ (въ нѣкоторыхъ епархіяхъ архіереями объявлено, что анонимныхъ доносовъ принимать не будутъ). Если слѣдствіе назначается по оговору духовнаго лица въ преступленіи, то, смотря по качеству преступленія и по степени основательности подозрѣнія въ виновности, подслѣдственному лицу запрещается временно

священнослуженіе. Слѣдствіе должно производиться тѣмъ порядкомъ, который установленъ въ 2 ч. XVI т. св. законовъ, въ отношеніи къ допросу обвиняемаго, доносчика или жалобщика, свидѣтелей, очныхъ ставокъ и проч., причемъ, впрочемъ, принимается во вниманіе и уставъ уголовн. судопр. (см. указъ св. синода 1886 г. въ сборникѣ распор. воронежск. епарх. нач. за 1883—1884 гг.). Получивъ слѣдственные акты, консисторія можетъ предписать восполнить пробѣлы и исправить недостатки произведеннаго слѣдствія. На медленность или неправильныя дѣйствія слѣдователя или консисторіи могутъ быть приносимы частныя жалобы епархіальному архіерею (который въ этомъ случаѣ разсматривается повидимому какъ высшая инстанція надъ консисторіей), а въ случаѣ неудовлетворенія отъ него и св. синоду. Въ канцеляріи консисторіи, на основаніи слѣдственнаго дѣлопроизводства, составляется докладъ, который выслушивается въ присутствіи консисторіи и служитъ основаніемъ для ея рѣшенія по данному дѣлу, причемъ не только особое представительство обвиненія и защиты остается неизвѣстнымъ русскому церковному процессу, но даже и наличность подсудимыхъ или заинтересованныхъ лицъ не требуется, за исключеніемъ дѣлъ бракоразводныхъ, по нарушенію святости брака прелюбодѣяніемъ. По этимъ дѣламъ законъ требуетъ *судоговоренія* съ обязательнымъ вызовомъ сторонъ въ присутствіе консисторіи (въ грузино-имеретинской синодальной конторѣ и эти дѣла производятся слѣдственнымъ порядкомъ). При судоговореніи отвѣтчикъ допрашивается по поводу обстоятельствъ, изложенныхъ въ исковомъ прошеніи, затѣмъ предоставляется истцу представлять свои аргументы и опровергать доводы истца. Представительство допускается только по болѣзни истца или отвѣтчика, засвидѣтельствованной врачебнымъ отдѣленіемъ губернскаго правленія, за отсутствіемъ по службѣ, или по другимъ уважительнымъ причинамъ, и то не иначе, какъ по опредѣленію епархіальнаго начальства. Бракоразводный процессъ по нарушенію святости брака прелюбодѣяніемъ имѣетъ еще ту особенность, что построенъ на теоріи формальныхъ доказательствъ, на которой построенъ былъ и свѣтскій дореформенный судъ, и которая различала доказательства совершенныя и несовершенныя. Совершенными или главными доказательствами признаются: 1) показанія

двухъ или трехъ свидѣтелей—очевидцевъ и 2) прижитіе дѣтей внѣ законнаго супружества, доказанное метрическими книгами и доводами о незаконной связи съ постороннимъ лицомъ. Затѣмъ прочія доказательства, какъ-то: письма, обнаруживающія преступную связь отвѣтчика, показанія свидѣтелей, не бывшихъ очевидцами преступленія, но знающихъ о томъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ или по слухамъ, показанія обыскныхъ людей о развратной жизни отвѣтчика, собственное признаніе его, тогда только могутъ имѣть силу, когда соединяются съ однимъ изъ главныхъ доказательствъ, или же въ своей совокупности обнаруживаютъ преступленіе.

Такъ какъ церковнымъ причтамъ воспрещено, при записи въ метрики крещенія дѣтей замужнихъ женщинъ, писать ихъ незаконнорожденными на основаніи словесныхъ заявленій самой матери или родныхъ и постороннихъ, въ виду того, что право оспариванія законности рожденія младенца принадлежитъ только мужу его матери, то въ дѣйствительности почти единственнымъ доказательствомъ прелюбодѣянія является показаніе двухъ или трехъ свидѣтелей очевидцевъ. Между тѣмъ прелюбодѣяніе принадлежитъ къ числу такихъ фактовъ, которые совершаются втайнѣ, а не на глазахъ свидѣтелей, и вотъ почему въ дѣйствительности „свидѣтелями-очевидцами", которые фигурируютъ въ бракоразводномъ процессѣ и имѣютъ рѣшающее вліяніе на исходъ его, бываютъ обыкновенно люди заранѣе подговоренные и подкупленные заинтересованными лицами къ дачѣ показанія въ извѣстномъ смыслѣ. При этомъ всего чаще бываетъ, что оба супруга желаютъ развода, и „свидѣтели-очевидцы" своими показаніями служатъ интересамъ того и другаго, или на самомъ дѣлѣ поставленные въ возможность видѣть нѣчто такое, чего случайно никогда не увидѣли бы, или удостовѣряющіе невидѣнный ими фактъ; но бываетъ и такъ, что желающій развода супругъ подкупаетъ лжесвидѣтелей, которые удостовѣряютъ фактъ прелюбодѣянія ни въ чемъ неповиннаго супруга, не желающаго притомъ развода. Подобная постановка несомнѣнно унижаетъ достоинство церковнаго суда. Не служитъ къ возвышенію этого достоинства и то обстоятельство, что бракоразводный процессъ требуетъ большихъ денежныхъ расходовъ и слѣдовательно доступенъ только людямъ богатымъ, которые притомъ не только могутъ добиться желаемаго развода, но могутъ обойдти и то постановленіе закона, въ силу котораго супругъ, по винѣ коего расторгнутъ бракъ, осуждается на всегдашнее безбрачіе. Такимъ образомъ разводъ превратился въ привилегію богатыхъ людей.

Судныя дѣла, рѣшенныя консисторіей въ первой инстанціи,

восходятъ въ высшую инстанцію, т. е. въ св. синодъ, или апелляціоннымъ порядкомъ по апелляціоннымъ отзывамъ, или по частнымъ жалобамъ, или порядкомъ ревизіоннымъ. Апелляціонный отзывъ имѣетъ мѣсто въ случаяхъ присужденія священнослужителей къ лишенію сана и причетниковъ къ исключенію изъ духовнаго вѣдомства: осужденнымъ въ первой инстанціи предоставляется въ семидневный срокъ объявить удовольствіе или неудовольствіе на приговоръ консисторіи и, втеченіе мѣсяца со дня объявленія неудовольствія, подать апелляціонный отзывъ; отзывъ подается тому епархіальному начальству, которымъ постановленъ приговоръ. а епархіальное начальство представляетъ этотъ отзывъ, вмѣстѣ съ дѣломъ и справкою о подсудимомъ, въ св. синодъ. Апелляціонный отзывъ допускается еще по дѣламъ бракоразводнымъ. Недовольный рѣшеніемъ епархіальнаго начальства, которымъ предположено расторгнуть бракъ, можетъ втеченіе семи дней заявить неудовольствіе и затѣмъ втеченіе двухъ мѣсяцевъ представить въ консисторію отзывъ, а консисторія представляетъ этотъ отзывъ въ св. синодъ вмѣстѣ съ своимъ рѣшеніемъ, подлиннымъ дѣломъ и экстрактомъ изъ него. Апелляціонный отзывъ, по самому существу апелляціи, имѣетъ двоякій эффектъ: суспензивный и деволютивный. Суспензивное дѣйствіе апелляціи состоитъ въ томъ, что она не допускаетъ вступленія въ силу и приведенія въ исполненіе обжалованнаго рѣшенія. Деволютивный эффектъ состоитъ въ томъ, что разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣла отъ судьи, постановившаго обжалуемое рѣшеніе, переходитъ къ высшему судьѣ, которому подается апелляція.—Частная жалоба можетъ быть подана на неправильныя дѣйствія слѣдователей и консисторіи вообще, но она подается и на окончательныя рѣшенія консисторіи, которыми духовныя лица присуждены къ какимъ либо другимъ наказаніямъ, кромѣ лишенія сана и исключенія изъ духовнаго вѣдомства. Частная жалоба не пріостанавливаетъ исполненія рѣшенія и можетъ быть препровождаема жалобщикомъ непосредственно въ св. синодъ, который въ такомъ случаѣ требуетъ свѣдѣній и объясненій отъ епархіальнаго начальства.—Ревизіонный порядокъ состоитъ въ томъ, что дѣла о расторженіи браковъ и о признаніи ихъ недѣйствительными, если бы и не послѣдовало отъ заинтересованной стороны апелляціоннаго отзыва, въ томъ случаѣ когда рѣшеніе

консисторіи клонилось бы къ расторженію брака или объявленію его недѣйствительнымъ, восходятъ на пересмотръ св. синода. Поэтому епархіальнымъ начальствамъ вмѣнено въ обязанность въ сообщеніяхъ полицейскимъ управленіямъ о состоявшихся рѣшеніяхъ въ смыслѣ расторженія брака приписывать, что рѣшенія эти не окончательныя и подлежатъ утвержденію св. синода. Изъ этого общаго правила допускается исключеніе въ двухъ случаяхъ (ст. 449 т. XVI ч. 2. Зак. суд. граж.): 1) когда одинъ изъ супруговъ присужденъ къ наказанію, влекущему за собой лишеніе правъ состоянія, и 2) когда дѣло о расторженіи брака, возникшее по безвѣстному отсутствію одного изъ супруговъ, относится до лицъ, принадлежащихъ къ крестьянскому или мѣщанскому сословіямъ. Въ этихъ двухъ случаяхъ епархіальнымъ архіереямъ предоставляется разрѣшать просящимъ того лицамъ вступленіе въ новый бракъ, но въ первомъ епархіальное начальство доноситъ св. синоду о всякомъ данномъ отъ него разрѣшеніи, а во второмъ допускаетъ недовольныхъ къ подачѣ апелляціи св. синоду.

§ 94. *Непосредственный архіерейскій судъ* *). Въ западно-католическомъ правѣ еще въ средніе вѣка предоставлялось епископамъ не допускать промоціи клириковъ въ высшія степени сана, какъ скоро эти клирики были виновны въ совершеніи преступленія, хотя бы и не получившаго огласки. Тридентскій соборъ расширилъ это право епископовъ, уполномочивъ ихъ прибѣгать къ суспензіи, т. е. къ запрещенію осуществленія полученныхъ уже правъ сана, а не только возбранять восхожденіе на высшія степени. Рѣшеніе епископа въ такихъ случаяхъ есть внѣ-судебное; оно постановляется extrajudicialiter и называется sententia ex informata conscientia, такъ какъ основывается не на судебномъ дознаніи и выясненіи факта, а на соображеніяхъ или причинахъ, взвѣшенныхъ и сознанныхъ епископскою совѣстью. Для предупрежденія возможныхъ въ такихъ случаяхъ злоупотребленій властію, установлено, что хотя епископъ не обязанъ объяснять лицу запрещенному причину запрещенія, но онъ долженъ быть въ со-

*) *Bouix*, Tractatus de judiciis ecclesiasticis, II, 310—365; *Kober*, Die Suspension der Kirchendiener; *Arndt*, Die Suspension ex informata con scientia (въ Arc. f. kath. Kirchenr. 1895); *Горчаковъ*, Научная постановка церковно-суднаго права (Сборн. госуд. знаній, т. II).

стояніи доказать основательность принятой имъ мѣры предъ высшею властію. Congregatio concilii, въ которую направляются обжалованія по этимъ дѣламъ, кассируетъ епископскія рѣшенія, какъ скоро они не удовлетворяютъ двумъ требованіямъ: 1) чтобы епископъ доказалъ фактъ преступленія, и 2) чтобы въ данномъ случаѣ не оказывалось возможнымъ прибѣгнуть къ формамъ обыкновеннаго процесса по соблазнительности дѣла. Такимъ образомъ въ основѣ католическаго института неформальнаго епископскаго суда лежитъ идея поддержанія церковной дисциплины и блага церкви. Тотъ непосредственный архіерейскій судъ, о которомъ говорится въ нашемъ уставѣ духовныхъ консисторій, построенъ напротивъ на идеѣ льготы и снисхожденія къ духовенству по особымъ соображеніямъ. Именно по ст. 155 уст. дух. конс. судопроизводству непосредственно архіерейскому подлежатъ: 1) проступки невѣдѣнія и нечаянности, требующіе исправленія и очищенія совѣсти священнослужительской іерархическимъ дѣйствіемъ архіерея и неудобоподвергаемые гласности и формамъ обыкновеннаго суда, 2) вобще проступки противъ должности и благоповеденія, не соединенные съ явнымъ вредомъ и соблазномъ, замѣченные въ священнослужителѣ, котораго прежнее поведеніе было не укоризненно, 3) жалобы, приносимыя именно съ тѣмъ, чтобы неправильно поступившаго исправить архипастырскимъ судомъ и назиданіемъ, безъ формальнаго дѣлопроизводства. Дисциплинарныя мѣры, къ которымъ прибѣгаетъ епископъ въ такихъ случаяхъ, заключаются въ томъ, что, послѣ негласнаго дознанія, архіерей вызываетъ виновнаго къ себѣ, вразумляетъ и налагаетъ на него епитимію до двухъ недѣль съ прохожденіемъ ея на мѣстѣ или въ архіерейскомъ домѣ,—если же вызовъ неудобенъ по отдаленности, архіерей поручаетъ вразумленіе обвиняемаго кому либо изъ довѣренныхъ духовныхъ лицъ, или подвергаетъ его епитиміи съ устраненіемъ отъ священнослуженія на время не свыше двухъ недѣль. Когда вразумленіе дѣлается по порученію архіерея кѣмъ либо другимъ, тогда, конечно, нельзя говорить о „исправленіи и очищеніи совѣсти священнослужительской іерархическимъ дѣйствіемъ архіерея" и о „исправленіи неправильно поступившаго архипастырскимъ судомъ и назиданіемъ". Жалобы на распоряженія архіерея въ порядкѣ непосредственнаго суда не допускаются,

и случаи эти не вносятся въ формулярные списки. Наиболѣе странно то, что судъ этотъ, установленный съ цѣлію освобожденія отъ трудностей формальнаго дѣлопроизводства духовныхъ лицъ, совершившихъ проступки по невѣдѣнію и нечаянности, или не соединенные съ явнымъ вредомъ и соблазномъ, совершонные притомъ въ первый разъ лицами, до того времени безупречными, самимъ духовенствомъ не разсматривается какъ привилегія.

ГЛАВА II-я.

Управленіе ученіемъ, культомъ и священнодѣйствіемъ.

§ 95. Церковное учительство *). Такъ какъ церковь должна, въ исполненіе воли своего Основателя, учить всѣ народы и проповѣдывать Евангеліе во всемъ мірѣ, внѣдряя въ сердцахъ людей евангельскія истины, то учительство должно быть однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ церковно-правительственныхъ попеченій. Мѣры церковнаго правительства въ этомъ направленіи могутъ быть частію распространительныя, частію охранительныя.

I. *Распространительныя мѣры* суть: 1) учрежденіе миссій, 2) организація пастырскаго церковнаго и внѣцерковнаго проповѣдничества, 3) организація спеціальныхъ учебныхъ заведеній для приготовленія служителей церкви и 4) организація преподаванія религіи или закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, или же организація церковно-народныхъ школъ съ кругомъ предметовъ общаго начальнаго образованія подъ руководствомъ церкви.

---

*) *Richter*, §§ 298—300; *Schulte*, Lehrb. des kathol. u. evang. Kirchenr. §§ 223—227; *Hinschius*, IV, §§ 236—242; *O. Meier*, Die Propaganda, ihre Provinzen und ihr Recht, 1852—1853. О постановкѣ церковнаго учительства во Франціи см. *Taine*, Les origines de la France contemporaine, II, 84 sqq., *Domenico Schiapolli*, Diritto ecclesiastico vigente in Francia, II, 201 sqq. и статьи въ „Церк. Вѣстникѣ за 1897 г. Статья *П. М.*: „Изъ прошлаго“ (въ Русск. Вѣстн. 1868, апр.); *Преображенскій*, Восточныя и западныя школы во времена Карла В. 1881 г.; *Леонтовичъ*, Школьный вопросъ въ древней Россіи (Варшав. унив. изв. за 1894 г.); см. также рецензію проф. *Горчакова* на сочиненіе Чистовича: „С.-Петербургская духовная академія“(въ Записк. императ. акад. наукъ, т. 70); *Сперанскій*, Очерки по исторіи народной школы въ западной Европѣ, 1896 г.; митроп. *Макарій*, Исторія рус. цер., въ особенности XI и XII томы; *Ѳ. И. Успенскій*, Очерки по исторіи византійской образованности, 1891 г.; *Никольскій*, Анаѳематствованіе, совершаемое въ первую недѣлю поста, 1879 г.; Церков. Общ. Вѣстн. 1880 г. №№ 52, 136, 137, 139, 140. О средневѣковыхъ университетахъ предполагается мною изданіе особаго очерка.

Учрежденіе *миссій* имѣетъ цѣлію распространеніе христіанскаго ученія тамъ, гдѣ оно еще не насаждено, и между людьми, которые къ церкви еще не принадлежатъ. Миссіи могутъ быть внѣшнія и внутреннія. Въ католической церкви миссіонерское дѣло сосредоточивается въ конгрегаціи de propaganda fide, которая подготовляетъ миссіонеровъ и управляетъ всѣми terrae missionis, т. е. тѣми странами, въ которыхъ не установилось еще нормальное католическое устройство съ епископскими діэцезами. Кромѣ внѣшнихъ миссій, въ католической церкви существуютъ еще народныя миссіи (missiones populares), предназначенныя къ чрезвычайной проповѣди слова Божія посредствомъ другихъ органовъ, кромѣ постоянныхъ или ординарныхъ проповѣдниковъ, дѣйствующихъ въ извѣстныхъ церковныхъ округахъ, обыкновенно черезъ монаховъ разныхъ орденовъ, избравшихъ для себя спеціальностію религіозное учительство. Русская православная церковь имѣетъ внѣшнія миссіи въ Японіи и въ Китаѣ; впрочемъ, что касается китайской миссіи, она имѣетъ цѣлію не обращеніе китайцевъ въ православіе, а поддержаніе православія въ албазинцахъ—китайскихъ подданныхъ, потомкахъ русскихъ казаковъ, общее число которыхъ доходитъ до 400 душъ (Ц. Вѣд. 1892 г. № 41). По-видимому, большій успѣхъ ожидаетъ русскую сиро-халдейскую миссію по возсоединенію съ православіемъ персидскихъ и турецкихъ несторіанъ. Но для русской православной церкви несомнѣнно бо́льшая потребность существуетъ во внутреннихъ, чѣмъ во внѣшнихъ миссіяхъ, такъ какъ въ предѣлахъ россійской имперіи существуетъ масса инородцевъ, не просвѣщенныхъ еще свѣтомъ Евангелія, не считая сектантовъ разнаго рода, находящихся внѣ церкви. Таковыя внутреннія миссіи существуютъ и дѣйствуютъ въ сибирскихъ епархіяхъ, гдѣ они дѣлятся на станы и состоятъ подъ управленіемъ начальника миссіи; въ европейской Россіи миссіонерское дѣло ведется разными братствами. Для обсужденія общихъ мѣръ борьбы съ сектантами, составляются всероссійскіе миссіонерскіе съѣзды.

На *проповѣдь* церковное правительство должно смотрѣть, какъ на могущественное средство къ распространенію и укрѣпленію въ сердцахъ людей евангельскаго ученія. Въ древней Руси живое проповѣдническое слово не было развито; оно проникло къ

намъ черезъ Кіевъ съ запада. Важное значеніе придается развитію проповѣдничества духовнымъ регламентомъ Петра Великаго, который вмѣнилъ духовной коллегіи въ обязанность смотрѣть, „аще довольное христіаномъ наставленіе употребляется", и „есть ли у насъ довольное ко исправленію христіанскому ученіе", регулировавъ въ то же время цѣлымъ рядомъ правилъ внѣшнія манеры церковнаго проповѣдничества. По уставу духовныхъ консисторій, епархіальное начальство должно имѣть попеченіе о томъ, чтобы духовенство проповѣдывало слово Божіе въ церквахъ и наставляло при всякомъ удобномъ случаѣ православный народъ въ вѣрѣ и благочестіи, въ благонравіи и послушаніи властямъ. По епархіальнымъ городамъ, въ каѳедральномъ соборѣ учреждается очередное проповѣдываніе священнослужителей городскихъ и пригородныхъ церквей въ воскресные, праздничные и высокоторжественные дни по росписанію, составленному въ консисторіи и утвержденному архіереемъ. Въ С.-Петербургѣ общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви устраиваетъ бесѣды какъ въ своихъ помѣщеніяхъ, тамъ и въ принадлежащемъ ему храмѣ. Но что касается приходскихъ церквей, особенно въ сельскихъ приходахъ, то проповѣдничество съ церковной каѳедры и до сихъ поръ носитъ еще случайный характеръ, сравнительно съ церковнымъ проповѣдничествомъ на западѣ. Наше приходское духовенство, обремененное семействами и хозяйственными хлопотами, большею частію оказывается въ состояніи только исполнять свои обязанности по совершенію богослуженія, требоисправленію и письмоводству, и не можетъ соперничать напр. съ католическимъ приходскимъ духовенствомъ, не связаннымъ семейными заботами, и притомъ же имѣющимъ къ своимъ услугамъ, въ случаѣ надобности, членовъ разныхъ монашескихъ орденовъ, имѣющихъ своимъ жизненнымъ призваніемъ религіозное учительство.

Спеціальныя *учебныя заведенія для приготовленія служителей церкви* обособились довольно поздно какъ на востокѣ, такъ и на западѣ: долгое время церковныя школы, насколько онѣ существовали и даже процвѣтали, открыты были всѣмъ желающимъ усвоить христіанское ученіе, независимо отъ будущаго поступленія или не поступленія въ духовное званіе. Не считая попытки

св. Августина устроить семинарію, которая, однако, въ сущности была скорѣе монашескою общиною, чѣмъ духовно-учебнымъ заведеніемъ (такъ какъ члены ея отказывались, при вступленіи, отъ частной собственности и принимали на себя обѣтъ повиновенія епископу), первое обособленіе духовно-учебныхъ заведеній отъ остальныхъ школъ наблюдается на западѣ въ началѣ IX в., когда, благодаря энергической дѣятельности Карла Великаго, многое было сдѣлано для народнаго просвѣщенія. Тридентскій соборъ предписалъ каждому епископу учредить коллегію или семинарію, въ которыхъ воспитанники получали бы и общее образованіе, и спеціальную духовную подготовку.

Въ настоящее время въ Германіи существутъ слѣдующіе типы духовно-учебныхъ заведеній: 1) священническія семинаріи (Priesterseminare), для практической подготовки къ пастырству лицъ, получившихъ уже среднее образованіе въ государственныхъ гимназіяхъ, 2) семинаріи для мальчиковъ (Knabenseminare), въ которыхъ, вмѣстѣ съ подготовкой къ духовному призванію, дается и общее образованіе, соотвѣтсвующее гимназическому, 3) общежитія для мальчиковъ (Knabenconvicte), въ которыхъ воспитанники живутъ подъ духовнымъ режимомъ, но образованіе получаютъ въ государственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ конвиктахъ же или интернатахъ лишь репетируются. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ государствахъ то оба послѣдніе типа, то третій одинъ запрещены закономъ. Высшее же богословское образованіе получается, по общему правилу, въ теологическихъ факультетахъ государственныхъ университетовъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ это правило дѣйствуетъ безусловно (Виртембергъ, Баденъ, Гессенъ): въ Пруссіи для тѣхъ епископскихъ округовъ, въ которыхъ нѣтъ университета, допускаются соотвѣтствующія теологическимъ факультетамъ университетовъ церковныя учебныя заведенія, на церковныя средства учреждаемыя, но учебный планъ ихъ долженъ соотвѣтствовать факультетскому, и профессора должны имѣть квалификацію, допускающую ихъ до преподаванія соотвѣтственной дисциплины въ государственномъ университетѣ; въ Австріи и Баваріи богословское образованіе въ епископскихъ учебныхъ заведеніяхъ вообще приравнивается къ факультетскому. Во Франціи, гдѣ государство ничего не даетъ на духовное образованіе, и гдѣ школы содержатся исключительно на церковныя средства, воспитанники (обыкновенно дѣти рабочихъ и бѣдныхъ крестьянъ) учатся сначала въ первоначальной школѣ, затѣмъ, если въ нихъ замѣчаются способности, зачисляются въ малую семинарію, откуда выходятъ уже посвященными священниками, но еще на годъ поступаютъ въ большую семинарію каѳедральнаго города для психологическаго опыта и для укрѣпленія религіозной практики.

У насъ на Руси духовнымъ регламентомъ Петра Великаго впервые было предписано каждому епископу имѣть въ домѣ или при домѣ своемъ школу для дѣтей священническихъ или прочихъ, „въ надежду священства опредѣленныхъ“, причемъ, для содержанія школы и учащихся въ ней, указано было брать съ знатнѣйшихъ въ епархіи монастырей 1/20 всякаго хлѣба, а съ земель церковныхъ, гдѣ бы онѣ ни находились, 1/30 всякаго же хлѣба. Въ 1743 г., по именному указу, хлѣбный сборъ съ приходскихъ церквей былъ отмѣненъ и замѣненъ денежнымъ: 1 коп. съ двора и съ угодій 3 коп. съ рубля, хлѣбный же сборъ съ монастырей оставленъ безъ перемѣны, пока, съ секуляризаціей въ 1764 г., содержаніе духовно-учебныхъ заведеній не было отнесено на счетъ казны. Но еще и въ царствованіе Екатерины II, принимавшей энергическія мѣры по организаціи духовно-учебныхъ заведеній, не во всѣхъ епархіяхъ существовали семинаріи, а что касается внутренней ихъ жизни, то даже и вначалѣ нынѣшняго вѣка каждая семинарія управлялась по своему безъ общаго высшаго надзора. Болѣе или менѣе успѣшный ходъ преподаванія зависѣлъ отъ того, на сколько внимательно относился тотъ или другой архіерей къ духовно-учебному дѣлу. Съ 1808 до 1839 г. дѣйствовала особая коммиссія духовныхъ училищъ по регулированію этого дѣла, а съ 1839 г. дѣло это перешло въ духовно-учебное управленіе (теперь духовно-учебный комитетъ) при св. синодѣ. Нынѣ существуютъ духовно-учебныя заведенія низшія (духовныя училища), среднія (духовныя семинаріи) и высшія (духовныя академіи); содержатся они частію на средства, ассигнуемыя на это дѣло изъ государственной казны, частію на церковные доходы. Всѣ они состоятъ въ духовномъ вѣдомствѣ и управляются церковными органами на основаніи высочайше утвержденныхъ уставовъ, не подлежа надзору государственныхъ органовъ ни въ отношеніи къ учебному плану (какъ въ Пруссіи), ни въ отношеніи къ гигіенѣ, нравственности и исполненію законовъ (какъ во Франціи). Въ нихъ не только преподаются богословскія науки, но и дается общее образованіе. Кромѣ названныхъ заведеній существуютъ еще женскія училища духовнаго вѣдомства, состоящія подъ высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, и епархіальныя женскія училища. Всѣ эти заведенія

въ сущности суть не столько церковныя, сколько сословныя, для доставленія образованія дѣтямъ духовенства.

Въ нѣкоторыхъ другихъ православныхъ церквахъ усвоены въ этомъ отношеніи западно-европейскіе порядки. Такъ аѳинскій университетъ (πανεπιστήμιον) имѣетъ теологическій факультетъ; въ Австріи университетъ черновицкій имѣетъ „греко-восточный теологическій факультетъ“; кромѣ того, въ Австріи и въ среднихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ преподаются только богословскія науки, и поступаютъ въ нихъ лица, получившія уже общее образованіе въ классическихъ гимназіяхъ.

Втеченіе многихъ вѣковъ, и *народная школа*, насколько она существовала вообще, была церковною какъ потому, что грамотность была обыкновенно достояніемъ духовенства, такъ и потому, что въ школахъ преподавалось церковное же ученіе по церковнымъ книгамъ и руководствамъ, на западѣ съ XIII в. всего чаще францисканцами. Въ этомъ замѣчается объясненіе и того факта, что спеціализація духовно-учебныхъ заведеній для приготовленія къ духовному званію явилась сравнительно поздно. Даже и средневѣковые европейскіе университеты, если и не были въ строгомъ смыслѣ церковными учрежденіями, то во всякомъ случаѣ находились въ тѣснѣйшей связи съ церковью не только потому, что въ нихъ преподавались теологія и каноническое право клириками и для клириковъ, но и потому, что большая часть университетовъ была упрочена въ своемъ существованіи папскими учредительными грамотами, папской дотаціей въ видѣ инкорпорированныхъ бенефицій, освобожденіемъ студентовъ отъ обязанности проживать въ мѣстахъ службы, судебными и другими привиллегіями, защита которыхъ возлагалась на особыхъ консерваторовъ, папой же назначавшихся. Связь между церковью и школой сохранилась и въ странахъ, принявшихъ реформацію: напр. въ Англіи до 1833 г. дѣло народнаго образованія считалось исключительно дѣломъ господствующей церкви и другихъ религіозныхъ общинъ, такъ что со стороны государства даже и субсидіи никакой не давалось на это дѣло, и лишь по закону 1870 г. явились свѣтскія народныя школы. Вообще государство, раньше или позднѣе, пришло къ сознанію, что и его собственная жизнь условливается развитіемъ науки и народнаго образованія, и что

касается въ особенности народной школы, то взгляду на нее, какъ на государственное дѣло, должно было способствовать совмѣстное существованіе разныхъ вѣроисповѣданій, получившихъ въ новой исторіи право гражданства въ государствѣ и дѣлавшихъ во многихъ мѣстахъ невозможною церковную школу, которая всегда можетъ быть только чисто-вѣроисповѣдною. Такъ какъ церковь, въ особенности католическая, смотритъ на школу съ прежней точки зрѣнія, то отсюда легко объясняется возможность конфликтовъ между государствомъ и церковью; впрочемъ, гдѣ съ государственной стороны обезпечивается за церковью достаточное вліяніе на преподаваніе религіи въ государственныхъ школахъ, тамъ изъ одного принципа только государственная школа церковью не оспаривается.

Въ исключительномъ положеніи находится школьное дѣло во Франціи. Нынѣшнее французское государство, по выраженію Тэна, есть государство якобинско-сектаторское, пропагандирующее свою вѣру, непріязненное другимъ вѣрамъ, не допускающее другихъ міровоззрѣній и концепцій, имѣющее свои догматы и свой катихизисъ. Образованіе должно быть даровое и обязательное и непремѣнно свѣтское: религія или законъ Божій исключены изъ преподаванія во всѣхъ государственныхъ школахъ, и, кромѣ того, воспрещено муниципальнымъ совѣтамъ (закономъ 1886 г.) принимать въ качествѣ учителей, по какимъ бы то ни было предметамъ, членовъ монашескихъ орденовъ и конгрегацій, между тѣмъ какъ раньше муниципальные совѣты предпочитали вступать въ соглашеніе именно съ ними, какъ съ людьми, видящими въ учительствѣ не хорошо оплачиваемый трудъ, а жизненное призваніе, освященное религіознымъ обѣтомъ. Конгрегаціямъ церковнымъ, впрочемъ, не воспрещается основывать на свои средства частныя учебныя заведенія, не пользующіяся никакими субсидіями отъ государства, но состоящія подъ его надзоромъ, въ отношеніи гигіены, соблюденія законовъ и нравственности. На этихъ основаніяхъ существуетъ даже нѣсколько католическихъ высшихъ учебныхъ заведеній (въ Парижѣ, Ліонѣ, Лиллѣ: подобныя же высшія учебныя заведенія существуютъ въ Бельгіи и въ сѣверной Америкѣ). Однако, во Франціи по закону 1880 г. университетами они называться не могутъ, и ученыя степени баккалавра, лиценціата и доктора могутъ быть получаемы только лицами, выдержавшими установленные экзамены и конкурсы въ государственныхъ испытательныхъ коммиссіяхъ.

Въ древней Руси школьное дѣло, насколько оно существовало у нашихъ предковъ, носило, какъ и въ средневѣковой западной

Европѣ, церковный характеръ и находилось въ связи съ церковью. Однако, послѣ попытокъ первыхъ князей Владиміра и Ярослава устроить правильно поставленныя учебныя заведенія, въ дальнѣйшей исторіи Руси мы не видимъ до XVI в. другихъ заведеній, кромѣ примитивныхъ школъ грамотности по букварю, часослову и псалтири, устраивавшихся или членами приходскихъ причтовъ въ своихъ домахъ, или особыми „мастерами" грамотности. И съ XVI в., не смотря на желаніе стоглаваго собора поднять школьное дѣло, болѣе или менѣе прочно организованныя учебныя заведенія явились сначала въ юго-западной Руси, гдѣ была основана даже кіевская академія, и уже позднѣе стали появляться въ московскомъ государствѣ, какъ напр. „славяно-греко-латинская академія" въ концѣ XVII в. Со времени Петра Великаго, при которомъ, какъ выше было указано, появились при архіерейскихъ каѳедрахъ школы или семинаріи для учащихся „въ надежду священства", начинается рядъ мѣропріятій правительства по распространенію образованія въ народныхъ массахъ въ интересахъ государственной жизни. Напротивъ, послѣднее время ознаменовалось цѣлымъ рядомъ законовъ и правилъ, направленныхъ къ установленію прочной связи народной школы съ церковью. Правительство озабочено повсемѣстнымъ открытіемъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, и въ тоже время выработана довольно сложная организація управленія этимъ дѣломъ. Церковно-приходскими школами именуются начальныя училища, открываемыя православнымъ духовенствомъ съ цѣлію утверждать въ народѣ православное ученіе вѣры и нравственности христіанской, но также и сообщать полезныя знанія. Преподаваніе въ этихъ школахъ ведется частью священникомъ или діакономъ (собственно преподаваніе закона Божія), частію учителями и учительницами, получившими образованіе въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства. Школы грамоты суть школы начальнаго обученія, которыя могутъ быть открываемы и въ небольшихъ поселкахъ и малолюдныхъ деревняхъ. Преподавательскій цензъ здѣсь весьма скромный, не требуется званія народнаго учителя, но зато и вознагражденіе можетъ доходить до весьма скромной цифры 10 руб. въ годъ; школы эти могутъ, такъ сказать, кочевать, т. е., за неимѣніемъ осо-

баго школьнаго помѣщенія, перемѣщаться по очереди въ домы родителей учащихся.

По указу св. синода 1884 г. въ мѣстностяхъ, гдѣ уже учреждены гражданскимъ вѣдомствомъ школы, духовенство должно открывать свои школы, по предварительномъ сношеніи мѣстнаго преосвященнаго съ подлежащимъ начальствомъ. И наоборотъ, на основаніи циркуляра министра народнаго просвѣщенія отъ того же 1884 г., земства, при открытіи земскихъ школъ, обязательно должны входить въ сношенія съ мѣстными преосвященными. Но школы первоначальнаго обученія съ программой и организаціей, свойственными первой ступени начальнаго обученія и съ предоставленіемъ права обученія въ нихъ лицамъ, не имѣющимъ свидѣтельствъ на учительское званіе, слѣдовательно школы грамоты, какъ разъяснено въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія отъ 1 февр. 1897 г., могутъ быть открываемы только духовенствомъ и подлежать исключительно вѣдѣнію и наблюденію духовнаго начальства. Поэтому земства не имѣютъ права открывать такія школы и въ видѣ параллельныхъ отдѣленій или параллельныхъ классовъ, при земскихъ школахъ, для обученія въ нихъ первымъ началамъ грамоты.

Въ 1895 г. духовенству рекомендовано еще принять живое и дѣятельное участіе въ распространеніи среди сельскаго населенія свѣдѣній по садоводству, огородничеству и сельскому хозяйству, гдѣ, по мѣстнымъ условіямъ, представится къ тому возможность. Кромѣ названныхъ типовъ школъ, устраиваются еще школы воскресныя и образцовыя при духовныхъ семинаріяхъ, церкви—школы, а также учительскіе курсы для подготовленія учителей и учительницъ въ народныя школы духовнаго вѣдомства.

Въ учебныхъ заведеніяхъ, не состоящихъ подъ непосредственнымъ церковнымъ управленіемъ, духовенству предоставляется преподаваніе закона Божія, а епархіальному архіерею наблюденіе за религіозно нравственнымъ направленіемъ школъ. Такимъ образомъ и здѣсь вліяніе церкви на религіозное воспитаніе народа достаточно обезпечено, и никакого антагонизма между церковно-приходскими школами духовнаго вѣдомства и школами вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія не должно бы быть: тѣ и другія, какъ выражено въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ отъ 24 іюля 1884 г., стремятся къ одной общей цѣли—къ обученію и просвѣщенію подрастающаго поколѣнію на незыблемыхъ основахъ вѣры и въ

всеобщее благо (commune civitatis bonum § 9). Идея государственнаго индивидуализма и идея патроната, подобно этому, въ органическомъ соединенiи составляли идею внутренняго управленiя и его права [1]), вѣрнѣе—идею власти, imperium, какъ эта послѣдняя принимается § 32 Juris naturae. Сдѣланное-же выше расчлененiе есть только попытка схематизировать понятiе.

Къ сказанному можно придти еще и другимъ путемъ. Какъ уже замѣтилъ Лоренцъ Штейнъ [2]), понятiе управленiя въ значительной степени обязано своимъ происхожденiемъ такъ называемымъ верховнымъ правамъ государства (jura maiestatica rectoris, по терминологiи Хр. Вольфа [3]), почему и явилось вначалѣ не въ смыслѣ управленiя, какъ задачи государства, а въ смыслѣ регалiи. Регалiя-же, по существу, есть право, а не обязанность, т. е., съ точки зрѣнiя принятой нами—исключительно проявленiе идеи индивидуализма. А такъ какъ понятiе государства сливалось съ понятiемъ верховной власти, которая не осуществляла только задачи государства, а поглощала собой самое государство, управленiе-же является лишь отраженiемъ представленiя о государствѣ, то, слѣдовательно, и управленiе было ничѣмъ инымъ, какъ проявленiемъ крайне напряженной идеи государственнаго индивидуализма. Такимъ образомъ, понятiе о cura, summa cura, которое выставляется эвдемонистами [4]) подъ влiянiемъ городского управленiя, этого для того времени законченнаго образца, было несомнѣнно новымъ придаткомъ. Правда, не

---

[1]) Это, по § 10, составляетъ sufficientia vitae, что, въ сущности, и даетъ содержанiе внутреннему управленiю, тогда какъ tranquillitas vitae (§ 11) даетъ содержанiе судебной власти, а securitas civitatis (§ 12),—охраненiю внѣшней безопасности. Единенiе-же этихъ трехъ цѣлей, по § 13, даетъ въ суммѣ finis civitatis.

[2]) Die vollziehende Gewalt, 1 ч., стр. 67.

[3]) Хр. Вольфъ. Jus naturae, т. VIII, гл. IV.

[4]) Позднѣйшiе эвдемонисты вмѣсто „cura" выставляютъ уже „Pflicht". Напримѣръ, Häberlin, Deutsches Staatsrecht, II, § 215. См. Штейнъ, ц. м.

сразу внутреннее управленіе теряетъ значеніе регаліи [1]), но новый элементъ въ видѣ идеи законной защиты, вошедшій въ составъ понятія власти, сдѣлалъ свое дѣло, давъ новый поворотъ какъ представленію о сущности и задачахъ власти вообще, такъ и о сущности и задачахъ внутренняго управленія въ частности.

Ученіе эвдемонистовъ дало первый серьезный толчокъ для спеціальной разработки вопросовъ внутренняго управленія и его права. Такъ какъ вплоть до прогрессивнаго движенія нашего вѣка представленіе о государствѣ и сущности государственной власти оставалось все тѣмъ же, какимъ мы его только что разсмотрѣли, то и управленіе продолжало имѣть все тотъ-же характеръ. Для теоретической разработки вопросовъ управленія и его права было, слѣдовательно, вполнѣ достаточно тѣхъ философско-логическихъ обоснованій, какія были выставлены эвдемонистами. Является лишь стремленіе выдѣлить изъ круга предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ общему ученію о государствѣ, спеціальные предметы внутренняго управленія, отчего и зарождается впослѣдствіи обособившаяся наука о полиціи, но нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что такое обособленіе оказало вліяніе на принципы управленія и его права. Какъ въ ученіи эвдемонистовъ право внутренняго управленія состоитъ изъ органическаго единенія двухъ идей—идеи государственнаго индивидуализма и идеи патроната, такъ-же точно и въ ученіи полицеистовъ. Можно отмѣтить только, что въ ученіи полицеистовъ, идеи государственнаго индивидуализма, т. е. собственно благу государства, отводится постепенно все меньшее и меньшее мѣсто. Такъ, уже Юсти ставитъ основной задачей внутренняго управленія (полиціи, по терминологіи основателя науки о полиціи и его ближайшихъ послѣдователей) установленіе тако-

[1]) И эвдемонисты еще признаютъ отчасти за управленіемъ значеніе регаліи. См. Вольфъ, Jus naturae, т. VIII, гл. IV.

го внутренняго устройства, при которомъ общее имущество государства сохранялось бы и увеличивалось; но, такъ какъ подъ общимъ имуществомъ государства онъ понимаетъ не только принадлежащія государству и его членамъ имущества, но и способности и таланты всѣхъ входящихъ въ составъ государства индивидовъ, то отсюда принципомъ внутренняго управленія является обязанность всегда имѣть въ виду эту совокупность столь разнообразнаго имущества, чтобы каждымъ родомъ его возможно плодотворнѣе и цѣлесообразнѣе пользоваться во имя всеобщаго счастья[1]. Зонненфельсъ[2], на смѣну увеличенія „общаго имущества“ государства принимаетъ другое начало: увеличеніе народонаселенія[3]. Но, конечно, не трудно доказать, что увеличеніе народонаселенія въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ эти слова Зонненфельсъ, мало чѣмъ разнится отъ commune bonum publicum эвдемонизма. И Зонненфельсъ признаетъ два начала: благо личное и благо общее, при чемъ думаетъ, что одно безъ другого не существуетъ; точно также Зонненфельсъ ставитъ конечной цѣлью государства и внутренняго управленія общее счастье. „Увеличеніе народонаселенія“—этотъ принципъ, какъ и „увеличеніе общаго имущества“ Юсти, является лишь мѣриломъ при сравнительной оцѣнкѣ мѣръ управленія[4]. Слѣдовательно, и Зонненфельсъ, подобно Юсти, понимаетъ идею внутренняго управленія[5] состоящей изъ органическаго еди-

---

[1]) Justi, Grundsätze der Polizeiwissenschaft, изд. 3, § 5. Въ другомъ своемъ сочиненіи „Die Grundfeste der Macht und Glückseligkeit der Staaten“ онъ нѣсколько видоизмѣняетъ опредѣленіе этого принципа, говоря о необходимости согласовать благосостояніе отдѣльныхъ семей съ общимъ благосостояніемъ. Но самъ-же Юсти не признаетъ разницы между этими опредѣленіями.

[2]) „Grundsätze der Polizei, Handlung und Finanz“, I—III.

[3]) Sonnenfels, ц. с., т. I, §§ 25 и 26.

[4]) Самъ Зонненфельсъ называетъ свой принципъ—„Prüfsatz“ jeder Massregel. См. ц. с., стр. 28.

[5]) Терминъ „внутреннее управленіе“ употребленъ здѣсь нами произвольно. Зонненфельсъ, какъ и Юсти, какъ и всѣ, занимавшіеся наукой о полиціи, это-

нениія двухъ идей: государственнаго индивидуализма и законной защиты, осуществленіе и взаимодѣйствіе которыхъ и ведетъ къ примиренію блага частнаго съ благомъ общимъ.

Государство представлялось писателямъ этого направленія (а они были лишь выразителями идей своего времени) единеніемъ беззащитныхъ людей, для которыхъ только единеніе въ государство и могло дать необходимую защиту [1]). Чтобы, однако, государство удовлетворяло такому своему назначенію, оно само по себѣ должно было быть крѣпкимъ и сильнымъ. Какъ-же достичь этого? Путемъ цѣлаго ряда мѣръ, осуществляемыхъ во имя цѣлостности и силы государства, какъ такового [2]). Слѣдовательно, мѣры этого рода служили проявленіемъ идеи государственнаго индивидуализма. Но крѣпость и сила государства давали, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность осуществлять и другую задачу: защиту отдѣльныхъ членовъ государства. Беззащитные внѣ государства, они входили въ составъ государства не полноправными индивидами, во всякомъ случаѣ, далеко не равными юридически государству [3]). Они представлялись лишь носителями извѣстныхъ имуществъ и способностей (Юсти) или олицетворявшими количественную силу государства (Зонненфельсъ). Они какъ бы коммендировались государству, и оно, за извѣстныя обязанности съ ихъ стороны, брало на себя обязанность оказывать имъ покровительство. Во имя такого покровительства государство принимало новый рядъ мѣръ, и эти мѣры, слѣдовательно, имѣли характеръ проявленія идеи патроната. Но

го термина не знаютъ. Но мы выдѣляемъ его изъ понятій полиціи, торговли и финансовъ въ смыслѣ Зонненфельса.

[1]) См. Зонненфельсъ, ц. с. т. I, стр. 3., гдѣ авторъ прямо представляетъ человѣка внѣ государства въ состояніи постоянной беззащитности, безпомощности.

[2]) Зонненфельсъ, ц. с., стр. 5, Юсти, ц. м.

[3]) Объ этомъ много говоритъ еще Вольфъ въ его „Constitutio reipublicae", см. Jus naturae, т. VIII, а также при анализѣ обязанностей людей къ себѣ подобнымъ—Jus naturae, т. I.

благо отдѣльныхъ гражданъ и благо государства немыслимы одно безъ другого; эти два вида находятся между собой въ органической связи. Поэтому и мѣры, осуществлявшія идею государственнаго индивидуализма, и мѣры, осуществлявшія идею патроната, находились между собой также въ органической связи. Въ результатѣ-же такой органической связи обѣихъ указанныхъ идей и получалась новая идея—идея внутренняго управленія.

Вотъ та схема, доказательству которой мы посвятили настоящую главу. Если-же схема правильна, то правильно и то наше утвержденіе, съ котораго мы начали: усиленіе государственной власти не вытравило идею патроната изъ круга юридическихъ идей, находящихъ себѣ проявленіе въ общественной жизни. Идея патроната съ этого момента только видоизмѣнила формы проявленія, войдя какъ интегральная часть въ зародившееся вмѣстѣ съ усиленіемъ государственной власти право внутренняго управленія.

То, къ чему мы сейчасъ пришли, повидимому, относится исключительно къ Германіи. Такъ какъ въ основу доказательствъ положена германская литература, то такой упрекъ могъ бы быть заслуженнымъ, если бы процессъ образованія идеи внутренняго управленія и его права не былъ, въ главныхъ чертахъ, общъ всѣмъ народамъ. Различные историческіе пути, по которымъ шелъ процессъ усиленія и централизаціи государственной власти, а, слѣдовательно, и процессъ зарожденія и развитія внутренняго управленія и его права, отразились на внѣшней исторіи этихъ процессовъ, но не на внутреннемъ ихъ характерѣ. Возьмемъ для примѣра Англію, Францію и Германію. Послѣ распаденія каролингской монархіи, Германія осталась объединенной, съ сильной государственной властью, абсолютно правившей надъ страной. Но феодальный строй постепенно раздробилъ объединенное государство, такъ что, въ концѣ концовъ, государственная

власть какъ бы растаяла, разойдясь по рукамъ отдѣльныхъ сюзереновъ. Франція, наоборотъ, послѣ распаденія каролингской монархіи, осталась подъ властью короля, который былъ только primus inter pares, но который постепенно и очень скоро начинаетъ усиливаться, централизуя власть. Англія, послѣ норманскаго завоеванія пережившая феодализмъ со всѣми его послѣдствіями, также постепенно создаетъ центральную власть, которая переходитъ то изъ рукъ короля въ руки парламента, то обратно. Но и Германія, и Франція, и Англія одинаково переживаютъ періодъ полицейскаго государства, а вмѣстѣ съ нимъ и періодъ того взгляда на внутреннее управленіе и его право, который описанъ выше [1]).

Какъ будто въ нѣсколько иномъ положеніи находится Россія, которая стояла все время въ сторонѣ отъ феодальнаго строя, и гдѣ поэтому процессъ централизаціи власти шелъ уже вполнѣ самобытнымъ путемъ. Но и самобытность этого пути не повліяла на характеръ представленія о внутреннемъ управленіи и его правѣ, такъ какъ и Россія пережила періодъ воззрѣнія на управленіе, какъ на регалію великокняжеской власти, послѣ чего и она вступила въ періодъ полицейскаго государства [2]).

---

[1]) Нѣкоторое подтвержденіе такой мысли см. Mohl, Geschichte und Literat., т. III, стр. 4 и сл. „Allgemeine Betrachtung“.

[2]) Противъ такого воззрѣнія, очевидно, высказывается Лешковъ, Рус. нар и госуд., стр. 216, гдѣ проводится та мысль, что было бы не согласно съ истиной думать, будто бы князья были не государями, а господами своего народа, будто бы бояре и княжьи мужи были не правителями, а только сборщиками доходовъ. Однако, все послѣдующее разсужденіе автора нисколько не опровергаетъ такого взгляда. Скорѣе, даже утверждаетъ въ немъ. Автору удается доказать, что въ отдѣльныхъ отрасляхъ управленія общины имѣли самостоятельность; именно потому онѣ и имѣли ее, что князья не всегда заботились осуществлять свое право управлять, такъ какъ не всѣ отрасли жизни имѣли ближайшее отношеніе къ ихъ стремленію держать въ рукахъ полную и самостоятельную власть. Небезынтересно сравнить со взглядомъ Іоанна III на княженіе. См. Соловьевъ Ист. Рос., изд. 3, т. 5, гл. 5.

IX.

Присоединеніе къ идеямъ государственнаго индивидуализма и патроната идеи личности. Идея внутренняго управленія, какъ совокупность трехъ указанныхъ идей. Германская литература. Французская литература. Современное положеніе идеи патроната. Данныя, на основаніи которыхъ можно опредѣлить дальнѣйшій ходъ исторіи идеи патроната. Самостоятельная роль идеи патроната. Выводы.

Какъ мы, однако, уже отмѣтили, изъ разсмотрѣнія историческаго развитія идеи патроната слѣдуетъ еще тотъ выводъ, что отношенія по патронату легко превращаются въ отношенія изъ идеи власти, что, въ свою очередь, вызываетъ борьбу со стороны патронируемаго за независимость. Личность, въ патронатѣ нашедшая защиту и подъ патронатомъ окрѣпшая, получившая возможность полнѣе и всестороннѣе развивать свои индивидуальныя силы, не пренебрегаетъ первыми обстоятельствами, чтобы широко воспользоваться своимъ усиленіемъ, и, какъ это легко объяснимо, въ такихъ случаяхъ однимъ изъ слѣдствій должно явиться стремленіе личности выйти изъ подъ патроната. Отсюда и въ исторіи формированія идеи внутренняго управленія и его права вполнѣ объяснимо наступленіе такого момента, когда личность, заявивъ о своихъ правахъ на самостоятельное развитіе, начинаетъ борьбу за ослабленіе воздѣйствія идеи патроната, вошедшей въ составъ идеи внутренняго управленія, и рядомъ съ идеями государственнаго индивидуализма и патроната выставляетъ, какъ новую составную часть идеи внутренняго управленія, еще одно начало—начало свободной личности.

Внутреннее управленіе, понимаемое, какъ одно изъ верховныхъ правъ носителя государственной власти, имѣло ко-

нечной цѣлью развитіе того самоцѣльнаго начала, которое олицетворялъ собой глава государства. Увеличеніе территоріи, увеличеніе населенія, осложненіе задачъ внутренняго управленія, какъ неизбѣжное слѣдствіе того и другого, вызвало необходимость нѣсколько перемѣстить центръ тяжести, тѣмъ болѣе, что остались такими-же тѣ жизненные запросы, которые порождали проявленія идеи законной защиты въ періодъ предшествующій, т. е. тогда, когда государственная власть какъ бы расплывалась по семьямъ, родамъ, общинамъ, союзамъ и по рукамъ отдѣльныхъ мелкихъ властителей. Внутреннее управленіе, понимаемое, какъ регалія, не только не удовлетворяло этимъ жизненнымъ запросамъ, но наоборотъ, порабощало ихъ во имя идеи государственнаго индивидуализма. Чтобы удержаться на почвѣ порабощенія такихъ запросовъ, самоцѣльное государство должно было бы отказаться отъ всякаго дальнѣйшаго развитія, что, однако, было затруднительно уже потому, что, рядомъ съ самоцѣльнымъ государствомъ, существовалъ уже городъ, создавшій при воздѣйствіи идеи патроната идеалъ всеобщаго блага. Государство постепенно усваиваетъ себѣ этотъ идеалъ и, такимъ образомъ, вводитъ идею патроната какъ составную часть въ свое представленіе о внутреннемъ управленіи, какъ регаліи. Тогда кореннымъ образомъ измѣняется взглядъ и на внутреннее управленіе, и на значеніе внутренняго управленія въ государствѣ. Не получая еще разработки, внутреннее управленіе, тѣмъ не менѣе, получаетъ характеръ юридической идеи, а его цѣлью, вмѣсто развитія того самоцѣльнаго начала, которое олицетворялъ собой глава государства, становится развитіе силъ государства въ гармоніи съ развитіемъ силъ каждаго. Слѣдовательно, внутреннее управленіе изъ верховнаго права дѣлается верховной обязанностью; съ другой стороны, во имя этой обязанности власти создается и представленіе о правахъ подданныхъ. Но въ основѣ этого новаго взгляда

на внутреннее управленіе, его задачи и цѣль, лежала идея патроната, органически соединенная съ идеей государственнаго индивидуализма; это же, какъ понятно само собою, должно было повести къ полной опекѣ надъ личностью каждаго, входившаго въ составъ государства. Съ такимъ характеромъ и является такъ называемое полицейское государство.

Первымъ, кто категорически высказался противъ полицейскаго государства и кто, такимъ образомъ, отмѣтилъ начало протеста личности противъ внутренняго управленія, понимаемаго, какъ единеніе только двухъ идей—государственнаго индивидуализма и патроната,—былъ Бергъ [1]). Онъ исходитъ изъ представленія о внутреннемъ управленіи въ только что указанномъ смыслѣ [2]), но уже ясно различаетъ новыя жизненныя теченія и потому пытается поставить внутреннему управленію извѣстныя границы [3]), при чемъ, устанавливая ихъ, отправляется отъ представленія о личной свободѣ. Пусть эти границы и призрачны [4]),—самая попытка установить ихъ

---

[1]) Berg, Handbuch des Teutschen Policeirechts, I—VII, 2-е изд.

[2]) Внутреннее управленіе (полицію) онъ уподобляетъ благодѣтельному генію, который заботливо выравниваетъ жизненный путь, по которому должны итти его питомцы. Этотъ добрый геній очищаетъ воздухъ, которымъ они дышатъ, дѣлаетъ безопасными дома, въ которыхъ они живутъ, улицы, по которымъ двигаются, оберегаетъ поля, которыя они обработываютъ, оберегаетъ ихъ жилища отъ пожара и наводненія, ихъ самихъ отъ болѣзней, бѣдности, невѣжества, предразсудковъ и безнравственности; каждому бѣдному, несчастному и нуждающемуся въ защитѣ онъ служитъ пріютомъ и даетъ защиту. Ц. с., т. 1, стр. 1—2. А вотъ какъ онъ опредѣляетъ, напримѣръ, въ другомъ мѣстѣ: Durch diesen Theil der bürgerlichen Regierung erhält der Landesherr vermöge seiner Landeshoheit meist einzig und allein rechtmässigen Anspruch und die vorzügliche Ehre, gewissermassen im eigentlichen Verstande erst dadurch Vater seines Landen zu werden, aus der gesammten Bürgerschaft eine einzig glückliche Familie, und aus dem Territorium ein wahres Vaterland zu machen. Это опредѣленіе Бергъ заимствуетъ у Матера (Teutsches Weltliches Staatsrecht, III, 180), но приводитъ его. какъ такое, съ которымъ вполнѣ согласенъ. Ц. с., т. I, стр. 86.

[3]) Ibid., стр. 87—91.

[4]) Эти границы трояваго рода: власть полиціи не должна простираться далѣе того, что требуется ея собственной цѣлью; власть полиціи имѣетъ право

имѣетъ свое значеніе. Она показываетъ, что къ этому времени личность въ государствѣ настолько выросла и окрѣпла, что явилась потребность ввести въ кругъ идей внутренняго управленія и ту идею, которая руководитъ личностью въ ея жизни и дѣятельности въ государствѣ. Мы называемъ эту идею—идеей личности. Быть можетъ, было бы точнѣе назвать ее идеей индивидуализма въ собственномъ смыслѣ.

Какъ справедливо отмѣтилъ еще Шпилевскій [1]), со времени Берга ни одно сочиненіе не оставляло безъ вниманія этотъ важный вопросъ. Да и какъ могли полицеисты оставлять вопросъ безъ вниманія, разъ онъ знаменовалъ собой новую фазу въ исторіи развитія идеи внутренняго управленія? Такъ, уже Лотцъ [2]), сочиненіе котораго вышло всего чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ работы Берга, готовъ думать, какъ это видно изъ введенія, что безъ правильнаго разрѣшенія этого вопроса нельзя приступать къ изложенію началъ науки полицейскаго права. „Если-бы, говоритъ онъ далѣе,—государства сейчасъ же при возникновеніи получали идеальную форму, т. е. ту, которая представляется философамъ изъ анализа отношеній между властью и подданными, то правительства и граждане тогда-же установили бы вполнѣ точно взаимныя права и обязанности, а, слѣдовательно, были бы точно установлены и границы дѣятельности полицейской [3]) власти“. Пытаясь опредѣлить эту границу сначала путемъ отличенія полицейской власти отъ другихъ видовъ государственной власти [4]), а затѣмъ путемъ

на ограниченіе естественной свободы подданныхъ, но лишь насколько этого требуетъ ея правомѣрная цѣль; и благопріобрѣтенныя права могутъ быть потребованы полицейской властью въ жертву, но если иначе цѣль полиціи не можетъ быть достигнута.

[1]) Полицейское право, какъ самостоятельная отрасль правовѣдѣнія, стр. 33.

[2]) Ueber den Begriff der Polizei und den Umfang der Staatspolizeigewalt. 1807 г.

[3]) Ц. с., стр. 2.

[4]) Ц. с., стр. 38—48.

проводимаго имъ дѣленія полиціи на полицію принужденія и полицію попеченія [1]), Лотцъ уже вполнѣ твердо отстаиваетъ право личности на самостоятельное [2]) въ извѣстныхъ случаяхъ развитіе ея силъ. По его мнѣнію, единеніе людей въ государства долгое время имѣло цѣлью лишь достиженіе безопасности отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; только впослѣдствіи присоединяется новая цѣль—установленіе условій, которыя облегчали бы путемъ управленія реализацію остальныхъ человѣческихъ правъ [3]). Эта же новая цѣль въ исторіи достигалась двояко: или при полной опекѣ управленія надъ личностью, или (слѣдующій шагъ) при извѣстной самостоятельности личности [4]). Работы Циммермана [5]) и Роберта Моля [6]) уже всецѣло основаны на такомъ именно взглядѣ на идею внутренняго управленія. Циммерманъ, излагая исторію германской полиціи, отмѣчаетъ въ ней два періода: первый—когда внутреннее управленіе находилось преимущественно въ рукахъ главы государства и государства и когда ея цѣлью было лишь предотвращать преступленія путемъ наказанія, и второй—когда начала формироваться организація внутренняго управленія съ болѣе широкими задачами—помогать личности всесторонне развивать ея силы [7]). Правда, Циммерманъ тутъ какъ бы упускаетъ изъ вида пе-

[1]) Ц. с., стр. 92—95.

[2]) Это особенно ясно изъ второго отдѣла его книги: Umpfang der Hülftspolizei.

[3]) Для Германіи Лотцъ старается даже точно указать моментъ наступленія этого періода: при императорахъ Фридрихѣ III, Максимиліанѣ I и въ особенности, Карлѣ V. См примѣч. къ стр. 4, ц. с.

[4]) Ц. с., стр. 383 и сл. Невольно мы ищемъ въ этихъ воззрѣніяхъ Лотца подтвержденія нашему взгляду на процессъ формированія идеи внутренняго управленія.

[5]) Die deutsche Polizei im Jahrhundert XIX т. I—III и Wezen, Geschichte und Literatur, characteristische Thätigkeiten und Organisation der modernen Polizei.

[6]) Die Polizeiwissenschaft, I—III, 3-е изд.

[7]) Die d. Pol., I, стр. 62 и сл., стр. 72 и сл.

ріодъ полицейскаго государства, но пропускъ этотъ болѣе кажущійся, чѣмъ дѣйствительный, и объясняется тѣмъ, что, въ излишнемъ отрицаніи установленныхъ его предшественниками терминовъ и пріемовъ изслѣдованія, онъ нерѣдко повторяетъ старое новыми словами [1]). Самое дѣленіе полицейской дѣятельности, принятое Циммерманомъ, указываетъ, по нашему мнѣнію, что онъ смотрѣлъ на идею внутренняго управленія, какъ на состоящую изъ соединенія нѣсколькихъ идей. Точнѣе — онъ различалъ четыре отдѣльныя задачи внутренняго управленія: 1) задачу—наблюдать (Wachsamkeit), 2) задачу—предупреждать (Vorbeugende Thätigkeit), 3) задачу—пресѣкать (Behandlung gegenwärtiger Uebelstände) и 4) задачу—розыскивать (Entdeckende Eigenschaft) [2]). Такъ какъ Циммерманъ стоялъ на точкѣ зрѣнія преувеличеннаго отвращенія ко всякаго рода доктринѣ, считая полицейскую науку лишь „Erfahrungslehre“ [3]), то онъ и не долженъ былъ найти всѣмъ этимъ четыремъ задачамъ полиціи объединяющее начало въ идеѣ внутренняго управленія. И онъ остался до конца при своей формальной точкѣ зрѣнія, по которой эти четыре задачи представлялись ему безъ органическаго взаимодѣйствія существующими рядомъ другъ съ другомъ. Между тѣмъ, въ наблюдательной дѣятельности полиціи по дѣленію Циммермана легко угадать отраженіе вошедшей въ составъ идеи внутренняго управленія идеи личности, въ предупредительной дѣятельности—отраженіе идеи патроната, въ пресѣкательной и розыскной (послѣднее дѣленіе явилось слѣдствіемъ излишне формальнаго [4]) разграниченія между полиціей и юс-

---

[1]) Достаточно привести, какъ примѣръ, хотя бы его поправку къ опредѣленію перваго періода, см. ц. с., стр. 63.

[2]) Ц. с., I, стр. 152 и сл. Детальное описаніе особенностей каждой изъ этихъ задачъ изложено въ II т., стр. 399 и сл.

[3]) Ц. с., I, стр. 2.

[4]) Ц. с., I, стр. 194—228. Это, можетъ быть, наименѣе удовлетворительная часть работы Циммермана. Еще менѣе удовлетворительно проведено это дѣ-

тиціей)—отраженіе идеи государственнаго индивидуализма. Мы, конечно, не можемъ признавать такое дѣленіе существующимъ въ дѣйствительности, и въ этомъ-то и заключалась серьезная ошибка, допущенная Циммерманомъ; но другое дѣло—признавать это дѣленіе въ схемѣ.

Что-же касается послѣдняго и наиболѣе яркаго представителя науки о полиціи, Роберта Моля, то онъ уже настолько признаетъ идею личности въ кругу идей внутренняго управленія, что считаетъ недопустимымъ, чтобы государство обращало вниманіе только на общую цѣль, а не на потребности индивида [1]); онъ далѣе утверждаетъ, что нельзя отождествлять государственную цѣль съ цѣлью жизни отдѣльнаго индивида, и говоритъ затѣмъ, что индивида нельзя, помимо его воли, принудить къ развитію его силъ [2]). Такимъ образомъ, Моль признаетъ существованіе во первыхъ, государственной цѣли, во вторыхъ—личной цѣли индивида въ государствѣ. По нашей терминологіи, первая цѣль осуществляется путемъ проявленія идеи государственнаго индивидуализма, вторая—путемъ проявленія идеи личности. Повидимому, здѣсь не остается мѣста для проявленій идеи патроната. Но Моль вводитъ проявленія этой идеи въ самое опредѣленіе полиціи, которую считаетъ совокупностью государственныхъ учрежденій и дѣйствій, имѣющихъ цѣлью удалить внѣшнія, не заключающіяся въ правонарушеніяхъ препятствія, заграждающія путь всестороннему и разумному развитію силъ индивида и не поддающіяся усиліямъ ни индивида, ни дозволеннаго союза индивидовъ [3]). Другими словами: идея личности входитъ въ кругъ идей внутренняго управленія, какъ противовѣсъ ограниче-

---

леніе въ „Modern. Polizei", стр. 14 - 16, гдѣ авторъ старается быть возможно точнымъ.

[1]) Ц. с., I, стр. 14.

[2]) Ibid., стр. 15.

[3]) Ibid., стр. 6—7.

скому единенію двухъ первоначальныхъ идей—государственнаго индивидуализма и патроната.

Но если мы не ошибаемся, то, слѣдовательно, выводъ къ которому мы приходимъ, таковъ: идея патроната, пришедшая къ идеѣ государственнаго индивидуализма, создала въ результатѣ такую идею внутренняго управленія, которая привела къ тому, что принято называть полицейской опекой; какъ и при всѣхъ проявленіяхъ идеи патроната, однимъ изъ неизбѣжныхъ слѣдствій явилась борьба окрѣпшей подъ паронатомъ личности за свою независимость; результатомъ этой борьбы послужило привхожденіе въ кругъ идей внутренняго управленія идеи личности, что, такимъ образомъ, съ одной стороны дало иной поворотъ идеѣ внутренняго управленія, а, съ другой стороны, послужило основаніемъ для новаго момента въ исторіи идеи патроната. Отсюда мы дѣлаемъ еще одинъ выводъ: можно допустить существованіе общества, которое руководствовалось бы въ своей жизни и дѣятельности одной какой нибудь изъ этихъ трехъ идей; но каждая изъ этихъ идей безъ органическаго единенія съ идеей государственнаго индивидуализма не создаетъ еще идеи государства, а безъ органическаго соединенія съ идеей патроната не создаетъ еще идеи внутренняго управленія. Внутреннее управленіе, если выводить идею его не изъ предвзятыхъ положеній, а изъ историческихъ фактовъ, является совокупностью дѣйствій государства во имя гармоническаго развитія личности и государства. Идея патроната и есть то серединное, связующее начало, которое ведетъ къ необходимой гармоніи.

Однако, въ чемъ-же выразился этотъ новый періодъ въ исторіи идеи патроната? Въ предъидущемъ періодѣ, какъ мы видѣли, идея патроната выразилась въ полицейской опекѣ. Объясняется это тѣмъ, что, не смотря на несомнѣнную юридическую разницу, существующую между идеей патроната и

опеки [1]), всякое покровительство, а тѣмъ болѣе —юридическое, склонно переходить въ опеку, какъ это мы имѣли уже случай наблюдать при историческомъ разсмотрѣніи проявленій идеи патроната. Кромѣ того, преувеличенное, въ силу историческихъ обстоятельствъ, значеніе идеи государственнаго индивидуализма естественно вызвало въ этомъ періодѣ не только принудительное примѣненіе защиты и покровительства, но и мелочную регламентацію при проведеніи этой принудительной защиты на практикѣ. Привхожденіе же въ кругъ идей внутренняго управленія идеи личности сказалось прежде всего въ установленіи границъ для законной защиты, съ одной стороны, и въ признаніи того, что защита, оставаясь законной и юридической, должна потерять характеръ принудительной. Въ ученіи германскихъ полицеистовъ, какъ мы только что видѣли, это новое теченіе отлилось въ слѣдующія формы: во первыхъ, было признано, что индивида нельзя принудить противъ его воли къ развитію его силъ, во вторыхъ, было признано, что рядомъ съ дѣятельностью государства по внутреннему управленію существуетъ еще дѣятельностъ отдѣльныхъ индивидовъ и союзовъ лицъ. Правда, эта дѣятельность и не является внутреннимъ управленіемъ въ собственномъ смыслѣ (хотя германскіе полицеисты и не различали этого), потому что ея цѣль только не противорѣчитъ цѣли государства, но не тождественна съ ней [2]), тѣмъ не менѣе уже самый фактъ ея признанія значитель-

---

[1]) Стр. 19—21 дан. раб.

[2]) Цѣль внутренняго управленія состоитъ, какъ сказано выше, въ гармоническомъ развитіи государства и личности въ государствѣ, а цѣль во имя которой дѣйствуетъ индивидъ и дозволенные союзы индивидовъ—развитіе личности или этого союза въ гармоніи съ индивидомъ. Вѣрнѣе другихъ, какъ намъ кажется, представляетъ себѣ это новѣйшій французскій административистъ Hauriou, который въ своемъ Précis de droit administratif et de droit public général различаетъ les services publics и les services d'utilité publique. Подъ первыми онъ понимаетъ les services, rendus au nom de l'état lui même, подъ вторыми—les services, rendus par des organisations corporatives sous le con-

но съуживалъ сферу вліянія и воздѣйствія идеи патроната. А сознаніе, что индивида нельзя принудить противъ его воли къ развитію его силъ, гарантировало отъ опасности одностороннняго примѣненія на практикѣ идеи патроната, т. е. отъ возобновленія періода полицейской опеки. Идеѣ патроната, такимъ образомъ, осталась только та сфера примѣненія, которая при развитой государственной жизни могла быть ей отмежевана между проявленіями идеи государственнаго индивидуализма и идеи личности. Но, такъ какъ идея патроната перестала существовать самостоятельно, претворившись въ общей идеѣ—идеѣ внутренняго управленія, то, слѣдовательно, она не столько проявляется съ этого момента, сколько сказывается, отражается на нормахъ, мѣрахъ и отношеніяхъ, регулируемыхъ правомъ внутренняго управленія.

Сказанное станетъ яснѣе, если мы разсмотримъ воззрѣнія на внутреннее управленіе и его право французскихъ административистовъ. Это-же не представляетъ особаго затрудненія, такъ какъ, какъ справедливо отмѣтилъ еще Шпилевскій [1]), французскіе юристы не представляютъ такого крайняго разногласія и разнообразія въ воззрѣніяхъ на администрацію и административное право, какое, напримѣръ, мы встрѣчали въ германской литературѣ по вопросу о полиціи и полицейскомъ правѣ. Отличая административную власть отъ законодательной и судебной, они обыкновенно отличаютъ ее еще и отъ политической, которую одни называютъ pouvoir po-

---

trôle de l'état. Отсюда и административнымъ правомъ онъ называетъ: l'ensemble des règles qui président à l'organisation et au fonctionnement des services publics, à la surveillance des services d'utilité publique. Другими словами, онъ включаетъ изъ второй категоріи въ право внутренняго управленія не самую дѣятельность корпоративныхъ организацій, а лишь дѣятельность государства по надзору за этой дѣятельностью, т. е. проявленіе идеи государственнаго индивидуализма. См. ц. с., стр. 235. Цитируемъ по третьему издан. 97 г.

[1]) Ц. с., стр. 64.

litique [1]), другіе—gouvernement (правительство) [2]). Подъ правительствомъ или политической властью они понимаютъ обыкновенно наивысшее выраженіе единенія людей въ государствѣ, задача котораго давать инициативу, направленіе жизни людей въ государствѣ. Это она, какъ говоритъ Вивьенъ [3]), даетъ администраціи общій духъ, мысль, знамя: политическая власть—голова, администрація—руки [4]). Не трудно видѣть, что съ этой точки зрѣнія административная власть понимается лишь какъ исполнительная власть, т. е. какъ форма дѣйствія [5]), а собственно внутреннимъ управленіемъ является власть политическая. Точнѣе: цѣль внутренняго управленія опредѣляется властью политической, форма и средства для достиженія этой цѣли—властью административной, т. е. администраціей и полиціей.

Какова-же, спрашивается, эта цѣль? „Нельзя сдѣлать шага въ соціальной жизни, чтобы не поставить себя въ связь съ

---

[1]) Напримѣръ, Вивьенъ въ его Etudes administratives, I стр. 29 и сл. (2 изд.), Batbie, Introduction génerale en droit public et administratif, стр. 23.

[2]) Напримѣръ, Макарель въ его Cours d' administration et de droit administratif, т. I, стр. 13 (2-е изд.)

[3]) Ц. с., т. I, стр. 23.

[4]) То-же говоритъ и Макарель, ц. с., стр. 13. L' administration et la police s'occupent de détails plus humbles, tandis que la politique est reservée aux interêts assez importants pour que leur maniement ait été confié aux pouvoirs publics les plus élevés. Elle imprime sa pensée et sa direction à la marche des services publics,—говоритъ Батби, ц. с., стр. 23.

[5]) Что подъ административной властью (l'autorité administrative) понимается именно форма дѣйствія, можно вывести еще и изъ проводимаго французскими административистами различія между администраціей и полиціей: администрація—положительная форма, полиція—отрицательная. L' administration fait le bien, la police empêche le mal,—говоритъ Батби, ц. с., стр. 23. Самое-же стремленіе различать gouvernement отъ administration явилось, на нашъ взглядъ, слѣдствіемъ неудовлетворительности и смѣшенія понятій въ опредѣленіяхъ болѣе раннихъ писателей. Такъ, у Фукара нѣтъ еще этого дѣленія и онъ знаетъ только l'autorité administrative, которую опредѣляетъ: il s'agit pour elle de prévoir les événements à venir, de prendre des mesures capables d'eloigner ceux qui seraient dangereux ou de faire natre ceux, qui seraient utiles

администраціей страны",—говоритъ Макарель [1]). Человѣкъ не можетъ жить изолированно—таковъ законъ природы, такъ какъ, кромѣ инстинктовъ, человѣкъ надѣленъ еще интеллектомъ, который заставляетъ его живо чувствовать потребность въ общественной жизни—этомъ источникѣ различныхъ правъ и обязанностей. Но въ единеніи естественномъ право заключается лишь въ силѣ, и только, когда на мѣсто естественнаго общества становится гражданское общество, каждый получаетъ гарантію противъ крайностей естественной свободы. Тогда для каждаго открывается возможность развить всѣ индивидуальныя силы, и это развитіе будетъ находиться подъ покровительствомъ власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу этой-же политической связи, появляется сознаніе общаго интереса, въ извѣстныхъ случаяхъ поглощающаго интересы личности. Въ чемъ-же объединяются эти иногда сходные, иногда между собой расходящіеся интересы общаго и отдѣльныхъ индивидовъ? Въ политической власти. Послѣдняя дѣлится на власть законодательную, судебную и исполнительную, которая находится подъ покровомъ власти политической въ тѣсномъ смыслѣ слова. Законодательная власть установляетъ общія нормы, юстиція защищаетъ частный интересъ, администрація—публичный интересъ, но власть политическая въ собственномъ смыслѣ, подсказывая законы, опираясь на юстицію и пользуясь администраціей, какъ руками, объединяетъ въ себѣ всѣ задачи государства, т. е. состоитъ изъ сознанія общаго интереса, признанія частнаго интереса и покровительства развитію силъ индивида, являясь, такимъ образомъ, отраженіе-

---

pour la prosperité publique, de pourvoir aux besoins nombreux et continuellement variables de la societé. (Foucart, Eléments de droit public et administratif, т. I, стр. 124, изд. 2). Едва-ли мы, наконецъ, ошибемся, если найдемъ сходство между l'autorité administrative, отдѣляемой отъ gouvernement, и „vollziehende Gewalt" Лоренца Штейна, который, для довершенія сходства считаетъ полицію также отрицательной формой дѣйствія.

[1]) Ц. с., стр. 5.

емъ государства, его цѣли и задачъ. Власти должны быть раздѣлены, такъ какъ, согласно словамъ еще Монтескье, соединеніе въ однѣхъ рукахъ власти законодательной и исполнительной заставляетъ опасаться, что тираннические законы будутъ издаваться, чтобы быть тираннически-же исполняемы, а судебная власть, соединенная съ властью исполнительной, создастъ судью—притѣснителя, соединенная съ властью законодательной—судью, безконтрольно распоряжающагося жизнью и свободой гражданъ. Но объединеніе властей, замѣчаемое въ понятіи политической власти въ собственномъ смыслѣ, не есть еще соединеніе властей. Тутъ объединяются только тѣ руководящія начала каждаго изъ видовъ властей, которыя всѣ вмѣстѣ служатъ одной цѣли: наиболѣе раціональному осуществленію указанныхъ выше задачъ жизни человѣка въ государствѣ [1]). Отсюда: политическая власть или внутреннее управленіе имѣетъ задачей во имя закона и опираясь на правосудіе блюсти цѣлость государства и, признавая права личности, покровительствовать личности въ ея стремленіи всесторонне развивать свои силы.

Ту-же мысль, но уже въ болѣе рѣшительной формѣ проводятъ новѣйшіе французскіе административисты [2]). Такъ, Simonet [3]), не придавая существеннаго значенія разницѣ между gouvernement и administration, опредѣляетъ внутреннее

---

1) Батби, ц. с., введеніе, Макарель, ц. с., гл. I, Вивьенъ, ц. с., стр. 1—38; Cabantous, Répétitions écrites sur le droit public et administratif, введеніе и гл. I; Ducrocq, Cours du droit administratif, стр. 1—32. Послѣдній держится нѣсколько отличающагося отъ принятаго французскими юристами мнѣнія о соотношеніи gouvernement къ administration. По его мнѣнію, „le gouvernement est la portion du pouvoir executif qui a la mission de diriger le pays dans les voies de son développement intèrieur et de ses relations extérieures, tandis que l'administration en est le complement et l'action vitale". (Ц. с. стр. 24). „Le pouvoir executif gouverne et administre à la fois"—говоритъ онъ далѣе (ц. с., стр. 25).

2) См. стр. 4 дан. раб.

3) Traité élémentaire de droit public et administratif, 85 г.

управленіе (l'administration) какъ совокупность государственныхъ услугъ, устанавливаемыхъ съ цѣлью удовлетворять тѣмъ общимъ нуждамъ, по отношенію къ которымъ индивидъ и даже союзъ индивидовъ не могутъ оказаться достаточно вооруженными. Онъ признаетъ пять видовъ такихъ нуждъ: нужды матеріальной жизни, интеллектуальной жизни, безопасность внутренняя и внѣшняя, публичная благотворительность и финансы. Признавая, что крайности административнаго вмѣшательства ведутъ къ весьма тяжелымъ послѣдствіямъ, онъ, однако, опасается, что излишнее довѣріе къ индивидуальной иниціативѣ можетъ повлечь къ нежелательному преобладанію частнаго интереса надъ общимъ. Задача-же внутренняго управленія состоитъ въ сознаніи общаго интереса, въ признаніи частнаго и въ утвержденіи гармоніи между ними. Поэтому и кругъ дѣйствія внутренняго управленія распростирается на всю ту область, которая можетъ быть опредѣлена слѣдующими словами: не только тамъ, гдѣ дѣятельность эта абсолютно необходима (т. е. во имя сохраненія государственной цѣлосности), но и тамъ, гдѣ она полезна, т. е. гдѣ она даетъ толчекъ частной иниціативѣ, гдѣ она руководитъ ею и ее ободряетъ, и гдѣ она, въ силу полнаго отсутствія частной иниціативы, замѣщаетъ ее [1]). Другими словами: центромъ такого представленія о внутреннемъ управленіи является сила государства и его средства, подъ покровительствомъ которыхъ состоитъ индивидуальная иниціатива. Послѣдняя признается и имѣетъ свои задачи, но эти задачи имѣютъ въ виду достиженіе частныхъ интересовъ. Рядомъ съ нею существуетъ сила государства: ея задача имѣетъ въ виду общій интересъ. Гармонія-же между тѣми и другимъ достигается патронатомъ государственной силы надъ

---

[1]) Ц. с., стр. 183—184. Ср. также ц. с., стр. 1—7. Важно замѣтить, что такой взглядъ на администрацію и ея задачи проходитъ черезъ всю систему предложенную Симонэ.

личной инициативой, патронатомъ въ смыслѣ законной защиты: т. е. со всѣми взаимными правами и обязанностями по защитѣ. Другой новѣйшій французскій административистъ Dieudonné [1]) опредѣляетъ право внутренняго управленія, какъ право, которое регламентируетъ и защищаетъ общій интересъ и устанавливаетъ предѣлы тѣмъ жертвамъ, которыя онъ вправѣ требовать отъ частнаго интереса. Административными законами онъ называетъ законы общаго интереса, опредѣленные съ цѣлью дать удовлетвореніе общественнымъ нуждамъ. Элементовъ этой цѣли четыре: безопасность, благосостояніе матерьяльное, благосостояніе умственное и нравственное и благотворительность. Достигается эта цѣль при помощи силы, покровительства и наблюденія [2]). Проф. Колэнъ [3]) отличаетъ отъ законодательной власти исполнительную, въ которой находитъ три вѣтви: политическую власть, администрацію и юстицію. Внутреннее управленіе называется у него администраціей, и опредѣляетъ ее онъ такъ: это—совокупность органовъ, которая подъ высшимъ наблюденіемъ главы государства, облечена задачей исполнять законы общаго интереса и удовлетворять потребностямъ, рождающимся отъ единенія людей въ государство, если эти потребности не могутъ быть удовлетворены при помощи личной инициативы [4]). Другими словами, и Колэнъ различаетъ тѣ же три элемента задачи внутренняго управленія, хотя въ общемъ, и исходитъ изъ нѣсколько иныхъ принциповъ. Фоанье [5]) признаетъ отличіе политической власти отъ администраціи только въ теоріи; на практикѣ, по его мнѣнію, это—двѣ стороны одной и той-же власти. Но онъ все же признаетъ важность такого

1) Manuel de droit administratif, изд. 2-е.
2) Ц. с., стр. 1—6.
3) Cours élementaire de droit administratif, 90 г.
4) Ц. с., стр. 1—2; ср. также стр. 163—168.
5) Manuel élémentaire de droit administratif, 96 г.

теоретическаго различія, такъ какъ только благодаря ему получается возможность опредѣлять административное право формально: это—та часть публичнаго права, которая устанавливаетъ пространство дѣйствія органовъ управленія по отношенію къ индивидамъ. Самое-же управленіе, такимъ образомъ, имѣетъ цѣлью установленіе гармоніи между общимъ и частнымъ интересомъ [1]). Наиболѣе яркимъ представителемъ новѣйшихъ теченій во французскомъ административномъ правѣ слѣдуетъ, однако, считать Hauriou [2]), который выступилъ съ наиболѣе самостоятельной переработкой основъ нашей науки. Исходя изъ представленія о государствѣ, какъ объ абстрактномъ политическомъ союзѣ, являющимся воплощеніемъ общаго интереса, онъ понимаетъ подъ внутреннимъ управленіемъ совокупность мѣръ и условій, устанавливаемыхъ государствомъ, съ одной стороны, для того, чтобы осуществить свою собственную задачу, т. е. явиться дѣйствительнымъ воплощеніемъ общаго интереса, съ другой, чтобы, такъ сказать, дать гарантіи индивиду противъ своей собственной власти, т. е. чтобы установить возможность самостоятельнаго развитія индивида, и, наконецъ, съ третьей стороны, чтобы достичь совмѣстно съ индивидомъ и союзами индивидовъ общественнаго развитія, т. е. примирить общій интересъ съ частнымъ. Внутреннее управленіе является у него, такимъ образомъ, строго государственнымъ. Какъ и государство, оно есть слѣдствіе осуществленія въ жизни метафизическаго или этатитическаго начала, этатической связи, ткани (tissu). Остальныя два начала—позитивное и религіозное дають матерьялъ для образованія другихъ соединеній—общества и религіозной общины. Каждое изъ нихъ живетъ въ государствѣ, обнимается имъ, но и ограничиваетъ его. По-

[1]) Ц. с., стр. 5—6, 8; ср. стр. 125 и сл.

[2]) Précis de droit administratif et de droit public général. 3-e изд., 97 г.

зитивное начало, это—люди въ ихъ конкретной индивидуальности, съ ихъ природными инстинктами; религіозная ткань, это—люди въ ихъ отношеніи къ Богу. Соединенія во имя каждой изъ этихъ двухъ тканей, входя въ государство, остаются, однако, внѣ идеи государства, какъ таковой, т. е. каждое изъ нихъ, какъ и государство, имѣетъ свою спеціальную цѣль, и государство иначе относится къ институтамъ, создавшимся во имя религіозной и позитивной связи, и иначе къ своимъ, т. е. создавшимся во имя этатической связи: силой этихъ послѣднихъ оно покровительствуетъ первымъ. Выясняя точнѣе это разграниченіе трехъ основныхъ порядковъ, авторъ приходитъ къ необходимости особаго внутренняго управленія для каждаго вида единенія. За государствомъ онъ признаетъ только необходимость подвести управленіе остальныхъ двухъ порядковъ подъ свой контроль и надзоръ. По отношенію къ религіозному порядку положеніе вещей создалось исторически и его остается, слѣдовательно, принять, какъ фактъ. По отношенію къ позитивному порядку авторъ видитъ симптомы близкаго отдѣленія. Сторонники индивидуализма,—говоритъ авторъ,—должны признать, что въ наше время очень слаба реакція коллективизма, и соціалистическія движенія являются только признаками необходимости организовать болѣе нормально цѣлый рядъ отношеній. До сихъ поръ думали, что эта организація можетъ быть достигнута при помощи государственнаго вмѣшательства, и тамъ, гдѣ позитивный порядокъ былъ совсѣмъ не организованъ, дѣйствительно, создавалась организація путемъ государственнаго вмѣшательства. Но исключительное вмѣшательство породило рядъ тяжелыхъ послѣдствій: обремененіе налогами, чрезмѣрное увеличеніе числа чиновниковъ, опасное соединеніе власти экономической съ политической. Совсѣмъ къ другимъ результатамъ поведетъ организація позитивнаго порядка при соединенныхъ усиліяхъ государства и этого порядка, т. е. при

самостоятельномъ внутреннемъ управленіи позитивнаго порядка. Пусть, напримѣръ, государству останется вмѣшательство законодательное; внутреннее же управленіе пусть перейдетъ къ синдикатамъ и корпораціямъ. Словомъ, если не именно здѣсь, то около этого, какъ думаетъ авторъ, слѣдуетъ искать разрѣшенія вопросъ о будущемъ внутренняго управленія.

Если подвести эти представленія Hauriou подъ принятыя нами категоріи, то можно отмѣтить не только наличность трехъ указываемыхъ нами идей въ принимаемой авторомъ идеѣ внутренняго управленія, но и особое значеніе, которое придаетъ авторъ идеѣ патроната. Задача государства, по его мнѣнію, состоитъ не только къ томъ, чтобы путемъ внутренняго управленія, т. е. совмѣстнымъ воздѣйствіемъ входящихъ въ составъ этого понятія элементовъ, сознавать общіе интересы, признавать частные и устанавливать гармонію между ними, но и чтобы дать возможность такому порядку вещей, при которомъ каждая изъ двухъ привходящихъ къ идеѣ государственнаго индивидуализма идей имѣла бы еще и самостоятельную сферу примѣненія: идея личности—въ свободѣ ассоціацій и идея патроната—во вмѣшательствѣ ассоціацій во внутреннее управленіе, въ такой формѣ установленія гармоніи между общимъ и частнымъ интересомъ, при которой посредствующую роль играло бы не государство, а сами ассоціаціи въ лицѣ-ли особыхъ должностей, въ видѣ-ли такъ или иначе организованнаго представительства. Авторъ признаетъ, что проводимый имъ взглядъ—дѣло реформы, но онъ видитъ серьезные симптомы въ настоящемъ и увѣренъ, что тутъ весь вопросъ—вопросъ времени. „Эти идеи въ воздухѣ“,—говоритъ онъ [1]).—Но что-же остается при такомъ порядкѣ вещей на долю собственно государственнаго внутренняго управ-

---

[1]) Ц. с., стр. 21.

лонія? То-же, что и теперь. Оно заботится о сохраненіи цѣлостности государства, во имя этой цѣлостности имѣетъ наблюденіе надъ индивидомъ и ассоціаціями, наконецъ, устанавливаетъ гармонію между собственными интересами и интересами индивида и ассоціаціи [1]).

Мы привели всѣ эти мнѣнія и опредѣленія не только съ цѣлью показать, что и французскіе теоріи внутренняго управленія и его права могутъ служить подкрѣпленіемъ нашему взгляду на элементы, входящіе въ составъ идеи внутренняго управленія, но и для того, чтобы выяснить этотъ взглядъ какъ на современное положеніе идеи патроната, такъ и на отношеніе ея къ идеи внутренняго управленія. Какъ германскіе полицеисты со времени Берга [2]), такъ и французскіе административисты, не смотря на все кажущееся различіе ихъ исходныхъ точекъ зрѣній, и хотя никто изъ нихъ не пользуется предлагаемыми нами категоріями, однако, тѣмъ не менѣе различаютъ троякую задачу внутренняго управленія: сознаніе спеціальной задачи государства, признаніе частнаго интереса и необходимость установленія гармоніи между ними. Одни, какъ мы видѣли, стараются ввести всѣ эти три элемента въ самое опредѣленіе внутренняго управленія и его права, другіе, наоборотъ, не стѣсняются тѣмъ, что даваемыя

[1]) Не является-ли однако, такое самостоятельное проявленіе идеи личности и идеи патроната противорѣчіемъ совмѣстному проявленію трехъ элементовъ идеи внутренняго управленія? Hauriou очень мѣтко указываетъ на аналогичный примѣръ римскаго трибуната. Если даже считать должность трибуна противорѣчіемъ идеѣ государственной власти, Римъ, тѣмъ не менѣе, уживался съ этой должностью въ теченіе пяти вѣковъ, и эти пять вѣковъ были блистательнѣйшей эпохой римской исторіи. Ц. с., стр. 20, примѣч.

[2]) Мы не приводимъ воззрѣній представителей германской школы Verwaltungslehre и Verwaltungsrecht, такъ какъ для нашей цѣли вполнѣ достаточно указать на воззрѣніе германскихъ полицеистовъ и французскихъ административистовъ - этихъ основъ, изъ соединенія и различныхъ комбинацій которыхъ сложились современныя германскія ученіе объ управленіи вообще и внутреннемъ управленіи въ частности.

ими опредѣленія расходятся съ ими-же самими устанавливаемыми взглядами на основные вопросы нашей науки. И всѣ одинаково признаютъ, что это установленіе гармоніи между общимъ и частнымъ интересомъ является только однимъ изъ элементовъ внутренняго управленія, не играя, такимъ образомъ, самостоятельной роли. Да иначе, конечно, оно и не могло бы быть, такъ какъ, повторяемъ, составные элементы идеи внутренняго управленія находятся въ органическомъ, а не механическомъ соединеніи.

Но является вопросъ: кончается-ли на этомъ исторія идеи патроната и нѣтъ-ли данныхъ, по которымъ можно было бы судить, наоборотъ, о совсѣмъ иномъ назначеніи нашей идеи?

Какъ мы уже знаемъ, идея патроната, какъ идея юридической защиты, имѣла тѣмъ болѣе широкое и самостоятельное значеніе, чѣмъ слабѣе была государственная власть. Въ это время патронъ, т. е. лицо, дававшее юридическую защиту, какъ бы становилось между патронируемымъ и тяжелой для него силой вещей, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ, звеномъ, связывавшимъ его съ идеей государства. Мы также знаемъ, что съ усиленіемъ государственной власти необходимость въ такой посредствующей инстанціи, въ этомъ связующемъ звенѣ, исчезаетъ. Всю защиту беретъ на себя государство, но, не признавая самостоятельности личности, превращаетъ эту защиту въ опеку. Идея патроната, какъ идея юридической защиты, однако, не теряетъ своихъ корней въ общественномъ сознаніи и не исчезаетъ изъ жизненнаго обихода. Она только претворяется въ рядѣ родственныхъ идей, войдя, какъ органическій элементъ, въ идею государственнаго индивидуализма, чтобы такимъ образомъ составить идею внутренняго управленія. Наконецъ, государство признаетъ самостоятельность личности. Это опять мѣняетъ комбинацію, и идея патроната, продолжая оставаться въ составѣ идеи внутренняго управленія, получаетъ значеніе начала, устанавливающаго

гармонію между цѣлью государства и цѣлью индивида. Какъ ясно само собой, претворенная въ рядѣ родственныхъ идей и органически соединенная съ идеями государственнаго индивидуализма и личности въ идеѣ внутренняго управленія, идея патроната теряетъ не только свои специфическія особенности, но и свою самостоятельную цѣль. Ея цѣль—развитіе силъ индивида, но всегда во имя этого индивида за рядъ обязанностей съ его стороны. Теперь-же ея цѣлью становится сохраненіе цѣлостности того отвлеченнаго начала, которое представляетъ собой идея государства. Возможны, конечно, различныя комбинаціи: большее или меньшее преобладаніе государственнаго начала надъ личнымъ или личнаго надъ государственнымъ,—но, какъ государственная защита, идея патроната, осуществляя даже спеціальное назначеніе—установленіе гармоніи между общимъ и частнымъ интересами—въ концѣ концовъ, работаетъ лишь во имя идеи государственнаго индивидуализма и проявляется въ формахъ, удобнѣе другихъ осуществляющихъ эту послѣднюю. Мы можемъ это выяснить на примѣрѣ идеи личности: сама по себѣ она опредѣляетъ право личности на самостоятельное развитіе индивидуальныхъ силъ въ государствѣ, но, съ точки зрѣнія внутренняго управленія и его права, идея личности выражается въ формѣ надзора за дѣятельностью индивида и имѣетъ цѣлью осуществленіе все той-же идеи государственнаго индивидуализма. Слѣдовательно, если бы можно было утверждать, что при крѣпкой государственной власти—а таковой мы называемъ ту власть, которая сознаетъ свои спеціальныя задачи и имѣетъ средства осуществлять ихъ—идея патроната въ самостоятельныхъ своихъ проявленіяхъ, т. е. какъ идея юридической защиты въ собственномъ смыслѣ, не имѣетъ и не должна имѣть мѣста, то, конечно, сказаннымъ мы вынуждены были бы и закончить исторію идеи патроната. Но въ этомъ-то и вопросъ. Государственная власть, усили-

ваясь, влечетъ за собой расширеніе государственныхъ задачъ, осуществленіе-же послѣднихъ вызываетъ умноженіе точекъ столкновенія между общими интересами и частными, а это, въ свою очередь, неизбѣжно ведетъ къ дилеммѣ: или все только въ государствѣ, или-же все и черезъ государство. Первое составляетъ содержаніе ученія такъ называемаго индивидуализма, второе—такъ называемаго государственнаго соціализма. Пространство между этими двумя крайними точками остается ничѣмъ не заполненнымъ, такъ какъ, по мнѣнію представителей каждаго изъ указанныхъ ученій, эту середину и составляетъ тотъ ненормальный порядокъ вещей, который и вызываетъ противъ себя предубѣжденіе. Какъ и слѣдуетъ ожидать, каждое изъ крайнихъ ученій по своему выясняетъ и сущность внутренняго управленія: съ точки зрѣнія индивидуалистовъ, задача внутренняго управленія сводится къ охраненію государственнаго начала, въ пространствѣ котораго индивидъ проявляетъ свою дѣятельность по установленію условій для самостоятельнаго развитія; съ точки зрѣнія государственныхъ соціалистовъ, задача внутренняго управленія разростается до того, что почти утеривается представленіе о границахъ государственнаго вмѣшательства. За внутреннимъ управленіемъ, напримѣръ, признается обязанность не только охранять личность отъ стѣсненія юридическихъ формъ, но и отъ всякихъ посягательствъ со стороны лицъ пользующихся вліяніемъ и властью. Мало того: государство-же должно выступить конкурентомъ началу самопомощи, признаваемому несостоятельнымъ. Единственнымъ закономъ, опредѣляющимъ границу государственнаго вмѣшательства, выставляется принципъ: если какая бы то ни была общественная цѣль можетъ быть достигнута посредствомъ дѣятельности государства или даже только лишь съ большей выгодой при его посредствѣ, вмѣшательство власти имѣетъ уже полное основаніе.

Не трудно видѣть, что оба эти крайнія ученія, въ концѣ концовъ, исходятъ изъ представленія о равенствѣ людей. Ученіе индивидуалистовъ, развившееся изъ философскихъ посылокъ школы естественнаго права, въ гармоніи съ которыми находилась и школа Адама Смита, установило апріорный взглядъ о государствѣ, какъ объ учрежденіи, существующемъ только для поддержанія порядка. Но такое значеніе можетъ быть признано за государствомъ лишь въ случаѣ признанія абсолютнаго равенства его членовъ, такъ какъ только при этомъ условіи самодѣятельность каждаго въ государствѣ не приведетъ постепенно къ уничтоженію самаго государства. Съ другой-же стороны, ученіе государственныхъ соціалистовъ, явившееся въ видѣ протеста противъ послѣдствій, порожденныхъ примѣненіемъ на практикѣ индивидуализма, представляетъ государство, какъ вѣчно дѣятельный организмъ, стремящійся путемъ различныхъ мѣропріятій всѣхъ одинаково пріобщить къ прогрессу цивилизаціи. Достичь этого возможно опять таки при условіи равенства людей, такъ какъ всякое неравенство потребуетъ, кромѣ дѣятельности государства, еще и другого рода дѣятельность—восполненія неравенства въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что, какъ вполнѣ понятно, государству недоступно. Но безсильное осуществить задачу, диктуемую этимъ ученіемъ, государство не можетъ, безъ видимаго вреда для себя, оставаться и въ границахъ, отведенныхъ ему первымъ ученіемъ, а это, въ свою очередь, и ведетъ къ тому положенію вещей, котораго мы являемся теперь свидѣтелями. Съ одной стороны, нормальный ходъ государственной жизни тормозится необычайнымъ ростомъ конкурренціи, перепроизводства, частыми кризисами, неорганизованностью отношеній между рабочими и хозяевами, съ другой стороны, при фактическомъ неравенствѣ людей, отсутствуютъ данныя для установленія точныхъ границъ государственному вмѣшательству. Мы стоимъ, такимъ образомъ, какъ бы

предъ опасностью или отказаться отъ жизни въ государствѣ, предоставивъ полную побѣду началу индивидуализма, или-же вернуться къ полицейскому государству. Да къ этому, въ сущности, и приходятъ крайніе послѣдователи каждаго изъ указанныхъ ученій [1]).

Но, исходя изъ соображенія о фактическомъ неравенствѣ людей, вѣрнѣе—именно потому, что мы исходимъ изъ соображенія о фактическомъ неравенствѣ людей, мы не можемъ не признавать ни значенія индивидуальной самостоятельной дѣятельности въ государствѣ, ни значенія государственнаго вмѣшательства. Государство развивается при дѣятельной помощи внутренняго управленія, но энергія послѣдняго должна соотвѣтствовать внутренней силѣ общества, надъ которымъ оно оперируетъ, а показателемъ такой внутренней силы является, конечно, степень самостоятельности личности. Слѣдовательно, и внутреннему управленію предстоитъ отнюдь не задача выбирать между двумя крайними принципами, а задача болѣе благодарная—найти средство примирить ихъ.

Идея патроната можетъ въ этомъ смыслѣ сослужить огромную службу. Всякое развитіе состоитъ не въ устраненіи неравенства, которое не устранимо, а въ созданіи условій для массового перехода отъ нисшихъ формъ къ высшимъ, самый же процессъ этого перехода не можетъ быть достигнутъ при помощи идеи личности, такъ какъ идея личности, взятая изолировано отъ другихъ органическихъ частей идеи внутренняго управленія, можетъ только помочь индивидамъ вполнѣ приспособленнымъ приспособиться еще болѣе, но для массы менѣе приспособленныхъ организмовъ она болѣе опасна, чѣмъ полезна. Процессъ этого перехода не можетъ быть достигнутъ и при помощи государственнаго вмѣшательства, кото-

[1]) Ср. Hauriou, ц. м., Adolphe Prins, L' organisation de la liberté et le devoir social; Jean Isoulet, La cité moderne, métaphisique de la sociologie.

рое, самое большое, что оно можетъ сдѣлать, въ состояніи лишь регулировать процессъ этого перехода. Идея-же патроната, какъ показываетъ самое опредѣленіе ея, имѣетъ своей основной цѣлью прикрывать неприспособившійся или недостаточно приспособившійся организмъ сферой правъ и силы организма болѣе приспособившагося. Какъ показываетъ историческое разсмотрѣніе формъ проявленія идеи патроната, она всегда играла роль той примиряющей идеи, которая восполняла слабымъ недостатокъ въ правахъ при помощи защиты и покровительства сильныхъ. Правда, въ наши дни, когда юридическое равенство получило значеніе общераспространеннаго и почти повсемѣстно признаваемаго основного принципа государственной жизни, не можетъ быть и рѣчь о недостаткѣ правъ, и вопросъ идетъ почти исключительно о фактическомъ неравенствѣ, но фактическая слабость нашихъ дней является непосредственнымъ продолженіемъ юридической слабости прошлаго. Если кліентъ былъ юридически слабъ въ Римѣ, потому что не принадлежалъ къ извѣстному числу полноправныхъ семействъ, если въ средніе вѣка отдѣльные виды вассаловъ были юридически болѣе слабы, потому что въ тѣхъ, а не въ иныхъ отношеніяхъ стояли къ землѣ, которую обработывали, то и фактическая слабость, напримѣръ, современнаго рабочаго класса является, по существу, съ тѣмъ же характеромъ юридической слабости, такъ какъ обусловливается тѣмъ, а не инымъ отношеніемъ къ орудіямъ труда и матерьяламъ производства. Отсутствіе собственныхъ орудій труда и матерьяловъ производства лишаютъ рабочаго имущественнаго ценза, а отсутствіе послѣдняго нерѣдко ведетъ и къ юридической слабости въ буквальномъ смыслѣ. Кромѣ того, эта-же фактическая слабость является одновременно и соціальной слабостью, т. е. дѣлаетъ личность не пригодной къ дальнѣйшей борьбѣ за ея положеніе въ обществѣ, а вѣдь таково именно содержаніе и юридической слабости.

Такимъ образомъ, если какой изъ указанныхъ идей и можетъ предстоять самостоятельная роль въ вопросѣ о примиреніи требованій и запросовъ личности съ цѣлью государства, то только идеѣ патроната, понимаемой въ смыслѣ идеи юридической защиты [1]). Другой вопросъ: въ какой формѣ можетъ проявиться эта самостоятельная роль идеи патроната. Это — вопросъ будущаго. Едва-ли, однако, эти формы будутъ сильно расходиться съ формами уже извѣстными исторіи. Быть можетъ, правъ Hauriou, который предвидитъ возрожденіе института, напоминающаго римскій трибунатъ [2]); быть можетъ, защита будетъ организована въ видѣ отдѣльныхъ подъ частнымъ патронатомъ состоящихъ группъ — мы не останавливаемся на подробномъ разсмотрѣніи этого вопроса, такъ какъ тутъ уже начинается область гаданій, сравнительное значеніе каждаго изъ которыхъ не можетъ быть достаточно провѣрено.

Одно несомнѣнно: идеѣ патроната предстоитъ еще не малая будущность. Объ этомъ достаточно свидѣтельствуютъ тѣ разнорѣчивые пока голоса, которые теперь раздаются по всей Европѣ съ требованіями объ организаціи защиты для менѣе приспособившихся къ общественной жизни организмовъ. Разнорѣчіе объясняется тѣмъ, что одни возлагаютъ всѣ надежды на государство и его управленіе, другіе — на личность, при чемъ мы читаемъ и слышимъ проекты самые разнообразные — отъ возврата къ полицейскому государству до анархіи включительно. Но все это лишь переходные моменты: историческая правда возьметъ свое, а историческая правда прямо указываетъ намъ на идею патроната, какъ на наиболѣе удобный и естественный путь къ разрѣшенію поставленнаго вопроса.

---

[1]) Prins, ц. с., гл. 35, находитъ примиреніе въ децентрализаціи. Но, если всмотрѣться въ то, что онъ понимаетъ подъ децентрализаціей, то окажется, что это ничто иное, какъ мѣстные союзы патроната.

[2]) Hauriou, ц. с., стр. 20.

X.

Идея патроната по воззрѣніямъ Ле-Плэ. Опредѣленіе, историческое разсмотрѣніе, слѣды проявленія этой идеи въ современной жизни, ея значеніе; симптомы предстоящей реформы. Разборъ этихъ воззрѣній.

Совершенно своеобразно понимаетъ идею патроната извѣстный французскій мыслитель и общественный дѣятель Ле-Плэ [1]). Въ многочисленныхъ работахъ [2]), посвященныхъ изложенію его личныхъ взглядовъ на вопросы общественной жизни, личной и общественной морали, онъ не разъ возвращается къ анализу идеи патроната, которую ставитъ въ тѣсную связь со всѣмъ своимъ ученіемъ. Для того, чтобы изложить воззрѣніе Ле-Плэ на идею патроната, приходится, слѣдовательно, хоть въ краткихъ чертахъ коснуться и общаго его ученія

---

[1]) Родился въ 1806 г., умеръ въ 1882 г. Біографическія свѣдѣнія о немъ см. статью К. П. Побѣдоносцева „Ле-Плé", Р. Об., 93 г., кн. 9., Auburtin „F. Le-Play", Wenckstern, „Le-Play", въ Jahrbuch für. Ges. u. Verw. Schmoller'a 1899, I, ср. также A. Riche, „Frédéric Le-Play"; A. de Tourvill „La science sociale est-elle une science?" и „La science social se confond-elle avec la science de la morale"? Ср. также предисловіе гр. Ланскаго къ переводу первой статьи Турвилля. Гр. Ланской приводитъ и библіографическія указанія, ц. с., стр. XXV. Wenckstern даетъ подробный, хотя и односторонній разборъ общаго ученія Ле-Плэ. См. у него-же библіографическія указанія на стр. 2, 3.

[2]) Сочиненія Ле-Плэ дѣлятся на два разряда. 1) собранныя имъ матеріалы по его спеціальному методу и 2) его публицистическія работы. Вотъ перечень тѣхъ, которыми мы пользовались: Réforme sociale en France, 3 т.; La réforme en Europe et le salut en France (le programme des unions de la paix sociale); La paix sociale après le désastre; L'organisation de la famille; L'organisation du travail; La constitution de l' Angleterre; Les Ouvriers européens, 6 т.; сюда же слѣдуетъ причислит. и коллективный трудъ Les ouvriers des deux mondes, состав.енный международнымъ обществомъ соціальной экономіи, 4 т.

о государствѣ и обществѣ, вѣрнѣе — о правилахъ жизни людей въ государствѣ [1]).

Люди и природа, окружающая людей, созданы Провидѣніемъ, которое открылось человѣку въ дѣлахъ своихъ и въ законахъ десяти заповѣдей. Если противопоставить природѣ единичнаго человѣка, то никакихъ другихъ потребностей, кромѣ заботъ о насущномъ хлѣбѣ у этого человѣка не было бы. Но природѣ противопоставлены милліоны людей съ ихъ взаимными другъ къ другу отношеніями. Послѣднее обстоятельство рождаетъ новый видъ потребностей. Чтобы познать эти потребности, надо прежде всего опредѣлить основныя свойства человѣка. Во первыхъ, человѣкъ обладаетъ инстинктомъ, во вторыхъ, свободой воли, въ третьихъ—рядомъ естественныхъ слабостей, которыя проявляются въ томъ, что у него не хватаетъ иногда способностей себя самого содержать, и тогда является склонность получать необходимое подъ защитой болѣе способнаго и сильнаго. Эти три основныя свойства создаютъ индивидуальность каждаго и отсюда —естественное неравенство людей.

Но неравные между собой люди живутъ вмѣстѣ и совмѣстно вынуждены добывать насущный хлѣбъ. Это возможно лишь при извѣстныхъ учрежденіяхъ, которыя служатъ нормой совмѣстной жизни. Потребность въ такой нормѣ и является вторымъ типомъ потребностей человѣка. Норма-же эта заключена въ моральномъ законѣ, преподанномъ въ десяти заповѣдяхъ, являющихся основаніемъ, фундаментомъ общественной жизни людей.

Десять заповѣдей даютъ полное содержаніе морали: изъ нихъ человѣкъ черпаетъ убѣжденіе въ важности для него религіи, отеческой власти, семейнаго начала вообще и соб-

---

[1]) Это вѣрнѣе уже по одному тому, что Ле-Плэ можетъ быть вообще скорѣе названъ „учителемъ жизни“, чѣмъ соціологомъ, юристомъ или экономистомъ.

ственности. Но то, что установлено заповѣдями, должно проходить и въ дѣйствительную жизнь. Пути, которыми проводятся въ жизнь эти начала—власть. Власть духовная преподаетъ паствѣ законъ десяти заповѣдей и религію, власть свѣтская осуществляетъ въ общественной жизни идею отеческой власти.

Таковы учрежденія, способствующія удовлетворенію второй потребности—потребности въ нормѣ. Потребности-же перваго рода, т. е. въ насущномъ хлѣбѣ, удовлетворяются путемъ начала общиннаго, начала частной собственности и патронатства. Что-же Ле-Плэ понимаетъ подъ патронатствомъ?

Опредѣляя и анализируя всякіе виды помощи, подаваемой обществомъ лицамъ бѣднымъ, общественно слабымъ, нуждающимся, Ле-Плэ приходитъ къ печальному выводу, что чѣмъ болѣе развивается такая помощь, тѣмъ болѣе усиливается зло ею врачуемое. Онъ считаетъ, что такая помощь, вмѣсто уменьшенія нужды, слабости, бѣдности, только пропагандируетъ ихъ. Лишь три способа дѣйствительные существовали,—говоритъ авторъ [1]—для борьбы съ распространеніемъ бѣдности: патріархальная организація, удерживавшая молодыя семьи подъ авторитетомъ стариковъ, отцовъ семействъ; общность имуществъ и труда нѣсколькихъ семей въ пастушескомъ родовомъ быту или въ сельской общинѣ; наконецъ, покровительство надъ общиной, родомъ или какой-либо семейной группой. Современность, по мнѣнію автора, напрасно ждетъ, пренебрегая традиціями, спасенія отъ прогресса знаній, который, правда, создаетъ въ значительно большемъ количествѣ способныхъ и предусмотрительныхъ индивидовъ, но соразмѣрно съ этимъ и увеличиваетъ страданія. Необходимъ коррективъ для современнаго представленія о личной свободѣ, и этотъ

---

[1]) La réforme social en France, т. 2., гл. 50.

корректив заключается въ установленіи іерархіи труда и добродѣтели.

Патріархальная семья сохранилась лишь въ немногихъ мѣстахъ [1]), общность имуществъ и труда сохранилась также только мѣстами [2]), что-же касается третьяго презерватива—патронатства, то западно-европейскому обществу придется не мало потрудиться, чтобы возсоздать то, что, къ сожалѣнію, совсѣмъ утеряно. Развитіе личной свободы будетъ, конечно, ставить преграды такому возсозданію, но заблужденіе думать, что общественная жизнь можетъ нормально слагаться безъ примѣненія идеи патроната. Собственники промышленныхъ заведеній видятъ себя всегда вынужденными собирать вокругъ себя сотрудниковъ различнаго рода, безъ которыхъ они не могутъ приступать къ производству. Послѣдніе-же одинаковымъ образомъ вынуждены мѣнять свои услуги на жалованье и заработную плату. Эти взаимныя отношенія сразу пріобрѣтаютъ особое значеніе, разъ ими устанавливается не только матерьяльное благосостояніе, но и моральное, вопросъ о которомъ самъ собой въ данномъ случаѣ возникаетъ. А послѣднее имѣетъ мѣсто лишь тогда, когда уваженіе и преданность рабочихъ по отношенію къ хозяину является естественнымъ слѣдствіемъ увѣренности, что въ лицѣ хозяина они найдутъ защиту и восполненіе своей слабости. Такой строй отношеній авторъ называетъ добровольнымъ патронатствомъ (patronage volontaire), такъ какъ думаетъ, что основаніемъ этого строя служитъ не сила, какъ это, напримѣръ, было при патронатѣ среднихъ вѣковъ, но нравственное вліяніе патроновъ [3]).

Строй патроната,—продолжаетъ авторъ далѣе,—узнается

---

[1]) Въ Италіи, Испаніи, Франціи. Подроб. ст. Les ouvriers de deux mondes т. I, стр. 221.

[2]) См. подробн. La réforme social en France, т. 2, гл. 42.

[3]) Интересно сравнить съ предисловіемъ къ т. I, Les ouvr. d. d. m.

по слѣдующимъ признакамъ: 1) продолжительность службы рабочаго у хозяина, 2) болѣе или менѣе тѣсное между ними общеніе. Рабочій увѣряется, что его благополучіе зависитъ отъ благополучія патрона, послѣдній-же видитъ себя обязаннымъ заботиться о нравственныхъ и матерьяльныхъ потребностяхъ рабочихъ. Чтобы имѣть возможность всегда быть на высотѣ такихъ отношеній, патронъ, въ случаѣ усиленія спроса на его товары, съ осторожностью принимаетъ новыхъ рабочихъ и, въ случаѣ уменьшенія спроса, старается не удалять никого изъ тѣхъ, кто уже у него служитъ. И сообразно съ этимъ строятся всѣ отношенія. Такой патронъ не отрываетъ мать семьи отъ ея домашняго очага, не оставляетъ на заботу рабочей семьи устройство ея помѣщенія и къ тому-же, чтобы облегчить рабочимъ существованіе, по возможности старается организовывать свои промышленныя заведенія не въ городахъ, а въ деревняхъ. Наконецъ, замѣняетъ по возможности заработную плату деньгами платой продуктами и содержаніемъ, такъ что какъ бы создаетъ имъ собственность.

Это все касается установленія условій матерьяльнаго благосостоянія рабочихъ. Но на обязанности-же патрона лежитъ и моральное развитіе: онъ заботится о религіозномъ воспитаніи рабочихъ (патронатъ, такимъ образомъ, явится могучимъ орудіемъ борьбы противъ невѣрія, разъѣдающаго современное общество), кромѣ того, и объ умственномъ развитіи, что, взятое вмѣстѣ, будетъ способствовать развитію добродѣтели и добрыхъ нравовъ, сообразно съ законами, начертанными въ десяти заповѣдяхъ.

Заботливость патроновъ выскажется еще и въ томъ отношеніи, что рабочіе будутъ удерживаться въ предѣлахъ семейнаго начала [1]); вокругъ семейнаго очага группируются

---

[1]) Авторъ различаетъ три типа семьи: 1) патріархальную, гдѣ всѣ дѣти (и женатые съ ихъ семьями) остаются у домашняго очага подъ авторитетомъ

родителями тѣ ихъ дѣти, которыя, не обладая особой предпріимчивостью, предназначаютъ себя для работы въ томъ-же промышленномъ заведеніи (остальные уходятъ изъ семьи), а это, въ свою очередь, ведетъ неизбѣжно къ гармоніи между патрономъ и рабочими, слѣдовательно,—и къ общему миру. Удерживая у семейнаго очага женщинъ, защищая честь дѣвушекъ и заботясь о воспитаніи дѣтей, патроны, такимъ образомъ, дадутъ уже полную гарантію, что общій миръ ничѣмъ не будетъ нарушенъ.

Исходя изъ соображенія, что люди, даже воспитанные въ чувствѣ порядка, дѣлаютъ часто серьезныя ошибки при основаніи своихъ семей, авторъ присоединяетъ къ обязанностямъ патрона еще и обязанность удерживать патронируемыхъ отъ завѣдомо неудачныхъ и неразумныхъ браковъ.

Тѣ условія, которыя Ле-Плэ кладетъ въ основаніе патроната, т. е. продолжительность службы и тѣсное общеніе между рабочими и хозяевами, онъ называетъ еще „pratiques du bien ou la coutume“ [1]). Продолжительность службы ставится имъ во главѣ всего. Онъ считаетъ это условіе наивысшимъ выраженіемъ устойчивости, положительнымъ признакомъ гармоніи и благосостоянія. Сожалѣя о томъ, что современность даетъ намъ картину почти полнаго забвенія этого условія, авторъ, тѣмъ не менѣе, рѣшается утверждать, что будущее выскажется въ его пользу. Изъ условія продолжительности службы онъ выводитъ основанія и для того близкаго общенія между рабочими и хозяевами, которое, раз-

---

отцовской власти и гдѣ, за исключеніемъ нѣкоторой недвижимости, собственность нераздѣльна; 2) устойчивую или коренную, гдѣ только нѣкоторыя, наиболѣе предпріимчивыя дѣти, выходятъ изъ семьи, а другія остаются подъ отцовской властью и продолжаютъ профессію отца; 3) неустойчивую, гдѣ дѣти охотно покидаютъ домашній очагъ, чтобы на сторонѣ обзавестись своимъ собственнымъ очагомъ. Въ данномъ случаѣ Ле-Плэ, очевидно, имѣетъ въ виду семью коренную или устойчивую. См. L'organisation de la famille.

[1]) L'organisation du travail, стр. 140 и сл.

виваясь на почвѣ семейнаго начала, утверждаетъ взаимное благосостояніе.

Ле-Плэ выводитъ эти начала изъ анализа историческихъ фактовъ [1]) и изъ произведенныхъ имъ лично наблюденій [2]). Въ исторіи авторъ различаетъ шесть періодовъ, изъ которыхъ три періода—періоды реформы и благоустройства и три—періоды паденія и вырожденія. Первый періодъ, охватывающій время отъ 1600 до 300 г. до Р. Хр., представляетъ Галлію (авторъ касается только исторіи Франціи) въ рукахъ нѣсколькихъ клановъ, родовъ. Нѣкоторые изъ нихъ были во враждѣ другъ съ другомъ, большинство-же чувствовало общую связь, и даже иногда представлялись случаи конфедеративнаго между ними единенія. Занимаясь преимущественно охотой, они, тѣмъ не менѣе, признавали семейное начало, и имѣются доказательства той высокой роли, которую они предназначали въ культѣ, въ семьѣ, въ примиреніи распрей между племенами и даже въ международныхъ сношеніяхъ матери семейства и дѣвушкѣ. Постепенно они перешли къ земледѣлію на началахъ общей собственности и патріархальной семьи; ихъ благосостояніе безпрерывно стало тогда развиваться, а, благодаря рѣдкимъ природнымъ задаткамъ, совершенствовались и ихъ нравы. Однако, это-же благосостояніе, породивъ богатство и могущество, вызвало и пороки и страсти, которые, начиная съ IV вѣка до Р. Хр., быстро повлекли за собой общій упадокъ и вырожденіе. Семьи сдѣлались неустойчивыми, родовое начало вымирало, индивидуализмъ принялъ несоотвѣтственные размѣры. Патронатъ, который прежде былъ проявленіемъ идеи защиты, выродился въ способъ привлекать къ дому толпу собутыльниковъ и праздныхъ слугъ. Дезорганизація выразилась въ появленіи городовъ, гдѣ селились

---

[1]) Ibidem, стр. 64—124.

[2]) Les ouvriers Européens, т. I—VI.

болѣе предпріимчивые общественные элементы, оставляя слабыхъ на произволъ ихъ судьбы. И Галлія мало по малу пришла въ такой упадокъ, что сравнительно легко было лишить ее независимости. Этотъ второй періодъ продолжался до 496 г. послѣ Р. Хр., слѣдовательно, еще и послѣ обращенія франковъ въ христіанство. Но христіанство-же и вмѣстѣ съ нимъ феодализмъ послужили почвой для совсѣмъ новаго общественнаго порядка. Еще съ 3 вѣка началось обращеніе Галліи, въ 4 вѣкѣ уже появились первые благіе результаты обращенія, къ концу пятаго вѣка епископальная организація проникаетъ собой всю общественную жизнь, сдерживаетъ дурные инстинкты, приводитъ въ тѣсную связь съ религіей всѣ основы общественной жизни, поучаетъ, вмѣстѣ съ образовавшимися къ тому времени монашествующими орденами, правиламъ жизни, воспитываетъ добродѣтель и вселяетъ правящимъ классамъ сознаніе ихъ обязанностей по отношенію къ нисшимъ классамъ. Начала братства и равенства передъ Богомъ проповѣдуются вездѣ, на каждомъ шагу, чѣмъ приводятся въ гармонію интересы классовъ. Однимъ словомъ, тутъ совершается самая грандіозная изъ всѣхъ извѣстныхъ революцій, послѣдствіемъ которой является новый соціальный строй. Сдѣлавшись опять хозяевами своей земли, франки возстановляютъ личную независимость, но умѣряютъ крайности индивидуализма сознаніемъ связи и взаимнаго братства. И въ то время какъ духовенство реформировало чувства и идеи, свѣтская власть вносила новые институты и нравы. Взаимная защита становится девизомъ времени, благое попеченіе сильныхъ о слабыхъ—формой проявленія этого девиза. Верховная власть селится на своихъ доменахъ, окруженная сюзереннами, имѣющими свои помѣстья, относящимися попечительно къ своимъ васаламъ. Правленіе Людовика Святаго было какъ бы апогеемъ этого славнаго и счастливаго періода. Мы видимъ тутъ семью организованную по двумъ

ея лучшимъ типамъ (семья патріархальная и семья коренная), общины имѣли автономію, сельскіе рабочіе, изъятые отъ всякой личной зависимости, находились, въ виду продолжительности службы, въ тѣсномъ общеніи съ хозяевами, въ каждой бароніи, какъ и въ отношеніяхъ ея къ государству, царила полная независимость, но при сохраненіи соціальнаго порядка. Сувересъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовалъ свою связь съ тѣми, надъ кѣмъ господствовалъ, и сохранялъ поэтому миръ, давалъ защиту, судилъ, какъ аппеляціонная инстанція. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ какъ бы всѣхъ пріобщалъ къ дѣлу правленія и, вмѣстѣ съ ними осуществляя практику десяти заповѣдей, первый подавалъ примѣръ своимъ поведеніемъ. Но въ этомъ счастливомъ порядкѣ вещей заключался и элементъ разложенія: отсутствовала возможность тщательно блюсти за сохраненіемъ указанныхъ принциповъ, а это, въ свою очередь, нерѣдко вело къ злоупотребленіямъ властью. Къ тому-же духовенство уклонялось постепенно отъ своего прямого назначенія и стало заботиться о пріобрѣтеніи свѣтскаго могущества. По мѣрѣ того, какъ росло послѣднее, падала строгость нравовъ и среди духовенства. Путемъ насилія стремилось оно поддерживать вѣрованія, которыя укрѣплялись еще не такъ давно путемъ красворѣчія и нравственныхъ подвиговъ. Ко всему этому присоединился рядъ историческихъ обстоятельствъ: вторженіе ислама, борьба германскихъ императоровъ съ папами, происки антипапъ, дезорганизація, внесенная крестовыми походами и проч. Все это нейтрализовало удивительный источникъ нравственной силы, представляемый христьянствомъ. И вотъ съ 1270 г. начинается новый періодъ упадка и вырожденія, который тянется до 1589 г. Народъ теряетъ уваженіе къ духовенству и переноситъ всѣ свои надежды исключительно на феодальную монархію, которая, однако, въ лицѣ наслѣдниковъ Людовика Святого, начинаетъ враждебно относиться къ мѣстному

самоуправленію и, поощряемая легистами, ставитъ своимъ идеаломъ абсолютную монархію римскихъ императоровъ. Періодъ паденія былъ продолжителенъ, хотя и протекалъ въ безпримѣрной въ исторіи острой формѣ: скандалы папскаго двора, развратъ духовенства и злоупотребленія королей расшатали очень быстро устои средневѣковой жизни, протекавшей въ благополучіи. Хотя дворянство еще до XV вѣка продолжало сохранять добрые нравы, но зараза была уже въ въ воздухѣ; итальянскіе походы Карла VIII познакомили Францію съ разнузданностью дворовъ Борджіа и Медичисовъ; движеніе протестантовъ, имѣвшее успѣхъ, благодаря стремленію уйти отъ очевиднаго зла, повело къ крайностямъ съ обѣихъ сторонъ; основы религіи стали подвергаться критикѣ, что повело къ зарожденію скептицизма; сближеніе послѣднихъ Валуа съ Медичисами окончательно внесло дезорганизацію въ нравы двора и высшаго дворянства, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, повело и ко всеобщей распущенности, такъ какъ правящій классъ потерялъ сознаніе своихъ обязанностей къ тѣмъ, кто находился подъ его управленіемъ. Только съ воцаренія Генриха IV можно считать начало новаго, пятаго, періода. Хотя ни Генрихъ, ни Людовикъ XIII не обладали каждый всѣми качествами, необходимыми для монарха, вступающаго на престолъ въ періодъ упадка и желающаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, призвать народъ къ возрожденію (добродѣтелью, энергіей, прозорливостью), но здравый смыслъ подсказалъ имъ вернуться къ традиціямъ прошлаго. Въ этомъ отношеніи дѣятельность Генриха, очистившаго страну отъ итальянцевъ, освободившагося отъ вліянія Испаніи, призвавшаго всѣ классы населенія къ общественному порядку, издавшаго Нантскій эдиктъ, по истинѣ достойна особаго вниманія. Его сынъ, справедливый и добродѣтельный, продолжилъ дѣло отца тѣмъ, что обратилъ преимущественныя свои заботы на возвращеніе двора и общества къ добрымъ нра-

вамъ. При немъ-же прекращена была и вѣковая распря между католиками и гугенотами, а миръ, заключенный между ними, оказалъ неисчислимые услуги въ дѣлѣ развитія нравственнаго и матерьяльнаго благосостоянія Франціи. Наступило скоро именно то время, когда французскій языкъ и французская культура сдѣлались доминирующими въ Европѣ. Очень возможно, что иди Франція по слѣдамъ, оставленнымъ этими двумя королями, она никогда не переживала бы дальнѣйшихъ періодовъ упадка: принципы добраго феодальнаго времени, видоизмѣненные сообразно съ новыми потребностями, внесли въ выродившуюся было общественную жизнь струю живого порядка и добрыхъ нравовъ, и сильная власть не уклонялась отъ признанія значенія за самостоятельностью общинъ, проводя идею патроната и въ государственное управленіе. Но уже къ концу этого періода сказались зародыши будущей дезорганизаціи. Признавая зиждительныя свойства проявленій идеи патроната, защиты и тѣснаго общенія между классами высшими и низшими, Бурбоны, тѣмъ не менѣе, незамѣтно, быть можетъ, для самихъ себя, отвлекали отъ земли ея представителей, которые теперь дѣлаютъ своей резиденціей Парижъ, а это повело къ двумъ печальнымъ слѣдствіямъ: падала личная инициатива, и рушилась непосредственная связь между классами общества, чѣмъ ослаблялось значеніе мѣстнаго самоуправленія. Все это, въ концѣ концовъ, привело общество къ новому періоду разложенія (съ 1661 г.). Онъ выразился сначала въ ничѣмъ не сдерживаемой монаріи, грѣшившей противъ всѣхъ основъ нормальной соціальной жизни, а затѣмъ—въ заблужденіяхъ энциклопедистовъ, дискредитировавшихъ кутюмы [1]). Революціонное-же

---

[1]) Кутюмы, по терминологіи Ле-Плэ, это—тѣ традиціонныя правила общежитія, которыя, вытекая изъ десяти заповѣдей, являются устоями всякой нормальной соціальной жизни. Объ этомъ подробно см. Réforme sociale en France, гл. 52, III. Общее опредѣленіе даетъ самъ Ле-Плэ въ Les ouvriers Européens,

движеніе было апогеемъ этой эпохи, такъ какъ оно, распространивъ въ массѣ тѣ соціальные недостатки, которые во время монархіи были лишь достояніемъ правящаго класса, въ концѣ концовъ, создало государство, ради матерьяльнаго благополучія гражданъ игнорировавшее достиженіе нравственнаго порядка въ обществѣ.

Таковы въ самыхъ сжатыхъ и основныхъ чертахъ тѣ положенія, которыми руководствуется Ле-Плэ при историческомъ разсмотрѣніи вопроса. Различая шесть періодовъ въ исторіи Франціи и отмѣчая среди нихъ только три періода благосостоянія, онъ въ каждомъ изъ послѣднихъ усматриваетъ также и благотворное вліяніе идеи патроната. Находя, что періодъ ему современный является однимъ изъ періодовъ упадка, онъ, конечно, и не находитъ въ немъ проявленій идеи патроната въ смыслѣ какихъ-либо общихъ нормъ. Онъ замѣчаетъ только, что путемъ детальнаго изученія быта отдѣльныхъ мѣстностей его родины, а также отдѣльныхъ европейскихъ народностей, можно установить слѣды существованія этой идеи и въ наши дни, вѣрнѣе—остатки прошлаго ея процвѣтанія, быть можетъ, отчасти и зародыши будущаго процвѣтанія.

Чтобы перейти къ дальнѣйшему, намъ необходимо пересмотрѣть, каковы эти остатки, которымъ Ле-Плэ придаетъ такое значеніе. Такъ, въ нижней Бретани, въ общинѣ Пенанвуръ Кимперскаго округа можно встрѣтить рабочихъ, живущихъ въ собственныхъ или нанятыхъ домахъ, въ полномъ довольствѣ и подъ защитой мелкихъ собственниковъ—хозяевъ почвы, на которыхъ они работаютъ вмѣстѣ съ семьями, при условіи пожизненнаго найма. Ихъ положеніе на столько обезпечено, что почти всегда приводитъ къ возможности

т. I, стр. 450. „Coutumes de la paix sociale sont les regles tradionnelles, dérivées de la constitution essentielle chez les peuples prospéres".

имѣть собственность, причемъ, однако, послѣднее обстоятельство рѣдко прерываетъ отношеніе патроната [1]). Въ подробностяхъ, положеніе этихъ рабочихъ слѣдующее: съ 12 лѣтъ дѣвочки и мальчики, дѣти рабочихъ-же, поступаютъ въ домъ собственника-землевладѣльца или фермера на правахъ прислуги; они пасутъ скотъ или исполняютъ домашнія работы. Въ это время они обыкновенно получаютъ на всемъ готовомъ отъ 24—120 франковъ. Кромѣ того, они получаютъ освященное традиціями право держать въ хозяйскомъ стадѣ пару своихъ телятъ, что пріучаетъ ихъ считать интересы хозяина близкими своимъ. Это-же право пріучаетъ и къ собственности, такъ какъ телята заводятся рабочимъ на счетъ его сбереженій. Живя на всемъ готовомъ, рабочій собираетъ небольшую сумму, на которую впослѣдствіи обзаводится всѣмъ необходимымъ на случай, если захочетъ жениться. Къ 25 годамъ обыкновенно онъ уже женатъ. Онъ нанимаетъ домъ и поле, оставаясь, однако, на службѣ у патрона. Нравственная жизнь даетъ ему возможность дѣлать дальнѣйшія сбереженія, и тогда онъ постепенно дѣлается самъ фермеромъ, а потомъ и собственникомъ. Отношенія по патронату къ бывшему хозяину частью остаются въ прежней силѣ, частью переходятъ въ дружбу [2]). Въ нижнемъ Провансѣ, въ общинѣ Пеинье (35 километровъ отъ Марселя) можно прослѣдить аналогичныя же отношенія. Жители общины преимущественно работаютъ на мыловаренныхъ заводахъ, жены и дѣти ихъ остаются дома, гдѣ занимаются сельскимъ хозяйствомъ. На фабрикахъ принята система добровольнаго найма на продолжительные сроки, при условіи цѣлаго ряда вспомоществованій натурой со стороны хозяевъ. Хозяева и рабочіе находятся другъ къ другу въ отношеніяхъ очень напоминаю-

---

[1]) Les ouv. Eur., т. IV, стр. 336 и сл.

[2]) Ibid., т. IV, гл. VII, § 12.

щихъ отношенія по кліентеллѣ въ Римѣ его лучшихъ временъ. Можно сказать, что всѣмъ своимъ благосостояніямъ (а оно доказывается, по мнѣнію Ле-Плэ, произведенными имъ обслѣдованіями) этотъ край обязанъ именно традиціонному существованію такихъ отношеній [1]). Въ мѣстности, называемой Labourd, въ Байонскомъ округѣ, гдѣ нѣтъ ни одного крупнаго собственника, замѣчается, тѣмъ не менѣе, традиція патроната, которая выражается въ томъ, что крестьяне, имѣющіе собственность, держатъ въ своихъ семьяхъ кого-либо изъ дѣтей лицъ, не имѣющихъ собственной земли. Обыкновенно такіе воспитанники такъ и остаются въ этихъ семьяхъ, вступая съ ними въ родство [2]). Въ общинѣ Louvigny, которая преимущественно населена кузнецами, отношенія патроната наблюдаются въ слѣдующей формѣ: мастеръ изъ дѣтей рабочихъ выбираетъ себѣ ученика, обыкновенно 14-ти лѣтняго мальчика, обучаетъ его ремеслу, держа годъ безъ жалованья, два года на жалованьи въ 6—7 франковъ въ мѣсяцъ, а послѣ этихъ трехъ лѣтъ дѣлая его подмастерьемъ, при чемъ почти всегда оставляя на всю жизнь въ своей семьѣ, т. е., или вступаетъ съ нимъ въ родство или-же принимаетъ сбереженія бывшаго ученика, какъ вкладъ въ общее дѣло. Мальчики-же, которые по состоянію здоровья не пригодны къ тяжелому труду кузнеца, на тѣхъ-же основаніяхъ вступаютъ въ семьи фермеровъ, если ихъ родная семья не имѣетъ возможности передать имъ по наслѣдству какое нибудь готовое дѣло [3]). Въ болѣе слабой степени наблюдаются подобныя-же отношенія по патронату и въ мѣстности около общины Saint-Marie, гдѣ жители занимаются выработкой тканей. Здѣсь, впрочемъ, уже начинается разлагающее вліяніе на условія жизни всѣхъ послѣдствій краткосрочнаго найма [4]).

[1]) Ibid., гл. VIII.
[2]) Ibid., т. V, гл. V.
[3]) Ibid., т. V, стр. 414—415.
[4]) Ibid., т. VI, гл. V.

Аналогичные слѣды проявленія идеи патроната въ смыслѣ, принятомъ Ле-Плэ, могутъ быть отмѣчены не въ одной Франціи. Такъ, весь строй отношеній между рабочими и хозяевами желѣзодѣлательныхъ фабрикъ Даннеморы (Швеція) основанъ на добровольномъ патронатствѣ. Обыкновенно рабочіе изъ поколѣнія въ поколѣніе работаютъ у одного предпринимателя и его семьи, причемъ связь ихъ соединяющая на столько крѣпка, что ее не могутъ разрушить никакія разлагающія вліянія современности [1]). То-же, хотя и въ нѣсколько меньшей степени (нерѣдки случаи найма на годъ) замѣчается и въ Бюскерюдѣ (Норвегія) въ быту рабочихъ кобальтовыхъ заводовъ. Помощь всякаго рода и защита со стороны хозяевъ—явленія обычныя и освященныя вѣковыми традиціями [2]). Особое значеніе имѣютъ отношенія патроната въ горныхъ промыслахъ Ганновера, гдѣ эти отношенія сохранились до сихъ поръ какъ бы въ первобытной чистотѣ. Какъ говоритъ авторъ, бытъ рабочихъ на этихъ промыслахъ можетъ считаться образцомъ желательнаго существованія рабочихъ. Съ дѣтства и до смерти рабочій находится подъ самой тщательной защитой администраціи промысловъ: мальчики и дѣвочки обучаются въ безплатныхъ школахъ, взрослымъ администрація обязательно даетъ работу, хотя бы въ данную минуту промыслы и не приносили дохода; больницы, сберегательные кассы, организованный мелкій кредитъ и проч. выручаютъ рабочихъ въ трудныя минуты ихъ жизни; администрація заботится о сиротахъ, о потерявшихъ работоспособность, наконецъ, помогаетъ семьѣ похоронить умершаго ея члена. При этомъ слѣдуетъ еще отмѣтить, что всѣ эти учрежденія, общая система которыхъ и выражаетъ идею патроната, организуются обыкновенно сов-

---

[1]) Ibid., т. III, гл. I.
[2]) Ibid., т. III, гл. II.

мѣстными усиліями рабочихъ и администраціи [1]). Не въ такой образцовой формѣ, но, во всякомъ случаѣ, въ формѣ весьма благопріятно отражающейся на уровнѣ матерьяльнаго и нравственнаго благосостоянія рабочихъ проявляется идея патроната на желѣзодѣлательныхъ заводахъ Дербшира (Англія), гдѣ предприниматели даже во время промышленныхъ кризисовъ, въ силу традицій, поддерживаютъ своихъ рабочихъ. Предприниматели не отказываются также отъ участія въ учрежденіяхъ, которыя имѣютъ задачей помощь и покровительство рабочимъ [2]).

Еще, можетъ быть, съ большей симпатіей говоритъ авторъ о проявленіяхъ идеи патроната въ отношеніяхъ между литейщиками-словаками сребросплавильныхъ заводовъ Шемница (около Пресбурга, въ Венгріи) и администраціей этихъ заводовъ [3]). Здѣсь рабочіе составляютъ какъ бы корпорацію, надъ всѣми мелочами жизни которой покоится попечительная рука заводской администраціи, ставящей себѣ цѣлью достиженіе и матерьяльнаго, и нравственнаго благосостоянія рабочихъ семей. Рабочіе имѣютъ освященныя традиціями права на всякаго рода услуги со стороны администраціи, на всякаго рода сервитуты въ собственности администраціи, наконецъ, рабочіе гарантированы, что предоставленный имъ образъ жизни не будетъ по произволу администраціи измѣняемъ къ худшему. Имѣя собственность, семья пріобрѣтаетъ устойчивость; принадлежа къ общинѣ, семья объединена съ себѣ подобными въ одно гармоничное цѣлое; находясь подъ патронатомъ, она обезпечена въ трудѣ и всегда можетъ разсчитывать на поддержку, а, стало быть,—и на спокойное развитіе. Въ прирейнской Германіи авторъ находитъ проявленія идеи патроната со стороны самого государства: такъ,

---

[1]) Ibid., т. III. гл. III.
[2]) Ibid., т. III, гл. IX.
[3]) Ibid., т. IV, гл. I.

занимающіеся выдѣлкой музыкальныхъ инструментовъ у Эрцгебирга (Саксонія) получаютъ на правахъ эмфитевзиса жилища и сервитутныя права въ государственныхъ лѣсахъ [1]; почти то-же самое наблюдается, по словамъ автора, и въ Обергаммергау (Баварія) [2]). Въ условіяхъ жизни тосканскихъ мызниковъ авторъ видитъ проявленія идеи патроната въ текущихъ счетахъ, открываемыхъ мызникамъ у собственниковъ земли [3]). Эти текущія счета, являясь источникомъ раззоренія для непредусмотрительныхъ собственниковъ и лѣнивыхъ, безпечныхъ мызниковъ, служатъ важнымъ орудіемъ развитія для мызниковъ добросовѣстныхъ и собственниковъ, разумно понимающихъ свои обязанности. Въ старой Кастиліи авторъ находитъ широкое примѣненіе идеи патроната въ различныхъ ея формахъ, что, по его мнѣнію, объясняется меньшей рознью между высшими и низшими классами, чувствующими свою солидарность въ католической религіи, въ имени „стараго католика“, которымъ гордится каждый испанецъ, будь онъ патронъ, или кліентъ, хозяинъ, или работникъ, солдатъ, или офицеръ [4]).

Съ преимущественной-же симпатіей Ле-Плэ отмѣчаетъ проявленія идеи патроната на востокѣ Европы [5]). Эта сим-

---

[1]) Ibid., т. IV, стр. 107—115.
[2]) Ibid., т. IV, стр. 117 и сл.
[3]) Ibid., т. IV, гл. III.
[4]) Ibid., т. IV, стр. 278.
[5]) Ле-Плэ старательно подчеркиваетъ эту симпатію при всякомъ случаѣ. Такъ, второй томъ разбираемаго труда, заключающій въ себѣ описаніе быта рабочихъ въ Россіи, Венгріи и Турціи, начинается слѣдующимъ заявленіемъ: „Западъ Европы съ удивленіемъ встрѣтитъ привѣтствіе по адресу нравственнаго и матерьяльнаго благосостоянія востока, такъ какъ считаетъ невозможнымъ благосостояніе внѣ прогресса знаній, а въ этомъ прогрессѣ востокъ принимаетъ незначительное участіе. Между тѣмъ, тщательное изслѣдованіе вопроса говоритъ въ пользу востока и противъ запада“. И т. д. Ц. с., т. II, стр. IX—X и сл. Эта мысль автора выясняется еще болѣе, если провести параллель между вторымъ томомъ труда и пятымъ, гдѣ изображены общества расшатанной организаціи, а, въ особенности, съ шестымъ, гдѣ изображены дезорганизованныя общества.

патія заставляетъ автора превозносить даже условія жизни, наблюденныя имъ въ Оренбургской губерніи во времена существованія тамъ крѣпостного права [1]. Благодѣтельныя слѣдствія патроната авторъ видитъ и въ общественной жизни башкировъ и киргизовъ [2]). Такія-же слѣдствія отмѣчаетъ авторъ и въ бытѣ прикрѣпленныхъ къ уральскимъ заводамъ крестьянъ [3]), а также и въ бытѣ приокскихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ [4]). Общей чертой онъ считаетъ здѣсь принципъ, по которому собственность на землю связывается съ обязанностью обезпечить существованіе лицъ, обрабатывающихъ эту землю, а тамъ, гдѣ нѣтъ крѣпостного права, – съ обязанностью предоставлять землю работникамъ ея какъ бы на правахъ вѣчнаго узуфрукта [5]). По отношенію-же къ магометанамъ, населяющимъ востокъ Европы, авторъ идетъ еще далѣе: онъ считаетъ, что самъ коранъ предписываетъ заботу о болѣе слабомъ, такъ какъ болѣе сильный является не собственникомъ имѣющихся въ его распоряженіи благъ, а лишь распредѣлителемъ богатствъ, принадлежащихъ Богу. Какъ на примѣръ, Ле-Плэ указываетъ на вакуфныя земли [6]). Наиболѣе типичныя формы проявленія идеи патроната на востокѣ авторъ наблюдалъ у кузнецовъ Самаковы (въ 25 кил. отъ Софіи). Тамъ рабочіе, по словамъ автора, пользуются весьма широкимъ покровительствомъ, такъ что, напримѣръ, имѣютъ право передавать по наслѣдству землю патрона, которой пользуются, если только земля обрабатывается, и жилище, воздвигнутое на ней, ремонтируется [7]).

---

1) Ibid., т. II, гл. II, § 13.
2) Ibid., т. II, гл. I.
3) Ibid., т. II, гл. III.
4) Ibid., т. II, гл. V.
5) Ibid., т. II, стр. XXI—XXIII.
6) См. тамъ-же.
7) Ibid., т. II, стр. 212 и сл.

Чтобы не утомлять читателя дальнѣйшими выписками [1]), укажемъ только, что аналогичные остатки воздѣйствія на общественной строй идеи патроната наблюдаются еще въ Англіи (Ноттингамъ) со стороны фермеровъ по отношенію къ подденнымъ рабочимъ [2]), во Франціи—на нѣкоторыхъ сталелитейныхъ заводахъ (напримѣръ, въ Herimoncourt) [3]), на нѣкоторыхъ марсельскихъ мыловаренныхъ заводахъ [4]) и т. д. И здѣсь, какъ и въ указанныхъ выше случаяхъ, основой отношеній являются: продолжительность службы рабочаго у хозяина и забота хозяина не только о матерьяльномъ, но и о нравственномъ благосостояніи рабочаго.

Таковы наблюденія, произведенныя самимъ Ле-Плэ и его послѣдователями и учениками. Съ этой точки зрѣнія, идея патроната является единс венной идеей, утверждающей соціальную гармонію: болѣе сильные принимаютъ эту идею во имя общаго блага, менѣе сильные—во имя уваженія къ властямъ, разумно исполняющимъ свои задачи. Если въ средніе вѣка,—говоритъ Ле-Плэ,—комбинація этихъ двухъ другъ друга восполняющихъ стремленій повела къ добровольному уничтоженію рабства, то въ наше время она не съ меньшимъ успѣхомъ поведетъ къ искорененію пауперизма. Рекомендуя идею патроната, какъ могучее орудіе при разрѣшеніи соціальной проблемы, Ле-Плэ думаетъ далѣе, что ея преимущество передъ всѣми другими орудіями состоитъ въ томъ, что цѣль ея – нравственное совершенствованіе менѣе приспособившагося организма, а не только матерьяльное бласостояніе, этотъ своего рода кошмаръ, преслѣдующій соціологовъ и мѣшающій имъ видѣть вещи въ истинномъ свѣтѣ. Если,

---

[1]) Мы имѣемъ здѣсь въ виду коллективный трудъ „Les ouvriers de deux mondes“.

[2]) Les ouvriers de deux mondes, I, стр. 395 и сл.

[3]) Ibid., т. II, № 15.

[4]) Ibid., т. III, стр. 73.

напримѣръ, англійскій рабочій,—говоритъ Ле-Плэ,—начиняется при помощи законодательства и благотворительности мясомъ и спиртными напитками, то это еще не значитъ, что для него рѣшенъ соціальный вопросъ. Онъ не имѣетъ собственности, онъ лишенъ будущаго въ занимаемомъ имъ чужомъ коттеджѣ, хотя стѣны этого коттеджа иногда и обтянуты коврами, онъ—жертва филантропіи и неправильнаго пониманія конечной цѣли рабочаго законодательства, хотя и ѣстъ мясо. Такому рабочему авторъ предпочитаетъ скромнаго плавильщика изъ Шемница, гдѣ относительно всѣхъ и каждаго идетъ дѣятельная забота, чтобы пріучить его къ бережливости, сдѣлать изъ него собственника, поднять его съ нисшей ступени на высшую и при этомъ пробудить въ немъ благодѣтельное начало инициативы—главный двигатель всякаго развитія [1]).

Ле-Плэ, вѣрный своему призванію, какъ онъ понималъ его, не ограничивается только историческими указаніями и сдѣланными имъ лично наблюденіями. Онъ пытается отмѣтить еще симптомы будущей реформы. Признавая, что современная Европа, а съ ней и Франція, находится во власти индивидуализма съ его непремѣнными слѣдствіями—религіознымъ скептицизмомъ и господствомъ насилія, признавая также, что успѣхъ, сопровождающій повсемѣстно политику насилія, можетъ явиться серьезнымъ препятствіемъ для всякой реформы, онъ, тѣмъ не менѣе, надѣется на природныя свойства человѣка, на возрожденіе христіанства, на усиленіе разумнаго вліянія духовенства, наконецъ, на неизбѣжную необходимость, которая поставитъ людей лицемъ къ лицу съ соціальнымъ вопросомъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не позволитъ имъ уклоняться отъ единственнаго пути къ реформѣ—отъ признанія идеи патроната. Не говоря уже о томъ, что

---

[1]) Réforme sociale en France, II. кн. VI, стр. 476—480.

прекрасными симптомами въ этомъ смыслѣ являются тѣ остатки проявленія идеи патроната, которые можно еще наблюдать въ разныхъ мѣстностяхъ Европы, знаменательную роль играетъ также пробужденіе общественнаго сознанія, которое нерѣдко выражается въ возвращеніи къ началамъ, лежащимъ въ основѣ проявленій идеи патроната. Значеніе симптома авторъ придаетъ еще и извѣстному успѣху его работъ, привлекшихъ вниманіе многочисленной группы людей, рѣшившихся сгруппироваться вокругъ него [1]).

Является, естественно, вопросъ: какое-же мѣсто предоставляется въ дѣлѣ осуществленія этой реформы государству? Какъ и слѣдовало ожидать, Ле-Плэ—противникъ всякаго государственнаго вмѣшательства. Онъ даже прямо утверждаетъ, что именно государственное вмѣшательство и низвело идею патроната до ея настоящаго положенія. Съ этой точки зрѣнія понятно, что авторъ не можетъ сочувствовать никакимъ мѣрамъ, которыя ставятъ рабочій классъ какъ бы на вооруженную ногу противъ класса собственниковъ и хозяевъ. Соціальный миръ возможенъ только при сознаніи взаимныхъ интересовъ и взаимной солидарности. Въ общемъ-же, авторъ приходитъ къ выводу, что теперь остается, главнымъ образомъ, ждать, пока опытъ и разочарованіе научатъ истинѣ, которая и заставитъ вернуться на путь патроната, къ этой теперь дезорганизованной идеѣ [2]).

Такимъ образомъ, если свести къ одному ученіе Ле-Плэ, идея патроната не является у него идеей внутренняго управленія въ понимаемомъ нами смыслѣ, не заключаетъ въ себѣ юридическаго элемента и остается только осуществленіемъ на практикѣ нравственнаго закона, въ силу котораго родители заботятся о дѣтяхъ, власти о подчиненныхъ, хозяинъ о ра-

---

[1]) L'organisation du travail, гл. I, § 18.
[2]) Réforme sociale en France, II, кн. VI, гл. XIV—XVII.

бочихъ. Подобно намъ, Ле-Плэ опредѣляетъ идею патроната, какъ идею помощи со стороны организма болѣе приспособившагося организму менѣе приспособившемуся, но онъ признаетъ во первыхъ, только проявленія добровольнаго патроната, во вторыхъ, ограничиваетъ сферу его примѣненія, допуская лишь въ предѣлахъ отношеній, возникающихъ изъ личнаго или имущественнаго найма. Это-же, въ свою очередь, ведетъ къ слѣдующему слѣдствію: или приходится признавать, что экономическими отношеніями исчерпывается вся жизнь человѣка въ государствѣ (tissu sociale, по терминологіи Hauriou), или-же приходится думать, что собственно государственная жизнь (tissu étatique, по терминологіи Hauriou) находится внѣ всякой зависимости отъ этихъ экономическихъ отношеній, руководствуется совсѣмъ особыми принципами, не принимая никакого участія въ созданьи условій соціальнаго мира. Такъ какъ, ни одно, ни другое предположеніе по очевидному ихъ неправдоподобію приняты быть не могутъ, то, слѣдовательно, и въ главныхъ посылкахъ коренятся серьезныя ошибки.

Идея патроната имѣетъ своимъ источникомъ сознаніе взаимныхъ интересовъ обѣихъ входящихъ въ отношеніе сторонъ. Такъ говоритъ Ле-Плэ, и спорить противъ этого нельзя. Но обѣ стороны входятъ въ извѣстныя между собой отношенія—какого же рода эти отношенія? Если они не содержатъ въ себѣ никакого юридическаго элемента, то въ чемъ же разница между этими отношеніями и отношеніями по идеѣ самопожертвованія или еще ближе—отношеніями по идеѣ благотворительности? И благотворительность, если она организована, можетъ вести къ цѣлому ряду юридическихъ слѣдствій,—какое-же основаніе исключать юридическій элементъ изъ болѣе спеціальной и легче поддающейся учету идеи патроната? Да и можно-ли исключать то, въ наличности чего, вообще говоря, трудно сомнѣваться?

Возьмемъ любой изъ обслѣдованныхъ самимъ-же Ле-Плэ

случаевъ. Напримѣръ, проявленіе идеи патроната въ быту рабочихъ среброплавильныхъ заводовъ Шемница. Администрація заводовъ, какъ говоритъ авторъ, обязывается держать рабочихъ и тогда, когда прекращается производство, рабочіе, съ своей стороны, не могутъ бросать работу по произволу. Пусть авторъ и не приводитъ санкціи этихъ взаимныхъ обязательствъ — можно-ли, спрашивается, только въ виду отсутствія санкція не признавать въ отношеніяхъ никакого юридическаго элемента? Правда, авторъ называетъ патронатъ добровольнымъ (volontaire), но развѣ юридическія отношенія не добровольны? Взаимный интересъ побуждаетъ людей вступать въ отношенія, взаимный интересъ обыкновенно побуждаетъ сохранять и поддерживать ихъ, но характеръ отношеній опредѣляется не взаимнымъ интересомъ. Такъ, помощь, оказываемая благотворителемъ бѣдному, гораздо менѣе во взаимномъ интересѣ, чѣмъ помощь, оказываемая во имя идеи патроната, однако, первая не создаетъ еще юридическаго отношенія. Если-же отношенія во имя идеи патроната заключаютъ въ себѣ юридическій элементъ, то какое основаніе выдѣлять ихъ въ совершенно особую категорію отъ круга другихъ идей внутренняго управленія, имѣющихъ съ ней общую цѣль—соціальный миръ и всестороннее развитіе каждымъ его индивидуальныхъ силъ? А Ле-Плэ не только отдѣляетъ, но, какъ мы уже знаемъ, считаетъ государство главнымъ виновникомъ дезорганизаціи идеи патроната. Подъ государствомъ онъ, конечно, понимаетъ здѣсь внутреннее управленіе. Но идея внутренняго управленія только претворила въ себѣ идею патроната, а не дезорганизовала ее. Это-же совсѣмъ другой вопросъ, о которомъ Ле-Плэ не говоритъ вовсе.

Оттого что Ле-Плэ не остановился на анализѣ юридическаго элемента, характеризующаго отношенія по патронату, онъ впалъ и въ другую ошибку: съ одной стороны, въ основу

отношеній онъ кладетъ сознаніе взаимнаго интереса, съ другой-же, мотивомъ для покровительствуемаго признаетъ уваженіе къ власти, а для покровителя—любовь къ ближнему и стремленіе къ истинѣ. Такая двойственность конструкціи ведетъ прежде всего къ неустойчивости самого понятія, а, какъ слѣдствіе этого, является, напримѣръ, и допускаемое авторомъ отождествленіе зависимости крѣпостныхъ съ подчиненностью патронируемыхъ. Допуская двойственность въ конструкціи, авторъ естественно теряетъ представленіе о границахъ опредѣляемаго понятія, что ведетъ уже отъ одной ошибкѣ къ другой. И въ результатѣ получается не только указанное отождествленіе крѣпостной зависимости съ отношеніями изъ патроната, но подведеніе подъ идею патроната и проявленій начала взаимопомощи и проявленій благотворительности въ ея чистомъ видѣ, и т. д. Между тѣмъ, какъ мы уже знаемъ, самъ-же Ле-Плэ, подходя къ опредѣленію идеи патроната, отдѣляетъ ее отъ указанныхъ родственныхъ идей: благотворительность, напримѣръ, онъ считаетъ, только пріемомъ борьбы противъ соціальныхъ золъ, а патронатъ—однимъ изъ трехъ видовъ матерьяловъ соціальнаго зданія.

Совершенно правильно считая идею патроната идеей, проходящей черезъ всю историческую жизнь народовъ, Ле-Плэ одновременно считаетъ возможнымъ утверждать, что подъ патронатомъ можно понимать всякія формы зависимости человѣка отъ человѣка. Поэтому онъ считаетъ только различными формами одной и той-же идеи и римское рабство, и феодальную крѣпостную зависимость, и германское mundium, и кліенство, и рекоммендацію въ томъ видѣ, какъ она была знакома франкамъ, и, наконецъ, ту фактическую связь, о которой онъ такъ много говоритъ, когда рисуетъ картину нормальныхъ и соціально-разумныхъ отношеній между хозяевами и работниками. Отсюда мы можемъ сдѣлать выводъ, что характернымъ признакомъ идеи патроната Ле-Плэ считаетъ не

цѣль установленія той или иной зависимости, такъ какъ цѣль рабской зависимости, напримѣръ, и цѣль кліентской зависимости, и цѣль феодальной зависимости средневѣковыхъ крѣпостныхъ — все это различные виды зависимости, а самую зависимость. Если-же это такъ, то какъ примирить съ такимъ взглядомъ хотя бы весьма знаменательную мысль самого-же Ле-Плэ, что путемъ осуществленія идеи патроната вызывается личная инициатива находящихся подъ покровительствомъ, эта главная двигательница мирнаго, постепеннаго развитія?

Намъ кажется, что и сказаннаго достаточно, чтобы отмѣтить, во первыхъ, неустойчивость опредѣленія, принятаго Ле-Плэ, во вторыхъ, чтобы показать, что причиной такой неустойчивости является отсутствіе юридическаго анализа идеи со стороны автора, равно какъ игнорированіе юридическаго элемента, характеризующаго идею патроната среди идей ей родственныхъ и аналогичныхъ. Ле-Плэ относится къ идеѣ патроната, главнымъ образомъ, какъ къ матерьялу того соціальнаго зданія, которое онъ былъ намѣренъ выстроить. Съ этой точки зрѣнія онъ считаетъ себя вправѣ распоряжаться матерьяломъ по произволу. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе, насколько такой пріемъ помогъ или повредилъ зданію, мы не можемъ не отмѣтить, что установленію правильныхъ воззрѣній на идею патроната онъ повредилъ несомнѣнно. И если идея эта, впервые въ широкомъ размѣрѣ использованная Ле-Плэ, не получила пока своего мѣста въ кругу другихъ соціальныхъ идей, то, можетъ быть, только потому, что неудачные пріемы автора не дали ей законченной конструкціи. Но это не мѣшаетъ, тѣмъ не менѣе, выставить на видъ все значеніе самой попытки, хотя, быть можетъ, и не достаточно удавшейся.

XI.

Патронатства. Исторія и практика этихъ учрежденій. Является-ли идея, лежащая въ основѣ этихъ учрежденій, идеей законнаго патроната? Въ чемъ выражаются отклоненія? Являются-ли эти отклоненія непремѣннымъ слѣдствіемъ сущности предмета, или-же лишь отражаютъ недостатки организаціи?

И такъ, къ чему привело насъ предъидущее изложеніе? Во первыхъ, къ тому, что идея патроната есть одна изъ идей, составляющихъ содержаніе идеи внутренняго управленія; во вторыхъ, къ тому, что прежде, чѣмъ войти интегральной частью въ идею внутренняго управленія, идея патроната имѣла самостоятельное значеніе, а потому и самостоятельную организацію; въ третьихъ, что, претворившись въ общей идеѣ внутренняго управленія, идея патроната въ настоящее время дезорганизована и расплылась въ рядѣ родственныхъ идей; наконецъ, въ четвертыхъ, что идеи патроната предстоитъ еще самостоятельная роль и, вѣроятно, въ области такъ называемаго рабочаго вопроса, гдѣ именно и возможна въ наши дни юридическая слабость.

Но доведя изслѣдованіе до этой границы, послѣ которой должна уже начаться область гаданій и предположеній, мы не можемъ не обратить вниманіе также и на цѣлый рядъ учрежденій, самое названіе которыхъ указываетъ на происхожденіе ихъ отъ разбираемой идеи патроната и, повидимому, иногда осуществляющихъ даже тѣ формы, съ которыми мы уже имѣли случай встрѣчаться при историческомъ разсмотрѣніи формъ проявленія интересующей насъ идеи. Мы имѣемъ здѣсь въ виду всякаго рода патронатства надъ отбывшими наказанія преступниками, надъ выпущенными изъ пріютовъ малолѣт-

ними преступниками, надъ женщинами, оставившими порочную жизнь и т. д. Является-ли идея, лежащая въ основѣ этихъ учрежденій, идеей патроната въ нашемъ смыслѣ слова, или нѣтъ? Если нѣтъ, то въ чемъ выражаются отклоненія? Наконецъ, если эти отклоненія существуютъ, то являются-ли они непремѣннымъ слѣдствіемъ самой сущности предмета, или-же они лишь отражаютъ недостатки организаціи [1])?

Человѣкъ, выбившійся по тѣмъ или другимъ причинамъ изъ общей колеи, чтобы снова стать въ рядъ съ другими членами даннаго общества и вернуть возможность разумно развивать свои силы, обыкновенно нуждается въ поддержкѣ со стороны дружески протянутой ему руки всего общества или отдѣльныхъ лицъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ между тѣми, кто протягиваетъ эту дружескую руку и тѣми, кто принимаетъ ее, создаются особыя отношенія, которыя могутъ быть различны: 1) покровительствующій можетъ требовать за оказываемое покровительство исполненія извѣстныхъ юридическихъ обязанностей и 2) покровительствующій можетъ оказывать покровительство, налагая за него или только нравственныя обязанности, или не налагая вообще никакихъ обязанностей. Пря обѣихъ формахъ отношеній цѣль будетъ все та-же—развитіе силъ покровительствуемаго, мотивъ все тотъ же—сознаніе связи между покровительствующимъ и покровительствуемымъ, но, въ зависимости отъ характера обязанностей, а, слѣдовательно, и правъ покровительствуемаго, существенно видоизмѣнится не только внѣшняя организація учрежденія, но и общее значеніе его въ кругѣ органовъ внутренняго управленія.

Необходимо разсмотрѣть подробнѣе исторію и практику такихъ учрежденій, чтобы выяснить поставленное положеніе.

---

[1]) Одновременно съ настоящей работой нами готовится къ печати подробный разборъ исторіи и практики патронатныхъ учрежденій. Предлагаемая глава является только краткимъ извлеченіемъ изъ подготовляемой работы.

Первое организованное патропатство возникло въ Филадельфіи въ 1776 г.[1]). Это общество имѣло своей ближайшей цѣлью протестовать противъ неудовлетворительнаго состоянія тюремъ, добиваться соотвѣтствующихъ реформъ, заботиться о заключенныхъ во время нахожденія ихъ въ тюрьмѣ, оказывать нравственную и матерьяльную поддержку отбывшимъ наказаніе преступникамъ. Существуютъ указанія, что еще до образованія филадельфійскаго общества существовали уже попытки въ этомъ направленіи со стороны отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ кружковъ. Эти отдѣльныя попытки, собственно, и послужили первымъ толчкомъ къ учрежденію перваго общества патронатства. Такъ, всѣмъ извѣстна дѣятельность англійскаго филантропа Говарда и нидерландскаго виконта Де-Вилэнъ, а также перенявшихъ идеи Говарда квакерскихъ кружковъ Сѣверной Америки[2]). До 1787 г. первое общество патронатства не могло открыть своихъ дѣйствій, такъ какъ страна была занята англійскими войсками[3]), съ этого же года дѣятельность его стала развиваться: сначала очень тихими шагами, затѣмъ—приблизительно около двадцатаго года уже текущаго столѣтія—съ такимъ успѣхомъ, что стали возникать подобныя общества и въ другихъ штатахъ Америки[4]). Въ 1845 года явилась возможность устроить съѣздъ представителей этихъ обществъ[5]). Къ восьмидесятымъ годамъ въ Америкѣ насчитывалось до 30 обществъ[6]). Первымъ-же американскимъ обществомъ, которое ставило своей задачей спеціально патронатъ надъ выпу-

---

[1]) Оно возникло подъ названіемъ „The Philadelphia Society for assisting distressed prisoners". Возрожденное въ 87 г. оно получило названіе: „The Philadelphia Society for alleviating the miseries of public prisons".

[2]) Фуксъ, Die Vereins-Fürsorge zum Shutz für entlassene Gefangene, стр. 6—12; см. Blätter für Gefängniskunde, XXIII т.

[3]) Ibid., стр. 7.

[4]) Въ 1824 г.—въ Бостонѣ, въ 1844 г.—въ Нью-Іоркѣ.

[5]) См. Фуксъ, ц. с., стр. 8.

[6]) Ibid., стр. 9. Ср. Hanbuch des Gefängnisswesen Гольцендорфа и Ягемана, т. I, стр. 121—122.

щенными изъ тюрьмы преступниками явилось бальтиморское, основанное въ 1868 г.[1]). Въ Англіи первое общество патронатства надъ отбывшими наказаніе преступниками было основано въ 1857 г.[2]). До акта 1862 г. (Act to amend the law relating to the giving of Aid to discharged prisoners), по которому патронатства, которыя примутъ правительственный контроль, получаютъ 2 фунта за каждаго патронируемаго, въ Англіи насчитывалось 12 обществъ патроната; послѣ этого года Англія быстро покрылась сплошной сѣтью такихъ обществъ. Начиная съ 1864 г., благодаря трудамъ возникшаго еще въ 1856 г. Reformatory and refuge Union, англійскія патронатства вступили между собой въ дѣятельныя сношенія, такъ что въ 1877 г. могъ уже состояться съѣздъ делегатовъ этихъ обществъ. Результатомъ перваго съѣзда было постановленіе о необходимости единой организаціи, которая и была принята нѣсколько лѣтъ спустя[3]). Въ Германіи первое патронатство возникло въ 1826 г. въ Дюссельдорфѣ, въ слѣдующемъ году однородное общество мы застаемъ уже и въ Берлинѣ. Оба общества съ первыхъ-же шаговъ ихъ дѣятельности получили широкое признаніе какъ со стороны власти, такъ и со стороны частныхъ лицъ, и вскорѣ въ Германіи подобныя общества насчитываются десятками. Нѣкоторыя изъ нихъ организованы были на началахъ частной благотворительности, другія отдали себя подъ покровительство мѣстной, а частью и центральной администраціи, третьи были созданы самой администраціей. Первыя по-

---

[1]) Его дѣятельность состояла въ помощи платьемъ, обувью и инструментами, въ выдачѣ денегъ на дорогу, въ дачѣ пріюта и пропитанія и въ рекомендаціи на мѣста. Fuchs, ц. с., стр. 10.

[2]) До возникновенія этого общества попеченіе о выпускаемыхъ изъ тюремъ было возложено по закону 1792 г. на судей, которые должны были высылать выпущенниковъ въ общины, обязанныя заботиться о нихъ. По закону 1823 г. прилежныхъ выпущенниковъ судьи должны были высылать въ мѣста, гдѣ могла найтись подходящая работа, см. Fuchs, ц. с., стр. 13.

[3]) Ibid., стр. 14–18. Ср. Holtzendorff, ц. м. Aschrott, Behandlung der verwahrlosten und verbrecherischen Jugend.

пытки къ объединенію патронатствъ и къ учрежденію спеціальнаго центральнаго органа были сдѣланы въ 1886 году союзомъ чиновниковъ тюремныхъ учрежденій во Франкфуртѣ [1]), но, несмотря на собраніе представителей патронатствъ какъ въ этомъ году, такъ и въ 1889 г. въ Фрейбургѣ, только въ 1893 г. явилась надежда на возможность, если не объединить дѣятельность всѣхъ существующихъ патронатствъ, то хотя бы организовать центральный обще-германскій ферейнъ [2]). Во Франціи, если не считать заботу о выпущенныхъ изъ тюрьмы, въ числѣ цѣлаго ряда другихъ заботъ возложенную на учрежденную въ 1819 г. Comission de surveillance des prisons, а также спеціальное распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 28 мая 1842 г., обязывающее подчиненныя ему учрежденія организовать патронатства, до 69 года мы не встрѣчаемъ спеціальныхъ обществъ патроната. Первое—Société pour le patronage des libérés appartenants à la religion protestante—было учреждено къ Парижѣ, а въ 1871 г. мы уже видимъ центральный патронатный союзъ—Société générale pour le patronage des libérés, распространяющій свою дѣятельность на всѣ департаменты. Въ 80-мъ году Франція насчитывала до 65 патронатныхъ обществъ разныхъ типовъ [3]). Въ Россіи въ 1819 г. учреждено было попечительное общество о тюрьмахъ, развѣтвившееся затѣмъ на множество дамскихъ и мужскихъ комитетовъ [4]). Это былъ первый починъ внесенія въ организацію тюремнаго дѣла въ Россію тѣхъ гуманныхъ началъ, которыя къ тому времени получили почти повсемѣстное признаніе и развитіе въ Западной Европѣ. Починъ былъ сдѣланъ по докладу министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн.

---

[1]) Fuchs, ц. с., стр. 24. Holtzendorff, стр. 123.

[2]) Blät. fur Gefängniskunde, т. XXVIII, стр. 136.

[3]) Fuchs, ц. с., стр. 71. D' Haussonville, Les établissements pénitentiaires en France et aux colonies, стр. 496 и сл.

[4]) Полн. Собр. Зак. т. XXXVI, № 27895.

Голицына. Собственно-же инициатива принадлежала пастору Веннингу, члену лондонскаго попечительнаго о тюрьмахъ общества. Какъ видно изъ записки Веннинга, приложенной къ уставу, новое общество ставило себѣ задачей нравственное исправленіе содержащихся въ тюрьмахъ преступниковъ, а также заботы о нихъ по выходѣ изъ тюремъ: давали исправившимся особые виды, поощряли ихъ къ обращенію къ честной жизни, доставляли средства къ пропитанію по выходѣ изъ тюрьмы. Въ 1827 г. петербургскій попечительный комитетъ устроилъ даже особое убѣжище для временнаго содержанія выпущенниковъ изъ тюремъ впредь до пріисканія занятій, при чемъ возникла и мысль объ учрежденіи для лицъ этой категоріи (и вообще неимущихъ) рабочаго дома. Практическое осуществленіе мысль получила въ 1835 г. при учрежденіи въ составѣ петербургскаго тюремнаго комитета особаго комитета для разбора нищихъ, въ которомъ и сосредоточивались заботы о предоставленіи пристанища, пропитанія и заработка, какъ всѣмъ вообще неимущимъ, такъ и выпущенникамъ изъ тюремъ. Однако, уже въ 1845 году такое соединеніе въ одномъ убѣжищѣ неимущихъ, не совершившихъ преступленія, и освобожденныхъ изъ тюрьмы преступниковъ было признано неудобнымъ; условіемъ для принятія въ убѣжище было поставлено требованіе особаго удостовѣренія начальниковъ тюремъ о добропорядочномъ поведеніи. Въ 1858 году дѣло патроната надъ освобожденными изъ тюремъ вновь всецѣло переходитъ въ Петербургѣ на тюремный комитетъ, которымъ были, между прочимъ, въ разное время съ этой цѣлью открыты домъ трудолюбія (1871 года), убѣжище для женщинъ (1871 года) и пріютъ для малолѣтнихъ (18 5 г.). 27 января 1890 года въ составѣ петербургскаго тюремнаго комитета было образовано для цѣлей патроната надъ выпущенными изъ тюремъ преступниками особое попечительство, обязанности котораго въ этомъ отношеніи въ 1893 г.

перешли на вновь образованные петербургскій мужской и дамскій благотворительные тюремные комитеты, возникшіе вмѣсто упраздненныхъ 12 мая 1893 года въ Петербургѣ мужскихъ и дамскихъ тюремныхъ комитетовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ. Въ 1895 года такому же упраздненію подверглись и московскіе мужской и дамскій тюремный комитетъ общества попечительнаго о тюрьмахъ и взамѣнъ ихъ образовались московскіе мужской и дамскій благотворительные тюремные комитеты. Причины этого преобразованія заключались, главнымъ образомъ, въ томъ, что съ введеніемъ тюремной инспекціи участіе тюремныхъ комитетовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ собственно въ управленіи тюрьмами было совершенно ограничено, почему и дѣятельность ихъ приняла чисто благотворительный характеръ, не соотвѣтствующій прежнему ихъ уставу. Цѣль новыхъ московскихъ и петербургскихъ благотворительныхъ мужскихъ и дамскихъ тюремныхъ комитетовъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: 1) оказывать содѣйствіе въ пріисканіи средствъ къ жизни лицамъ, освобожденнымъ изъ подъ стражи или отбывшимъ срочное заключеніе, принятіемъ ихъ на поруки, опредѣленіемъ на мѣста, помѣщеніемъ за счетъ комитетовъ въ ночлежные дома, дома трудолюбія и прочее; въ частности они обязаны были имѣть попеченіе объ участи выпущенныхъ изъ заключенія несовершеннолѣтнихъ помѣщеніемъ ихъ къ роднымъ. въ состоящіе въ завѣдываніи комитетомъ пріюты и другія заведенія; 2) призрѣвать дѣтей лицъ, поступившихъ въ мѣста заключенія, впредь до освобожденія изъ подъ стражи родителей; 3) оказывать возможную помощь находящимся на свободѣ семействамъ заключенныхъ и осужденныхъ въ ссылку, и 4) пещись о выкупѣ лицъ, заключенныхъ за долги, и помогать ихъ семействамъ. Для своевременнаго собранія свѣдѣній о лицахъ освобождаемыхъ изъ подъ стражи, члены правленія комитетовъ посѣщаютъ мѣста

заключенія и арестныя помѣщенія при полицейскихъ домахъ по входнымъ билетамъ, выдаваемымъ начальникомъ главнаго тюремнаго управленія и начальниками мѣстной полиціи, по принадлежности. Кромѣ того, правленіямъ, если они признаютъ это необходимымъ, доставляются начальниками тюремъ періодическія свѣдѣнія объ освобождаемыхъ, по той формѣ, которая будетъ принята по соглашенію правленій съ начальниками подлежащихъ мѣстъ заклюнія. Комитетамъ предоставляется право устройства для лицъ, содержащихся въ мѣстахъ заключенія, чтеній религіозно-нравственныхъ книгъ, религіозныхъ собесѣдованій, участіе въ завѣдываніи школьнымъ дѣломъ и т. п. Можно предполагать, что въ ближайшемъ будущемъ такому же преобразованію подвергнутся тюремные комитеты и во всѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, и тогда учрежденія тюремнаго патроната будутъ находиться въ каждомъ губернскомъ и уѣздномъ городѣ. Въ настоящее же время, кромѣ недавно преобразованныхъ петербургскихъ и московскихъ мужскихъ и дамскихъ благотворительныхъ тюремныхъ комитетовъ, цѣлямъ патроната служатъ въ Россіи лишь слѣдующія общества: 1) петербургское общество пособія освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія несовершеннолѣтнимъ, 2) московское общество пособія несовершеннолѣтнимъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія, и безпризорнымъ, 3) кишиневское общество для пособія лицамъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія, 4) одесское общество покровительства отбывшимъ наказаніе и безпріютнымъ, 5) ярославское общество пособія лицамъ, освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія. Кромѣ того, нѣкоторыя общества для устройства исправительныхъ пріютовъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ (какъ читатель увидитъ это ниже), согласно своимъ уставамъ, распространяютъ попеченія и на несовершеннолѣтнихъ, по отбытіи ими заключенія въ пріютѣ. Наконецъ, существуетъ еще общество патронатства въ Варшавѣ и открытый съ 1870 г., по при-

мѣру Рейнско-Вестфальскаго союза, патронатный союзъ въ Гельсингфорсѣ [1]).

Отмѣтимъ еще судьбу патронатствъ въ Бельгіи и Швейцаріи [2]). Въ Бельгіи движеніе къ организаціи патронатствъ началось еще съ виконта де-Вилэнъ, но до послѣдняго времени не дало значительныхъ результатовъ. По королевскому указу 4 декабря 35 г. было предписано учреждать повсемѣстно покровительство надъ выпущенными изъ тюремъ, при чемъ предоставлялся широкій просторъ частной иниціативѣ; но въ теченіи десяти лѣтъ почти ничего не было сдѣлано въ этомъ направленіи. Въ 45 г. была назначена довольно значительная правительственная субсидія, но и субсидія помогла мало. Тогда, а именно—въ 47 г.—правительство само стало учреждать патронатства при тюрьмахъ, возложивъ осуществленіе этой задачи на тюремное управленіе; однако, уже въ 70 г. закрылось послѣднее изъ такихъ патронатствъ, такъ какъ постепенно дѣлалось яснымъ, что тюремное управленіе никакъ не можетъ примѣниться къ такому новому роду возложенныхъ на него обязанностей. Еще въ 84 г. въ Бельгіи никакого патроната надъ выпущенниками изъ тюремъ фактически не существовало [3]). Въ настоящее время [4]) патронатныя общества снова возродились и, состоя уже

---

[1]) Этотъ очеркъ взятъ изъ перваго отчета о дѣятельности ярославскаго общества пособія лицамъ, освобождаемымъ изъ тюремнаго заключенія, составленнаго Хрулевымъ. Стр. 9—11. Ср. Тарасовъ, Полицейское право, т. I, стр. 170—17, Fuchs, ц. с., стр. 87—91. Фойницкій, стр. 500.

[2]) Что касается остальныхъ странъ Европы, то отмѣтимъ здѣсь только, что въ Даніи первое патронатное общество возникло въ 1797 г. (оно было первымъ въ Европѣ, слѣдовательно), въ Швеціи патронатное движеніе началось по иниціативѣ короля Оскара съ 1840 г., въ Норвегіи—съ 1878 г., въ Италіи—съ 1844 г. (флорентинское общество), въ Австріи—съ 1846 г. (хотя отдѣльныя попытки могутъ быть отмѣчены съ 1806 г.) и т. д. См. Fuchs, ц. с.

[3]) Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ г. Дриль, въ статьѣ „Тюрьмы западной Европы“, Ю. В. 84, I, стр. 54.

[4]) Объ этомъ можно отчасти судить по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ Revue pénitentiaire (Bull. de la s. g. des prisons) за послѣдніе годы. Такъ въ № 5,

изъ частныхъ лицъ, осуществляющихъ своею дѣятельностью полномочія органовъ внутренняго управленія, приносятъ, повидимому, не малую пользу [1]). Въ Швейцаріи въ большинствѣ кантоновъ патронатства организованы на началахъ частной благотворительности, въ нѣкоторыхъ-же—на началахъ принудительнаго законнаго покровительства. Первымъ патронатствомъ считается Comité de surveillance morale, учрежденное въ 18 году и уполномоченное съ 25 года быть принудительнымъ покровителемъ выпущенниковъ изъ тюремъ. На такихъ-же началахъ дѣйствовала съ 20 года Базельская „Comission der Berathung und Versorgung entlassener Sträflinge und Zwangs-Arbeiter", которая съ 86 г. вошла въ баденскій центральный союзъ. Наиболѣе типичнымъ выразителемъ этого обязательнаго покровительства явилось общество покровительства въ санъ-галліенскомъ кантонѣ, созданное въ силу закона 24 ноября 38 г. [2]). Такого-же типа общество создалось въ 49 г. въ кантонѣ Кларусъ и въ рейнскомъ Аппензель—въ 64 г. [3]).

Патронатъ надъ выпущенными изъ пріютовъ и исправительныхъ заведеній несовершеннолѣтними, а также надъ дѣтьми безпризорными и заброшенными развивался вездѣ или одновременно или позже патроната надъ взрослыми тюремными выпущенниками [4]). Во всякомъ случаѣ, что касается

за 96 г. см. замѣтку A. Mettetal, стр. 769—775. Ср. Emile Gerberau, A travers les prisons.

[1]) Общую исторію патронатныхъ обществъ въ Бельгіи см. Stevens, Régime des établissements pénitentiaires, стр. 85 и сл., Starke, Das belgische Gefängnisswesen, стр. 183—184, Fuchs, ц. с., стр. 65—68.

[2]) См. Fuchs, ц. с., стр. 54 и сл., Jagemann, въ Holtzend. Handb. d. Gefäng., т. I. кн. 2, отд. 3, гл. 1, § 2, гл. 4, § 5.

[3]) Ср. Пусторослевъ, „Историческій очеркъ покров. освоб. изъ заключенія", Ю. В., 90, XII, стр. 571; ср. Revue pénit. (B. de la s. g. de pr.), 96, янв., стр. 93 и 95, дек. стр. 1163.

[4]) Существуетъ мнѣніе, будто бы не только патронатъ надъ несовершеннолѣтними, но и самый вопросъ о принудительномъ воспитаніи преступныхъ и заброшенныхъ дѣтей явились результатомъ неудачи исправленія взрослыхъ

патроната надъ выпущенниками изъ заведеній принудительнаго воспитанія, онъ вездѣ получалъ организацію, конечно, только послѣ появленія самыхъ этихъ заведеній, а что касается патроната надъ заброшенными и безпризорными дѣтьми—вездѣ раньше появленія этихъ заведеній. Это даетъ намъ поводъ предположить, что патронатъ надъ безпризорными и брошенными дѣтьми натолкнулъ на мысль о необходимости заведеній принудительнаго воспитанія, а появленіе этихъ послѣднихъ, какъ понятно само собой, повело къ учрежденію патроната надъ выпущенниками изъ заведеній.

Соединенные Штаты и въ данной отрасли патроната опередили Европу. Такъ, еще въ 12 г. была сдѣлана частная попытка основать въ Нью-Іоркѣ особый пріютъ для бездомныхъ дѣтей, въ 24 г. въ Нью-Іоркѣ было открыто Society for the reformation of juvenile delinquents, основавшее въ 25 году первый исправительный пріютъ, въ 26 г. была открыта исправительная школа въ Бостонѣ, а въ 33 г. начало уже дѣйствовать знаменитое бостонское общество земледѣльческихъ школъ. Дѣятельность указанныхъ обществъ послужила какъ бы сигналомъ для самаго широкаго проявленія какъ частной иниціативы, такъ и административныхъ заботъ въ данномъ направленіи [1]). Въ концѣ 70 годовъ въ Соединенныхъ Штатахъ было уже болѣе 50 большихъ исправительныхъ пріютовъ и школъ, не считая массы маленькихъ заведеній, число которыхъ гораздо больше [2]). Къ этому чис-

---

преступниковъ. Было, по этому мнѣнію, признано, что цѣль можетъ быть достигнута только исправленіемъ молодежи, постоянно пополнявшей ряды зрѣлыхъ рецидивистовъ. См. „Исправительно-воспитательныя заведенія" Альбицкаго и Ширгена, стр. 179. Вѣрнѣе предположить, что патронатъ надъ несовершеннолѣтними, необходимость котораго сознавалась вездѣ раньше, чѣмъ являлась организація, оставался неосуществляемымъ иногда очень долго, въ виду трудности и дороговизны организаціи.

1) Богдановскій, Малолѣтніе преступники, стр. 238—242.

2) Альбицкій и Ширгенъ, ц. с., стр. 184.

лу слѣдуетъ еше прибавить до 40 учрежденій, имѣющихъ цѣлью оказывать покровительство безпризорнымъ и заброшеннымъ дѣтямъ [1]). Было бы затруднительно дать хоть приблизительно точный отчетъ о положеніи этого вопроса въ Америкѣ въ настоящее время, такъ какъ каждый штатъ и не только каждый штатъ, но чуть-ли не каждый отдѣльный городъ, обладая правомъ на партикулярное законодательство, иначе относится и къ данному вопросу [2]). Съ другой-же стороны, мы имѣемъ указанія, что число интересующихъ насъ учрежденій за послѣдніе десять лѣтъ выросло съ рѣдкой быстротой [3]) Можно, однако, установить слѣдующее: всѣ общества и учрежденія, заботящіяся о воспитаніи безпріютныхъ и брошенныхъ дѣтей, осуществляютъ своей дѣятельностью патронатъ надъ дѣтьми, а исправительные пріюты и колоніи имѣютъ спеціальную организацію патроната для выпущенныхъ питомцевъ [4]). Въ Англіи, если не считать отдѣльныхъ частныхъ попытокъ еще въ концѣ прошлаго вѣка [5]), первымъ учрежденіемъ, которое осуществляло идею перевоспитанія преступныхъ дѣтей и заботы о нихъ по выходѣ изъ заведеній, былъ такъ называемый Брэнтоновскій азиль, начавшій существовать съ 30 года [6]). Въ 34 г. по такому-же

---

[1]) Bull. de la s. g. de pr., 1883, стр. 932.

[2]) Lallemand, Histoire les enfants abandonnés et délaisses, стр. 585.

[3]) William Tallack, Europas und Amerikas Fortschritte in der Strafreform, ср. Bl. für Gefängn., 95, стр. 272.

[4]) По мнѣнію авторовъ книги „Исправит.-воспитат. завед.“ въ Америкѣ, въ виду существованія системы принудительнаго воспитанія заброшенныхъ и безпризорныхъ дѣтей, патронатъ излишенъ и потому почти не существуетъ (ц. с., стр. 300). Но авторы упустили изъ виду, что самое это принудительное воспитаніе, въ составъ котораго входитъ забота о помѣщеніи дѣтей въ честныя семьи и на мѣста, а также забота, распредѣленная между отдѣльными лицами, о каждомъ отдѣльномъ питомцѣ, представляютъ собой не иное что, какъ именно патронатъ въ томъ его видѣ, о которомъ идетъ рѣчь при разсмотрѣніи настоящаго вопроса.

[5]) Богдановскій, ц. с., стр. 212 и сл.

[6]) Ibid., стр. 214.

плану возникъ азиль Викторіи. Если послѣ появленія этихъ учрежденій возникшія общества исправительныхъ пріютовъ, земледѣльческихъ колоній, принудительнаго воспитанія и проч. и придерживаются въ частностяхъ отличныхъ другъ отъ друга пріемовъ, если, съ другой стороны, нѣкоторыя изъ такихъ обществъ (напримѣръ, Reformatory и Jndustrial schools, напримѣръ,—Middlesex Jndustrial school)[1]) выработали для своей дѣятельности вполнѣ оригинальныя системы—тѣмъ не менѣе, ни одно изъ этихъ учрежденій не забываетъ о судьбѣ питомцевъ по выходѣ ихъ изъ заведенія[2]). Существенную поддержку патронату оказываетъ также союзъ „Reformatory and refuge Union" основанный еще въ 56 г. Кромѣ того, въ Англіи существуютъ спеціальныя общества патроната, заботящіяся о бродячихъ и нищихъ дѣтяхъ (напр., общество пастора Стефенсона). Наконецъ, большая часть обществъ, посвятившихъ себя патронату надъ выпущенными изъ тюремъ взрослыми преступниками, не отказывается отъ патроната и надъ вышедшими изъ пріютовъ и изъ аналогичныхъ учрежденій несовершеннолѣтними питомцами[3]). Во Франціи первое движеніе къ учрежденію патронатствъ надъ выпущенными изъ пріютовъ было сдѣлано еще въ первой четверти вѣка, когда были учреждены commissions de surveillance, но, собственно, началомъ организаціи слѣдуетъ считать циркуляръ графа Дюшателя отъ 42 г., хотя и оставшійся безъ примѣненія, но послужившій основаніемъ для упомянутаго въ самомъ началѣ этой книги закона 50 г.[4]). Какъ показываетъ D' Haussonville, только съ этого времени дѣло патроната стало на твердую почву, такъ какъ только тогда патронатъ получилъ характеръ закономъ

---

[1]) Альбицкій и Ширгенъ, ц. с., стр. 173; Aschrott, Strafensystem in England, стр. 115.

[2]) Ср. Lallemand, ц. с., стр. 572 и сл.

[3]) Fuchs, ц. с., стр. 12—18.

[4]) Стр. 4 д. р.

признаваемой и закономъ предписываемой защиты [1]). Тѣмъ не менѣе, мы должны отмѣтить, что еще въ 22 году основалось Страсбургское общество патроната, помѣщавшее освобожденныхъ питомцевъ къ различнымъ ремесленникамъ, а также слѣдившее за дальнѣйшимъ поведеніемъ и образомъ жизни питомцевъ. Такой-же характеръ имѣла дѣятельность общества „patronage pour les jeunes détenus“ Сенскаго департамента. Его дѣятельность была расширена признаніемъ еще особаго класса освобожденныхъ—освобождаемыхъ условно [2]). Въ общемъ, всѣ многочисленныя французскія общества патроната подчинены или, вѣрнѣе, объединяются въ устроившемся въ 70 году центральномъ обществѣ, признанномъ черезъ пять лѣтъ послѣ возникновенія законодательнымъ порядкомъ какъ учрежденіе общеполезное [3]). Не менѣе развито во Франціи и покровительство надъ заброшенными и безпризорными дѣтьми. Не говоря уже о дѣятельности упомянутаго Сенскаго общества, заботящагося болѣе, чѣмъ о 3000 дѣтяхъ [4]), энергично работаетъ также учрежденное въ 79 г. общество Жоржа Бонжана, а также Беллевильское общество и Парижское общество Каролины де Варро [5]). По послѣднимъ извѣстіямъ, дѣла французскихъ патронатствъ развиваются необыкновенно быстро [6]). Въ Германіи патронатъ надъ малолѣтними осуществляется, какъ и надъ взрослыми выпущенниками изъ тюремъ, при помощи спеціальныхъ благотворительныхъ обществъ, а также административными органами. Не говоря уже о почипѣ Дюссельдорфскаго общества, почти всѣ общества, начинавшія свою дѣятельность съ патроната

---

[1]) D' Haussonville, Les établissements pénitentiaires, стр. 509—511.
[2]) Ibidem., стр. 514.
[3]) Фойницкій, Ученіе о наказ. въ связи съ тюрьмов., стр. 499.
[4]) См. отчеты этого общества въ Revue penit., Bull. de le soc. gén de pris.
[5]) Альбицкій и Ширгенъ, ц. с. стр. 292; ср. Lallemand, ц. с. кн. III.
[6]) Bull. de la soc. gen. de pris, 96 г., стр. 265 и сл., 433 и сл., 559 и сл. и т. д.

надъ возрослыми выпущенными, постепенно пріобщали къ этой дѣятельности и патронатъ надъ питомцами исправительныхъ пріютовъ. Таковы, напримѣръ, Гамбургское общество, основанное въ 39 г., Любекское, основанное въ 41 г., Саксенъ-Кобургъ-Готское, основанное въ 52 г. и т. д. [1]). Основнымъ закономъ до сихъ поръ остается законъ 13 марта 78 г., предписывающій по окончаніи принудительнаго воспитанія безпризорныхъ, нравственно-испорченныхъ и преступныхъ дѣтей слѣдить за ихъ дальнѣйшей участью [2]). Въ Россіи дѣло патроната надъ выпущенными изъ пріютовъ, а также надъ безпризорными и заброшенными дѣтьми нельзя еще считать организовавшимся. Во первыхъ, общества покровительства безпризорнымъ дѣтямъ малочисленны [3]), во вторыхъ, дѣятельность специальныхъ обществъ патроната надъ выпущенниками изъ исправительныхъ пріютовъ и колоній, на сколько намъ извѣстно, организована не достаточно [4]); въ третьихъ, не смотря на прямой смыслъ правилъ о пріютахъ 66 г., даже не всѣ существующіе пріюты учредили для своихъ питомцевъ патронатъ. Такъ, какъ это видно изъ отчетовъ о засѣданіяхъ четвертаго съѣзда представителей русскихъ исправительныхъ

---

[1]) Fuchs., ц. с., стр. 21—66.

[2]) Ibid., стр. 66, ср. Альбицкій и Ширгенъ, ц. с., стр. 294, ср. Lallemand, ц. с., стр. 519 и сл.

[3]) Кромѣ Московскаго общества существуетъ, на сколько намъ извѣстно, только еще Одесское.

[4]) Если не считать основаннаго въ Петербургѣ въ 79 г. общества пособія несовершеннолѣтнимъ, вышедшимъ изъ мѣстъ заключенія. Объ этомъ обществѣ можно узнать только изъ трудовъ перваго съѣзда представителей русскихъ исправительныхъ заведеній по объяснительной запискѣ г-жи Богановой (прил. 31 къ I т. трудовъ). Въ трудахъ 3 съѣзда г. Шимановскій сожалѣетъ, что въ Петербургѣ не нашелъ подобнаго общества, хотя и искалъ его (стр. 28, т. III труд.). Мы, къ сожалѣнію, также напрасно старались отыскать это общество или хотя бы его отчеты. Между тѣмъ, на 4 съѣздѣ г. Заболотскій, указывая на то, что выпущенники изъ малолѣтняго отдѣленія петербургской тюрьмы пользуются патронатомъ специальнаго общества покровительства малолѣтнимъ, вышедшимъ изъ мѣстъ заключенія, повидимому, имѣетъ въ виду именно общество, объявленное на первомъ съѣздѣ г-жей Богановой. См. 4 т. трудовъ, стр. 143.

заведеній для малолѣтнихъ, болѣе или менѣе организованный патронатъ имѣется лишь при обществахъ исправительныхъ пріютовъ Варшавскомъ, Харьковскомъ и Самарскомъ, а также при пріютахъ Рукавишниковскомъ, Саратовскомъ-Галкинскимъ и Большевскомъ; при Одесскомъ обществѣ существуетъ патронатъ фактическій, безъ выработанной системы; наконецъ, при Лифлянскомъ обществѣ только организуется [1]). Въ Бельгіи, гдѣ установленъ законный патронатъ, о которомъ мы уже говорили выше, такая-же форма патроната примѣняется и по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ. Въ Швейцаріи, какъ и по отношенію къ взрослымъ выпущенникамъ, въ однихъ кантонахъ мы встрѣчаемъ надъ несовершеннолѣтними и заброшенными дѣтьми обязательный патронатъ, на манеръ бельгійскаго, а въ другихъ—добровольный патронатъ частныхъ благотворительныхъ обществъ [2]).

Кромѣ этихъ двухъ видовъ патронатствъ могутъ существовать еще различные, но намъ не зачѣмъ здѣсь касаться ихъ, такъ какъ едва-ли такое разсмотрѣніе дало бы какой-нибудь новый матерьялъ: типическія черты патроната останутся все тѣ-же [3]).

---

[1]) При обществахъ Казанскомъ, Вятскомъ, Кіевскомъ, Смоленскомъ и Ярославскомъ патронатъ вовсе не организованъ, при обществахъ Владимірскомъ Костромскомъ, Нижегородскомъ, Тульскомъ и Петербургскомъ патронатъ также не организованъ, но между выпущенниками пріютовъ и пріютами, какъ слѣдуетъ изъ показаній представителей обществъ, установлена болѣе или менѣе опредѣленная связь. Объ остальныхъ обществахъ и пріютахъ мы не имѣемъ свѣдѣній. См. 4 т. трудовъ, стр. 133—154.

[2]) См. Fuchs, ц. с., Belgien, Sweiz.

[3]) Такъ, существуютъ патронатства надъ женщинами, пожелавшими оставить распутную жизнь, надъ потерявшими работу женщинами, не живущими съ своими мужьями (въ Буда-Пештѣ), надъ лицами, отбывшими воинскую повинность, но не успѣвшими еще пріискать себѣ занятій (въ Парижѣ) и т. д. На съѣздѣ (первомъ) дѣятелей по профессіональному и техническому образованію въ Москвѣ поднимался, между прочимъ, вопросъ о патронатѣ надъ лицами, кончившими профессіональныя и техническія школы. Едва-ли можно употреблять въ такихъ случаяхъ терминъ „патронатъ“. Здѣсь идетъ рѣчь о попечительствѣ.

Уже изъ предыдущаго изложенія можно было видѣть, что подъ патронатомъ здѣсь вездѣ понимается та разнообразная дѣятельность, которая имѣетъ цѣлью, путемъ проявленія заботы и помощи, дать возможность лицамъ, находящимся въ особо тяжелыхъ условіяхъ, стать въ общія условія и такимъ образомъ получить возможность самостоятельно и всесторонне развивать свои индивидуальныя силы. Но изъ предыдущаго-же изложенія можно было видѣть, что какъ организація этой заботы и помощи, такъ и, соотвѣтственно организаціи, и общій характеръ всего дѣла патроната получаютъ въ разныхъ странахъ и въ разное время иную конструкцію. Вытекая вездѣ изъ чувства состраданія къ попавшему въ особо тяжелыя условія, патронатъ порвоначально сводился къ благотворительности, т. е. къ дѣятельности, гдѣ помощь и забота не сопровождались никакими обязанностями со стороны того, кто пользовался помощью или заботой. Затѣмъ постепенно присоединялась увѣренность въ необходимости связать помощь и заботу съ цѣлымъ рядомъ обязанностей со стороны пользующагося помощью или заботой: съ обязанностями, исполненіе которыхъ не обезпечивалось никакимъ принужденіемъ—вначалѣ, съ обязанностями, исполненіе которыхъ обезпечивалось принужденіемъ—впослѣдствіи. Наконецъ, отдѣльныя государства останавливаются на мысли лишить дѣло патроната послѣднихъ элементовъ благотворительности и тогда патронату придается все значеніе дѣятельности органовъ внутренняго управленія. Хотя и въ послѣднемъ случаѣ частные люди не только не устраняются отъ дѣятельности, но и заботливо привлекаются къ ней, однако, законъ юридически конструируетъ права и обязанности каждой изъ сторонъ, что превращаетъ невольно частный, добровольный, благотворительный патронатъ въ патронатъ обязательный, юридическій, законный [1]).

[1]) Ср. Фойницкій, ц. с., стр. 491; Fuchs, ц. с., стр. 108—122; D' Haussonville, ц. с., стр. 501 и сл.

Въ литературѣ послѣднее положеніе вызываетъ не мало споровъ. Долженъ-ли патронатъ перерождаться изъ добровольнаго въ обязательный; можетъ-ли административная власть брать на себя дѣло, успѣхъ котораго исключительно зависитъ отъ интенсивности частной благотворительности, наконецъ, не заключается-ли коренного противорѣчія въ самомъ понятіи законнаго патроната [1])? Если бы на эти вопросы и пришлось отвѣтить въ томъ смыслѣ, что патронатъ желательно предоставить исключительно частной инициативѣ, какъ того желаютъ многіе [2]), то все таки не будетъ еще рѣшенъ вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ представляется вопросъ въ прошломъ и настоящемъ [3]). Между тѣмъ, именно изъ этого-то матерьяла мы и должны брать основаніе для конструкціи идеи. Кромѣ того, частности организаціи не предрѣшаютъ вопроса о характерѣ самой идеи. Наконецъ, всѣ, да-

---

[1]) Со времени Робена (Les prisons en France; выдержки изъ этой книги имѣются въ переводѣ Щуровскаго въ Ю. В. за 72 и 75 гг.) почти всѣ писатели, высказывавшіеся противъ обязательнаго патроната, повторяютъ одни и тѣ-же доводы: 1) трудно администраціи найти подходящихъ людей, 2) нельзя никому навязывать попечительства, 3) административное вмѣшательство парализуетъ частную благотворительность. D' Haussonville прибавляетъ еще одинъ доводъ: патронатъ оказывается въ виду раскаянья преступника, а раскаяніе не подлежитъ административной оцѣнкѣ. (Ц. с., стр. 499). Но не трудно видѣть, что всѣ эти доводы имѣютъ въ виду лишь недостатки организаціи. Что-же касается того, что никому нельзя навязывать попечительства, то теперь, послѣ изданія цѣлаго ряда законовъ, требующихъ обязательнаго патроната, едва-ли можно продолжать пользоваться этимъ доводомъ. Рѣзкій протестъ противъ обязательнаго патроната можно найти въ статьѣ г. Акимова „Патронатъ, какъ орудіе борьбы съ преступностью", Ж. Юр. Петер. Общ., 96, IX, стр. 75 - 90. Тамъ-же отчасти указана и литература.

[2]) Проф. Фойницкій такъ резюмируетъ указанныя выше разногласія: „однако, какъ не существенно указанное различеніе, во всякомъ случаѣ, лучше что нибудь, чѣмъ ничего". Ц. с., стр. 492.

[3]) Поэтому мы считаемъ не вполнѣ обоснованнымъ дѣленіе патроната на три типа, принятое проф. Пустораслевымъ: патронатъ благотворительный, патронатъ благотворительно-предохранительный и патронатъ предохранительный. (Ц. с., стр. 574). Беря въ основаніе дѣленія различіе организаціи, г. Пустораслевъ приходитъ къ различенію по идеи.

же и особенно заявившіе себя противъ всякаго вмѣшательства администраціи въ дѣло патроната, требуютъ отъ законодательства постановленій, которыя придали бы органамъ патроната характеръ органовъ внутренняго управленія [1]). А это все, взятое вмѣстѣ, даетъ намъ основаніе утверждать, что главный смыслъ указанныхъ разнорѣчій не въ опредѣленіи сущности идеи патроната, а только въ различной оцѣнки условій организаціи [2]).

И дѣйствительно, едва-ли кто станетъ отрицать, что какова бы не была организація патронатствъ, примѣненіе патроната можетъ вести къ имѣющимъ общественное значеніе слѣдствіямъ только въ томъ случаѣ, если между патронирующимъ и патронируемымъ создаются извѣстныя обязательныя отношенія. Патронирующее учрежденіе не имѣетъ права отказать въ патронатѣ лицу, которое признаетъ въ воздаяніе за оказываемый патронатъ закономъ обусловленныя правомочія надъ собой со стороны патронатста. Обязательный патронатъ идетъ еще дальше: требуетъ подчиненія и даетъ права всякому, кто попадаетъ въ опредѣленную категорію условій. Но какъ ни мѣняетъ такая постановка практической стороны вопроса, основаніемъ оказываемаго патроната остается все тотъ-же принципъ соотвѣтствія правамъ обязанностей. Чѣмъ шире объемъ обязанностей патронатствъ, тѣмъ шире и объемъ ихъ правъ надъ патронируемыми. Слѣдовательно, природа отношеній остается все той-же при всякой комбинаціи [3]).

Что-же представляетъ изъ себя идея такого патроната?

---

[1]) Напримѣръ. тотъ-же Робэнъ, который все время ссылается на циркуляръ графа Дюшателя, или д'Оссонвиль, который очень сочувственно относится къ американскому закону объ обязательномъ воспитаніи заброшенныхъ дѣтей.

[2]) См. Fuchs, ц. с., стр. 114—116.

[3]) Само собой разумѣется, что мы исключаемъ здѣсь всѣ тѣ первоначальныя формы (кое-гдѣ, какъ мы видѣли выше, уцѣлѣвшія и до сихъ поръ), въ силу которыхъ патронатъ имѣлъ исключительно благотворительный характеръ. Объ этихъ формахъ см. подробн. въ статьѣ проф. Пустторослева, стр. 561—564.

Это—идея помощи, оказываемой во имя закона съ цѣлью установить условія для всесторонняго развитія силъ патронируемаго. Если основаніемъ помощи является фактическая слабость, вѣрнѣе—если законъ, опредѣляющій отношенія по патронату, исходитъ изъ соображенія фактической слабости патронируемыхъ, то помощь организуется на началахъ попечительства, если-же присоединяется еще соображеніе о юридической слабости (какъ напримѣръ, въ Ирландіи), то помощь организуется на началахъ патроната въ спеціальномъ смыслѣ слова. Но такъ какъ всякій человѣкъ, попавшій въ условія, при которыхъ возможна рѣчь о необходимости учрежденія надъ нимъ патроната, обыкновенно является слабымъ не только фактически, но и юридически (это примѣнимо къ большей части отбывшихъ наказаніе преступниковъ), то и помощь на началахъ законнаго патроната, какъ мы рѣшаемся предположить, должна бы имѣть наибольшее примѣненіе. Этимъ у нея былъ бы отнятъ характеръ благотворительности, становящійся въ разрѣзъ и съ задачами предупредительной дѣятельности органовъ внутренняго управленія, и съ общественнымъ значеніемъ самой помощи.

какъ на постоянный капиталъ во время застоя, общій избытокъ товаровъ, представляющій одну изъ фазъ застоя, доказываетъ, что кризисъ происходитъ не отъ того, что слишкомъ много сбереженій употребляется на орудія производства и слишкомъ мало на товары. Если существуетъ одновременно бóльшее количество постояннаго капитала, сыраго матеріала, оконченныхъ благъ и труда, чѣмъ общество можетъ найти для нихъ употребленіе, никакое указаніе на несоотвѣтствіе между промышленностью и промышленностью, страной и страной, постоянными и оборотнымъ капиталомъ, не дастъ какого либо объясненія. Во-вторыхъ, Гюйо опровергаетъ самъ свое положеніе, соглашаясь, что „фабрика не можетъ работать, пока нѣтъ потребителей, готовыхъ покупать ея продукты". Подъ „потребителемъ" логически можетъ подразумѣваться только лицо, покупающее готовые товары для личнаго употребленія, и, если это положеніе распространить на все общество, то станетъ яснымъ, что недостаточное потребленіе является причиной, почему кажется, что существуетъ избытокъ капитала, постояннаго или иного.

ГЛАВА VIII-я.

Машины и спросъ на трудъ.

§ 1. Вліяніе машинъ на количество занятыхъ рабочихъ въ зависимости отъ „эластичности спроса“. При разсмотрѣніи непосредственнаго вліянія машинъ на экономическое положеніе рабочихъ мы должны различать дѣйствіе ихъ 1) на количество занятыхъ рабочихъ, 2) на регулярность занятія, 3) на искусство, продолжительность, интензивность и другія качества труда; 4) на вознагражденіе труда. Хотя эти вліянія находятся въ тѣсномъ и сложномъ взаимодѣйствіи между собою, все таки удобнѣй представить отдѣльное разсмотрѣніе каждаго изъ нихъ.

1. Вліяніе машинъ на число занятыхъ рабочихъ. Мотивы, побуждающіе капиталистическихъ предпринимателей вводить въ производство машины, которыя должны или сберегать трудъ, или содѣйствовать труду, дѣлая его болѣе производительнымъ, заключаются въ желаніи уменьшить издержки производства. Новая машина или замѣняетъ старую машину или беретъ на себя производственный процессъ, прежде совершавшійся ручнымъ трудомъ безъ машинъ.

Въ первомъ случаѣ разсчитываютъ, что расходы, потребные для изготовленія, поддержанія и приведенія въ дѣйствіе новыхъ машинъ для производства даннаго количества продуктовъ, будутъ меньше, чѣмъ соотвѣтственные издержки, соединенные съ употребленіемъ старыхъ машинъ. При предположеніи, что трудъ изготовленія и приведенія въ дѣйствіе новыхъ машинъ оплачивается не по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ трудъ, который онѣ замѣняютъ, и что та же самая доля стоимости каждой машины идетъ какъ на заработную плату, такъ и на прибыль, должно слѣдовать, что уменьшеніе издержекъ обозначаетъ простое сокращеніе тру-

да для даннаго количества продукта. Такъ какъ болѣе искусный трудъ изготовленія новыхъ машинъ долженъ, повидимому, оплачиваться выше, чѣмъ приготовленія болѣе старыхъ машинъ, и часть цѣны, поступающая въ прибыль за новое изобрѣтеніе, должна быть выше, чѣмъ старая [1]), то дѣйствительное сокращеніе труда обыкновенно будетъ больше, чѣмъ представляется по разницѣ въ денежной цѣнѣ обѣихъ машинъ. Кромѣ того, такъ какъ въ случаѣ старой мануфактурной фирмы должно поставить въ счетъ еще и стоимость извѣстнаго количества оставленныхъ безъ употребленія существующихъ машинъ, то замѣна новымъ механизмомъ стараго вообще должно обозначать значительное сокращеніе труда.

Подобнымъ же образомъ, когда новый процессъ впервые захватывается машиной, издержки на изготовленіе и приведеніе въ дѣйствіе машинъ сравнительно съ издержками на изготовленіе даннаго продукта ручнымъ трудомъ, при равенствѣ прочихъ условій, доставляютъ чистое сокращеніе занятаго труда. Фактъ, что вводятся новыя машины, является доказательствомъ, что происходитъ чистое уменьшеніе количества труда въ отношеніи даннаго количества продукта, ибо иначе не получилось бы никакой экономіи.

Что же значитъ столь общераспространенное утвержденіе, что машины доставляютъ больше занятія труду, чѣмъ дѣлаютъ его ненужнымъ, что ихъ болѣе отдаленное и окончательное дѣйствіе вовсе не выражается въ уменьшеніи спроса на трудъ?

Обычный отвѣтъ—что экономія, образуемая сберегаю-

---

[1]) Въ противовѣсъ этому мы можемъ поставить возможность пониженія процента, за который предприниматели могутъ занимать капиталъ, чтобы ввести новыя машины. Если можетъ быть осуществлена экономія въ этомъ направленіи, то сокращеніе труда, вызванное введеніемъ машины, можетъ быть не столь великимъ, т. е. производителю можетъ быть выгодно ввести новую машину, которая только „сберегаетъ" небольшую сумму денегъ, если онъ можетъ совершить замѣну посредствомъ дешеваго займа (Ср. Marshall, Principles of Economies, 2-е изд. стр. 569, 570).

щими трудъ машинами въ издержкахъ производства, вслѣдствіе соперничества производителей, будетъ отражаться на пониженіи размѣра цѣнъ, а это паденіе цѣнъ будетъ вызывать увеличеніе потребленія. Вслѣдствіе этого, увѣряютъ, количество выработываемыхъ продуктовъ должно значительно увеличиться. Если мы прибавимъ сюда трудъ, расходуемый на производство машинъ для содѣйствія этому увеличившемуся производству, трудъ, употребляемый на поддержаніе и приведеніе ихъ въ дѣйствіе и трудъ продажи и перемѣщенія увеличившагося количества продуктовъ, то окажется, что при новыхъ условіяхъ промышленности потребно больше труда, чѣмъ при старыхъ. Такова обычная аргументація.

Все доказательство въ пользу выигрыша, доставляемаго машинами рабочимъ классамъ, держится на положеніи, что машины скорѣе увеличиваютъ, чѣмъ уменьшаютъ размѣры занятаго труда. Но, хотя мы и встрѣтимъ основаніе думать, что машины не причиняютъ чистаго уменьшенія занятія труда, все таки ничѣмъ нельзя доказать этого скороспѣлаго и спорнаго утвержденія, которымъ пользуется оптимизмъ англійскихъ экономистовъ по отношенію къ отдѣльнымъ отраслямъ промышленности.

Слѣдующая выдержка, взятая со страницъ компетентнаго экономическаго писателя, представляетъ собою образчикъ общераспространенной аргументаціи.

„Первое введеніе машинъ можетъ дѣйствительно вытѣснить и уменьшить на время употребленіе труда, можетъ иногда вырвать трудъ изъ рукъ лицъ, не имѣющихъ возможности употребить его въ дѣло въ другомъ занятіи, и создать надобность въ другомъ классѣ рабочихъ въ другомъ мѣстѣ; но, если оно отнимаетъ трудъ у десяти лицъ, оно доставляетъ трудъ для тысячи. Какъ это оно дѣлаетъ? Ярдъ миткаля, сдѣланный руками, стоитъ два шиллинга, сдѣланный машиной можетъ стоить 4 пенса. По два шиллинга за ярдъ немногіе покупаютъ его; по четыре пенса за ярдъ, съ радостью воспользуются имъ для себя цѣлыя массы. Дешевизна вызываетъ потребленіе; предметъ, до сихъ

поръ потреблявшійся только высшими классами, теперь встрѣчается въ рукахъ рабочихъ классовъ, какъ обычное явленіе. По мѣрѣ увеличенія спроса, увеличивается и производство и при томъ въ такомъ размѣрѣ, что, хотя число рабочихъ, занятыхъ теперь въ производствѣ коленкора, можетъ быть неизмѣримо меньше въ отношеніи къ данному количеству коленкора, общая сумма, необходимая для милліоновъ ярдовъ, теперь потребляемыхъ, значительно превосходитъ число рабочихъ, которое было занято во всемъ производствѣ, когда оно совершалось безъ какого либо содѣйствія машинъ" [1]).

Отвлекаясь, однако, отъ разсмотрѣнія частнаго случая, относительно котораго мы убѣдимся, что онъ приведенъ не особенно удачно, когда мы будемъ имѣть дѣло со статистикой хлопчатобумажной промышленности, мы должны замѣтить, что экономическая теорія покончила уже съ этимъ апріорнымъ оптимизмомъ. Если даже, ради удобства, и оставить безъ вниманія не невѣроятный результатъ, что экономія въ производствѣ можетъ, до извѣстной степени на время, увеличивать прибыль, вмѣсто того, чтобы понижать цѣны, очевидно, что все значеніе этого аргумента вертится около вліянія паденія цѣнъ на возбужденіе увеличенія потребленія. Но мы уже при нашемъ разсмотрѣніи монопольныхъ цѣнъ видѣли, что вопросъ, на сколько данное паденіе цѣны вызоветъ увеличеніе потребленія, является сопряженнымъ съ чрезвычайно запутаннымъ знаніемъ спеціальныхъ обстоятельствъ каждаго случая и тончайшихъ разсчетовъ человѣческихъ мотивовъ. Все зависитъ отъ „эластичности спроса", и мы не имѣемъ основанія предполагать навѣрно, что въ отдѣльной промышленности данное паденіе цѣнъ вслѣдствіе машиннаго производства вызываетъ такое значительное увеличеніе потребленія, что будетъ дано занятіе столькимъ же или еще и большимъ лицамъ, чѣмъ было занято прежде. Напротивъ, если мы примѣнимъ одинаково послѣдовательно идущее пониженіе цѣнъ къ двумъ различнымъ

---

[1]) Leone Levi, Work and Pay, стр. 28.

классамъ товаровъ, то мы замѣтимъ значительное различіе въ дѣйствіи его на поощреніе потребленія. Пониженіе на 50% цѣны одного класса товаровъ можетъ утроить или учетверить потребленіе, тогда какъ такое же пониженіе въ другомъ классѣ можетъ увеличить потребленіе только на 12%. Въ первомъ случаѣ вѣроятно, что конечнымъ результатомъ машиннаго производства, вызвавшаго пониженіе въ издержкахъ производства и въ цѣнахъ, будетъ значительное увеличеніе совокупнаго спроса на трудъ, тогда какъ въ послѣднемъ случаѣ обнаружится лишеніе занятія для многихъ рабочихъ. Поэтому невозможно утверждать à priori, что конечнымъ дѣйствіемъ частичнаго введенія машинъ должно быть увеличеніе спроса на трудъ и что трудъ, замѣненный машинами, будетъ прямо или косвенно поглощаться на содѣйствіе увеличенію производства, причиняемаго машинами. Доказано, что употребленіе паровато молота сдѣлало ненужными 9 человѣкъ изъ 10 потребныхъ раньше, что съ помощью новѣйшихъ машинъ одинъ человѣкъ можетъ сдѣлать столько же бутылокъ, сколько раньше дѣлали 6 человѣкъ, что въ производствѣ обуви одинъ человѣкъ можетъ совершить работу, для которой употреблялось пять, что „въ производствѣ земледѣльческихъ орудій 600 человѣкъ дѣлаютъ теперь то дѣло, для котораго 15—20 лѣтъ тому назадъ требовалось 2145, такъ что 1515 сдѣлалось излишними“ [1]) и такъ далѣе. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ примѣровъ мы найдемъ, что паденіе цѣнъ, послѣдовавшее за этимъ сокращеніемъ труда, повело къ такому большому увеличенію спроса, что теперь непосредственно въ этихъ отрасляхъ промышленности занято больше рабочихъ, чѣмъ прежде; въ другихъ случаяхъ этого нѣтъ.

Слѣдующая цитата изъ рѣчи, произнесенной на Industrial Remunerative Conference въ 1885 г., представитъ весьма удачную критику положенія Леона Леви:

---

[1]) Показаніе м-ра Shaftoe, президента конгресса рабочихъ союзовъ 1888; ср. Carroll D. Wright, Report on Industrial Depressions Washington, 1886. стр. 80—90.

„Въ ткачествѣ ковровъ 50 лѣтъ тому назадъ рабочій бросалъ челнокъ рукой и производилъ отъ 45 до 50 ярдовъ въ недѣлю, за которые онъ получалъ отъ 9 п. до 1 шилл. за ярдъ, тогда какъ теперь дѣвушка, наблюдающая за паровымъ ткацкимъ станкомъ, можетъ произвести 60 ярдовъ въ день, и ея трудъ обходится хозяину не болѣе $1^1/_2$ пен. за ярдъ. Эта дѣвушка съ ея станкомъ даетъ теперь работу 18 человѣкъ. Вопросъ: какъ заняты теперь эти люди? Въ мастерской для приготовленія одежды, видя дѣвушку за работой на швейной машинѣ, онъ спрашивалъ хозяина, трудъ сколькихъ людей сберегла ему эта машина. Тотъ отвѣчалъ, что она сберегла ему трудъ 12 человѣкъ. Тогда онъ спросилъ: что же дѣлаютъ теперь эти 12 человѣкъ? „О, отвѣчалъ хозяинъ, они, вѣроятно, работаютъ гораздо лучше, чѣмъ у меня, въ какой нибудь новой промышленности". Онъ спросилъ: „въ какой же новой промышленности"? Но хозяинъ не могъ указать никакой, кромѣ фотографіи; наконецъ онъ сказалъ, что они вѣроятно нашли себѣ занятіе въ фабрикаціи швейныхъ машинъ. Немного спустя онъ былъ приглашенъ посѣтить фабрику американскихъ швейныхъ машинъ Зингеръ близь Глэзго. Онъ пригласилъ портнаго сопровождать его и, когда, проходя по мастерскимъ они подошли къ машинамъ того же рода какія были въ заведеніи у портнаго, онъ задалъ вопросъ управляющему: сколько времени, по его мнѣнію, нужно человѣку, чтобы сдѣлать одну изъ этихъ машинъ. Тотъ отвѣтилъ, что не можетъ сказать, такъ какъ не одинъ человѣкъ дѣлаетъ машину; они имѣли болѣе выгодный способъ работы, чѣмъ этотъ: болѣе 30 человѣкъ занималось производствомъ одной машины; но онъ сказалъ, что „если бы имъ пришлось дѣлать только этотъ спеціальный родъ машинъ, они изготовляли бы одну въ каждые $4^1/_2$ дня работы каждаго рабочаго". Итакъ, тутъ была машина, которая при одной дѣвушкѣ замѣняла работу 12 человѣкъ почти въ теченіе 10 лѣтъ, и собственникъ этой машины былъ убѣжденъ, что эти 12 человѣкъ заняты производствомъ другой машины, тогда какъ $4^1/_2$ дней каждаго изъ этихъ людей было доста-

точнымъ для приготовленія другой машины, которая также способна сдѣлать ненужными двѣнадцать другихъ рабочихъ".

Въ случаяхъ, подобныхъ вышеприведенному, мы, естественно, должны помнить, что уменьшеніе занятія въ различныхъ мануфактурныхъ процессахъ, прямо и косвенно соряженное съ прогрессомъ извѣстной индустріи, еще не служитъ положительнымъ указаніемъ на то, что машины принесли чистое вытѣсненіе труда. Если общая сумма продуктовъ увеличилась, занятіе въ добывающемъ, транспортномъ и въ различныхъ распредѣлительныхъ процессахъ можетъ уравновѣсить уменьшеніе въ производствѣ благъ и машинъ.

§ 2. Измѣреніе непосредственнаго вліянія на главныя отрасли промышленности. Промышленная исторія такой страны, какъ Англія, не можетъ доставить достаточныхъ данныхъ для рѣшительнаго общаго сужденія по нашему вопросу. Чрезвычайное развитіе производства, вызванное примѣненіемъ машинъ къ извѣстнымъ отраслямъ волокнообработывающей промышленности въ теченіе первой половины нашего столѣтія, несомнѣнно повело къ увеличенію спроса на англійскій трудъ въ производствахъ, прямо или косвенно связанныхъ съ текстильной промышленностью. Но, во-первыхъ, это не можетъ считаться нормальнымъ послѣдствіемъ паденія цѣнъ вслѣдствіе примѣненія текстильныхъ машинъ, а въ значительной мѣрѣ должно быть приписано расширенію въ площади потребленія—пріобрѣтенію обширныхъ новыхъ рынковъ,—въ которомъ наиболѣе значительную роль играли бо́льшая продуктивность и дешевизна транспорта. Во вторыхъ, принимая, что болѣе насущныя нужды болѣе широкой группы потребителей уже удовлетворены машинными текстильными произведеніями, мы не имѣемъ возможности предполагать, что дальнѣйшее удешевленіе благъ, вслѣдствіе усовершенствованія машинъ, будетъ имѣть и соотвѣтствующее вліяніе на потребленіе и спросъ на трудъ. Если бы Англія была само-удовлетворяющейся страной, производящей только для своего собственнаго рынка, результатъ примѣненія машинъ къ текс-

тильной промышленности, безъ сомнѣнія, сопровождался бы чистымъ сокращеніемъ труда въ этой промышленности, сколько бы мы ни прибавляли на ростъ народонаселенія и на увеличеніе внутренняго потребленія. Расширеніе англійскаго производства при быстромъ развитіи машинъ въ XIX вѣкѣ не можетъ, поэтому, считаться истиннымъ мѣриломъ нормальныхъ послѣдствій введенія машинъ.

Тѣмъ не менѣе тѣ прямыя свидѣтельства, которыя мы имѣемъ относительно вліянія машинъ на спросъ на трудъ, представляются очень поучительными. Чарльзъ Бутсъ (Charles Booth) въ своихъ „Occupations of the People" даетъ анализъ данныхъ переписей, выясняя пропорціи населенія, занятаго въ различныхъ занятіяхъ въ десятилѣтніе періоды отъ 1841 по 1881 г. Къ нимъ могутъ быть присоединены такія же статистическія свѣдѣнія о переписи 1891 года, по скольку теперешній видъ ихъ допускаетъ сравненіе ихъ съ данными прежнихъ переписей. Если мы обратимся къ отраслямъ промышленности, на которыя вмѣстѣ съ транспортомъ машины оказываютъ наиболѣе непосредственное вліяніе, мы найдемъ, что совокупность мануфактуръ обнаруживаетъ значительное повышеніе спроса на трудъ до 1861 года, т. е. въ періодъ, когда англійскіе товары еще удерживали за собой первенство, пріобрѣтенное ими на мировомъ рынкѣ,—но что съ 1861 г. обнаруживается положительное уменьшеніе части англійскаго населенія, занятаго въ обработывающей промышленности. Процентныя отношенія до 1881 г. идутъ слѣдующимъ образомъ:

1841[1]	27,1%
1851	32,7%
1861	33,0%
1871	31,6%
1881	30,7%

Если мы возьмемъ главныя отрасли обработывающей

[1]) Въ 1831—41 гг. обнаружилось чрезвычайное возрастаніе фабричнаго населенія. Между 1835 и 1839 г.. по даннымъ Портера, увеличеніе равнялось 68,263 или 19,2%. (Porter, Progress of the Nation, стр. 78).

промышленности, дающія занятіе наиболѣе крупному числу рабочихъ, мы увидимъ, что онѣ по большей части показываютъ повышеніе спроса на трудъ до 1861 г. и неподвижный или падающій спросъ, въ сравненіи съ населеніемъ, послѣ этого года. Основныя индустріи—машины и орудія, судостроеніе, обработка металловъ,—спросъ которыхъ на трудъ въ періодъ 1841—61 г. возрасталъ прыжками и скачками, еще показываютъ въ общемъ увеличивающуюся долю занятыхъ рабочихъ, въ значительной мѣрѣ обязанную возникновенію съ 1861 года значительной экспортной торговли машинами. Но замѣчательно, что тогда какъ машинодѣлательныя производства продолжаютъ быстрѣе, чѣмъ растетъ населеніе, увеличивать количество занятаго ими труда, поднимая его съ 209.353 въ 1881 г. до 262.910 въ 1891 г., тогда какъ и судостроеніе даетъ также соотвѣтствующее увеличеніе, стале-и желѣзодѣлательная промышленность, которая до 1871 г. росла быстрѣе населенія, начинаетъ обнаруживать признаки паденія. Въ 1881 г. число рабочихъ на стале-и желѣзодѣлательныхъ заводахъ было 361.343, въ 1891 г. оно увеличилось до 380.183,—возрастаніе только на $5{,}3\%$ сравнительно съ ростомъ населенія, равнявшимся $11{,}7\%$ и съ ростомъ числа рабочихъ вообще, равнявшимся $15{,}3\%$.

Топливо, газъ, химическіе продукты и другія общія вспомогательныя отрасли промышленности обнаруживаютъ быстрое увеличеніе въ относительномъ количествѣ занятаго труда. Волокнообработывающія и красильныя производства, съ другой стороны, обнаруживавшія увеличеніе относительнаго количества рабочихъ до 1851 г.,—времени, когда ткацкое производство было захвачено машинами,—начиная съ этого года, представляютъ непрерывное и поразительное пониженіе въ долѣ занятаго труда. Въ настоящее время въ этихъ отрасляхъ промышленности занята значительно меньшая доля рабочихъ классовъ, чѣмъ въ 1841 году. Производства, занятыя приготовленіемъ одежды, представляютъ тотъ же результатъ—непрерывное уменьшеніе относительной доли рабочихъ съ 1851 г., хотя здѣсь цифры 1891 го-

да показываютъ снова слабое увеличеніе. Процентныя отношенія здѣсь представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	Обработка волокна и красильное производство.	Одежда.
1841	9,1	7,8
1851	11,1	10,3
1861	10,2	9,8
1871	9,3	8,5
1881	8,2	8,1
1891	7,6	8,3

Невозможность для спроса на трудъ идти параллельно въ своемъ ростѣ съ ростомъ населенія въ главныхъ отрасляхъ прядильнаго и ткацкаго производства выразительно отмѣчена Эллисономъ. Сравнивая 1850 г. съ 1878 г., онъ говоритъ: „На прядильныхъ фабрикахъ произошло увеличеніе почти на 189% въ числѣ веретенъ, но только на 63% въ количествѣ рабочихъ рукъ, и на ткацкихъ фабрикахъ увеличеніе на 360% въ числѣ станковъ, и только на 253% въ числѣ рабочихъ. Это, несомнѣнно, показываетъ, что машины становятся все болѣе и болѣе автоматичными и саморегулирующимися, т. е. нуждающимися въ наблюденіи за собой относительно меньшаго количества рабочихъ“ [1]). Если присовокупить вспомогательныя отрасли волокнообработывающей промышленности, то указанные результаты въ томъ же направленіи окажутся еще болѣе рѣшительными:

	Число веретенъ.	Число ткац. станковъ.	Число рабочихъ.
1850	20.977.817	249.627	330.924
1878	44.206.699	514.911	482.803

Болѣе новыя статистическія данныя показываютъ, что относительное уменьшеніе количества рабочихъ въ волокнообработывающей промышленности, замѣтное съ 1851 г., дѣлается абсолютнымъ уменьшеніемъ послѣ 1871 г., хотя статистическія свѣдѣнія 1891 г. обнаруживаютъ опять нѣкоторое возрастаніе.

---

[1]) T. Ellison, Cotton Trade of Great Britain, стр. 74.

1841	618.509 [1])
1851	603,800
1861	934,500
1871	970,000
1881	962,000
1891	1.016,100 [2])

Эти цифры относительно спроса на трудъ получаютъ еще болѣе сильное значеніе, если взять въ разсчетъ значительную и быструю замѣну мужскаго труда женскимъ. Въ производствахъ, занятыхъ приготовленіемъ одежды, можно наблюдать, что абсолютное увеличеніе, которое показываетъ каждая перепись, кромѣ 1871 г., поглощается портняжнымъ и конфекціоннымъ дѣломъ, гдѣ машины играютъ сравнительно неважную роль, и что въ производствѣ обуви, гдѣ произошло значительное увеличеніе примѣненія машинъ, было не только относительное, но и абсолютное пониженіе количества занятаго труда въ тридцатилѣтіе, слѣдовавшее за 1861 г., хотя перепись 1891 года снова даетъ абсолютныя числа рабочихъ, занятыхъ приготовленіемъ обуви, нѣсколько выше уровня 1851 г.[3]).

Отрасли обработывающей промышленности, обнаружившія крупное увеличеніе въ количествѣ даваемаго ими занятія въ 1891 г. сравнительно съ 1861 г., суть производства: машинъ и орудій, печаніе и переплетное дѣло, деревянной мебели и экипажей, топлива, газа, химическихъ продуктовъ и неспеціальныя производства (главнымъ образомъ связанныя съ машинами). Только производство машинъ и орудій, изъ ряда болѣе крупныхъ отраслей промышленности, даетъ значительное относительное увеличеніе количе-

---

[1]) Только 349,452 или 56,8% на фабрикахъ (Porter, стр. 77).

[2]) Это увеличеніе съ 1881 г. объясняется главнымъ образомъ лихорадочнымъ развитіемъ и перепроизводствомъ хлопчатобумажной промышленности. Цифры переписи 1891 года приведены въ соотношеніе съ прежними вычисленіями въ книгѣ Booth'a Occupations of the People.

[3]) Перепись 1851 г. даетъ 235,447, перепись 1391 г. даетъ 240.000.

ства занятаго труда, равнявшееся, по отчету о переписи, 27,7% между 1881 и 1891 г., при чемъ впрочемъ въ счетъ здѣсь принимались не только производители, но и торговцы.

Изъ вышеуказанныхъ фактовъ могутъ быть сдѣланы два заключенія относительно непосредственнаго вліянія машинъ. Первое, что, поскольку дѣло идетъ о промышленности вообще, прямымъ послѣдствіемъ увеличившагося примѣненія машинъ не было побужденіе увеличивать спросъ на трудъ въ этихъ производствахъ соразмѣрно съ ростомъ рабочаго населенія. Второе, что увеличившееся пропорціально количество мануфактурнаго населенія занимается или въ тѣхъ отрасляхъ крупныхъ производствъ, гдѣ менѣе всего употребляются машины или въ болѣе мелкихъ производствахъ, которыя либо являются дополнительными къ болѣе крупнымъ производствамъ, либо занимаются изготовленіемъ разнообразныхъ предметовъ роскоши и комфорта.

§ 3. Послѣдствія введенія машинъ въ другихъ отрасляхъ труда. Показанія французской статистики. Если отъ обработывающей промышленности мы перейдемъ къ другимъ занятіямъ, то замѣтимъ, что въ то время, какъ горное и строительное дѣло занимаетъ съ 1851 г. все возрастающую часть рабочихъ классовъ, земледѣліе доставляетъ занятіе быстро уменьшающемуся числу рабочихъ нисходящему съ 20,9% въ 1851 г. до 11,5% въ 1881 и 9,9 въ 1891 [1]).

Въ перевозочной же и распредѣляющей промышленности или торговлѣ и въ промышленной службѣ мы видимъ значительное увеличеніе занятыхъ рукъ. Всѣ эти отрасли возрастали съ 1841 г. гораздо быстрѣе, чѣмъ народонаселеніе.

	Транспортъ.	Торговля.	Промышленная служба.
1841	2,1	5,3	5,4
1851	4,1	6,5	4,5
1861	4,6	7,1	4,0

---

[1]) Чрезвычайное паденіе между переписью 1861 и 1871 г. отчасти должно быть приписано измѣненію классификаціи.

1871	4,9	7,8	6,0
1881	5,6	7,8	6,7

Статистическія данныя за 1891 г. дѣлаютъ это движеніе еще болѣе очевиднымъ. Транспортное дѣло обнаружило чрезвычайное увеличеніе сравнительно съ 1881 г., доставляя занятіе 7,4%. Подобнымъ же образомъ обнаружили большое возрастаніе и торговые классы. Число купцовъ и агентовъ умножилось съ 285,138 до 363,037, торговцевъ деньгами стало больше почти на 30%, а занятыхъ въ страховомъ дѣлѣ вдвое больше, чѣмъ 1881 году, и въ 6 разъ больше, чѣмъ въ 1871. Число лицъ, занятыхъ въ тринадцати характерныхъ видахъ розничной торговли, увеличилось между 1881 и 1891 годами не меньше, какъ на 27,9%.

Когда мы видимъ эти цифры, то не можетъ возникать сомнѣнія, что однимъ изъ косвенныхъ результатовъ увеличившагося вслѣдствіе примѣненія машинъ производства было увеличеніе количества лицъ, занятыхъ въ торговой и перевозочной промышленности. Это увеличеніе количества рабочихъ силъ въ промышленности вовсе не ограничивается новымъ дѣломъ пароваго передвиженія по сушѣ и по морю. Высказывавшіяся прежде опасенія, что желѣзныя дороги убьютъ гужевую перевозку, не оправдались на опытѣ. Хотя количество рабочей силы, занятой на желѣзныхъ дорогахъ, возрастало очень быстро, но и гужевая перевозка увеличивалась почти въ такой же мѣрѣ.

	Желѣзныя дороги.	Сухопутная перевозка.
1841	0.03	0,7
1851	0,3	0,9
1861	0,5	1,1
1871	0,8	1,2
1881	1,2	1,5
1891	1,4	2,8

Данныя переписей въ Соединенныхъ Штатахъ ясно доказываютъ, что телѣги и лошади не были вытѣснены желѣзными дорогами, или, говоря болѣе точно, желѣзныя дороги вызвали больше гужевой перевозки, чѣмъ устранили.

Въ 1850 г. производство телѣгъ и повозокъ занимало 15.590 человѣкъ, въ 1870 г.—54.928. Въ этотъ же самый періодъ роста желѣзныхъ дорогъ число лошадей въ странѣ увеличилось съ 4.336.717 до 7.145.370. Въ дѣйствительности, тогда какъ населеніе увеличилось на 66%, количество людей, занятыхъ производствомъ телѣгъ и экипажей, не смотря на увеличившееся употребленіе сберегающихъ трудъ машинъ въ этомъ производствѣ, возрасло болѣе, чѣмъ на 200%.

Тѣмъ не менѣе все таки необходимо признать, что непосредственное вліяніе машинъ на перевозочную промышленность вызываетъ относительное уменьшеніе занятаго труда. Къ этому заключенію приводитъ сравненіе двухъ главныхъ отраслей пароваго передвиженія.

Машины на желѣзныхъ дорогахъ занимаютъ совершенно иное положеніе, чѣмъ то, какое онѣ занимаютъ въ морскомъ паровомъ транспортѣ. Машина только косвенно опредѣляетъ работу большинства желѣзнодорожныхъ служащихъ Большинство изъ нихъ вовсе не прислужники машины. Только машинистъ, кочегаръ и кондукторъ находятся въ тѣсномъ сотрудничествѣ съ машиной. Къ нимъ должно присоединить также тѣхъ, которые заняты постройкой и ремонтомъ машинъ въ мастерскихъ. Стрѣлочники и нѣкоторые станціонные служащіе также находятся въ близкомъ соприкосновеніи съ машиной; нагрузчики и носильщики тоже „служатъ“ машинѣ, но ихъ работа болѣе непосредственно направляется общимъ соображеніями предпріятія. Но можемъ ли мы сказать, что армія кладчиковъ рельсовъ, землекоповъ и др. занятыхъ по линіи лицъ пользуется машиной вмѣсто употребленія инструментовъ[1])? Работа кассировъ и контролеровъ находится лишь въ весьма косвенной зависимости отъ локомотива. Хотя паровая машина и является центральнымъ факторомъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, по

[1]) „Паровой землекопъ“ впрочемъ дѣлаетъ земляныя работы машиннымъ производствомъ. 13 человѣкъ съ помощью землекопательной машины могутъ совершать работу 60—70 человѣкъ ручныхъ землекоповъ.

главная часть труда въ высшихъ и низшихъ занятіяхъ имѣетъ отдаленное отношеніе къ машинѣ. Это объясняетъ, почему ростъ желѣзнодорожной промышленности послѣ того, какъ была сдѣлана главная работа сооруженія, не сопровождался уменьшеніемъ количества занятыхъ рабочихъ. Напротивъ, мы видимъ, что количество труда, занятаго на желѣзныхъ дорогахъ, увеличивается быстрѣе, чѣмъ ихъ протяженіе и желѣзнодорожный капиталъ. Этотъ фактъ иллюстрируется слѣдующими статистическими данными о желѣзныхъ дорогахъ въ Соединенномъ Королевствѣ.

Годъ.	Протяженіе въ миляхъ.	Капиталъ (затраченный).	Число рабочихъ.
1851			25.200
1861	10.865	362.327.338 ф. ст.	53.400
1871	15.376	552.661.551 ф. ст.	84.908
1881	18.175	745.528.162 ф. ст.	139.500
1891	20.191	916.425.121 ф. ст.	186.700

Но, если мы обратимся къ пароходству, гдѣ гораздо бо́льшая часть рабочихъ занята непосредственно службой машинѣ и ея управленіемъ, и посмотримъ вліяніе, оказанное примѣненіемъ пара на количество занятаго труда, то результатъ окажется совершенно иной.

	Парусныя суда (Число тоннъ).	Пароходы (Число тоннъ).	Людей на парус. судахъ.	Людей на пароходахъ.
1850	3.396.359	168.474	142.730	8.700
1860	4.204.360	454.327	145.487	26.105
1870	4.577.855	1.112.934	147.207	48.755
1880	3.851.045	2.723.488	108.668	84 304
1890	2.907.405	5.037.666	84.008	129.366[1]).

[1]) Совокупное вліяніе измѣненія на число занятыхъ матросовъ показываютъ слѣдующія цифры, въ которыхъ соединено количество тоннъ парусныхъ и паровыхъ судовъ вмѣстѣ:

	Тоннъ.	Человѣкъ.
1850	3.564.833	151.430
1860	4.658.6-7	171.592
1870	5.690.789	195.962

Если мы возьмемъ періодъ 1870—90, въ теченіе котораго произошло абсолютное сокращеніе вмѣстимости парусныхъ судовъ, мы найдемъ, что это сокращеніе сопровождалось менѣе, чѣмъ соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ занятаго труда. Съ другой стороны, вмѣстимость паровыхъ судовъ въ этотъ періодъ возрасла болѣе, чѣмъ вчетверо, а принесла съ собой увеличеніе занятія менѣе, чѣмъ въ три раза.

Статистика Франціи за послѣднюю половину столѣтія обнаруживаетъ ту же самую общую тенденцію относительно количества занятаго труда, хотя эта тенденція и дѣйствуетъ здѣсь съ меньшей правильностью.

Здѣсь имѣется то же самое пропорціональное уменьшеніе рабочихъ, занятыхъ въ земледѣліи, хотя и менѣе быстрое, чѣмъ въ Англіи, то же пропорціональное сокращеніе занятыхъ въ обработывающей промышленности и то же значительное расширеніе торговыхъ классовъ. Одинаково общимъ и Англіи, и Франціи является быстрое возрастаніе профессіональныхъ и общественныхъ занятій. Слѣдующія процентныя отношенія указываютъ эти движенія во Франціи: [1])

	1856	1861	1866	1872	1876	1881	1886
Земледѣльческіе классы	52,9	53,2	51,5	52,5	53,0	50,0	47,8
Промышленные .	29,1	27,4	28,8	24,1	25,9	25,6	25,2
Торговые . . .	4,5	3,9	4,0	8,4	10,7	10,5	11,5
Свободныя професcіи, общественныя					[2])	[2])	[2])

1880 . . . . . . 6.574.513 . . . . . . 192.972
1890 . . . . . . 7.945.071 . . . . . . 213.374

[1]) M. S. Levasseur, La Population Francaise. Paris, 1889.

[2]) Съ 1876 г. лица, занятыя транспортнымъ дѣломъ и составлявшія въ 1886 г. 2,8% населенія, получающаго доходъ, включены въ торговую группу. Если принять это въ соображеніе, то сравненіе промышленнаго и торговаго населенія въ 1866 и 1888 г. покажетъ, что тогда какъ первое уменьшилось съ 28,3 до 25,2, послѣднее увеличилось съ 4,0 до 8,7%.

должности, лица живущія на свои доходы	9,1	9,2	9,5	11,1	10,3	10,2	11,0

Эти факты и цифры, кажется, приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Что вмѣстѣ съ увеличеніемъ примѣненія машинъ къ волокнообработывающимъ и другимъ главнѣйшимъ видамъ промышленности въ этихъ отрасляхъ произошло уменьшеніе занятаго труда сравнительно съ ростомъ рабочаго населенія.

2. Что въ транспортной промышленности увеличеніе занятія происходитъ въ обратномъ отношеніи къ веденію машинъ въ различныя отрасли въ качествѣ господствующаго фактора.

3. Что значительное уменьшеніе земледѣльческихъ рабочихъ не уравновѣшивается пропорціональнымъ увеличеніемъ какихъ либо мануфактурныхъ рабочихъ, но что этотъ вытѣсненный земледѣльческій трудъ находитъ себѣ занятіе въ такихъ отрасляхъ перевозочной и торговой промышленности, которыя менѣе подчинены машинѣ.

При общей оцѣнкѣ вліянія машинъ на количество занятаго труда ихъ вліяніе на англійское земледѣліе осталось не затронутымъ, вслѣдствіе сложности дѣйствовавшихъ здѣсь силъ. Но не должно забывать, что гораздо болѣе важной причиной уменьшенія англійскаго земледѣльческаго труда является транспортный механизмъ, который далъ возможность произведеніямъ отдаленныхъ странъ непосредственно конкурировать съ продуктами англійскаго земледѣлія.

Итакъ, поскольку статистика занятій даетъ правильную регистрацію вліянія машинъ на спросъ на рабочую силу, мы пришли къ заключенію, что непосредственное вліяніе машинъ выражается въ уменьшеніи рабочихъ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыя прямо входятъ машины, и въ увеличеніи спроса въ тѣхъ отрасляхъ, на которыя машины дѣйствуютъ слабо или косвенно. Если это справедливо относительно Англіи, которая, первая выступивъ въ развитіи фабричной системы, въ большей мѣрѣ,

чѣмъ какая либо иная страна, специализировалась на обрабатывающей промышленности, то вѣроятно, что и во всемъ промышленномъ мірѣ непосредственное послѣдствіе машинъ для спроса на трудъ выразилось въ скопленіи большей части населенія въ тѣ отрасли промышленности, въ которыя еще не проникла прямо машина. Это общее заключеніе, однако, за отсутствіемъ точныхъ статистическихъ изслѣдованій, можетъ быть принято только за вѣроятное.

§ 4. (2) Вліяніе машинъ на регулярность труда. Вліяніе машинъ на регулярность труда имѣетъ двоякое значеніе. Оно непосредственно касается измѣренія спроса на трудъ, которое должно принимать соображеніе не только число занятыхъ лицъ, но и количество занятія, даваемое каждому. Оно оказываетъ также и болѣе широкое общее дѣйствіе на моральное и экономическое состояніе рабочихъ, а чрезъ это и на производительность труда, которое привлекаетъ къ себѣ все большее вниманіе лицъ, занимающихся экономическими вопросами. Здѣсь насъ касается только первое соображеніе. Мы должны различать: *a)* дѣйствіе введенія машинъ, какъ фактора нарушающаго регулярность труда; *b)* нормальное вліяніе машиннаго производства на регулярность труда.

a) Непосредственное и первое дѣйствіе введенія машины выражается, какъ мы видѣли, въ вытѣсненіи труда. Машина обусловливаетъ извѣстное количество сокращенія занятія, независимо отъ того, что въ окончательномъ результатѣ она вліяетъ на число лицъ, которымъ дается работа. Профессоръ Шильдъ Никольсонъ (Shield Nicholson) находитъ два закона или тенденціи, дѣйствующихъ на ослабленіе этого тяжелаго вліянія машинъ. Онъ утверждаетъ, 1) что всякая радикальная перемѣна, совершающаяся въ способахъ производства, усвоивается постепенно и непрерывно; и 2) что эти радикальныя измѣненія—эти прерывистые скачки—стремятся уступить мѣсто усовершенствованіямъ посредствомъ небольшихъ прибавокъ изобрѣтательности [1]).

---

[1]) J. S. Nickolson, Effects of Machinery on Wages. стр. 33.

Исторія, несомнѣнно, показываетъ, что сравнительно полное примѣненіе великихъ изобрѣтеній совершилось медленно, хотя проф. Никольсонъ нѣсколько и преувеличиваетъ подвижность труда и его способность принимать мѣры противъ предстоящихъ перемѣнъ. Исторія введенія ткацкаго станка раскрываетъ страшныя бѣдствія ручныхъ ткачей нѣкоторыхъ округовъ, не смотря на постепенность, съ которой совершалось измѣненіе. Фактъ, что рядомъ съ распространеніемъ пароваго станка долго сохранялось множество ручныхъ станковъ, свидѣтельствуетъ о неподвижности ручныхъ ткачей, которые держались за свою нерегулярную и плохо оплачивавшуюся работу, вслѣдствіе невѣжества и неспособности примѣниться къ измѣнившимся обстоятельствамъ [1]). Въ большинствѣ случаевъ, когда возникала большая бѣдность, непосредственное дѣйствующее вліяніе оказывало не введеніе машинъ, а неожиданное измѣненіе моды. Таковъ былъ случай съ производителями обручей для кринолиновъ въ Іоркширѣ, съ плетельщиками изъ соломы въ Бедфордширѣ, Бёксѣ, Гертсѣ и Эссексѣ [2]). Внезапно совершаемыя ломки покровительственныхъ тарифовъ также, очевидно, являются обильнымъ источникомъ разстройства. Конечно, разъ лишеніе занятія было обязано примѣненію новыхъ машинъ, то можно вообще сказать, что здѣсь давалось достаточное предостереженіе, чтобы доставить возможность рабочимъ сократить дальнѣйшій притокъ труда въ такія отрасли и отвлечь его въ другія отрасли промышленности, которыя возрастаютъ соотвѣственно новымъ способамъ производства, хотя всетаки труду, который уже спеціализировался въ старомъ способѣ производства, причиняется множество страданій.

Кромѣ того, измѣненія, происходящія въ нѣкоторыхъ машинныхъ производствахъ, благопріятствуютъ увеличенію приспособляемости труда. Многіе механическіе процессы или общи многимъ производствамъ, или такъ мало отли-

---

[1]) Babbage, Economy of Manufactures. стр. 230.

[2]) См. Thorod Rogers, Political Economy (1869) стр. 78 и 79.

чаются другъ отъ друга, что мало-мальски развитой рабочій, привыкшій къ одному, скоро можетъ выучиться и другому. Если справедливо, что „общія способности, которыя легко переносимы изъ одной промышленности въ другую, съ каждымъ годомъ увеличиваются въ своемъ значеніи сравнительно съ ручной ловкостью и техническимъ знаніемъ, составляющими спеціальность какой либо одной отрасли промышленности" [1]), то мы имѣемъ здѣсь прогрессирующую силу, которая стремится свести къ минимуму сумму безработицы, вызываемой новымъ примѣненіемъ специфическихъ машинъ.

Второй законъ проф. Никольсона, во всякомъ случаѣ, отличается болѣе теоретическимъ характеромъ и представляется менѣе вѣрнымъ въ своемъ дѣйствіи. Онъ предполагаетъ извѣстный абсолютный предѣлъ количеству великихъ изобрѣтеній. За радикальными измѣненіями, конечно, обыкновенно слѣдуютъ изобрѣтенія меньшей важности; но мы не можемъ имѣть увѣренности, что въ будущемъ не могутъ произойти новыя радикальныя измѣненія совершенно такой же важности, какъ и прежнія. Нѣтъ никакихъ видимыхъ предѣловъ для прогресса механической изобрѣтательности или для быстроты, съ которой можетъ совершаться этотъ прогрессъ. Если можно будетъ преодолѣть нѣкоторыя предварительныя трудности общаго примѣненія электричества въ качествѣ двигателя, то есть полное основаніе думать, что, благодаря усовершенствованнымъ способамъ быстраго сообщенія знанія, которыми мы обладаемъ, наша фабричная система можетъ быть реорганизована и трудъ—лишиться своего занятія гораздо быстрѣе, чѣмъ это происходило съ паромъ, и въ такихъ размѣрахъ, которые могутъ оказаться на много выше способности труда примѣняться къ новымъ промышленнымъ условіямъ. Никакимъ образомъ мы не можемъ разсчитывать на то, что подвижность труда должна

---

[1]) Marshall, Principles of Economics, стр. 607; ср. Cunningham, Uses and Abuses of Money, стр. 59. См. впрочемъ главу IX.

всегда возрастать наравнѣ съ примѣненіемъ новыхъ сокращающихъ трудъ изобрѣтеній. Такъ какъ мы не можемъ предполагать, чтобы рынокъ расширялся pari passu съ улучшеніемъ въ способахъ производства, то очевидно, что усовершенствованія въ машинахъ должно считаться нормальной причиной необезпеченности работы. Потеря работы можетъ быть только „временной", но такъ какъ жизнь рабочаго человѣка также временна, то такая потеря въ качествѣ фактора, вносящаго разстройство въ рабочую жизнь, имѣетъ значительную важность.

§ 5. Вліяніе „неорганизованнаго" машиннаго производства на регулярность занятія. *b)* На вопросъ: благопріятствуютъ ли машины, независимо отъ измѣненій, вызываемыхъ ихъ введеніемъ, регулярности или нерегулярности работы, можетъ быть данъ довольно опредѣленный отвѣтъ. Структура отдѣльной фабрики, съ ея все возрастающимъ количествомъ дорогихъ машинъ, съ перваго взгляда служитъ, казалось бы, прямымъ ручательствомъ регулярной работы, основанной на собственномъ интересѣ капиталиста. Говорятъ, что нѣкоторые изъ промысловъ „выпотѣванія" (Sweating) въ Лондонѣ существуютъ, благодаря экономіи, извлекаемой предпринимателями изъ того, что они не употребляютъ дорогихъ орудій или машинъ и могутъ быстро увеличивать или уменьшать число своихъ рабочихъ такъ, чтобы идти наравнѣ со спросомъ какой нибудь „сезонной промышленности, какъ подборка мѣховъ или приготовленіе искуственныхъ цвѣтовъ. Если предприниматель обремененъ огромнымъ количествомъ постояннаго капитала, его индивидуальный интересъ сильно благопріятствуетъ полному и регулярному занятію труда. Въ этомъ отношеніи машины, казалось бы, благопріятствуютъ регулярности занятія. Съ другой стороны, проф. Никольсонъ приводитъ многочисленныя доказательства въ поддержку своего положенія, что „большія колебанія въ цѣнѣ встрѣчаются въ тѣхъ товарахъ, которые требуютъ для своего производства большой доли постояннаго капитала. Эти колебанія въ цѣнахъ сопровождаются соотвѣтствующими колебаніями въ заработной платѣ и не-

регулярностью занятія“ [1]). Словомъ, въ то время, какъ въ интересѣ каждаго производителя приготовляемыхъ машиною товаровъ является давать регулярное занятіе, какая то болѣе широкая экономическая сила побуждаетъ его къ нерегулярности. Что эта за сила? Это—безконтрольное машинное производство. Въ отдѣльныхъ единицахъ машиннаго производства, на отдѣльныхъ фабрикахъ или заводахъ мы находимъ удивительный порядокъ и точное согласованіе частей; въ совокупности машиннаго производства мы не имѣемъ никакой организаціи, а хаосъ расчитанной на случай спекуляціи. „Промышленность еще не приспособилась къ измѣненіямъ обстановки, вызваннымъ машинами“.

При денежной системѣ торговли, хотя товары и обмѣниваются еще на товары, существеннымъ условіемъ обмѣна является, чтобы тѣ, кто обладаетъ покупательной силой, желали употребить достаточную часть ея на спросъ потребительныхъ благъ. Иначе возбуждается ненадлежащимъ образомъ производство производительныхъ благъ въ то время, какъ спросъ на потребительныя блага задерживается—состояніе, которое дѣловые люди правильно разсматриваютъ какъ избыточное предложеніе матеріальныхъ формъ капитала. Когда производство было болѣе медленно, рынки [2])—болѣе узки, кредитъ менѣе развитъ, меньше было опасности такой крупной неразсчетливости, а исправляющія силы промышленности болѣе скоро оказывали свое дѣйствіе. Но современныя машины въ огромныхъ размѣрахъ расширили размѣры рынковъ, напряженность соперничества и сложность спроса, и производство ведется уже не на малый, мѣст-

---

[1]) Effects of Machinery on Wages, стр. 66.

[2]) Увеличеніе площади рынка можетъ, впрочемъ, въ извѣстныхъ случаяхъ дѣлать промышленность болѣе прочной, особенно въ случаѣ предмета роскоши, подверженнаго мѣстнымъ колебаніямъ моды и т. п. Тѣсный шелковый рынокъ для Англіи обозначалъ колебанія въ занятіи и низкую степень искусства. Открытый рынокъ сообщилъ повышеніе искусства и устойчивость, ибо, хотя шелковое производство и является еще наиболѣе непрочнымъ изъ волокнообработывающихъ индустрій, оно гораздо меньше колеблется, чѣмъ это было въ XVIII-омъ столѣтіи. Ср. Porter, стр. 225.

ный, текущій спросъ, а на широкій, міровой, будущій спросъ. Отсюда машины являются прямой матеріальной причиной этихъ крупныхъ колебаній, которыя приносятъ, какъ свое наиболѣе бѣдственное послѣдствіе, нерегулярность занятія и заработной платы.

Насколько она имѣетъ стремленіе къ самоисправленію? Проф. Никольсонъ думаетъ, что время приведетъ къ лучшему согласованію между машинами и ихъ обстановкой.

„Чрезвычайное развитіе пароваго сообщенія и распространеніе телеграфа по всему земному шару заставили современную промышленность изъ гигантской морской звѣзды, каждый изъ членовъ которой могъ быть уничтоженъ безъ вреда для остального, развиться въ μέγα ζῶον, которое все извивается въ конвульсіяхъ отъ малѣйшаго повреждения въ одной части. Застой промышленности теперь такъ же остро чувствуется въ Америкѣ и даже въ нашихъ колоніяхъ, какъ и здѣсь. Конечно, со временемъ, съ увеличеніемъ организаціи и ослабленіемъ нездоровой спекуляціи, это расширеніе рынка должно вести къ большей устойчивости цѣнъ; но въ настоящее время пертурбаціонныя силы часто совершенно перевѣшиваютъ предполагаемые главные элементы“ [1]).

Организація капитала подъ давленіемъ этихъ силъ безъ сомнѣнія идетъ впередъ, и такая организація, если она зашла достаточно далеко, неоспоримо поведетъ къ уменьшенію нездоровой спекуляціи. Но эти шаги къ организаціи были сдѣланы преимущественно въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя занимаютъ большое количество постояннаго капитала, и признанный за достовѣрное фактъ, что въ этихъ отрасляхъ еще имѣютъ мѣсто очень сильныя колебанія, служитъ доказательствомъ, что укрѣпляющее вліяніе такой организаціи еще не имѣло времени выразимыя съ достаточной пользой. Соперничество все болѣе и болѣе крупныхъ массъ организованнаго капитала, кажется, вызываетъ все болѣе тяжелую спекуляцію и болѣе широкія колебанія. И пока весь капиталъ не будетъ организо-

---

[1]) Op. cit. стр. 117.

ванъ въ какой либо формѣ „союзовъ“, это укрѣпляющее вліяніе организаціи не можетъ получить преобладающаго значенія.

§ 6. Различные пути, которыми современная промышленность причиняетъ безработицу. Но существуетъ также другая сила, которая въ Англіи, по крайней мѣрѣ, при увеличеніи примѣненія машинъ ведетъ скорѣе къ увеличенію, чѣмъ къ уменьшенію спекулятивнаго производства. Мы видѣли, что процентъ рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ предметовъ комфорта и роскоши, увеличивается въ то время, какъ процентъ рабочихъ, производящихъ предметы первой необходимости, понижается. Статистика показываетъ, что такова тенденція, какъ въ Англіи, такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ. Спросъ же на предметы комфорта и роскоши по существу болѣе непостояненъ и менѣе доступенъ коммерческому разсчету, чѣмъ спросъ на предметы необходимости. Наибольшія выгоды отъ машиннаго производства наблюдаются въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ спросъ наиболѣе широкъ, проченъ и можетъ быть вѣрнѣе вычисленъ напередъ. Отсюда дѣйствіе машинъ выражается въ перемѣщеніи все большаго количества рабочихъ отъ менѣе непостоянныхъ къ болѣе непостояннымъ занятіямъ. Кромѣ того для спроса на предметы роскоши существуетъ явная тенденція становиться все болѣе нерегулярнымъ и все менѣе подлежащимъ вычисленію, и соотвѣтствующее непостоянство налагается и на отрасли промышленности, занятыя ихъ производствомъ. Двадцать лѣтъ назадъ возможно было для ткачей лентъ въ Ковентри „дѣлать запасъ“ въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, потому что, хотя шелковыя ленты могутъ всегда относиться къ роскоши, нѣкоторые рисунки обладали довольно прочной продажей изъ года въ годъ. Теперь колебанія моды гораздо болѣе рѣзки и часты, и гораздо большая часть потребителей лентъ обращаетъ вниманіе на перемѣны моды. Отсюда становится все болѣе и болѣе труднымъ предвидѣть рынокъ, все менѣе и менѣе дѣлается про запасъ, все болѣе и болѣе на заказъ, и заказы даются все на болѣе и болѣе короткій

срокъ. Поэтому станки и ткачи, остающіеся въ бездѣйствіи большую часть года, вынуждаются къ лихорадочной производительной дѣятельности на короткіе нерегулярные періоды. То же самое имѣетъ мѣсто и относительно другихъ сезонныхъ или модныхъ производствъ. Непостоянство спроса лишаетъ эти отрасли возможности извлекать полную выгоду отъ экономій машиннаго производства, хотя частичное примѣненіе машинъ и двигателя и облегчаетъ выполненіе заказовъ въ короткій срокъ. Отсюда увеличеніе доли общественнаго дохода, истрачиваемой на предметы роскоши, требуетъ увеличенія доли труда общества, расходуемой на ихъ производство. А это обозначаетъ передвиженіе труда отъ болѣе прочныхъ формъ занятія къ тѣмъ, которые менѣе прочны и непостоянство которыхъ непрерывно возрастаетъ. Все болѣе крупная доля городскихъ рабочихъ постоянно переходитъ въ отрасли промышленности, сопряженныя съ обработкой и сохраненіемъ животныхъ и растительныхъ веществъ, къ такимъ промысламъ, какъ приготовленіе шапокъ и шляпъ, готоваго платья, переплетный, промысламъ, зависящимъ отъ погоды, праздниковъ и сезоновъ, или такимъ, въ которыхъ большую роль играютъ измѣненія во вкусахъ и модѣ.

Отсюда явствуетъ, что есть три способа, которыми современные капиталистическіе способы производства вызываютъ временную безработицу: 1) постоянное присоединеніе сберегающихъ трудъ машинъ дѣлаетъ ненужнымъ множество рабочихъ, заставляя ихъ вполнѣ или отчасти оставаться безъ работы, пока они не приноровятся къ новымъ экономическимъ условіямъ; 2) неразсчетливость и временное перепроизводство, къ которому отчасти склонны машинныя отрасли промышлености съ широкимъ непостояннымъ рынкомъ, вызываютъ періодическіе глубокіе промышленные кризисы, временно лишающіе работы большія массы искуснаго и простаго труда; 3) выгоды машиннаго производства въ главнѣйшихъ отрасляхъ промышленности сгоняютъ все большую долю труда въ производства, занятыя доставленіемъ товаровъ, спросъ на которые болѣе непостоя-

ненъ, и гдѣ поэтому колебанія въ спросѣ на трудъ должны быть больше.

Большинство экономистовъ, еще глубоко проникнутыхъ вѣрою въ изумительный порядокъ и гармонію „игры экономическихъ силъ", смотрятъ на всякую безработицу, не зависящую отъ индивидуальныхъ пороковъ или неспособности, какъ на естественный и необходимый результатъ процесса приспособленія, которымъ заканчивается промышленный прогрессъ, совершенно упуская изъ виду два послѣднихъ класса соображеній. Есть, однако, основаніе думать, что въ средній годъ гораздо большее число „незанятыхъ" въ данное время обязано своей безработицей временному застою промышленности, въ которой они были заняты, чѣмъ колебаніямъ, вызываемымъ органическими измѣненіями въ экономической структурѣ промышленности.

Размѣръ и значеніе „безработицы",—обязанной первоначально промышленному застою, выяснены очень несовершенно. Въ этомъ отношеніи важное значеніе имѣютъ слѣдующія статистическія свѣдѣнія о состояніи рынка искуснаго труда въ періодъ 1886—92 г., основанныя на отчетахъ 22 рабочихъ союзовъ:

Годъ	% безработныхъ.
1886	10,1 %[1]
1887	8,6 „
1888	4,4 „
1889	1,8 „
1890	2,6 „
1891	4,45 „
1892	7,33 „
1893	7,9 „[2]).

Если припомнить, что эти цифры касаются только хорошо организованныхъ рабочихъ союзовъ, обнимающихъ, по правилу, только лучшихъ и наиболѣе искусныхъ рабо-

[1]) Board of Trade Journal, Ноябрь 1892.

[2]) Для 25 союзовъ.

чихъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности, которые меньше, чѣмъ прочіе, изгоняются „въ тихое время", что строительные и сезонные промыслы не вошли въ этотъ счетъ и что женскія отрасли промышленности, завѣдомо болѣе непостоянныя, чѣмъ мужскія, также совершенно игнорируются здѣсь, то будетъ очевидно, что эти цифры недостаточно рисуютъ отнощеніе безработныхъ къ общей суммѣ рабочихъ въ различные періоды. Report on Principal and Minor Textile Trades вычитаетъ 10% изъ нормальной заработной платы, представляющіе безработицу, хотя 1885 годъ, къ которому относятся его цифры, рисуется имъ какъ „удовлетворительный обращикъ нормальнаго года" [1]).

Цифры средняго количества „незанятыхъ рабочихъ" въ теченіе болѣе или менѣе длиннаго періода даютъ совершенно неточное понятіе объ ущербѣ, причиняемомъ заработной платѣ, производительности работы и положенію рабочихъ классовъ непостоянствомъ работы. Во-первыхъ, при такой оцѣнкѣ не принимается во вниманіе „короткое время", часто переживаемое въ теченіе мѣсяцевъ большими группами рабочихъ. Во-вторыхъ, при измѣреніи зла „безработицы" мы должны имѣть въ виду скорѣе максимумъ, чѣмъ среднее состояніе. Если человѣкъ вынужденъ на мѣсяцъ лишиться своей пищи, то никая оцѣнка, доказывающая, что въ среднемъ онъ имѣетъ болѣе, чѣмъ достаточно, пить и ѣсть, не дастъ точнаго понятія о той опасности, которой онъ подвергается. Если разъ въ каждыя 10 лѣтъ мы находимъ, что 10% искусныхъ рабочихъ находятся въ теченіе мѣсяцевъ безъ занятій, то именно эти цифры измѣряютъ экономическій недугъ, „безработицы", которая ни въ какомъ случаѣ не уравновѣшивается полнымъ или чрезмѣрнымъ трудомъ въ періоды лучшаго состоянія промышленности.

§ 7. Общіе выводы. Наше разсужденіе, исходя отъ удостовѣренныхъ тенденцій машиннаго производства, приводитъ къ выводу, что, имѣя въ виду два главныхъ условія

---

[1]) Стр. XII.

спроса на трудъ, машины, при существующихъ условіяхъ, вообще не благопріятствуютъ увеличенію прочнаго спроса на трудъ. Онѣ стремятся вызывать все большую долю труда въ трехъ направленіяхъ:

1. Изобрѣтеніемъ, сооруженіемъ и содержаніемъ механическихъ приспособленій для производства машинъ, причемъ трудъ производства машинъ постоянно замѣщается машинами и, такимъ образомъ, передвигается къ производству машинъ, болѣе отдаленныхъ отъ тѣхъ машинъ, которыя непосредственно употребляются въ производствѣ предметовъ потребленія. Поэтому находящій себѣ здѣсь занятіе трудъ долженъ находиться въ постоянно уменьшающемся отношеніи къ данному количеству потребленія. Ничто, кромѣ большого увеличенія въ размѣрахъ потребленія или открытія новыхъ разновидностей потребленія не можетъ поддержать или увеличить спроса на трудъ въ этихъ производящихъ машинами отрасляхъ промышленности.

2. Непрерывной спеціализаціей, дробленіемъ и усовершенствованіемъ торговли. Умноженіе оптовыхъ торговцевъ, агентовъ, розничныхъ торговцевъ, которое, вопреки силамъ влекущимъ къ централизаціи въ торговомъ дѣлѣ, представляетъ столь замѣтное явленіе въ англійской промышленности за послѣднія сорокъ лѣтъ, есть естественный результатъ вліянія машинъ, дѣлающихъ свободной отъ производительныхъ процессовъ все большую долю труда.

3. Предложеніемъ новыхъ формъ богатства, которыя *a)* или совсѣмъ не-матеріальнаго характера, т. е. интеллектуальныя, артистическія или иныя личныя услуги; *b)* частью не-матеріальнаго, какъ предметы искусства, цѣнность которыхъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ вложеннаго въ нихъ индивидуальнаго вкуса и личной энергіи, или *c)* слишкомъ нерегулярнаго или недостаточно широкаго спроса, чтобы допускать примѣненіе машинъ. Свободныя профессіи, искусство, наука, литература и отрасли труда, занятыя производствомъ предметовъ роскоши и оказаніемъ услугъ, доставляютъ непрерывное увеличеніе занятія, хотя предложеніе труда на столько очевидно выше спроса во всѣхъ этихъ за-

нятіяхъ, что является хроническимъ значительный % безработныхъ.

Пока, поэтому, общество увеличивается въ своемъ населеніи, пока отдѣльныя лица стараются все болѣе полно удовлетворять свои настоящія потребности и продолжаютъ развивать новыя потребности, образуя болѣе высокій и болѣе сложный уровень потребленія, нѣтъ основаній для заключенія, что машины имѣютъ дѣйствіемъ причиненіе чистаго уменьшенія спроса на трудъ, хотя онѣ и стремятся уменьшить пропорцію занятія въ обработывающей промышленности; но есть полное основаніе думать, что онѣ стремятся сдѣлать занятіе болѣе непостояннымъ, болѣе временнымъ по продолжительности и болѣе колеблющимся по рыночной стоимости.

ГЛАВА IX-я.

Машины и качество труда.

§ 1. Виды труда, которые замѣняетъ машина. При разсмотрѣніи вліянія машинъ на качество труда, т. е. искусство, продолжительность, интензивность, осмысленность и пр., мы прежде всего должны обратиться къ двумъ вопросамъ: каковы тѣ качества, въ которыхъ машина превосходитъ человѣческій трудъ? и каковы виды работы, въ которыхъ машина замѣняетъ человѣка? Такъ какъ вся промышленная работа состоитъ изъ передвиженія матеріи, то выгоды машинъ должны заключаться въ производствѣ и расположеніи движущей силы. Уже было указано, что общихъ выгодъ машинъ двѣ [1]): (1) большее количество силы, которое можетъ быть приложено къ производительной дѣятельности; (2) большая точность въ регулярномъ приложеніи двигательной силы *(a)* по времени—точное повтореніе одного и того же акта черезъ опредѣленные промежутки или бо́льшая равномѣрность дѣйствія, *(b)* по мѣсту—точное повтореніе одного и того же движенія въ пространствѣ [2]). Изъ этихъ

---

[1]) См. *выше* гл. III, § 2.

[2]) Карлъ Марксъ выставляетъ двѣ главныхъ отличительныхъ выгоды машинъ: 1) машины замѣняютъ искусство человѣка, работающаго инструментомъ. „Машина, составляющая исходный пунктъ промышленной революціи, замѣняетъ работника, дѣйствующаго одновременно только однимъ инструментомъ,—неодушевленнымъ механизмомъ, который работаетъ заразъ цѣлою массой такихъ же или подобныхъ инструментовъ и который приводится въ движеніе одной двигательной силою, какова бы ни была ея форма“. 2) Машина превосходитъ силу человѣка. „Увеличеніе размѣровъ рабочей машины и числа ея одновременно дѣйствующихъ органовъ требуетъ массивнаго двигательнаго механизма, а такой механизмъ требуетъ для преодолѣнія своего собственнаго сопротивленія двигательной силы болѣе могущественной, чѣмъ сила человѣка“.

двухъ общихъ особенностей машинной работы вытекаютъ всѣ ея выгоды, заключающіяся въ сбереженіи человѣческаго времени, утилизаціи отбросовъ, проявленіи концентрированной силы, болѣе тонкихъ манипуляціяхъ и пр.. Отсюда слѣдуетъ, что вездѣ, гдѣ производительность рабочей силы зависитъ, главнымъ образомъ, отъ развитія мускульной силой двигательной силы или отъ точности въ регулированіи мускульной силы, машины стремятся замѣнить человѣческій трудъ. Предполагая, поэтому, что замѣненный трудъ найдетъ себѣ другое занятіе, онъ будетъ перемѣщенъ къ работѣ, гдѣ машина не обладаетъ тѣмъ же преимуществомъ надъ человѣческимъ трудомъ, т. е работѣ, гдѣ меньше мускульныхъ усилій или нужды въ регулярности движенія. На первый взглядъ казалось бы, что всякое замѣщеніе труда машинами принесетъ повышеніе въ качествѣ труда, т. е. увеличитъ долю труда въ занятіяхъ которыя менѣе обремѣняютъ мускулы и менѣе однообразны. Таково въ главномъ мнѣніе, къ которому склоняется проф. Маршаль [1]).

На сколько дѣло касается каждой отдѣльной промышленности, то было уже указано, что введеніе машинъ обозначаетъ чистое сокращеніе занятія, пока развитіе промышленности не расширится значительно вслѣдствіе паденія цѣнъ, вызваннаго уменьшеніемъ издержекъ производства. Нельзя предполагать, само собой разумѣется, что трудъ, замѣщенный введеніемъ автоматической фальцовки въ печатаніи, будетъ употребленъ въ менѣе автоматической работѣ, связанной съ печатаніемъ. Онъ можетъ быть перемѣщенъ отъ мускульнаго однообразія въ печатаніи къ менѣе мускульному однообразію производства новыхъ видовъ роскоши, спросъ на которые еще не достаточно великъ или постояненъ, чтобы дать возможность примѣнять сберегающія трудъ машины. Но даже при предположеніи, что весь вытѣсненный трудъ или значительная часть его употребляется на работу, которая требуетъ менѣе мускульной силы или отличается меньшей автоматичностью, что доказывается тѣмъ

---

[1]) Rrinciples of Economics, 2-ое изд., стр. 314, 322.

фактомъ, что она еще не подпала подъ машинное производство,—не вытекаетъ съ необходимостью, что здѣсь происходитъ уменьшеніе въ общей массѣ затрачиваемой физической энергіи или въ общемъ „о нообразіи" труда.

Единственный прямой результатъ приложенія бо́льшей доли рабочей силы къ тѣмъ видамъ работы, которые требуютъ менѣе мускульнаго напряженія и отличаются менѣе автоматическимъ характеромъ, будетъ стремленіе къ большему раздѣленію труда и къ большей спеціализаціи въ этихъ занятіяхъ. А экономическія выгоды увеличивающейся спеціализаціи могутъ быт. получены только путемъ увеличенія автоматической дѣятельности. Такимъ образомъ, рутина или автоматическій характеръ, составляющіе однообразіе той работы, въ которой машина замѣнила этихъ рабочихъ, теперь сообщится и этимъ болѣе высокимъ степенямъ труда, въ которыхъ они заняты, и эти послѣднія въ свою очередь будутъ приближаться къ такому состоянію, которое сдѣлаетъ ихъ открытыми для новаго вторженія машинъ.

Такъ какъ число производительныхъ процессовъ, подпадающихъ подъ господство машинъ, такимъ образомъ, непрерывно возрастаетъ, то, очевидно, мы не въ правѣ предполагать, что каждое вытѣсненіе труда машинами будетъ увеличивать долю труда, занятаго въ болѣе легкихъ и выгодныхъ формахъ немеханической работы.

§ 2. Вліяніе машинъ на интенсивность физической работы. Точно также не доказано, чтобы ростъ машиннаго производства стремился уменьшить общее напряженіе физическихъ силъ рабочихъ, хотя онъ значительно уменьшаетъ затрату чисто мускульной дѣятельности. Что касается тѣхъ рабочихъ, которые переходятъ отъ обычной ручной работы къ управленію машиной, то здѣсь большое количество наблюденій показываетъ, что, въ типическихъ машинныхъ производствахъ, ихъ новая работа обременяетъ физическую силу рабочихъ такъ же сильно, какъ и старая работа. Профессоръ Шильдъ Никольсонъ цитируетъ слѣдующее замѣчательное мѣсто изъ Cotton Factory Times:

„Представляется совершенно обыденной вещью слышать, что молодые люди, которые много-много достигли тридцатилѣтняго возраста, заявляютъ, что они такъ переутомляются работой на длинныхъ мюляхъ, суровыми уроками, торопливостью труда и плохимъ матеріаломъ, что они никуда больше не годятся къ ночи, какъ броситься въ постель и отдохнуть, на сколько позволяютъ обстоятельства. Немногіе повѣрятъ такому положенію дѣлъ; тѣмъ не менѣе это описаніе правдиво и можетъ быть провѣрено каждый день на значительномъ большинствѣ фабрикъ въ прядильныхъ округахъ".

Шульце-Геверницъ доказываетъ, что тенденція въ современномъ бумагопрядильномъ и ткацкомъ производствѣ, особенно въ Англіи, выражалась заразъ и въ увеличеніи числа веретенъ и станковъ, которыми долженъ былъ управлять рабочій, и въ увеличеніи быстроты пряденія. „Рабочій управляетъ теперь болѣе, чѣмъ вдвое, или почти втрое большимъ механизмомъ, чѣмъ управлялъ его отецъ; число машинъ въ дѣйствіи увеличилось болѣе, чѣмъ въ пять разъ за это время, а между тѣмъ число рабочихъ не вполнѣ удвоилось" [1]). Что касается до быстроты, то, съ начала 70-хъ гг. быстрота дѣйствія прядильныхъ машинъ увеличилась почти на 15% [2]).

Мы однако не можемъ вывести изъ утвержденія Шульце-Геверница относительно увеличенія числа веретенъ и станковъ, которымъ управляетъ рабочій, что произошло увеличеніе интензивности труда, соотвѣтствующее этому увеличенію машинъ, ни что увеличеніе вырабатываемаго рабочимъ продукта можетъ быть приписано главнымъ образомъ усовершенствованію искусства или энергіи рабочаго. Многія изъ недавнихъ сберегающихъ трудъ изобрѣтеній, особенно въ кардованіи, пряденіи и промежуточныхъ процессахъ, сводили къ автоматическому виду работу, которая раньше требовала весьма значительной энергіи рабочаго, вслѣдствіе чего послѣдній оказывался въ состояніи управлять боль-

---

1) Der Grossbetrieb, стр. 110.
2) Ibid., стр. 117.

шимъ количествомъ машинъ и ускорить быстроту работы безъ непосредственнаго увеличенія рабочей энергіи.

Въ чесальныхъ, тростильныхъ, промежуточныхъ и прядильныхъ механизмахъ вездѣ наблюдается увеличеніе въ количествѣ управляемыхъ машинъ. Но чесальный механизмъ совершенно преобразовался за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ; drawing rame сдѣланъ такъ, что онъ автоматически останавливается, если есть какая нибудь ошибка, облегчая, такимъ образомъ, рабочему въ извѣстной мѣрѣ наблюденіе; въ slubbing, intermediate и roving frames были произведены многочисленныя усовершенствованія; то же самое было и съ прядильными мюльными и проклеивающими машинами.

До извѣстной степени можно считать, что увеличеніе числа веретенъ и пр., и увеличеніе быстроты уравновѣшиваются тѣмъ облегченіемъ, которое было доставлено этими усовершенствованіями. Во всякомъ случаѣ, хотя, безъ сомнѣнія, и произошло нѣкоторое общее ускореніе, какое либо точное измѣреніе его врядъ ли возможно, потому что быстрота дѣйствія машины очень часто регулируется суммой работы, которую совершаетъ каждый процессъ; напримѣръ, если тростильный станокъ дѣлаетъ грубую нить, то не нужно такой большой быстроты дѣйствія веретенъ, какъ при выработкѣ нити болѣе тонкой; въ этомъ случаѣ мюльная машина вытягиваетъ прядь на большую длину, чѣмъ когда нить тоньше, или, другими словами, мюльная машина въ одномъ случаѣ до извѣстной степени исполняетъ работу roving frame.

Кажется, является общепризнаннымъ, что на прядильныхъ фабрикахъ приблизительно 75% увеличенія выработки на рабочаго можетъ быть приписано усовершенствованіямъ машинъ и 25% увеличенію интензивности труда соразмѣрно количеству веретенъ или быстроты ихъ работы.

Въ процессахъ ткачества возможно болѣе точное измѣреніе, хотя и здѣсь многое зависитъ отъ качества употребляемой пряжи. Сокращеніе рабочаго дня сопровождалось здѣсь увеличеніемъ въ быстротѣ безъ какихъ либо усовершенствованій, сберегающихъ трудъ. До фабричнаго зако-

нодательства 1878 г. быстрота дѣйствія станковъ была вообще отъ 170 до 190 полетовъ челнока въ минуту при 10 часовомъ рабочемъ днѣ. Въ теченіе почти двухъ лѣтъ послѣ сокращенія дня (на 6%) общая быстрота достигла 190—200 полетовъ, безъ измѣненія въ машинахъ или въ сыромъ матеріалѣ, увеличеніе, которое должно было пропорціонально увеличить интензивность работы ткача. Ухудшеніе въ качествѣ сыраго матеріала, употребляемаго для производства хлопчатобумажной ткани, также обыкновенно принимается за обстоятельство, требующее бо́льшей внимательности со стороны ткача и увеличивающее опасность и непріятность работы вслѣдствіе тяжелой проклейки и испареній, связанныхъ съ обработкой. Отъ увеличенія средняго количества управляемыхъ станковъ не легко дѣлать заключеніе относительно увеличенія интензивности труда, ибо, какъ недавно было высказано въ показаніяхъ предъ Labour Commission, все зависитъ отъ вида станковъ и производимыхъ товаровъ. „Почти такъ же легко работать на пяти станкахъ одного вида, какъ на двухъ другого“[1]). Но преобладаніе „поощрительной“ („driving“) системы, при которой надсмотрщикамъ платится премія за продуктъ станковъ, находящихся подъ ихъ наблюденіемъ, весьма вѣроятно, повела, какъ и было мимоходомъ замѣчено, къ увеличенію интензивности труда.

Слагая показанія, мы можемъ прійти къ заключенію, что сокращеніе рабочаго дня и усовершенствованіе машинъ сопровождались увеличеніемъ энергіи, затрачиваемой въ единицу рабочаго времени. Говоря словами одного эксперта, „перемѣна по отношеніи къ тѣмъ, кто занятъ практической работой, заключается въ уменьшеніи суммы трудной ручной работы одного рода, но въ увеличеніи ихъ отвѣтственности, вслѣдствіе того, что они должны работать надъ большимъ числомъ машинъ и болѣе дорогаго вида; тогда какъ работа менѣе искусныхъ является болѣе интензивной вслѣдствіе увеличенія производства и отъ переработки худшаго

[1]) Показаніе T. Birtwistle'я.

сыраго матеріала. Я думаю, что для рабочихъ усовершенствованія въ машинахъ остались безразличными, вслѣдствіе ухудшенія качества употребляемаго сыраго матеріала, и я полагаю возможнымъ принять, что ихъ работа сдѣлалась болѣе интензивной, по крайней мѣрѣ, соотвѣтственно увеличенію числа веретенъ и т. д.".

Непосредственныя свидѣтельства, касающіяся этой наиболѣе высоко развитой машинной промышленности, повидимому, оправдываютъ общее мнѣніе, высказанное проф. Никольсономъ: „Очевидно, что употребленіе машинъ, хотя, повидимому, и сберегающихъ трудъ, часто ведетъ къ увеличенію въ *количествѣ труда*, отрицательно, не развивая умъ положительно, причиняя вредъ организму" [1]).

§ 3. Машины и продолжительность рабочаго дня. Когда необходимо какое либо мускульное или иное физическое усиліе, то представляется достаточно яснымъ, что увеличеніе продолжительности или бóльшая непрерывность въ болѣе слабомъ усиліи можетъ обременять организмъ почти такъ же тяжело, какъ менѣе частое или постоянное приложеніе гораздо большей органической силы. Не можетъ быть сомнѣнія, что въ промышленномъ обществѣ со свободной конкуренціей существуетъ тенденція компенсировать всякое сбереженіе грубой мускульной или иной физической энергіи, причиняемое примѣненіемъ машинъ, двумя путями: во-первыхъ, „ускоряя работу" т. е. побуждая рабочаго управлять большимъ количествомъ машинъ или работать болѣе быстро, увеличивая такимъ образомъ напряженіе, если не мускуловъ, то нервовъ; во-вторыхъ, расширяя продолжительность рабочаго дня. Болѣе легкая форма труда, распредѣленная на большій періодъ времени, или увеличенное

---

1) Op. cit. стр. 82. Баббеджъ, выдвигая „выгоды" машинъ, дѣлаетъ остроумное замѣчаніе относительно этой „подгоняющей" силы. „Одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ выгодъ, получаемыхъ нами отъ машинъ, есть счетъ, который онѣ представляютъ противъ невнимательности, лѣни или плутовства работника-человѣка" (Economy of Machinery, стр. 39; ср. также Ure, Prilosophy of Manufacture, стр. 30)

количество слабыхъ мускульныхъ усилій, замѣнившихъ меньшее количество болѣе тяжелыхъ усилій въ тотъ же періодъ времени, можетъ естественно вести къ большему обремененію жизненной энергіи. Неоспоримо, что общій результатъ фабричной системы заключался въ увеличеніи средней продолжительности рабочаго дня, если мы возьмемъ въ соображеніе всю область машиннаго производства въ современныхъ промышленныхъ странахъ. Оно только отчасти можетъ быть приписано тому обстоятельству, что рабочіе могутъ быть вынуждены продавать тотъ же самый дневной запасъ физической энергіи, что и прежде, тогда какъ во многихъ случаяхъ болѣе длинное время необходимо для ея израсходованія. Другая причина равной силы заключается въ томъ, что наибольшая выгода отъ машинъ достигается посредствомъ большей продолжительности работы. Совокупное дѣйствіе этихъ двухъ силъ и удлинняетъ средній рабочій день. Нѣкоторыя побочныя вліянія, впрочемъ, также заслуживаютъ вниманія, особенно введеніе дешеваго освѣщенія. До дешевой поставки газа рабочее время обыкновенно ограничивалось дневнымъ свѣтомъ. Не раньше перваго десятилѣтія этого вѣка былъ введенъ газъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ, и прошло еще другое поколѣніе раньше, чѣмъ онъ перешелъ въ общее употребленіе въ мануфактурахъ и въ магазинахъ [1]). Теперь часть дня, посвящавшаяся естественному отдыху, была присоединена къ рабочему дню. Существуютъ, конечно, и могучія соціальныя силы, дѣйствующія въ пользу сокращенія рабочаго дня, и эти силы во многихъ отрасляхъ промышленности получаютъ очень значительную, хотя и косвенную, поддержку мощь отъ машинъ. Пожалуй, было бы правильно сказать, что машины развиваютъ двѣ противоположныхъ тенденціи относительно продолжительности рабочаго дня. Наиболѣе прямое экономическое вліяніе ихъ благопріятствуетъ расширенію числа рабочихъ часовъ, ибо машина, не знающая усталости, теряющая силу вслѣдствіе бездѣйствія, благопріятствуетъ непрерывности работы. Но, если увеличеніе хо-

---

1) Porter, Progress of the Nations, стр. 590.

да и сложности высоко организованнаго механизма обременяетъ человѣческую энергію съ возрастающей суровостью и требуетъ увеличеннаго человѣческаго напряженія въ данное время, начинаетъ обнаруживаться нѣкоторая абсолютная выгода ограничить рабочій день и становится все болѣе выгоднымъ работать на машинѣ меньше часовъ или, если возможно, примѣнять „смѣны" рабочихъ [1]).

Но въ настоящей стадіи машиннаго развитія система короткаго рабочаго дня достижима только въ немногихъ производствахъ и въ немногихъ странахъ, общая же тенденція обнаруживается пока въ направленіи расширенія рабочаго дня [2]). Полное значеніе ея не ограничивается тѣмъ фактомъ, что все бо́льшая часть времени рабочихъ тратится въ возрастающемъ однообразіи производства. Приросту въ реальной заработной платѣ или пріобрѣтательной силѣ, какая можетъ достаться имъ отъ увеличенія производительной силы машинъ должно быть противопоставлено сокращеніе ихъ времени для потребленія и слѣдующее за нимъ умаленіе субъективной цѣнности предметовъ ихъ потребленія. Цѣнность болѣе короткаго рабочаго дня заключается не только въ уменьшеніи тяжести труда, имъ приносимаго, но также и въ томъ обстоятельствѣ, что увеличеніе потребительнаго времени даетъ возможность рабочимъ вполнѣ утилизировать свои пріобрѣтенныя потребительныя блага и наслаждаться различными видами „свободнаго богатства" [3]). По скольку машина превратила ручнаго рабочаго въ управителя машиной, въ высшей степени сомнительно, уменьшило ли это обстоятельство напряженіе его энергіи, хотя мы поколебались бы вполнѣ подписаться подъ нѣсколько реторическимъ вердиктомъ Милля: „еще вопросъ, облегчили ли всѣ механическія изобрѣтенія дневной трудъ какого либо человѣческаго существа". Во всякомъ случаѣ мы до сихъ поръ не имѣемъ увѣренности, что машины, находящіяся въ

---

1) Ср. Schulze- Gaevernitz, стр. 115.
2) Подробное разсмотрѣніе этого предмета въ слѣдующей главѣ.
3) Ср. Patten, The Theory of Dynamic Economic гл. IX.

собственности лицъ, которыя сами не работаютъ ни нихъ, не будутъ утилизироваться такимъ способомъ, чтобы увеличить физическое напряженіе тѣхъ, кто работаетъ. „Есть соблазнъ, какъ говоритъ Кённингемъ, смотрѣть на машину какъ на главный элементъ въ производствѣ и дѣлать изъ нея мѣру того, что долженъ сработать человѣкъ, вмѣсто того, чтобы разсматривать человѣка, какъ первое соображеніе, и машину, какъ инструментъ, ему помогающій; машина можетъ быть поставлена на первое мѣсто, и человѣкъ можетъ разсматриваться, какъ простой рабъ для ухода за ней“ [1]).

§ 4. Воспитательное значеніе работы при помощи машины. Теперь перейдемъ къ вопросу объ „однообразіи“. Обнаруживается ли въ механизмахъ тенденція дѣлать трудъ болѣе или менѣе однообразнымъ, воспитывать рабочаго или оскотинивать его? Становится ли трудъ болѣе осмысленнымъ при машинѣ? Проф. Маршаль, который внимательно изслѣдовалъ этотъ вопросъ, склоняется въ пользу машины. Она устраняетъ ручное искусство, но замѣняетъ его болѣе высокими и осмысленными видами искусства[2]). „Чѣмъ болѣе сложно дѣйствіе машины, тѣмъ больше соображенія и заботливости требуетъ она отъ тѣхъ, кто смотритъ за нею“ [3]). Такъ какъ машины ежедневно становятся все болѣе и болѣе сложными, то отсюда слѣдуетъ, что управленіе механизмомъ должно становиться все болѣе и болѣе осмысленнымъ. Таково же и мнѣніе г. Кука Тэйлора (Cooke Taylor) высказываемое имъ въ заключительной главѣ его замѣчательнаго труда „The Modern Factory System“. „Если бы человѣкъ былъ только разумнымъ животнымъ, едва ли можно было отрицать, кажется намъ, что послѣдствія фабричной системы оказывали большое воспитательное вліяніе“ [4]). Тэйлоръ дѣйствительно допускаетъ относительно рабочаго населенія, что „они понизились въ артистическомъ отноше-

---

1) Uses and Abuses of Money. стр. 111.
2) Principles, стр. 315.
3) Ibid. стр. 316.
4) Стр. 435.

ніи; но искусство есть скорѣе дѣло способности, чувства наклонности, чѣмъ интеллекта". Это странное отдѣленіе *искусства* отъ *интеллекта* и *нравственныхъ качествъ*, особенно когда вспомнить, что сама *жизнь* есть тончайшее и наиболѣе цѣнное изъ *искусствъ*, едва ли встрѣтитъ одобреніе со стороны болѣе глубокихъ изслѣдователей экономическихъ движеній. Въ нашей послѣдней главѣ мы разсмотримъ съ большей подробностью настоящее значеніе этого предположенія.

На вопросъ о непосредственномъ интеллектуальномъ вліяніи машиннаго производства нельзя дать положительнаго отвѣта. Возможно въ одно и то же время и согласиться съ Тэйлоромъ, что рабочіе становятся все болѣе интеллигентными и что ихъ соприкосновеніе съ машинами имѣетъ извѣстное воспитательное вліяніе, и отрицать, чтобы прямыя послѣдствія машинъ для рабочихъ были благопріятны для широкой выработки интеллектуальныхъ качествъ сравнительно съ различными видами болѣе свободнаго и менѣе спеціализированнаго ручнаго труда. Повышеніе интеллектуальнаго уровня городскихъ рабочихъ, (если допустить, что этотъ процессъ существуетъ) можетъ быть приписано скорѣе тысячѣ и одному вліянію городской жизни, чѣмъ машинамъ, если оставить въ сторонѣ косвенное вліяніе послѣднихъ, такъ какъ современный промышленный центръ самъ по себѣ является созданіемъ машины [1]). Въ настоящее время, я думаю, невозможно высказать какого либо яснаго или опредѣленнаго сужденія. Но нижеслѣдующія соображенія, какъ кажется, должны имѣть извѣстный вѣсъ при составленіи нами мнѣнія по этому поводу.

---

1) Подобное же затрудненіе въ различеніи городскихъ вліяній отъ специфическихъ промышленныхъ вліяній отмѣчено др. Арлиджомъ въ его изслѣдованіи о профессіональныхъ болѣзняхъ. „Наиболѣе трудная задача - рѣшить, особенно въ случаѣ промышленнаго городскаго населенія, на сколько его болѣзни являются продуктами города и насколько продуктами профессіи; почти всегда преобладаетъ первый случай. (Arlidge, Diseases of Occupations, стр. 33).

Ростъ машинъ дѣйствовалъ, какъ чрезвычайный стимулъ къ изученію естественныхъ законовъ. Все болѣе и болѣе значительная доля человѣческихъ усилій поглощалась въ процессахъ изобрѣтенія, въ коммерческой дѣятельности увеличенныхъ размѣровъ и сложности и въ такомъ управленіи машинами и людьми, которое нуждается въ высокихъ интеллектуальныхъ способностяхъ наблюдательности, смысла и спекулятивнаго воображенія и воспитываетъ ихъ. Относительно той части рабочихъ, которые, можно сказать, въ извѣстныхъ предѣлахъ управляютъ механизмомъ, не можетъ быть спора, что общее послѣдствіе машиннаго производства было для нихъ въ высокой степени воспитательнымъ.

Возрастаніе размѣровъ, силы, скорости, сложности машинъ, безъ сомнѣнія, дѣлала работу этого класса рабочихъ „болѣе осмысленной“. Извѣстная доля этихъ воспитательныхъ вліяній распространяется даже и на рабочихъ, которые наблюдаютъ за небольшою частью машины, поскольку надлежащее исполненіе ихъ труда требуетъ отъ нихъ пониманія иныхъ процессовъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ прямо и непосредственно прилагается ихъ трудъ.

Подобное соображеніе должно относиться, напр., къ искусному труду приготовленія и исправленія машины. Механическій заводъ и другіе мастерскія становятся съ каждымъ годомъ все болѣе важнымъ факторомъ въ оборудованіи фабрики или завода. Но хотя „поломки“ по существу случайны и должны всегда давать мѣсто для находчивости при ихъ исправленіи, даже въ механической мастерской существуетъ та же тенденція со стороны машинъ захватывать всякое дѣло ремонта, которое можетъ быть подведено подъ рутину. Такимъ образомъ искусный трудъ въ приготовленіи и исправленіи машинъ непрерывно сокращается до минимума и не можетъ быть разсматриваемъ, какъ расположенъ разсматривать его проф. Никольсонъ, въ качествѣ фактора возрастающей важности, соединеннаго съ машиннымъ производствомъ. Чѣмъ больше употребляется машинъ, тѣмъ больше, могло бы казаться, нужно будетъ искусной работы приготовленія и исправленія. Но быстрота, съ которой машины

вторгаются, въ эти функціи, перетягиваетъ вѣсы въ обратную сторону, по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло касается приготовленія машинъ. Статистическія данныя относительно количества рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ машинъ и орудій, показываютъ, что отношеніе его къ общему рабочему населенію увеличивается; но степень этого увеличенія вовсе не пропорціональна степени увеличенія употребленія машинъ. Тогда какъ процентное отношеніе рабочихъ, занятыхъ производствомъ машинъ и орудій, растетъ отъ 1,7 въ 1861 до 1,8 въ 1871, 1,9 въ 1881, до 2,0 въ 1891, приблизительное увеличеніе паровой силы въ фабричныхъ машинахъ и локомотивахъ показываетъ гораздо болѣе быстрый приростъ—съ 2.100.000 паровыхъ лошадиныхъ силъ въ 1860 до 3.040.000 въ 1870 и 5.200.000 въ 1880году [1]). Кромѣ того увеличилась доля производства машинъ для экспортной торговли, такъ что значительное количество труда, занятаго этой дѣятельностью, не нужно для поддержанія снабженія машинъ, употребляемыхъ въ англійской промышленности. Въ починкѣ машинъ экономія, доставляемая системой замѣняющихъ одна другую частей, имѣетъ все возрастающую важность и также стремится довести до минимума искусный трудъ починки [2]).

Наконецъ, должно помнить, что въ различныхъ крупныхъ индустріяхъ, гдѣ машины занимаютъ выдающееся мѣсто, масса труда не направляется непосредственно машиной. Этотъ фактъ былъ уже отмѣченъ относительно желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Характеръ машины, конечно, отражается на нихъ въ различныхъ степеняхъ, но въ большинствѣ случаевъ существуетъ значительная сумма свободы дѣйствія и простора для индивидуальнаго искуства и трудолюбія.

Хотя количество умственной силы и искуства, прилагаемыхъ къ изобрѣтенію, примѣненію и управленію машинами, постоянно возрастаетъ, авторитетныя сужденія практиковъ

---

[1]) Mulhall, Dictionary of Statistics, стр. 545.

[2]) Ср. Marshall, principles of Economics, Vol. I, стр. 315.

почти единодушно соглашаются въ томъ, что отношеніе, въ которомъ этотъ искусный трудъ находится къ совокупности труда въ машинномъ производствѣ, постоянно уменьшается. Теперь, полагая на одну сторону эту малую долю интеллигентнаго труда, что мы должны сказать о трудѣ тѣхъ, кто, при мелочномъ подраздѣленіи, усиливаемомъ машинами, вынужденъ проводить свою трудовую жизнь въ наблюденіи за какой нибудь малой частью одной машины, весь результатъ которой состоитъ въ непрерывномъ проталкиваніи какого нибудь одного товара на одинъ шагъ впередъ въ его пути отъ сыраго матеріала къ оконченному благу?

Фабрика организуется съ военной точностью, работа отдѣльнаго лица точно опредѣлена для него; онъ ничего не можетъ сказать ни о планѣ своей работы, ни о ея окончательной формѣ или конечной цѣли. „Постоянная работа надъ выполненіемъ одной шестьдесятъ-четвертой доли башмака не только не даетъ никакого поощренія умственной дѣятельности, но своею монотонностью притупляетъ мозгъ рабочаго до такой степени, что почти утрачивается способность мыслить и разсуждать“.[1])

Работа наблюденія за машиной, говорятъ, требуетъ соображенія и внимательности. Этого требовалъ ручной трудъ, пока его не захватила машина. Теперь „соображеніе и внимательность“ рабочаго ограничены болѣе узкими предѣлами, чѣмъ раньше. Отвѣтственность рабочаго больше именно потому, что его работа сужена на столько, что находится въ тѣсной зависимости и связи со множествомъ другихъ рабочихъ въ другихъ частяхъ той же машины, къ которымъ онъ не имѣетъ никакого личнаго касательства. Эта бо́льшая отвѣтственность является элементомъ воспитанія нравственнаго и умственнаго. Но этотъ выигрышъ есть прямой результатъ мелочнаго подраздѣленія и поэтому долженъ разсматриваться, какъ пріобрѣтаемый посредствомъ суженія занимательности и возрастанія однообразія работы. Является вопросъ, получаетъ ли значительное большинство

---

[1]) D. A. Wells, Contemporary Review, 1889, стр. 392.

рабочихъ при машинѣ какое либо болѣе или менѣе важное воспитательное вліяніе отъ того обстоятельства, что машина, въ сотрудничествѣ съ которой они работаютъ, представляетъ громадное воплощеніе тонкаго искуства и изобрѣтательности тысячи дѣятельныхъ умовъ, хотя и можно признать нѣкоторое значеніе за утвержденіемъ, что „уже одно зрѣлище обнаруженнаго искуства и величія совершаемыхъ операцій на фабрикѣ едва ли можетъ обойтись безъ извѣстнаго воспитательнаго дѣйствія“ [1]). Отсутствіе какой либо настоящей подготовки на современныхъ фабрикахъ препятствуетъ детальному рабочему понять способъ и истинное значеніе даже такихъ процессовъ, которые тѣсно связаны съ тѣми, въ которыхъ онъ самъ занятъ. Обыкновенный рабочій, наблюдающій за машиной, за исключеніемъ очень немногихъ случаевъ, напр., производства часовъ, не имѣетъ никакого общаго представленія о работѣ цѣлаго отдѣленія. Теперешнія условія не даютъ возможности рабочему извлечь изъ машинъ то воспитательное вліяніе, какое онъ могъ бы извлечь. Проф. Никольсонъ выражается съ сомнѣніемъ относительно воспитательнаго значенія машины. „Машина сама по себѣ не имѣетъ тенденціи развивать умъ, какъ это дѣлаютъ море и горы, но она и не обусловливаетъ непремѣнно и ухудшенія общихъ умственныхъ способностей“ [2]). Д-ръ Арлиджъ высказываетъ болѣе опредѣленное сужденіе. „Вообще говоря, можно утверждать относительно машинъ, что онѣ требуютъ мало или и вовсе не требуютъ мозговаго напряженія со стороны лицъ, связанныхъ съ ихъ дѣйствіями; онѣ не порождаютъ никакого интереса и не имѣютъ въ себѣ ничего развивающаго или освѣщающаго умъ, хотя онѣ и могутъ изощрять зрѣніе и стимулировать мускульную дѣятельность въ какомъ нибудь одномъ ограниченномъ направленіи“ [3]).

---

[1]) Taylor, Modern Factory System, стр. 435.

[2]) См. сравненіе условій городскаго и сельскаго труда у Ад. Смита. *Богатство народовъ*, кн. I, гл. X, часть 2.

[3]) Diseases of Occupations, стр. 25, 26.

Работа наблюденія за машиной, естественно, никогда не бываетъ совершенно автоматической или лишенной произвольности и ловкости. До извѣстной ограниченной степени „надсморщикъ" надъ машиной такъ же направляетъ ее, какъ и служитъ машинѣ. Благодаря наблюденію, чтобы его часть машины работала въ точномъ соотвѣтствіи съ остальными, развиваются качества внимательности, смышленности и отвѣтственности. Вмѣсто обычной ловкости руки и глаза, которая быстро превращается въ инстинктъ, часто ставится рядъ приспособленій, требующихъ точнаго количественнаго измѣренія и сознательнаго отношенія къ точнымъ образцамъ. Въ такихъ отрасляхъ промышленности, какъ производство часовъ, фабричный рабочій, хотя для средней своей работы и нуждается въ меньшей ручной ловкости, чѣмъ ручной рабочій при старомъ способѣ, можетъ извлечь болѣе умственнаго упражненія во время своей работы. Но, хотя экономисты удѣляли много вниманія этой промышленности, въ отношеніи характера наблюденія за машиной она не является среднимъ примѣромъ для сравненія машиннаго труда; ибо чрезвычайная тонкость многихъ изъ операцій даже при машинахъ, отвѣтственность, сопряженная съ обработкой дорогаго матеріала, и тщательное приспособленіе многочисленныхъ мелкихъ частей даютъ возможность рабочему на часовой фабрикѣ извлекать больше интереса и болѣе умственной дрессировки изъ своей работы, чѣмъ приходится обыкновенному рабочему на волокно-или металлообрабатывающей фабрикѣ. Вездѣ, гдѣ матеріалъ отличается очень тонкими качествами и процессы сопряжены съ извѣстнымъ тщательнымъ изученіемъ индивидуальныхъ свойствъ каждой части матеріала, какъ въ случаѣ болѣе цѣнныхъ металловъ, нѣкоторыхъ видовъ посуды, шелка или кружевъ, элементы мысли и искуства продолжаютъ возбуждаться и могутъ даже усиленно требоваться и при машинномъ производствѣ. Значительная часть современной изобрѣтательности, впрочемъ, направлена на выдумываніе автоматическихъ регуляторовъ и показателей, чтобы сдѣлать ненужнымъ искуство человѣка и сократить произвольные или требующіе

осмысленности элементы въ машинной работѣ до минимума. Когда этотъ минимумъ достигается, высоко оплачиваемый искусный рабочій—мужчина уступаетъ свое мѣсто низко оплачиваемой женщинѣ или ребенку, или же процессъ даже всецѣло переходитъ въ руки машины. Пока, однако, человѣческій трудъ продолжаетъ сотрудничать съ машинами, извѣстные элементы мышленія и произвольности сопряжены съ нимъ и они должны приниматься въ соображеніе при оцѣнкѣ прямаго воспитательнаго вліянія машинъ. Но, хотя эти умственныя качества не должны упускаться изъ вида, не должно приписывать имъ и преувеличенной важности. Люди несвѣдущіе часто склонны слишкомъ высоко цѣнить значеніе искусной работы спеціалиста. Недавно одинъ смотритель желѣзнодорожнаго депо былъ спрошенъ о качествѣ машиниста. „На основаніи тридцатилѣтняго опыта онъ горячо заявилъ, что самые лучшіе машинисты были тѣ, которые въ своей работѣ оказывались наиболѣе механическими и неинтеллигентными, которые менѣе всего заботились о внутреннемъ механизмѣ машинъ“[1]). А между тѣмъ работа машиниста несравненно менѣе механическая и однообразная, чѣмъ обыкновенное наблюденіе за машиной.

По скольку человѣкъ слѣдуетъ за машиной и его работа опредѣляется для него механической необходимостью, воспитательное вліяніе послѣдней силы должно быть преобладающимъ. Машина, какъ и все другое, можетъ учить только тому, что она дѣлаетъ. Порядокъ, точность, постоянство, подчиненіе непреклонному закону—вотъ уроки, которые могутъ истекать изъ машины. Они имѣютъ важное значеніе, какъ элементы въ образованіи умственнаго и нравственнаго характера. Но они же способствуютъ одностороннему и очень несовершенному воспитанію. Машина можетъ точно воспроизводить; она можетъ, поэтому, преподать урокъ точнаго воспроизведенія, воспитаніе количественныхъ измѣреній. Недостатокъ механизма, съ воспитательной точки зрѣнія, это его абсолютный консерватизмъ. Законъ меха-

---

[1]) The Social Horizon, стр. 22.

низма есть законъ статическаго порядка; все согласуется съ образцомъ, теперешнія дѣйствія точно походятъ на прошедшія и будущія дѣйствія. Но законъ человѣческой жизни есть законъ динамическій, нуждающійся въ порядкѣ не какъ въ вещи, цѣнной сама по себѣ, но какъ въ условіи прогресса. Законъ человѣческой жизни заключается въ томъ, что ни одинъ опытъ, ни одна мысль или чувство не являются точной копіей какого либо другаго. Поэтому, если вы заставляете человѣка расходовать свою энергію, стараясь точно сообразоваться съ движеніемъ машины, вы учите его отрицанію истиннаго принципа жизни. Разнообразіе есть сущность жизни, а машина—врагъ разнообразія. Это аргументъ не противъ воспитательнаго значенія машинъ, но только противъ преувеличенія этого значенія. Если рабочій тратитъ разумную долю своей энергіи, слѣдуя движеніямъ машины, онъ можетъ получить значительную воспитательную цѣнность; но онъ долженъ имѣть также и время и энергію для культивированія произвольныхъ и прогрессивныхъ искуствъ жизни.

§ 5. Нивеллирующая тенденція машины. Подчиненіе индивидуальныхъ способностей въ работѣ. Часто утверждаютъ, что тенденція машинъ—не только дѣлать болѣе однообразной дѣятельность идивидуальнаго рабочаго, но и уменьшать индивидуальныя различія въ рабочихъ. Этотъ взглядъ находитъ выраженіе въ словахъ: „всѣ люди равны передъ машиной“. Посколькy машина переноситъ на естественныя силы работу, которая должна бы была обременять человѣческіе мускулы, она, несомнѣнно, стремится подвести подъ одинъ уровень рабочихъ съ различными мускульными способностями. При этомъ, такъ какъ она устраняетъ работу, которая требуетъ большой точности движеній, то въ извѣстномъ смыслѣ справедливо, что машина стремится свести рабочихъ къ общему уровню искуства или даже не-искусства.

„Вездѣ, гдѣ процессъ нуждается въ особенной ловкости и быстротѣ руки, онъ отнимается какъ только возможно скоро отъ искуснаго рабочаго, который доступенъ непра-

вильностямъ разнаго рода, и передается спеціальному механизму, настолько само-регулирующемуся, что наблюденіе за нимъ можетъ быть ввѣрено ребенку"[1]).

Можно согласиться, что это утвержденіе не вѣрно относительно наиболѣе высокой степени искусной или квалифицированной работы, но оно вполнѣ примѣняется къ массѣ менѣе искуснаго труда. Благодаря машинамъ, т. е. сжатому воплощенію искусства изобрѣтателя, неловкій или слабый рабочій дѣлается способнымъ наблюдать за наиболѣе сложными движеніями совершенно одинаково съ болѣе искуснымъ рабочимъ. Конечно, поштучная работа, примѣняемая въ волокно-и металло-обработывающихъ производствахъ, показываетъ, что и наиболѣе совершенныя машины не уничтожили еще совсѣмъ индивидуальныхъ различій между однимъ и другимъ рабочимъ. Но, если и допустить, что различіе въ упомянутой поштучной заработной платѣ точно соотвѣтствуетъ различію въ искусствѣ или ловкости работы, чего вовсе нѣтъ въ дѣйствительности,—все же представляется очевиднымъ, что меньше различія способностей между машинными рабочими, чѣмъ между рабочими, занятыми въ такомъ производствѣ, гдѣ работа требуетъ большей мускульной силы или совершается человѣческимъ искусствомъ съ помощью болѣе простыхъ орудій. Различіе въ производительной способности между англичаниномъ и индусомъ значительно больше, чѣмъ различіе между лэнкаширскимъ фабричнымъ рабочимъ и рабочимъ на одинаково хорошо оборудованной и благоустроенной бомбейской фабрикѣ.

Но это еще далеко не все, что заключается въ выраженіи: „равенство рабочихъ предъ машиною". Наиболѣе важнымъ факторомъ является, быть можетъ, доступность машины слабымъ мускуламъ и умственному развитію женщинъ и дѣтей. Машина въ своемъ развитіи стремится придавать все меньше значенія мускульной силѣ и высокому индивидуальному искусству въ массѣ рабочихъ, а все больше и больше извѣстнымъ качествамъ организма и ума, въ ко-

---

[1]) Ure, Philosophy of Manufacture, стр. 19.

торыхъ не только существуетъ менѣе значительное различіе между людьми, но и относительно которыхъ женщины и дѣти стоятъ почти на одномъ уровнѣ съ мужчинами. Конечно, справедливо, что значительныя различія въ индивидуальномъ искусствѣ и силѣ продолжаютъ существовать и въ типичной машинной промышленности. „Машинное тканье, напримѣръ, какъ ни просто оно кажется, раздѣляется на болѣе высокія и болѣе низкія степени и большинство тѣхъ, кто работаетъ въ низшихъ степеняхъ, не годятся для тканья различными цвѣтами“ [1]). Но всетаки общее дѣйствіе машинъ состоитъ болѣе въ уменьшеніи, чѣмъ въ увеличеніи индивидуальныхъ различій въ производительности. Тенденція машинной промышленности замѣнять мужской трудъ женскимъ поставлена внѣ всякихъ сомнѣній статистикой занятій въ Англіи, которая показываетъ съ 1851 г. правильное и значительное повышеніе отношенія числа рабочихъ женщинъ къ числу мужчинъ въ большей части отраслей обработывающей промышленности, и только законодательныя ограниченія и, въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ, здоровое общественное мнѣніе препятствуетъ экономической силѣ дѣйствовать въ равной степени относительно дѣтей.

Тѣ простыя качества тѣсно ограниченной заботливости и смышленности, мелочной внимательности, регулярности и терпѣливости, которыя являются отличительными особенностями машиннаго труда, суть общія человѣческія качества въ томъ смыслѣ, что они доступны всѣмъ и что даже въ степени ихъ развитія меньше разницы между хорошо подготовленнымъ взрослымъ механикомъ и необученнымъ „полурабочимъ“ (half-timer), чѣмъ въ развитіи такихъ свойствъ, которыя машина сдѣлала ненужными. Должно признать, что машины оказываютъ извѣстное уравнивающее дѣйствіе, придавая все большую и большую важность тѣмъ способностямъ, которыя являются видовыми, сравнительно съ тѣми, которыя являются индивидуальными [2]).

---

[1]) Marshall, Principles of Economics, стр. 265.

[2]) Ср. главу X.

„Общія способности" начинаютъ играть болѣе важную роль въ промышленности, чѣмъ спеціальная способность, и, хотя могутъ существовать значительныя различія въ „общихъ способностяхъ" отдѣльныхъ лицъ, эти различія будутъ меньше, чѣмъ въ спеціальныхъ способностяхъ [1]).

Наконецъ, непосредственное вліяніе машинъ на качество труда весьма различно въ зависимости отъ отношенія, существующаго между рабочимъ и машиной. Ихъ воспитательное вліяніе, умственное и нравственное, на тѣхъ, кто занимается изобрѣтеніемъ, веденіемъ и управленіемъ машинной промышленности, и на всѣхъ тѣхъ, кто работаетъ около машинъ, но не управляетъ спеціальной машиной, имѣетъ совершенно неодинаковый возвышающій характеръ. Во всякомъ случаѣ ихъ дѣйствіе на людей, работающихъ при помощи машинъ при такихъ условіяхъ, что вслѣдствіе продолжительности рабочаго дня или интензивности физическихъ усилій, онѣ истощаютъ производительную энергію рабочихъ, выражается въ подавленіи ихъ жизненности и въ пониженіи ихъ въ ряду человѣчества вслѣдствіе чрезмѣрной привычки къ согласованію съ автоматическими движеніями неодушевленнаго двигателя. Этотъ вредъ человѣку вовсе недостаточно уравновѣшивается сопровождающимъ его воспитаніемъ привычки къ рутинѣ и регулярности или слабымъ пониманіемъ широкихъ кооперативныхъ цѣлей и способовъ машинной промышленности, которое даетъ ему возможность пріобрѣсти его работа.

---

[1]) Ср. Marshall, стр. 265.

ГЛАВА X-я.

Экономія высокой заработной платы.

§ 1. Экономія низкой заработной платы. Теорія „естественнаго“ размѣра заработной платы, опредѣляемаго одними потребностями существованія, которая впервые была ясно формулирована въ сочиненіяхъ Кенэ и такъ называемой школы физіократовъ, представляла собой почти лишь простое обобщеніе фактическаго положенія труда во Франціи. Но возведеніе этого фактическаго состоянія, обобщаемаго фразой: „il ne gagne que sa vie“, до положенія естественнаго закона, обусловливалось общей вѣрой въ то, что болѣе высокій размѣръ заработной платы не ведетъ къ соотвѣтствующему увеличенію продуктовъ труда, что предпринимателю не выгодно давать плату выше необходимой для пропитанія и воспроизведенія рабочихъ. Эта догма политики дешеваго труда, усвоенная въ нѣсколько измѣненной формѣ многими передовыми англійскими экономистами первой половины XIX столѣтія, господствовала въ теоріи и косвенно вліяла на практику промышленнаго міра. Правда, Адамъ Смитъ въ обще-извѣстномъ мѣстѣ своего труда далъ сильное выраженіе иному воззрѣнію на отношеніе между трудомъ и заработной платой: „Щедрое вознагражденіе за трудъ, содѣйствуя размноженію народонаселенія, усиливаетъ и трудолюбіе низшихъ классовъ народа. Трудолюбіе поощряется заработной платою и, подобно прочимъ качествамъ человѣка, совершенствуется въ размѣрѣ получаемаго вознагражденія“ [1]). Но ученіе Рикардо и экономистовъ, наи-

---

[1]) Wealth of Nations, vol. I p. 86. (Русскій переводъ Бибикова т. I стр. 225).

болѣе тѣсно примыкавшихъ къ его взгляду на народное хозяйство, всецѣло склонялось на сторону низкой заработной платы, какъ прочнаго базиса промышленнаго прогресса.

Въ Англіи доктрина экономіи низкой заработной платы едвали нуждалась въ формальной поддержкѣ ученаго экономиста. Она уже была глубоко укоренившимся убѣжденіемъ „дѣловаго человѣка“ XVIII вѣка, который наставительно разсуждалъ объ излишествахъ, происходящихъ отъ высокой заработной платы, совсѣмъ въ духѣ современнаго дѣльца. Едва ли можно принять за пародію слѣдующій образъ размышленія:

„Бѣднякъ въ мануфактурныхъ центрахъ никогда вообще не будетъ работать больше времени, чѣмъ сколько ему требуется на прожитье и на еженедѣльные кутежи. Вообще мы можемъ съ основаніемъ утверждать, что пониженіе заработной платы въ шерстяныхъ мануфактурахъ было народнымъ благомъ и выгодой и не причинило дѣйствительнаго ущерба бѣдняку. Этими средствами мы могли поддержать свое производство, поднять свои ренты и, вдобавокъ, преобразовать простой народъ“. (Smith's Memoires on Wool, vol. II, p. 308.

Сравните съ этимъ часто повторяемое Артуромъ Юнгомъ (Arthur Young) требованіе, что ренту слѣдуетъ возвысить, дабы поднять фермерство [1]). Также Юре (Ure), почти столѣтіемъ позднѣе, хотя въ главномъ выводѣ своимъ высказывается въ пользу „экономіи высокой заработной платы“ какъ на томъ основаніи, что она вызываетъ лучшее качество работы, такъ и потому, что дѣлаетъ рабочаго человѣка удовлетвореннымъ, все же не въ состояніи избѣжать прямаго противорѣчія въ своихъ взглядахъ, высказывая мысли въ родѣ слѣдующихъ:

„Высокая заработная плата, вмѣсто того чтобы вести къ признательности и нравственному улучшенію, покровительствовала спѣси и давала средства къ поддержанію упорства въ стачкахъ, безъ причины обрушивающихся то на одинъ рядъ заводчиковъ, то на другой по всѣмъ округамъ Лэнкашира, съ цѣлію низвести страну до положенія рабства“ (Philosophy of Manufacture, p. 366).

Также въ другомъ мѣстѣ (стр. 298): „Дѣйствительно, ихъ высшая заработная плата давала имъ возможность содер-

---

[1]) Cp. Northern Tour, vol. II, p. 86.

жать въ изобиліи кассы рабочихъ союзовъ, а самимъ насыщаться до нервныхъ разстройствъ пищей, слишкомъ сытной и возбудительной для ихъ сидячаго занятія".

Попытки Роберта Оуэна возвысить заработную плату и сократить число рабочихъ часовъ въ его Нью-Лэнаркскихъ фабрикахъ оказалось совершенно безсильными убѣдить его собратьевъ фабрикантовъ въ томъ, что высокая степень комфорта среди рабочихъ можетъ принести соотвѣтствующее увеличеніе производительности работы.

Исторія первоначальнаго развитія фабричной системы, при которомъ быстро создавались богатства, благодаря чрезмѣрному труду дѣтей и малосильныхъ взрослыхъ рабочихъ, оплачиваемому такой цѣной, которой въ большинствѣ случаевъ не хватало даже собственно на пропитаніе, поселила въ умахъ коммерсантовъ неопровержимое убѣжденіе въ пользу „дешеваго труда" и на полстолѣтія поставила политическую экономію въ борьбу съ зарождающимися чувствами гуманности [1]. Даже теперь часто высказываемое въ Но-

---

[1]) Правда, что крайніе защитники фабрикъ противъ прежняго законодательства иногда имѣли смѣлость поддерживать „экономію высокой заработной платы" и утверждать, что практика первыхъ фабрикантовъ руководилась ею. Такъ Юрэ говоритъ: „Главная причина, почему заработная плата такъ высока, заключается въ томъ, что она составляетъ незначительную часть цѣнности произведеннаго товара, а между тѣмъ, доведенная скареднымъ хозяиномъ до слишкомъ низкаго размѣра, сдѣлаетъ его работниковъ менѣе рачительными и отразится на качествѣ ихъ работы болѣе чувствительно, чѣмъ сколько ему удается выгадать въ платѣ. Чѣмъ меньше относительный размѣръ платы по сравненію со стоимостью товаровъ, тѣмъ, вообще говоря, выше воздаяніе за трудъ. Благоразумный хозяинъ тонкопрядильныхъ фабрикъ меньше всего склоненъ противодѣйствовать заработку своихъ прядильщиковъ и никогда не согласится понизить его, пока не будетъ рѣшительно принужденъ къ тому недостаточностью вознагражденія за капиталъ и искусство, вложенныя въ его предпріятіе (Philosophy of Manufacture, p. 330). Это однако не мѣшаетъ д-ру Юрэ нѣсколько дальше указывать на серьезную опасность, въ которую влекутъ стремленія рабочихъ повысить заработную плату промышленность, встрѣчающую конкуренцію „болѣе выгоднаго и послушнаго труда на континентѣ и въ Соед. Штатахъ." (p. 363). И утвержденія д-ра Юрэ, касающіяся высокой заработной пла-

вомъ Свѣтѣ опасеніе на счетъ „соперничества дешеваго труда“ свидѣтельствуетъ о сильномъ переживаніи этой теоріи, которая первымъ принципомъ „хорошаго предпріятія“ считала выдачу возможно низкой заработной платы.

§ 2. Измѣненіе прежней доктрины: данныя Томаса Брассея. Направленіе новѣйшаго мышленія опредѣлилось въ смыслѣ постепенныхъ видоизмѣненій доктрины объ „экономіи низкой заработной платы“. Обычное правило: „если желаешь, чтобы что нибудь было сдѣлано хорошо, долженъ имѣть въ виду заплатить за это“, предполагаетъ нѣкоторую общую увѣренность относительно извѣстнаго соотвѣтствія между работой и платой. Болѣе ясная формулировка этой идеи были дѣломъ ученыхъ экономистовъ, занимавшихся точнымъ изученіемъ сравнительной статистики. Промышленность, въ которой участвовалъ Брассей, крупный желѣзнодорожный предприниматель, представляла ему возможность сдѣлать тщательное сравненіе работы и рабочей платы людямъ разныхъ національностей, и его сынъ, Томасъ Брассей, собралъ и опубликовалъ рядъ фактовъ относительно затронутаго вопроса, которые по отношенію къ нѣкоторымъ разрядамъ труда установили новое соотношеніе между работой и заработной платой. Онъ нашелъ, что англичане, работавшіе на желѣзной дорогѣ Grand Trunk Railway въ Канадѣ и получавшіе отъ 5 до 6 шиллинговъ въ день, исполняли, сравнительно съ денежной суммой, бóльшее количество работы, чѣмъ французы—канадійцы, получавшіе въ день по 3 шил. 6 пенсовъ; что для работъ на ирландскихъ желѣзныхъ дорогахъ выгоднѣе было нанимать англичанъ, платя имъ отъ 3 шил. до 3 шил. 6 пенсовъ, чѣмъ ирландцевъ съ платой отъ 1 шил. 6 пенс. до 1 шил. 8 пенсовъ; что „въ Индіи, хотя стоимость чернаго труда опредѣляется отъ $4^1/_2$ и до 6 пенсовъ въ день, стоимость сооруженія каждой мили желѣзно-

---

ты на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ, не соотвѣтствуютъ тѣмъ статистическимъ даннымъ, которыя приводятся въ прибавленіи къ его же книгѣ (ср. стр. 515). Только мужчины прядильщики получали „высокую“ плату, но за то они должны были вознаграждать труды приглашаемыхъ для себя помощниковъ.

дорожнаго протяженія почти та же, что и въ Англіи"; что за работу въ каменоломняхъ, „на которую наняты были вмѣстѣ французы, ирландцы и англичане, французъ получалъ 3, ирландецъ 4, а англичанинъ 6 франковъ въ день. При такихъ различныхъ платахъ англичанинъ оказался наиболѣе выгоднымъ работникомъ изъ всѣхъ троихъ". Расширяя свои наблюденія на строительные промыслы, на рудокопаніе и на разныя отрасли мануфактурной промышленности, онъ нашелъ общее согласіе въ мнѣніяхъ всѣхъ предпринимателей и иныхъ людей практическаго опыта, пришедшихъ къ одинаковому съ нимъ заключенію. Во Франціи, Германіи и Бельгіи, гдѣ заработная плата и жизненный уровень значительно ниже, чѣмъ въ Англіи, стоимость изготовленія даннаго продукта обходилась не дешевле, а дороже. Въ Соединенныхъ Штатахъ и въ нѣкоторыхъ производствахъ Голландіи, гдѣ благосостояніе находилось на высокой степени, даже высшей, чѣмъ въ соотвѣтствующихъ отрасляхъ англійской промышленности, получалось большее количество работы, или лучшаго качества. Однимъ словомъ, производительность труда, какъ оказывается, довольно правильно измѣняется въ зависимости отъ степени благосостоянія, доставляемаго дѣйствительной заработной платой.

Въ введеніи къ своему сочиненію „Foreign Work and English Wages" Томасъ Брассей поддерживаетъ ту теорію о заработной платѣ, которая часто приписывалась ему и иногда принималась за окончательное выраженіе отношенія между трудомъ и заработной платой, именно, что „стоимость работы, различаясь въ размѣрѣ дневнаго вознагражденія работника, приблизительно одинакова во всѣхъ странахъ". Другими словами, это значитъ, что для даннаго сорта работы существуетъ опредѣленное однобразное отношеніе между заработной платой и производительностью труда для разныхъ земель и различныхъ расъ.

Но согласиться съ этимъ положеніемъ, принимаемымъ за основаніе теоріи относительной заработной платы, препятствуютъ нѣкоторыя возраженія. Прежде всего, въ большей части случаевъ, приводимыхъ въ подтвержденіе этой

теоріи, берется въ соображеніе денежный размѣръ платы и вовсе не принимается во вниманіе разница покупательной силы въ различныхъ странахъ. Для установленія раціональнаго основанія должно взять отношеніе между реальною заработной платой, или средствами къ жизни, и производительностью. Затѣмъ, хотя можно допустить, какъ весьма вѣроятное, что существуетъ нѣкоторое опредѣленное отношеніе между заработной платой и работой, или, другими словами, между мѣрой потребленія и мѣрой производства, однако à priori нѣтъ основаній ожидать, чтобы это отношеніе было одинаково для двухъ такихъ странъ, какъ Англія и Индія, и чтобы съ экономической точки зрѣнія было безразлично, исполненъ ли предметъ работы дешевымъ и относительно непроизводительнымъ трудомъ индуса, или дорогимъ и производительнымъ трудомъ англичанина. Такое ожиданіе могло бы основываться только на одномъ изъ двухъ предположеній.

Первое предположеніе было бы то, что отношенія между заработной платой и работой составляютъ прямую арифметическую прогрессію, такъ что всякая разница въ количествѣ пищи и другихъ предметовъ, потребляемыхъ рабочими, въ точной соразмѣрности отражается и на различіи ихъ производительной энергіи,—положеніе, которое не нуждается въ опроверженіи, потому что нельзя допустить, чтобы производительность труда опредѣлялась только степенью комфорта, доставляемаго заработной платой, а расовыя, климатическія и соціальныя условія не играли никакой роли въ экономическомъ производствѣ. Второе предположеніе было бы допущеніе абсолютной удободвижности капитала и труда, которая приводитъ всѣ промышленные выгоды на всемъ земномъ шарѣ къ одному однообразному уровню, такъ что повсюду существуетъ точное количественное отношеніе между работой и заработной платой, между производствомъ и потребленіемъ. Хотя и можно допустить такъ называемую „тенденцію" къ подобному однообразію, однако, кто знакомъ съ фактами, едва ли будетъ настолько опрометчивъ, чтобы предположить, что это однообразіе достигнуто, хотя бы даже приблизительно.

§ 3. Заработная плата, продолжительность рабочаго дня и количество продукта въ машинномъ производствѣ. Итакъ, нѣтъ основанія предполагать, чтобы заработная плата, номинальная или реальная, имѣла какое либо опредѣленное или даже достаточно приблизительное отношеніе къ результату производительной работы, если принимать во вниманіе какъ количество его, такъ и качество. И въ дѣйствительности данныя, собранныя Т. Брассеемъ, не позволяютъ этой теоріи безразличія или равновѣсія между работой и заработной платой выдержать серьезную критику. Ибо въ значительномъ большинствѣ приводимыхъ имъ примѣровъ ясно обнаруживается, что выгода всегда остается на сторонѣ труда, который наиболѣе высоко оплачивается. Теорія, поддерживаемая этими данными, на самомъ дѣлѣ есть теорія „экономіи высокой заработной платы“.

Теорія эта, быстрыми шагами идущая впередъ за послѣдніе годы и подкрѣпляемая въ настоящее время большимъ количествомъ тщательно собранныхъ доказательствъ, требуетъ болѣе серьезнаго обсужденія. Показанія Т. Брассея были извлечены преимущественно, хотя и не исключительно, изъ наблюденія тѣхъ отраслей промышленности, въ которыхъ важнѣйшимъ элементомъ была мускульная сила, какъ устройство шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, рудокопаніе, или же такихъ строительныхъ работъ, въ которыхъ машины не играютъ главной роли въ опредѣленіи движенія и характера производительной силы. Но было бы вполнѣ основательнымъ предположить, что количественное отношеніе между работой и заработной платой можетъ быть болѣе точнымъ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ первенствующую роль играетъ непосредственно приложенный мускульный трудъ, чѣмъ въ тѣхъ отрасляхъ, въ которыхъ главнѣйшимъ факторомъ являются машины и большая часть работы состоитъ только въ наблюденіи за машиной. Вполнѣ возможно, что при вознагражденіи землекоповъ можетъ приниматься во вниманіе высокая степень ихъ физическихъ потребностей, но это не значитъ, чтобы слѣдовало руководствоваться той же оцѣнкой, назначая высокую плату

фабричнымъ рабочимъ или другимъ классамъ работниковъ, менѣе подверженныхъ напряженію тяжелой мускульной работы.

Такъ какъ новѣйшее производство стремится избавить человѣка отъ этой грубой мускульной работы, то могло случиться, что истинная выгода благопріятствовала высокой заработной платѣ только въ тѣхъ разрядахъ работы, которые стремились занять второстепенное мѣсто въ промышленности будущаго. Первые факты, которые сопоставляли высокую заработную плату съ высокой производительностью, низкую плату съ низкой производительностью въ волокнообработывающихъ фабрикахъ и желѣзныхъ заводахъ, имѣли характеръ случайности и въ качествѣ свидѣтельства о причинной связи между высокой заработной платой и высокой продуктивностью оказывались не пригодными, вслѣдствіе большихъ различій въ развитіи машинъ и промышленныхъ способовъ въ сравниваемыхъ случаяхъ. За послѣдніе годы, благодаря трудамъ многихъ ученыхъ экономистовъ, изъ которыхъ при томъ же нѣкоторые имѣли и основательныя практическія познанія въ промышленной техникѣ, было собрано и сопоставлено большое количество свѣдѣній по данному предмету. Значительное число американскихъ экономистовъ, и между ними генералъ Уокеръ (F. A. Walker), Гёнтонъ (Gunton), Шенгофъ (Schoenhof), Гульдъ (Gould) и Аткинсонъ (E. Atkinson), произвели точныя изслѣдованія на счетъ отношенія между работой и заработной платой въ Америкѣ и главнѣйшихъ промышленныхъ странахъ Европы. Слишкомъ явная защита тарифной реформы или сокращенія рабочаго дня въ нѣкоторыхъ случаяхъ помѣшали собраннымъ ими даннымъ заслужить себѣ подобающее признаніе, но нѣтъ основанія сомнѣваться въ правильности изслѣдованій по существу.

Наиболѣе внимательное разслѣдованіе вопроса произведено было профессоромъ Шульце-Геверницемъ, который, основывая свои заключенія на тщательномъ изученіи хлопчатобумажной промышленности, рѣшительно относитъ свои выводы вообще къ эволюціи современнаго машиннаго про-

изводства. Прежнія показанія только установляли фактъ сосуществованія высокой заработной платы и хорошей работы, низкой платы и плохой работы, но не было попытки научно объяснить эту связь.

Шульце-Геверннтцъ, анализируя бумаго-прядильное и ткацкое производство, удачно формулируетъ наблюдающіяся отношенія между заработной платой и продуктомъ. Онъ сравниваетъ не только настоящія условія хлопчатобумажной промышленности въ Англіи, Германіи и другихъ континентальныхъ государствахъ, но также условія работы и заработной платы въ англійской хлопчато-бумажной промышленности за разные періоды времени изъ послѣднихъ 70 лѣтъ, исправляя такимъ образомъ всякое личное уравниваніе національной жизни, которое до нѣкоторой степени могло бы опорочить выводы, основывающіеся на одномъ международномъ сравненіи. Такой двойной методъ сравненія приводитъ къ извѣстнымъ опредѣленнымъ выводамъ, которые Шульце-Геверннтцъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Гдѣ издержки на трудъ (т. е. поштучная заработная плата) самыя низкія, тамъ условія труда оказываются наиболѣе благопріятными, рабочее время наименьшимъ, а недѣльный заработокъ рабочихъ наивысшимъ“ (стр. 313). Развитіе усовершенствованныхъ прядильныхъ и ткацкихъ машинъ въ Англіи сопровождалось непрерывнымъ увеличеніемъ въ продуктѣ труда каждаго рабочаго, паденіемъ поштучной заработной платы, отразившемся на цѣнахъ предметовъ продовольствія, уменьшеніемъ числа рабочихъ часовъ и увеличеніемъ недѣльной заработной платы. Слѣдующія таблицы, заимствованныя у Шульце-Гевернитца, даютъ точное изображеніе этого процесса въ прядильной и ткацкой промышленности Англіи.

Пряденье.

	Производство пряжи въ тысячахъ фунтовъ.	Число рабочихъ въ прядильняхъ.	Производительность рабочаго въ фунтахъ.	Издержки на трудъ на фунтъ пряжи.	Средній годовой заработокъ.
				ш. п.	ф. ст. ш.
1819—21	106,500	111,000	968	6 4	36 13
1829—31	216,500	140,000	1,546	4 2	27 6
1844—46	523,300	190,000	2,754	2 3	28 12
1859—61	910,000	248,000	3,671	2 1	32 10
1880—82	1,324,000	240,000	5,520	1 9	44 4[1])

Ткачество.

	Производство въ тысячахъ фунтовъ.	Число рабочихъ.	Производительность рабочаго въ фунтахъ.	Издержки на трудъ на фунтъ.	Средній годовой заработокъ.
				ш. п.	ф. ст. ш.
1819—21	80,620	250,000	392	15 5	20 18
1859—31	143,200	275,000	521	9 0	19 18[1])
1844—46	348,110	210,000	1,658	3 5	24 10
1859—61	650,870	203,000	3,206	2 9	30 15
1880—82	993,540	246,000	4,039	2 3	39 0

То же само наблюдается для бумаго-ткацкой промышленности и въ Америкѣ, какъ это показываетъ слѣдующая таблица:

---

[1]) Der Grossbetrieb, стр. 132. Русскій переводъ: „*Крупное производство. Его значеніе для экономическаго и соціальнаго развитія*“, подъ ред. П. Струве, Спб. 1897, стр. 135. При разсмотрѣніи увеличенія средняго заработка въ новѣйшее время должно помнить, что послѣдніе годы представляютъ бóльшую пропорцію взрослыхъ работниковъ. Для полученія чистаго годоваго заработка долженъ быть сдѣланъ изъ приведенныхъ въ таблицѣ цифръ вычетъ на безработицу.

[2]) Въ счетъ слѣдуетъ поставить угнетенное положеніе ручныхъ ткачей, которые еще не изчезли.

	Годичная производительность рабочаго.	Издержки на трудъ на ярдъ.	Годовой заработокъ рабочаго.
	Ярды.	Центы.	Доллары.
1830	4,321	1.9	164
1850	12,164	1.55	190
1870	19,293	1.24	240
1884	28,032	1.07	290

Въ Германіи и Швейцаріи наблюдается тоже самое. Всякое усовершенствованіе машинъ, увеличивающее число веретенъ или станковъ, которыми можетъ управлять работникъ, или усиливающее быстроту дѣйствія машинъ и вслѣдствіе этого увеличивающее производительность рабочаго, сопровождается болѣе высокой недѣльной заработной платой и, въ общемъ, уменьшеніемъ числа рабочихъ часовъ.

Детальное сравненіе Англіи, Соединенныхъ Штатовъ и континента по отношенію къ современному положенію хлопчато-бумажной промышленности даетъ одинаковые общіе результаты. Сравненіе Англіи съ Соединенными Штатами показываетъ, что въ ткацкомъ производствѣ, въ которомъ заработная плата гораздо выше въ Америкѣ, трудъ настолько болѣе производителенъ, что издержки производства тамъ получаются значительно меньше, чѣмъ въ Англіи; въ прядильномъ же производствѣ, въ которомъ платится въ Англіи почти такая же высокая заработная плата, издержки производства ниже, чѣмъ въ Америкѣ (стр. 156). Сравненіе Швейцаріи, Германіи, Англіи и Америки въ отношеніи къ ткачеству даетъ слѣдующіе результаты (стр. 151):

	Недѣльная производительность рабочаго.	Издержки на 1 ярдъ.	Рабочій день.	Недѣльный заработокъ рабочаго.
	Ярды.		Часы.	
Швейцарія и Германія	466	0.303	12	11 ш. 8 п.
Англія	706	0.275	9	16 „ 3 „
Америка	1200	0.2	10	20 „ 3 „

Рабочіе итальянскихъ фабрикъ, получающіе меньшую плату и имѣющіе болѣе продолжительный рабочій день, обходятся дороже болѣе высоко оплачиваемаго, но и болѣе производительнаго труда въ Англіи и Америкѣ. Равнымъ образомъ, сравненіе между Мюльгаузеномъ и фабриками Вогезскихъ долинъ показываетъ, что трудъ, болѣе дорого оплачиваемый въ первомъ, является болѣе производительнымъ.

Въ Россіи лучше другихъ мѣстностей оплачивается трудъ на фабрикахъ вблизи Петербурга и въ Эстляндіи, и онъ успѣшно можетъ конкурировать съ болѣе дешевымъ трудомъ центральныхъ губерній Владимірской и Московской.

Шульце-Гевернитцъ рѣшается даже утверждать, что при существующихъ условіяхъ низкой заработной платы и долгаго рабочаго дня индійскія фабрики не могутъ осилить соперничества Лэнкашира [1]), и утверждаетъ, что строгое фабричное законодательство, установленное для Индіи, вѣроятно, должно скорѣе повредить Лэнкаширу, чѣмъ обезпечить за нимъ успѣхъ. По тщательномъ сравненіи хлопчатопрядильнаго производства въ Англіи и тѣхъ частяхъ Германіи, которыя пользуются англійскими машинами, главнѣйшіе выводы по разсматриваемому вопросу собраны въ слѣдующія положенія:

„Въ Англіи рабочій управляетъ почти вдвое большимъ числомъ машинъ, чѣмъ въ Германіи; самыя машины идутъ скорѣе; потери, сравнительно съ теоретической производительностью (т. е. трата времени и матеріала), меньше. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи важно, что въ Англіи сниманіе и надѣваніе катушекъ требуетъ меньше времени; разрывы нитей случаются рѣже, а связываніе разорванныхъ производится скорѣе. Отсюда слѣдуетъ, что издержки на трудъ для каждаго фунта пряжи—въ особенности, если считать и издержки по надзору—въ Ан-

---

[1]) Здѣсь Шульце-Геверницъ, повидимому, допускаетъ натяжку. Хотя оффиціальные отчеты и придаютъ значеніе вопросу о серебрѣ, какъ важномъ факторѣ въ развитіи бомбейскихъ фабрикъ, однако, кажется нѣтъ сомнѣнія, что Бомбейскій дешевый трудъ можетъ соперничать съ англійскимъ, и независимо отъ этого, въ низкихъ странахъ хлопка на азіатскихъ рынкахъ. Брентано, въ своемъ сочиненіи „Hours and Wages in Relation to Production“ поддерживаетъ Шульце-Геверница.

гліи положительно ниже, чѣмъ въ Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ заработная плата англійскихъ прядильщиковъ почти вдвое выше нѣмецкой, а рабочій день рѣдко гдѣ превышаетъ 9 часовъ, противъ 11—12½ часовъ нѣмецкихъ фабрикъ" (стр. 139).

§ 4. Общее примѣненіе высокой заработной платы и короткаго рабочаго дня немыслимо. По приведенному свидѣтельству Шульце-Геверница, современный промышленный прогрессъ, насколько дѣло идетъ о его вліяніи на трудъ, выражается въ семи послѣдствіяхъ: *(a)* сокращеніи числа рабочихъ часовъ; *(b)* увеличеніи еженедѣльнаго заработка; *(c)* пониженіи поштучной платы; *(d)* удешевленіи продукта; *(e)* увеличеніи количества производства на каждаго работника; *(f)* увеличеніи быстроты дѣйствія машины; *(g)* увеличеніи числа и размѣра машинъ на каждаго рабочаго.

Всѣ эти факторы должны быть приняты въ соображеніи прежде, чѣмъ вывести окончательное сужденіе о результатахъ машиннаго производства по отношенію къ работнику. Приведенное выше свидѣтельство, дающее поводъ заключить о существованіи нѣкоторой причинной связи между высокой степенью жизненнаго довольства съ высокой производительностью труда, не ведетъ непремѣнно къ заключенію, что предпріятіе или совокупность предпринимателей могутъ ad libitum идти впередъ въ увеличеніи заработной платы и уменьшеніи числа рабочихъ часовъ, въ несомнѣнномъ и вѣрномъ ожиданіи соотвѣтствующаго усиленія чистой продуктивности труда.

Пока такое заключеніе не доказано, мы должны яснѣе усвоить себѣ природу причинной зависимости между высокой степенью жизненнаго довольства и производительностью труда. Насколько мы имѣемъ право принимать высокую заработную плату и другія благопріятныя условія работы за причину, насколько—за слѣдствіе производительности труда? Приводимое свидѣтельство только показываетъ, что *a, b, c,* извѣстныя явленія, относящіяся къ производительности труда—какъ то: размѣръ производительности, быстрота работы, количество управляемыхъ снарядовъ, измѣняются непосредственно съ *d, e, f,* извѣстными

другими явленіями, касающимися заработной платы, числа рабочихъ часовъ и иныхъ условій работы. Въ предѣлахъ даннаго свидѣтельства мы можемъ только утверждать, что два ряда явленій находятся въ причинной связи между собой, но не можемъ съ увѣренностью утверждать, являются ли измѣненія въ *a, b, c,* причинами или слѣдствіями къ сопровождающимъ ихъ измѣненіямъ въ *d, e, f,* или же оба ряда явленій управляются или не управляются какимъ либо третьимъ рядомъ, измѣненія котораго отзываются одновременно и пропорціонально на двухъ другихъ.

Нравоученіе, которое старались вывести по этому вопросу писатели, какъ Гёнтонъ и Шёнгофъ, и которое было усвоено не малымъ числомъ вожаковъ „рабочаго движенія", то, что всякое увеличеніе заработной платы и всякое уменьшеніе числа рабочихъ часовъ непремѣнно должно влечь за собой равное, и даже большее, увеличеніе производительности труда. При изысканіи обоснованій этого положенія особенное значеніе придавалось свидѣтельству сравнительныхъ данныхъ по статистикѣ волокнообработывающей промышленности. Противъ этого слѣдуетъ указать прежде всего на то, что приводимыя данныя не всегда оправдываютъ подобное огульное обобщеніе. Статистическія данныя Гульда и Шёнгофа, напримѣръ, представляютъ много случаевъ, гдѣ болѣе высокая денежная и реальная заработная плата американскихъ рабочихъ не сопровождается соотвѣтствующимъ увеличеніемъ производительности. Въ такихъ случаяхъ „дешевый" англійскій трудъ является дѣйствительно дешевымъ.

Затѣмъ, въ другихъ случаяхъ, гдѣ болѣе высокая заработная плата американскихъ работниковъ сопровождается равносильнымъ или даже бо́льшимъ увеличеніемъ продукта, это увеличеніе продукта не обязано своимъ появленіемъ всецѣло, или хотя бы преимущественно, бо́льшей интензивности или производительности труда, а пользованію болѣе совершенными машинами сберегающими трудъ. Очевидно, коль скоро сравниваются отношенія чистыхъ издержекъ на трудъ къ продукту въ разныхъ странахъ, или даже въ од-

ной странѣ, но на разныхъ ступеняхъ промышленнаго развитія, то должна быть принята въ разсчетъ разница между издержками на трудъ по сооруженію и поддержанію такихъ усовершенствованныхъ машинъ и издержками на соотвѣтствующій трудъ относительно смѣненныхъ ими машинъ низшаго качества. Упущеніе этого обстоятельства изъ виду уничтожаетъ силу многихъ доводовъ Шульце-Геверницца, Брентано, Рэ и другихъ пророковъ „экономіи высокой заработной платы". Непосредственная издержка на трудъ для каждаго товара можетъ быть очень низка, даже ниже, чѣмъ въ Англіи, но общія издержки производства [1]) и продажная цѣна могутъ быть выше. Наконецъ, въ этомъ сравненіи Англіи и Америки, которое во многихъ отношеніяхъ является наиболѣе удачнымъ, ибо эти двѣ страны весьма близко стоятъ одна къ другой, какъ по развитію промышленныхъ процессовъ, такъ и по характеру своихъ рабочихъ, разница въ денежной и реальной заработной платѣ обыкновенно не сопровождается разницей въ числѣ рабочихъ часовъ.

Находящіяся въ нашемъ распоряженіи данныя не удостовѣряютъ универсальнаго или общаго примѣненія теоріи экономіи высокой заработной платы. Если бы было вѣрно, что съ увеличеніемъ заработной платы и уменьшеніемъ числа рабочихъ часовъ количество дневной производительности каждаго работника будетъ возрастать или даже останется прежнее, то соціальная задача облегченія бѣд-

---

[1]) Общій выводъ Гульда изъ его сравненія американскаго и европейскаго производства тотъ, что „болѣе высокая дневная заработная плата въ Америкѣ не предполагаетъ соотвѣтствующаго увеличенія издержекъ на трудъ для фабрикантовъ" (Contemporary Review, Jan. 1893). Это зависитъ, по его мнѣнію, отчасти отъ превосходства механическихъ приспособленій, обязанныхъ своимъ существованіемъ высокой заработной платѣ, отчасти отъ превосходства физической силы работниковъ. Но свидѣтельство Гульда и приведенное заключеніе его, выставленное въ доказательство „экономіи высокой заработной платы", недостаточны, потому что они показываютъ только, что высокая заработная плата сопровождается увеличеніемъ *производительности* труда, а не показываютъ, чтобы это увеличеніе *соотвѣтствовало* возвышенію платы.

ности и нищеты въ низшихъ рабочихъ классовъ была бы близка къ разрѣшенію. Но, если въ общемъ и можно допустить, что за увеличеніемъ заработной платы или общаго уровня комфорта большей части рабочихъ классовъ послѣдуетъ увеличеніе производительности труда, и что уменьшеніе числа рабочихъ часовъ не повлечетъ за собой соотвѣтствующаго умаленія общаго количества продукта, то изъ этого никоимъ образомъ не слѣдуетъ, чтобы было выгодно увеличивать заработную плату и уменьшать количество рабочихъ часовъ до безконечности. Какъ предполагается, что результатъ одинаковаго сокращенія числа часовъ будетъ различенъ для каждаго промысла, также различенъ будетъ и результатъ даннаго поднятія уровня комфорта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ будетъ выгоденъ высоко-оплачиваемый трудъ и короткій рабочій день, въ другихъ случаяхъ—трудъ болѣе дешевый и болѣе продолжительный день. Невозможно, указывая на связь между высокой заработной платой и хорошей работой, между низкой платой и плохой работой во многихъ изъ наиболѣе высоко развитыхъ отраслей промышленности, взывать къ просвѣщенному собственному интересу хозяевъ, чтобы они согласились на общее увеличеніе платы и общее уменьшеніе рабочихъ часовъ. Изъ того, что наиболѣе развитое предпріятіе часто можетъ вестись по такой системѣ, которая совмѣщаетъ высокую заработную плату за кратковременный усиленный трудъ съ высоко усовершенствованными машинами, еще не слѣдуетъ, чтобы другія предпріятія не могли вестись выгоднѣе, пользуясь дешевыми работниками, длиннымъ рабочимъ днемъ и простыми машинами. Мы не имѣемъ основанія полагать, чтобы была близорука политика прежнихъ фабрикантовъ Лэнкашира, когда они за нищенскую плату нанимали для работы дѣтей и слабосильныхъ взрослыхъ.

Въ частности изслѣдованіе Шульце-Геверпитца ясно показываетъ, что экономія высокой заработной платы и короткаго рабочаго дня тѣсно связана съ развитіемъ машинъ, и что, разъ машины дороги и сложны, появляется и чистая выгода отъ высокой платы и короткаго рабочаго дня. При

такомъ освѣщеніи въ современной машинѣ и слѣдуетъ видѣть непосредственную причину высокой заработной платы и короткаго рабочаго дня. Далѣе, хотя цѣль введенія машинъ заключается въ томъ, чтобы замѣнить опытнаго ремесленника простымъ управителемъ машинъ, работающимъ за низкую плату, и хотя машина безъ утомленія могла бы работать съ успѣхомъ непрерывно, однако, отдавая должное вниманіе человѣческой природѣ, нашли болѣе выгоднымъ работать при высокомъ напряженіи меньшее число часовъ и покупать такую усиленную работу за болѣе высокую цѣну. Конечно, слѣдуетъ помнить также и то, что высокая заработная плата часто является прямой причиной введенія усовершенствованныхъ машинъ и самымъ настоящимъ побужденіемъ къ новымъ механическимъ усовершенствованіемъ. Это ясно понималъ уже полстолѣтія тому назадъ Юре, который удлиненныя мюль-машины, изобрѣтеніе самодѣйствующихъ мюлей и нѣкоторыя изъ первоначальныхъ усовершенствованій въ ситценабивномъ производствѣ приписываетъ именно этой причинѣ [1]).

Но, допуская эти тенденціи въ извѣстныхъ видахъ машиннаго производства, мы не имѣемъ основаній съ увѣренностью разсчитывать, что повышеніе заработной платы, полученное отъ организаціи труда или инымъ какимъ способомъ, способно вызвать такія усовершенствованія въ способахъ производства, которыя доставили бы возможность назначать высшую заработную плату безъ вреда для данной промышленности и безъ уменьшенія ея дохода ниже того минимума, какой по соціальнымъ условіямъ необходимъ для поддержанія промышленности въ рукахъ частныхъ предпринимателей.

---

[1]) Ure, Philosophy of Manufacture, стр. 367—369. Д-ръ Юре смотрѣлъ на механическія изобрѣтенія, какъ на средство, при помощи котораго капиталъ можетъ держать трудъ въ подчиненіи. Описывая, какъ входила въ употребленіе „самодѣйствующая мюль-машина", онъ торжественно прибавляетъ: „Это изобрѣтеніе вмѣщаетъ въ себѣ великую, уже высказанную, истину, что, когда капиталъ завербуетъ въ свою службу знаніе, непокорный ручной трудъ вездѣ научится послушанію" (стр. 368).

Наше изслѣдованіе приводитъ къ заключенію, что хотя повышеніе заработной платы почти всегда сопровождается повышеніемъ производительности труда и количества продуктовъ, отношеніе, въ которомъ увеличеніе производительности находится къ повышенію заработной платы, различно въ каждомъ видѣ занятій. Слѣдовательно невозможно вообще высказаться въ пользу выгодности высокой заработной платы или низкой платы.

§ 5. Взаимная зависимость между условіями труда и производительностью. Экономически выгодные размѣръ заработной платы и продолжительность рабочаго дня измѣняются соотвѣтственно многимъ условіямъ, изъ которыхъ въ числѣ наиболѣе важныхъ являются развитіе машиннаго производства, требуемое работой напряженіе мускуловъ и нервовъ, замкнутый и сидячій характеръ работы, различныя гигиеническія условія, ее сопровождающія, возрастъ, полъ, національность и классъ рабочихъ.

Въ бумаго-ткацкой промышленности въ Америкѣ представляется болѣе выгоднымъ нанимать женщинъ за высокую плату для управленія шестью, семью и даже восемью станками въ теченіе короткаго дня, чѣмъ платить низкую заработную плату худшимъ рабочимъ, какіе имѣются въ Германіи, Швейцаріи и даже въ Лэнкаширѣ. Но въ каменноугольной промышленности, какъ кажется, американская заработная плата экономически слишкомъ высока, то есть, разница между американской и англійской заработной платой не уравновѣшивается соотвѣтствующей разницей въ производительности. Въ Соединенныхъ Штатахъ среднее число тоннъ, добываемыхъ рудокопами, заработывающими 326 дол. въ годъ, равняется 377, что составляетъ на тонну $86^{1}/_{2}$ центовъ издержекъ, тогда какъ въ сѣверномъ Стаффодширѣ, при заработной платѣ рудокоповъ въ 253 долл. и выработкѣ въ 322 тонны на человѣка, издержки на тонну угля равняется только 79 цент. [1]). Точно также издержки на трудъ на тонну бессемерованнаго чугуна въ Америкѣ на 50

---

[1]) „№ 64 Consular Report“ (цитировано у Schoenhof'а, стр. 209).

центовъ болѣе, чѣмъ въ Англіи, такъ какъ американская заработная плата выше почти 40% [1]).

И дѣйствительно, изъ множества показаній явствуетъ, что не существуетъ опредѣленнаго отношенія между издержками на трудъ и заработной платой для какой либо данной группы товаровъ.

Совершенно также мало заслуживаетъ общаго признанія и противоположное мнѣніе, что увеличеніе производительности труда является причиной высокой заработной платы. Оно представляетъ собою обыкновенно воззрѣніе тѣхъ предпринимателей и тѣхъ экономистовъ, которые исходятъ отъ предположенія, что существуетъ извѣстный законъ конкуренціи, вслѣдствіе дѣйствія котораго каждый рабочій необходимо получаетъ именно столько, сколько онъ стоитъ, т. е. полную цѣнность продукта своего труда. Только вслѣдствіе увеличенія производительности труда можетъ возрастать заработная плата, доказываютъ эти люди; гдѣ высока заработная плата, тамъ оказывается высокой и производительность труда и vice versa; слѣдовательно производительность опредѣляетъ за работную плату. Подобно тому, какъ защитники выгодности высокой заработной платы стараются, посредствомъ рабочихъ союзовъ, законодательства и общественнаго мнѣнія, поднять плату и сократить рабочій день, въ увѣренности, что слѣдующее за этимъ увеличеніе производительности оправдаетъ такое поведеніе, эти люди утверждаютъ, что техническое образованіе и воспитаніе нравственнаго характера рабочихъ должно предшествовать поднятію заработной платы и сокращенію рабочаго дня и оправдывать ихъ увеличеніемъ производительности труда. Даже если оставить въ сторонѣ неизбѣжное предположеніе, что часть рабочихъ въ общемъ продуктѣ труда и капитала представляетъ собою опредѣленную и неизмѣняемую долю, это воззрѣніе покоится на простомъ отрицаніи установленнаго выше дѣйствія, какое имѣютъ высокая заработная плата и повышеніе въ уровнѣ комфорта на увеличеніе производительности.

---

[1]) Schoenhof, стр. 216.

Отношеніе между заработной платой и иными условіями труда, съ одной стороны, и производительностью труда и размѣромъ выработываемаго продукта, съ другой, очевидно, имѣетъ взаимное значеніе. Всякое повышеніе заработной платы, досуга и общаго уровня комфорта увеличиваетъ производительность труда; всякое увеличеніе производительности, обязано ли оно этимъ или инымъ причинамъ, дѣлаетъ возможнымъ увеличеніе заработной платы и сокращеніе рабочаго дня.

§ 6. Сжимаемость труда и увеличенія интензивности усилій. Еще дальнѣйшее соображеніе вытекаетъ изъ данныхъ, касающихся производительности и высокой заработной платы. Согласно формулѣ Шульце-Гевернитца, всякое пониженіе поштучной платы сопровождается повышеніемъ недѣльнаго заработка. Но должно помнить, что повышеніе заработка въ единицу времени не значитъ непремѣнно, что поднялась цѣна труда, измѣряемаго въ единицахъ усилія. Болѣе интензивный трудъ, совершенный въ болѣе короткое время, можетъ быть оплаченъ большей денежной платой за единицу времени, но плата за единицу усилія можетъ быть ниже. Было доказано, что общая тенденція предшествовавшей эволюціи машиннаго производства заключалась въ сжатіи и увеличеніи интензивности труда. Въ нѣкоторыхъ видахъ обработки волокнистыхъ веществъ сумма мускульнаго или ручнаго труда, выполняемаго за день, гораздо больше, чѣмъ прежде. Примѣромъ можетъ служить трудъ дѣтей, работающихъ въ качествѣ piecers. Въ свое время (1830 г.) Юре могъ жаловаться, что три четверти проводимаго дѣтьми на фабрикѣ времени имъ нечего дѣлать. Увеличеніе числа веретенъ и быстроты ихъ дѣйствія сдѣлали трудъ дѣтей болѣе непрерывнымъ. То же самое справедливо относительно мюльныхъ прядильщиковъ, трудъ которыхъ, даже за немногіе послѣдніе годы, сдѣлался болѣе интензивнымъ вслѣдствіе увеличенія размѣровъ мюлей. Хотя, какъ правило, машина стремится взять на себя болѣе тяжелыя формы мускульной работы, она стремится въ то же время дѣлать болѣе частыми менѣе трудныя обращенія къ мускуламъ,

такъ что общее количество затрачиваемой энергіи становится немного меньше, чѣмъ раньше. Облегченіе, полученное отъ сокращенія мускульныхъ усилій, покрывается возрастающимъ напряженіемъ нервовъ и вниманія. Кромѣ того, по мѣрѣ того, какъ машины становятся все болѣе сложными, дорогими и многочисленными, увеличивается отвѣтственность лицъ, управляющихъ ими. До извѣстной весьма значительной степени новыя усилія, налагаемыя на рабочаго, принадлежатъ къ болѣе высокому порядку, чѣмъ тяжелая мускульная работа, которая дѣлается ненужной. Бремя, налагаемое ими на организмъ, становится все болѣе и болѣе тяжелымъ. „На ручномъ станкѣ ткачъ можетъ работать 13 часовъ въ день; но заставить работать 13 часовъ ткача, управляющагося съ 6 станками, физически невозможно“ [1]). Сложность современныхъ машинъ и сверхчеловѣческая быстрота ихъ дѣйствія непрерывно вынуждаютъ къ увеличенію сжатія человѣческаго труда, къ увеличенію энергіи, развиваемой въ единицу времени. Это же могло быть достигнуто, только благодаря пріобрѣтенной ловкости и укрѣпленію организма, вытекавшимъ изъ болѣе высокаго жизненнаго уровня. Но очевидно, что, если каждое повышеніе жизненнаго уровня и каждое сокращеніе рабочаго дня сопровождалось болѣе сильнымъ напряженіемъ или мускуловъ и нервовъ, или умственной энергіи въ теченіе болѣе короткаго рабочаго дня, то мы не вправѣ смотрѣть на болѣе высокую заработную плату и короткій день какъ на чистый выигрышъ для рабочаго. Извѣстные предѣлы по необходимости существуютъ для этой сжимаемости трудовой энергіи. Очевидно было бы невозможно посредствомъ ряда быстрыхъ сокращеній рабочаго дня и увеличеніи поденной заработной платы усилить производительность часоваго труда выше извѣстнаго предѣла для рабочихъ. Природа человѣка должна ставить предѣлы такому сжатію. Хотя для ткача можетъ быть выгоднѣе работать на четырехъ станкахъ въ теченіе англійскаго фабричнаго дня за умѣренную плату 16 шилл. въ недѣлю,

---

[1]) *„Крупное производство“* стр. 169.

чѣмъ получать 11 шилл. 8 п., работая на двухъ станкахъ въ Германіи, за 12 часовой день, отсюда не слѣдуетъ еще, что выгоднѣе получать 20 шилл. 3 п. въ Америкѣ, работая на 6, 7 или даже 8 станковъ, за 10 часовой день, или что американскія условія труда улучшились бы, если бы былъ введенъ 8-часовой трудъ на счетъ прибавки еще одного станка на каждаго рабочаго.

Выигрышъ, проистекающій изъ высокой заработной платы и большей величины досуга, за которыми должно бы развиваться болѣе высокое потребленіе, можетъ болѣе чѣмъ уравновѣшиваться крайнимъ напряженіемъ нервовъ и мускуловъ въ теченіе болѣе короткаго дня. Это затрудненіе, какъ мы видѣли, вовсе недостаточно устраняется передачей машинѣ все большей и большей доли тяжелой мускульной работы, если возможная дѣятельность этой самой машины становится поводомъ для усиленія быстроты той работы, которую должны совершать люди, наблюдающіе за машиной.

Въ нѣкоторыхъ видахъ труда, хотя вовсе не во всѣхъ, можно достигнуть увеличенія количества работы, совершаемой въ теченіе часа, посредствомъ сокращенія рабочаго дня; но при опредѣленіи прогрессивнаго движенія въ этомъ направленіи должны дѣйствовать для соображенія: первое—объективный экономическій вопросъ о количественномъ соотношеніи между послѣдовательными сокращеніями рабочаго дня и прибавками работы, развиваемой въ теченіе каждаго часа; второе—субъективный экономическій вопросъ о дѣйствіи болѣе сжатаго труда на рабочаго, какъ рабочаго и какъ потребителя.

Нѣтъ недостатка въ данныхъ для доказательства, что увеличеніе досуга и болѣе высокій заработокъ могутъ быть куплены слишкомъ дорогой цѣной.

Обращая должное вниманіе на это соображеніе, мы все таки не должны предполагать, что увеличеніе реальной заработной платы и сокращеніе числа рабочихъ часовъ, проведенныя въ прогрессивныхъ отрасляхъ промышленности, непремѣнно сопровождались соотвѣтствующимъ увеличеніемъ сжатія труда. Въ волокнообработывающей и желѣзной про-

мышленности, напримѣръ, несомнѣнно, что рабочіе пріобрѣли въ видѣ повышенія заработка извѣстную долю увеличенія производительности, происшедшаго вслѣдствіе усовершенствованія машинъ. Даже когда имъ приходится управлять большимъ числомъ машинъ, мы не имѣемъ основаній предполагать соотвѣтствующее увеличеніе энергіи или напряженія рабочихъ. Дѣйствительное возрастаніе ловкости или производительности можетъ сдѣлать возможнымъ, что для управленія бо́льшимъ количествомъ машинъ потребуется не больше субъективной энергіи, чѣмъ было нужно раньше для меньшаго количества. Но, хотя и необходимо сдѣлать извѣстную уступку въ этомъ отношеніи, исторія фабричной системы и въ Англіи, и въ другихъ странахъ, ясно показываетъ, что фабричный трудъ болѣе интензивенъ, чѣмъ прежде, можетъ быть, не по своей тяжести для мускуловъ, но по увеличившемуся напряженію, какого требуетъ онъ отъ нервной системы рабочихъ.

Важность этого обстоятельства часто игнорируется одинаково и защитниками болѣе короткаго рабочаго дня и тѣми, кто утверждаетъ, что главное стремленіе рабочихъ должно имѣть въ виду сдѣлать ихъ трудъ болѣе производительнымъ. По скольку болѣе высокая производительность обозначаетъ просто большую ловкость и не сопряжена съ увеличеніемъ усилій, она является чистымъ выигрышемъ, но если необходимо увеличеніе усилій, вопросъ требуетъ точнаго и подробнаго изслѣдованія.

§ 7. Дѣйствительное потребленіе зависитъ отъ сберегаемой энергіи рабочаго. Заслуживаетъ рѣчи также и другое послѣдствіе чрезмѣрно-сжатаго труда.

Тѣсное соотношеніе между высокимъ заработкомъ и короткимъ рабочимъ днемъ является общепризнаннымъ. Повышеніе денежной платы, вліяющее на жизненный уровень введеніемъ такихъ измѣненій въ потребленіи, которыя нуждаются для полнаго осуществленія своей пользы или удовлетворенія въ увеличеніи потребительнаго времени, можетъ быть плодотворнымъ, только благодаря уменьшенію производительнаго времени или рабочаго дня. Если, напр., но-

выя потребности, удовлетвореніе которыхъ является естественнымъ результатомъ повышенія жизненнаго уровня, относятся къ умственному порядку, включая въ себя не только покупку книгъ и пр., но и время для чтенія такихъ книгъ, то для того, чтобы обнаружилось ихъ благодѣтельное вліяніе необходимо, чтобы болѣе высокій заработокъ сопровождался уменьшеніемъ числа часовъ работы въ случаѣ, если продолжительность послѣдней была чрезмѣрно велика. Но не такъ ясно признается, что такіе вопросы не не могутъ быть рѣшаемы безотносительно къ вопросу объ интензивности труда. Однако очевидно, что 8-часовой день болѣе сжатаго труда можетъ отличаться болѣе истощающимъ характеромъ, чѣмъ 10-часовой день менѣе интензивнаго труда, и въ большей мѣрѣ дѣлать рабочаго неспособнымъ пользоваться благами представляющихся случаевъ воспитанія, чѣмъ болѣе длинный день менѣе интензивной работы. Выгода отъ прибавки двухъ часовъ свободнаго времени можетъ быть уничтожена уменьшеніемъ цѣнности каждаго часа свободнаго времени. Другими словами, излишество интензивной работы можетъ быть хуже по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ излишество менѣе усиленной работы. Эта возможность часто упускается изъ виду въ аргументахъ людей, поддерживающихъ движеніе къ болѣе короткому рабочему дню утвержденіемъ, что каждая единица рабочаго времени будетъ болѣе производительной. Если же аргументъ касается только подтвержденія вліянія болѣе высокой заработной платы, безъ сокращенія рабочаго дня, на производительность труда, то это пренебреженіе соображеніемъ объ интензивности труда имѣетъ еще болѣе важное значеніе. Можно серьезно усомниться, не перевѣшивается ли польза отъ болѣе высокаго заработка массачузетскаго ткача увеличеніемъ напряженія, вызываемаго работой на столь многихъ станкахъ въ теченіе дня болѣе продолжительнаго, чѣмъ на англійской фабрикѣ. Истощающій характеръ такого труда, вѣроятно, долженъ оставлять свой отпечатокъ на уменьшеніи реальной пользы или удовлетворенія отъ номинально болѣе высокаго жизненнаго уровня, который

дѣлаетъ доступнымъ высокая заработная плата. Тамъ, гдѣ увеличеніе производительности труда главнымъ образомъ обязано усовершенствованію машинъ или процессовъ производства, которое вызывается высокой заработной платой безъ соотвѣтствующаго увеличенія интензивности самаго труда, тамъ выигрышъ для труда очевиденъ Но возможность, что короткій день и высокій заработокъ повлекутъ за собой невыгодное сжатіе развиваемой производительной энергіи, представляетъ собою такое соображеніе, которое не должно оставляться безъ вниманія при разсмотрѣніи вліянія новыхъ способовъ производства на трудъ.

§ 8. Ростъ машиннаго производства въ его отношеніи къ уровню благосостоянія. Продолжительность труда, интензивность труда и заработная плата въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ должны быть изучаемы совмѣстно въ каждой попыткѣ оцѣнить тенденцію капиталистическаго производства. И мы не можемъ при этомъ ожидать, чтобы соотношеніе между ними было одинаково даже въ любыхъ двухъ отрасляхъ промышленности. Если трудъ слабо растягивается на чрезвычайно длинный рабочій день, какъ на индійскихъ фабрикахъ, то представляется вѣроятнымъ, что такое усовершенствованіе организаціи, какъ сокращеніе рабочаго дня до принятой на обыкновенной англійской фабрикѣ нормы и увеличеніе производительности труда, было бы благодѣтельнымъ, и что повышеніе заработной платы, которое могло бы за нимъ послѣдовать, принесло бы двойной выигрышъ рабочимъ. Но стремленіе къ дальнѣйшему сокращенію и сжатію рабочаго дня можетъ принести ущербъ рабочимъ, даже хотя бы производительность ихъ и возрасла бы. Этотъ примѣръ можетъ служить показаніемъ о той относительности, какая характеризуетъ всѣ такіе вопросы. Чистая польза, вытекающая отъ даннаго количественнаго соотношенія между длиною рабочаго дня, интензивностью и заработкомъ, вѣроятно была бы чрезвычайно не одинакова для рабочихъ въ англійской и въ индійской волокнообработывающій промышленности. Было бы, a priori, неосновательно ожидать, что рабочій день, который доставилъ

бы наибольшую чистую выгоду тѣмъ и другимъ, былъ бы одинаковой продолжительности. Точно также можетъ быть весьма вѣроятнымъ, что болѣе энергичный, нервный темпераментъ американскаго рабочаго можетъ дѣлать для него выгоднымъ болѣе короткій и интензивный рабочій день, чѣмъ какой подходитъ для лэнкаширскаго рабочаго. Самое важное заключается именно въ нераздѣлимомъ соотношеніи между тремя факторами—продолжительностью, интензивностью и заработкомъ. Но при разсмотрѣніи заработка должно принимать въ соображеніе не только денежную плату, ни даже покупательную силу денегъ, а непосредственную выгоду, которая можетъ быть извлечена изъ потребленія того, что покупается, если мы имѣемъ въ виду научное рѣшеніе вопроса.

Необходимо ясно усвоить, что при обсужденіи всѣхъ практическихъ реформъ, касающихся положенія труда, вопросъ о заработной платѣ не можетъ быть отдѣленъ отъ вопроса о продолжительности рабочаго дня и оба отъ вопроса объ интензивности труда, и что всякое стараніе упростить дѣло или облегчить „рабочее движеніе“ посредствомъ отдѣльнаго рѣшенія каждаго изъ этихъ вопросовъ, является несостоятельнымъ, потому что оно не научно. Если имѣется въ виду какое либо экономическое измѣненіе, оно должно разсматриваться, съ точки зрѣнія „труда“, въ отношеніи своего вліянія на непосредственное благосостояніе рабочихъ; надлежащее вниманіе должно обращаться не только на его дѣйствіе на заработную плату, рабочій день и интензивность, но на сложныя и измѣняющіяся соотношенія, существующія въ каждомъ промыслѣ, въ каждой странѣ и въ каждой стадіи промышленнаго развитія между этими тремя факторами.

Но, хотя, если вспомнить мысленно послѣдствія машиннаго производства—повышеніе интензивности и однобразія труда, увеличеніе количества рабочихъ, имѣющихъ сидячія, замкнутыя занятія, скопленіе все большей и большей части рабочаго населенія въ тѣсныхъ и нездоровыхъ городахъ,—непосредственное благотворное вліяніе машинъ на рабочіе

классы и является весьма сомнительнымъ, все таки ростъ машиннаго производства съ очевидностью сопровождался повышеніемъ уровня матеріальнаго благосостоянія для фабричныхъ рабочихъ.

Какое бы значеніе ни придавать послѣдствіямъ увеличенія интензивности труда и косвеннымъ вліяніямъ машинъ, множество данныхъ ясно показываетъ, что люди, работающіе при помощи машинъ, имѣютъ лучшее питаніе, одежду и помѣщеніе, чѣмъ ручные рабочіе, которыхъ они замѣнили, и что каждое увеличеніе въ производительности и сложности машинъ сопровождалось повышеніемъ реальной заработной платы. Лучшія машины требуютъ для своего экономическаго использованія надлежащаго жизненнаго уровня среди рабочихъ, которые сотрудничаютъ съ ними, и съ дальнѣйшимъ развитіемъ машиннаго производства въ каждой промышленности мы можемъ ожидать дальнѣйшаго поднятія этого уровня, хотя мы и не въ правѣ предполагать, что этотъ естественный и неизбѣжный прогрессъ комфорта у машинныхъ рабочихъ не имѣетъ опредѣленной границы и что онъ одинаково можетъ имѣть мѣсто во всѣхъ индустріяхъ и во всѣхъ странахъ.

Можетъ, однако, казаться, что по мѣрѣ того, какъ одна промышленность за другой подчиняется машинному производству, тенденція развитія машинъ должна необходимо клониться къ общему повышенію уровня благосостоянія рабочихъ классовъ. Весьма возможно, что непосредственное вліяніе машинъ происходитъ именно въ этомъ направленіи. Но не слѣдуетъ забывать, что возрастающее расширеніе машиннаго производства не обнаруживаетъ привлеченія большей доли рабочаго населенія къ работѣ съ машиною. Въ дѣйствительности, по скольку мы можемъ судить на основаніи недавней исторіи наиболѣе высоко развитыхъ волокнообработывающихъ производствъ, мы въ правѣ ожидать, что, если машина прочно захватитъ всѣ тѣ отрасли промышленности, которыя легко поддаются рутинному производству, доля всего рабочаго населенія, занятаго непосредственно въ работѣ съ машиною, будетъ постоянно понижаться, а все

большая и большая доля будетъ занята въ тѣхъ частяхъ транспортной и торговой промышленности, которыя не поддаются машинамъ, и въ личныхъ услугахъ. Если это такъ, то мы не можемъ взирать на эволюцію машиннаго производства, съ его запросомъ на болѣе интензивный и болѣе производительный трудъ, какъ на достаточную гарантію необходимаго улучшенія въ уровнѣ благосостоянія рабочихъ классовъ въ ихъ цѣломъ. Говоря короче, мы не имѣемъ данныхъ для предположенія, что повышеніе въ уровнѣ матеріальнаго благосостоянія лавочниковъ, конторщиковъ, школьныхъ учителей, агентовъ, докеровъ, сторожей, полицейскихъ, разносчиковъ рекламъ и другихъ видовъ труда, доля которыхъ возрастаетъ въ нашемъ промышленномъ обществѣ, будетъ сопровождаться столь значительнымъ увеличеніемъ въ производительности ихъ труда, чтобы вызывать рядъ такихъ послѣдовательныхъ повышеній. Автоматическое движеніе, которое Шульце-Геверницъ и другіе прослѣживаютъ въ типическихъ машинныхъ отрасляхъ промышленности, не доказано по отношенію къ промышленности въ цѣломъ, и если тенденція развитія машиннаго производства заключается въ поглощеніи большей части работы, но меньшей доли рабочихъ, невозможно питать большихъ надеждъ для будущаго рабочихъ классовъ на это движеніе полученія высокой заработной платы въ машинныхъ индустріяхъ.

§ 9. Экономія высокой заработной платы въ зависимости отъ потребленія. Но, хотя индивидуальный собственный интересъ производителя не можетъ всегда стремиться къ прогрессивному повышенію заработной платы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ промысловъ и до извѣстнаго предѣла, коллективный интересъ потребителей доставляетъ болѣе прочную поддержку экономіи высокой заработной платы. Мы видѣли, что обладаніе излишней долей „силы потреблять“ классами, которые, отказываются пользоваться этой силой, потому что ихъ нормальныя здоровыя потребности удовлетворяются почти вполнѣ, и упорно употребляютъ ее на сбереженіе въ ненужныя формы капитала, является непосредственной причиной ослабѣвшаго употребленія капитала и

труда. Если дѣйствіе промышленныхъ силъ проливаетъ увеличенную долю „силы потребленія" въ руки рабочихъ классовъ, которые воспользуются ею не для того, чтобы отложить потребленіе, но чтобы поднять уровень своего матеріальнаго и интеллектуальнаго комфорта, то должно послѣдовать болѣе полное и болѣе регулярное занятіе капитала и труда. Если сильная организаціи рабочихъ способна поднять заработную плату и болѣе высокая заработная плата употребляется на спросъ большаго количества и лучшихъ предметовъ потребленія, то, такимъ образомъ, прилагается прямой стимулъ къ производительности труда и капитала. Но не должно, однако, уклоняться отъ надлежащаго поведенія. Если бы пріобрѣтательная сила, „сберегаемая" въ настоящее время болѣе богатыми классами, перешла въ руки рабочихъ въ видѣ болѣе высокой денежной заработной платы и была не израсходована ими на повышеніе ихъ уровня комфорта, а превращена въ различные формы капитала, то не возникло бы никакого поощренія промышленности; „сбереженія" одного класса попали бы въ руки другаго класса, и ихъ избытокъ дѣйствовалъ бы на сокращеніе промышленности совершенно такъ же, какъ и теперь дѣйствуетъ. Хотя мы съ удовольствіемъ видѣли бы во владѣніи рабочихъ классовъ увеличенную долю тѣхъ формъ капитала, которыя полезны съ общественной точки зрѣнія, этотъ простой актъ перехода не доставилъ бы никакого поощренія всей промышленности. Съ точки зрѣнія общества ничто иное, кромѣ повышенія въ среднемъ уровнѣ текущаго потребленія, не можетъ стимулировать промышленность. Если ясно усвоить, что спросъ на товаръ есть единственный спросъ на употребленіе труда и капитала, а не только опредѣляетъ, въ какомъ частномъ направленіи должны прилагаться эти факторы производства, то несомнѣнно, что вся надежда на будущее нашей промышленности покоится главнымъ образомъ на увѣренности, что рабочіе классы будутъ употреблять свои болѣе высокіе заработки не на извлеченіе дохода изъ помѣщенія ихъ въ производство (само-разрушительная политика), а на поднятіе своего уровня жизни посредствомъ текущаго удовле-

творенія всѣхъ своихъ здоровыхъ потребностей ума и тѣла, которыя остаются скрытыми при „экономіи низкой заработной платы“. Удовлетвореніе новыхъ благихъ человѣческихъ потребностей, надѣляя жизнь большимъ счастіемъ и интересомъ, будемъ дѣлать всякое разумное усиліе болѣе производительнымъ, распредѣляя спросъ на большее разнообразіе товаровъ, дастъ болѣе полную утилизацію какъ естественныхъ силъ, такъ и силъ человѣка и, исправляя нарушенный балансъ производства и потребленія, вызванный неравенствомъ пріобрѣтательной силы, оправдаетъ высокую заработную плату увеличеніемъ полноты и регулярности производства. Но должно быть ясно признано, что, хотя бы „бережливость“ и казалась желательнымъ нравственнымъ качествомъ рабочихъ классовъ, всякое широкое распространеніе сбереженій, вмѣсто повышенія текущаго потребленія и предпочтительно предъ нимъ, необходимо уничтожитъ экономическія выгоды, только что достигнутыя. Совершенно такъ же, какъ разумный человѣкъ убѣдится, что онъ не можетъ дѣлать „сбереженій“, пока онъ не сдѣлалъ достаточнаго запаса для содержанія семьи въ полномъ физическомъ здоровьѣ, и благоразумный рабочій классъ будетъ стараться употреблять увеличеніе своего заработка на поддержаніе своихъ физическихъ и умственныхъ силъ и силъ своихъ семействъ, раньше чѣмъ захочетъ „вложить въ дѣло“ значительную часть своего увеличившагося заработка. Гульдъ (Gould) высказываетъ это положеніе весьма ясно и убѣдительно: „гдѣ экономическія прибыли малы, сбереженія обозначаютъ относительно низкій уровень соціальнаго существованія. Бережливый народъ никогда не бываетъ прогрессивнымъ и, какъ правило, никогда не бываетъ сильнымъ въ промышленномъ отношеніи.... Пусть экономисты учатъ еще о пользѣ и необходимости бережливости, но пусть соціологъ съ возможной настойчивостью утверждаетъ, что осуществленіе сбереженій въ такихъ размѣрахъ, что этимъ задерживается въ XIX-мъ столѣтіи соотвѣтствующій успѣхъ въ цивилизаціи рабочаго вмѣстѣ съ другими классами, является политикой, несправедливой въ моральномъ и дурной въ экономическомъ отношеніи. Я не

сожалѣю, что американецъ не сберегаетъ болѣе. Одинъ изъ наиболѣе интеллигентныхъ фабрикантовъ, съ которымъ я когда либо встрѣчался, говорилъ мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что онъ былъ бы чрезвычайно радъ платить болѣе высокую заработную плату рабочему народу, лишь бы они тратили избытокъ, какъ слѣдуетъ, а не копили его. Онъ зналъ, что въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ выиграть отъ этого, такъ какъ удовлетвореніе новыхъ потребностей только пораждаетъ другія“[1]). Если есть экономисты-теоретики, которые утверждаютъ, что „спросъ на товары не есть спросъ на трудъ“, то они должны помнить, что парадоксъ не непремѣнно является истиннымъ. Въ дѣйствительности, этотъ парадоксъ, въ частности, повидимому, поддерживается соединеніемъ недостаточно продуманныхъ разсужденій и моральнаго предразсудка. Но все больше растетъ среди изслѣдователей экономическихъ явленій убѣжденіе, которое склоняется къзанесенію въ теорію прочнаго эмпирическаго вывода, отъ котораго дѣловой міръ никогда не отклонялся, что высокій уровень потребленія есть надежнѣйшая гарантія преуспѣвающей промышленности. Надежнѣйшей поддержкой „экономіи высокой заработной платы“ является увѣренность, что она будетъ дѣйствовать, какъ стимулъ для промышленности, посредствомъ увеличенія потребленія. Рабочіе классы, особенно въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи, выказываютъ все возрастающее стремленіе употреблять свои болѣе высокіе заработки на увеличеніе потребленія. Отъ быстраго дѣйствія этого стремленія въ значительной мѣрѣ зависитъ экономическое будущее рабочихъ классовъ и промышленности вообще.

---

[1]) E. R. L. Gould, Contemporary Review, Январь 1893.

ГЛАВА XI-я.

Нѣкоторыя послѣдствія современнаго машиннаго производства для рабочихъ, какъ потребителей.

§ 1. На сколько различные рабочіе классы извлекаютъ выгоду отъ паденія цѣнъ. При разсмотрѣніи вліянія машиннаго производства на рабочихъ, занятыхъ въ извѣстной отрасли промышленности, мы не можемъ ограничиваться наблюденіемъ послѣдствій усовершенствованія въ техникѣ и пріемахъ только этой одной отрасли производства. Какъ потребители, рабочіе участвуютъ и въ усовершенствованіяхъ, вводимыхъ въ другія промышленности и отражающихся въ паденіи розничныхъ цѣнъ. Потребляя хлѣбъ, всѣ англійскіе рабочіе пользуются выгодами отъ проведенія новой американской желѣзной дороги или отъ изобрѣтенія новыхъ машинъ для размола зерна, понижающихъ цѣну хлѣба; такъ какъ всѣ потребляютъ сапоги, то выгода, которую приноситъ рабочимъ введеніе машинъ для приготовленія сапоговъ, не ограничивается болѣе высокой заработной платой, которую могутъ получить извѣстные рабочіе на сапожной фабрикѣ, но и распространяется на всѣхъ рабочихъ, которые могутъ покупать болѣе дешевые сапоги.

На сколько современное капиталистическое производство обнаруживаетъ стремленіе приносить выгоду рабочему въ качествѣ потребителя?

Экономическая теорія находится въ довольно тѣсномъ согласіи съ опытомъ относительно отвѣта, который она даетъ на этотъ вопросъ. Каждая часть рабочихъ классовъ извлекаетъ выгоду въ качествѣ потребителей изъ усовершенствованія пріемовъ производства пропорціонально суммѣ,

на какую ихъ доходъ превышаетъ заработную плату неискусныхъ рабочихъ, обезпечивающую послѣднимъ голое существованіе. Высоко оплачиваемый механикъ выигрываетъ больше всего, рабочій въ sweating-trade меньше всего. Рабочій, получающій 40 шилл. въ недѣлю, извлекаетъ вдвое большую выгоду отъ каждаго общаго удешевленія въ издержкахъ производства, чѣмъ рабочій, получающій 30 шилл.. Существуютъ различныя причины, почему это такъ.

1. Тамъ, гдѣ существуетъ постоянный избытокъ предложенія труда, конкурирующаго изъ-за опредѣленнаго въ каждое данное время количества занятія, заработная плата опредѣляется въ довольно тѣсной связи съ нисшимъ жизненнымъ уровнемъ этого класса рабочихъ, а не какой либо опредѣленной или обычной денежной величиной. Таково въ частности положеніе промысловъ „выпотѣванія“ (sweating-trades) въ большихъ городахъ. Здѣсь такія усовершенствованія въ машинахъ и способахъ производства, которыя понижаютъ цѣну предметовъ, совпадающихъ съ „жизненнымъ уровнемъ“ этого класса, быстро отражаются на пониженіи денежной заработной платы, которая платится за такую мало-искусную работу. Другими словами, заработная плата, достаточная только для поддержанія существованія, не извлекаетъ выгоды отъ паденія цѣны тѣхъ предметовъ, которые входятъ въ составъ ея жизненнаго уровня.

Нѣтъ сомнѣнія, что даже и въ низшихъ видахъ работы существуетъ извѣстное стремленіе держаться прежней денежной платы и такимъ образомъ поднимать нѣсколько уровень реальной платы, но тамъ, гдѣ соперничество наиболѣе остро, эта vis inertiae пересиливается, и денежная плата понижается вмѣстѣ съ цѣнами. По мѣрѣ того, какъ мы станемъ подниматься къ болѣе высоко искуснымъ, оплачиваемымъ и организованнымъ ступенямъ труда, мы найдемъ рабочихъ, которые находятся въ меньшей зависимости отъ непрерывнаго напряженія соперничества, у которыхъ нѣтъ хроническаго избытка предложенія труда. Здѣсь пониженіе рыночныхъ цѣнъ не необходимо или не быстро сопровождается соотвѣтствующимъ пониженіемъ денежной

заработной платы, и результаты болѣе высокой реальной заработной платы, которой пользовались извѣстное время, выражаются въ болѣе высокомъ обычномъ уровнѣ жизненныхъ удобствъ и укрѣпляютъ противодѣйствіе, которое высказывается противъ всякой попытки понизить денежную заработную плату, даже хотя бы попытки дѣлались въ такое время, когда существуетъ перепредложеніе труда.

По мѣрѣ того, какъ классъ рабочихъ болѣе высоко оплачивается, воспитанъ и организованъ, онъ можетъ все болѣе извлекать пользу отъ выгоды, приносимой усовершенствованіемъ машинъ потребителю, потому что онъ больше способенъ противостоять экономической тенденціи опредѣлять заработную плату соотвѣтственно уровню жизненныхъ удоствъ и независимо отъ денежныхъ соображеній. Если же и рабочимъ, получающимъ наиболѣе низкую плату и находящимся въ наиболѣе тѣсномъ соперничествѣ, удавалось извлекать выгоду изъ паденія цѣнъ, то этимъ они обязаны были давленію чувства со стороны лучшей части предпринимателей и публики противъ пониженія денежной заработной платы, какъ только на меньшую сумму денегъ становится возможнымъ купить столько же, сколько на большую сумму прежде.

2. Чѣмъ меньше доходъ, тѣмъ большая доля его расходуется на блага, издержки производства которыхъ и цѣны которыхъ менѣе затрогиваются машиной. Машинное производство пониженіемъ цѣнъ, которое оно приноситъ, доставляетъ выгоду людямъ въ прямомъ отношеніи къ ихъ доходамъ. Предметы, которые наиболѣе быстро упали въ цѣнѣ, суть предметы комфорта и роскоши, въ производствѣ которыхъ наиболѣе значительную роль играетъ машина. Аристократія рабочихъ классовъ, уровень комфорта которой включаетъ въ себя часы, рояли, книги и велосипеды, выиграла гораздо больше отъ пониженія цѣнъ, чѣмъ тѣ, кто вынужденъ тратить свой заработокъ на пріобрѣтеніе предметовъ необходимости. Выигрышъ первыхъ разнообразенъ и великъ, выгода послѣднихъ ограничивается удешевленіемъ хлѣба и колоніальныхъ товаровъ,—крупная выгода, нѣтъ

сомнѣнія, если измѣрять ее улучшеніемъ существованія, но небольшая, если сравнить съ увеличеніемъ покупательной способности, доставляемымъ современнымъ производствомъ лэнкаширской фабричной семьѣ съ ея 3 или 4 ф. ст. въ недѣлю, и въ значительной мѣрѣ уравновѣшиваемая увеличеніемъ доли дохода, которая у городскихъ рабочихъ идетъ на ренту и цѣну овощей, молочныхъ продуктовъ и другихъ товаровъ, которые поднялись въ цѣнѣ.

3. Высоко оплачиваемые рабочіе обыкновенно работаютъ въ теченіе наиболѣе короткаго дня, низко-оплачиваемые—наиболѣе длиннаго. По скольку это обстоятельство не уравновѣшивается увеличеніемъ интензивности труда со стороны тѣхъ, рабочій день которыхъ короче, оно сопряжено съ увеличеніемъ способности извлекать наибольшую пользу изъ ихъ заработка. Болѣе продолжительный досугъ доставляетъ возможность рабочему извлечь наибольшую выгоду изъ своего потребленія; онъ можетъ тратить свой заработокъ болѣе осмотрительно, онъ менѣе подвергается искушенію промотать свои деньги на излишества, прямо пораждаемыя реакціей отъ чрезмѣрнаго труда, и можетъ получить болѣе полное наслажденіе и пользу отъ употребленія предметовъ, которые онъ пріобрѣтаетъ. Значительное и все увеличивающееся количество наиболѣе дешевыхъ и наиболѣе по своей сущности цѣнныхъ благъ интектуальнаго, артистическаго и духовнаго характера доступно только благотворному потребленію тѣхъ, кто имѣетъ въ своемъ распоряженіи больше досуга, чѣмъ предоставляемый судьбою мало-искуснымъ рабочимъ въ нашихъ городахъ.

§ 2. Часть выгодъ отъ машиннаго производства поглощается увеличеніемъ дѣла торговли. Если будемъ сравнивать статистику заработной платы, мы найдемъ, что наиболѣе значительное пропорціонально повышеніе денежной заработной платы произошло въ высоко-организованныхъ отрасляхъ промышленности и что выгода, которую машинное производство доставляетъ рабочимъ въ качествѣ потребителей, достается, главнымъ образомъ, рабочимъ въ этихъ самыхъ отрасляхъ.

Не должно, однако, предполагать, что усовершенствованіе способовъ производства доставляетъ свою полную выгоду путемъ конкуренціи потребляющей публикѣ. Напротивъ, значительная часть выгодъ отъ машиннаго производства вовсе не оказываетъ своего полнаго вліянія на розничныя цѣны. Это явленіе объясняется, главнымъ образомъ, двумя причинами. Одной уже было достаточно удѣлено наше вниманіе—возрастанію опредѣленныхъ формъ капиталистической монополіи, которая обезпечиваетъ до извѣстной степени въ производствѣ благъ на столько болѣе высокую прибыль, что при свободной конкуренціи часть ея должна бы была перейти къ потребителю въ видѣ пониженія цѣнъ. Вторая заключается въ ненормальномъ ростѣ торговыхъ классовъ, размноженіе которыхъ вызывается ограниченіемъ, налагаемымъ экономіей машиннаго производства на сумму капитала и труда, которая можетъ найти выгодное приложеніе въ добывающихъ и мануфактурныхъ процессахъ. Все большее и большее число промышленныхъ рабочихъ добываютъ средства существованія изъ подраздѣленія торговаго дѣла, достигшаго размѣровъ, выходящихъ за предѣлы соціальной полезности. Ибо, съ одной стороны, когда соперничество въ мануфактурной и транспортной промышленности все болѣе и болѣе ограничивается небольшимъ числомъ крупныхъ предпріятій, которыя вынуждаются все къ болѣе острой конкуренціи, такъ какъ ихъ общая производительная сила далеко превосходитъ потребленіе по выгоднымъ цѣнамъ, все большая сумма труда постоянно употребляется на старанія каждой фирмы обезпечить себѣ наиболѣе широкій сбытъ на счетъ другой фирмы. Съ другой стороны, исключенная изъ дѣйствительной или выгодной конкуренціи въ мануфактурныхъ отрасляхъ, бо́льшая сумма капитала и труда стремится въ тѣ отрасли торговой промышленности, гдѣ новоприбывшіе имѣютъ лучшіе шансы и гдѣ вслѣдствіе удобства мѣстоположенія или по другой причинѣ они имѣютъ возможность овладѣть необходимымъ количествомъ распредѣленія. Вслѣдствіе этого пониженіе оптовыхъ цѣнъ обыкновенно не отражается на соотвѣтствующемъ пониженіи

розничныхъ цѣнъ, ибо соперничество въ розничной промышленности, какъ ясно указалъ Д. С. Милль, „часто, вмѣсто пониженія цѣнъ, только раздѣляетъ прибыли отъ высокой цѣны между бо́льшимъ числомъ торговцевъ“ [1]).

§ 3. Нисшіе классы рабочихъ извлекаютъ наименьшую выгоду отъ машиннаго производства. Широкое различіе между экономическимъ положеніемъ искуснаго механика и обыкновеннаго рабочаго показываетъ, какъ ошибочно то объясненіе вліянія машинъ на положеніе рабочихъ классовъ, какое обыкновенно помѣщается въ руководствахъ по политической экономіи. Нарисовать сравнительную картину прогресса рабочихъ классовъ въ теченіе послѣдней половины столѣтія, при чемъ отмѣтить увеличеніе ихъ денежной заработной платы, получаемое посредствомъ вывода средней величины изъ многихъ повышеній въ различныхъ занятіяхъ, и свести это увеличеніе къ реальной заработной платѣ безъ обращенія вниманія на различное пользованіе заработкомъ со стороны различныхъ классовъ,—представляется ненаучнымъ и вреднымъ методомъ трактованія одного изъ наиболѣе важныхъ экономическихъ вопросовъ. Вліяніе машиннаго производства, очевидно, является весьма различнымъ для искуснаго механика и для обыкновеннаго рабочаго, какъ въ качествѣ производителей, такъ и потребителей, и влечетъ за собою широкую разницу въ уровнѣ благагосостоянія между этимъ двумя классами. Эта разница, затѣмъ, усиливается еще косвеннымъ содѣйствіемъ, какое машины и крупное производство оказываютъ искуснымъ рабочимъ къ объединенію въ союзы и такимъ путемъ къ обезпеченію за собой болѣе высокой заработной платы, чѣмъ какая является экономически необходимой для поддержанія ихъ производительной работы. Съ другой стороны растущее чувство гуманности и смутное, но искреннее, чувство соціальной справедливости во все большей части общества часто даетъ возможность мало-искусному рабочему обезпечить болѣе высокій уровень комфорта, сравнительно съ тѣмъ, на дости-

---

[1]) Principles of Political Economy кн. II, гл. IV § 3.

женіе котораго могло сдѣлать его способнымъ одно только дѣйствіе экономической конкуренціи. Но, сдѣлавъ должную уступку въ этомъ отношеніи, мы вынуждены прійти къ заключенію, что выгода отъ машиннаго производства, поскольку дѣло идетъ объ увеличеніи въ реальной заработной платы, была получена, главнымъ образомъ, высшими по искусству и наиболѣе высоко оплачиваемыми классами рабочихъ и что, по мѣрѣ пониженія искусства работы и заработной платы, пропорціональная выгода, достающаяся отъ огромнаго увеличенія производительной силы, быстро уменьшается и низшіе классы рабочихъ получаютъ лишь незначительную въ ней долю.

ГЛАВА XII-я.

Женщины въ современной промышленности.

§ 1. Возрастаніе количества женщинъ, занятыхъ въ обработывающей промышленности. Современная обработывающая промышленность съ машиннымъ производствомъ благопріятствуетъ употребленію женскаго труда сравнительно съ мужскимъ. Каждая перепись за послѣднее полъ-столѣтія показываетъ, что въ Англіи женщины все въ болѣе значительномъ количествѣ проникаютъ въ каждую отрасль мануфактуры, исключая нѣкоторыя изъ отраслей металлургическаго производства, производства машинъ и постройки судовъ и т. п., въ которыхъ первымъ факторомъ производительности является большая мускульная сила.

Слѣдующая таблица [1]), показывающая число мужчинъ и женщинъ, занятыхъ въ главныхъ группахъ промышленности по десятилѣтіямъ, начиная съ 1841 г., ясно рисуетъ характеръ и размѣры промышленнаго прогресса женщинъ (стр. 355).

Изъ этой таблицы мы видимъ, что въ то время, какъ число мужчинъ, занятыхъ въ этихъ производствахъ возрасло на 53% въ теченіе полустолѣтія отъ 1841 до 1891 г., число женщинъ увеличилось на 221%. Это движеніе, которое можетъ разсматриваться, частью какъ замѣна мужскаго труда женскимъ, частью какъ захватъ новыхъ производствъ женскимъ трудомъ, совершается съ большой быстротой съ начала періода до 1881 года. Видимая задержка въ послѣднее десятилѣтіе, въ которое число занятыхъ рабочихъ повидимому увеличилось сильнѣе, чѣмъ число

---

[1]) Цифры за періоды съ 1841 по 1881 взяты изъ книги Charles Booth'a Occupations of the People. Цифры для 1891 г. взяты изъ Census Report', и по возможности согласованы съ классификаціей Бутса.

Число рабочихъ мужскаго и женскаго пола въ обработывающей промышленности 1841—91.

	М. 1841	Ж.	М. 1851	Ж.	М. 1861	Ж.	М. 1871	Ж.	М. 1881	Ж.	М. 1891	Ж.
Глиняная и фаянсовая посуда	23600	7400	34800	11700	42500	13400	49700	17700	52200	19700	64300	23800
Топливо, газъ, химическіе продукты . .	5800	300	16400	1700	24800	1500	34900	4100	44000	4000	66400	6300
Мѣха, кожа, клей . . .	31600	2400	44500	6500	47300	8300	49400	10200	49400	13300	59100	18200
Деревянная мебель, экипажи и пр. .	147500	4900	180200	8900	202200	14100	214200	19500	221600	18400	253600	23300
Бумага, клеенка, непромокаемые вещи	8900	3200	13600	8300	14600	10700	20300	13400	24600	23200	28600	34200
Ткани и окраска . . .	346200	257600	462400	472100	439700	526500	414500	555500	396400	566200	430500	585600
Одежда . .	343600	177200	397500	471200	378600	550900	363300	552700	344700	609300	353800	681300
Пища, питье куренье . .	82700	8000	120900	12400	133400	15600	145700	18500	152300	28900	173100	50200
Часы, инструменты, игрушки	19600	800	23500	1300	32800	2900	35900	3000	41700	3400	44600	5500
Печатаніе, переплетаніе книгъ и пр.	21100	1800	30400	3800	41300	6200	57600	8600	75000	13100	102100	19100
	1030600	463600	1324200	997900	1357200	1150100	1385500	1203200	1401900	1299500	1576100	1447500

женщинъ, не указываетъ однако на обратное движденіе или даже на пріостановку промышленнаго движенія. Она должна быть приписана ненормальному измѣненію въ одной крупной промышленности—хлопчатобумажной; за этимъ исключеніемъ количество работающихъ женщинъ въ каждой группѣ промышленности возрасла сильнѣе, чѣмъ мужчинъ.

Если мы ограничимъ наше разсмотрѣніе только взрослыми (исключая мужчинъ и женщинъ моложе 15 лѣтъ), то быстрый и правильный перевѣсъ возрастанія женскаго труда сравнительно съ мужскимъ окажется еще болѣе поразительнымъ.

Если мы обратимся къ волокнообработывающей промышленности и къ приготовленію предметовъ одѣянія, то измѣненія въ пропорціональномъ отношеніи между рабочими обоихъ половъ окажутся весьма заслуживающими вниманія. Въ волокнообработывающей и красильной промышленности происходило постоянное пониженіе абсолютнаго числа взрослыхъ рабочихъ мущинъ и непрерывное возрастаніе рабочихъ женщинъ до 1881 года. Въ 1851 г. здѣсь было занято 394.400 мужчинъ; въ 1881 г. число ихъ упало до 345,900, тогда какъ число женщинъ увеличилось за тотъ же періодъ съ 390.800 до 500.200. Данныя переписи 1891 года обнаруживаютъ рѣшительную задержку въ этомъ движеніи. Взрослые рабочіе мужчины показываютъ увеличеніе въ 34.000 надъ цифрой 1881 г. въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ, тогда какъ увеличеніе женщинъ рабочихъ было только на 15.000. Это вызвано было, съ одной стороны, лихорадочнымъ и безпорядочнымъ расширеніемъ хлопчато-бумажной промышленности, въ которой работаетъ бо́льшая доля рабочихъ мужчинъ сравнительно съ другими отраслями волокнообработывающей промышленности; съ другой стороны, тревожнымъ упадкомъ кружевной и полотняной промышленности, которыя обнаружили абсолютное пониженіе числа занятыхъ въ нихъ рабочихъ женщинъ въ размѣрѣ около 13.000. Точно также въ приготовленіи предметовъ одежды въ 1851 г. работало 377.400 мужчинъ, а въ 1881—335.900, тогда какъ число занятыхъ женщинъ увеличилось съ 441.000 до 589.000.

Эти цифры главнымъ образомъ указываютъ на смѣну мужскаго труда женскимъ. Но движеніе это свойственно вовсе не только обработкѣ волокна и приготовленію одежды, промысламъ, которые могутъ казаться спеціально подходящими къ способностямъ женщинъ. Гдѣ бы женщина ни заняла твердую почву въ промышленности, вездѣ замѣтно подобное движеніе; относительный размѣръ увеличенія работающихъ женщинъ превышаетъ размѣръ увеличенія мужскаго труда даже тамъ, гдѣ послѣдній и не обнаруживаетъ абсолютнаго уменьшенія. Таковы производства деревянной утвари и экипажей; печатаніе книгъ и переплетное дѣло; производство бумаги, клеенки, непромокаемыхъ издѣлій; мѣха, кожи, клей; пища, питье, куренье; глиняныя издѣлія, машины, игрушки. [1]) Женщины нашли также занятіе въ связи съ другими производствами, которыя являются въ главномъ мужскими занятіями, и въ которыхъ въ 1841 году совсѣмъ не было занято женщинъ или очень мало. Таковы производства топлива, газа, химическихъ продуктовъ; часы, инструменты, игрушки. Единственная группа машинныхъ производствъ, въ которыхъ число женщинъ увеличивалось съ 1851 г. не быстрѣе числа мужчинъ—это металлургическія производства. Въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ, впрочемъ, онѣ получаютъ все возрастающее занятіе. Онѣ вытѣсняютъ мужской трудъ въ „болѣе механическихъ частяхъ“ растущаго производства велосипедовъ, чугунной посуды и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ часоваго дѣла, выполняя съ помощью ма-

---

[1]) Послѣднія статистическія данныя относительно портняжничества и башмачничества, превращающихся все больше и больше въ машинные промыслы, сильно обнаруживаютъ это движеніе. Въ портняжномъ промыслѣ, при увеличеніи числа рабочихъ мужчинъ съ 107,668 въ 1881 г. до 119,496 въ 1891 г., число женщинъ рабочихъ увеличилось съ 52.980 до 89.224. Въ башмачномъ и сапожномъ промыслѣ при возрастаніи числа мужчинъ съ 180,854 до 202,648, число женщинъ возрасло съ 35.672 до 46.141. Въ Лейчестерширѣ и Нортгэмптонширѣ, гдѣ приготовленіе сапогъ и башмаковъ является машиннымъ производствомъ, на 100 мужчинъ занято 40 женщинъ, хотя во всей промышленности отношеніе женщинъ къ мужчинамъ равняется 23: 100.

шинъ работу, прежде совершавшуюся ручными рабочими мужчинами [1]).

Изъ этихъ и подобныхъ статистическихъ свѣдѣній о количествѣ рабочихъ въ современныхъ промышленныхъ странахъ можно повидимому съ основаніемъ сдѣлать слѣдующія заключенія:

1. Что тенденція современной промышленности состоитъ въ увеличеніи количества работы, предоставляемой женщинамъ, сравнительно съ работой, предоставляемой мужчинамъ.

Для характеристики вывода объ этой тенденціи должно принять во вниманіе бóльшую нерегулярность женскаго труда и тотъ фактъ, что большое число женщинъ, являющихся промышленными рабочими, отдаютъ промышленности только часть своего рабочаго дня.

2. Что это стремленіе спеціально обнаруживается въ обработывающей промышленности. Увеличеніе женскаго занятія въ торгово-промышленности и въ промышленной службѣ не больше, чѣмъ увеличеніе мужскаго занятія въ періодъ отъ 1851 по 1881 г.

3. Что въ обработывающей промышленности за исключеніемъ немногихъ по существу мужскихъ производствъ, гдѣ даже при машинахъ мускулы тяжело напрягаются, увеличеніе размѣра женскаго труда наиболѣе велико въ тѣхъ производствахъ, гдѣ машины были наиболѣе высоко развиты, какъ, напр., въ волокнообработывающихъ производствахъ.

Изъ 1.840.898, женщинъ, входившихъ въ промышленный классъ въ 1891 г., не менѣе какъ 1.319.441 были заняты въ волокнообрабатывающей промышленности и приготовленіи платья, хотя въ послѣднемъ, естественно, есть еще большая доля ручнаго производства.

Представляется очевиднымъ, что современныя усовершенствованія въ машинномъ производствѣ при нормальныхъ условіяхъ благопріятствуютъ скорѣе употребленію работы

---

[1]) Report to Commission of Labour on Employmentt of Women, стр. 142, 146.

женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Есть даже основаніе предполагать, что машины также благопріятствуютъ употребленію работы дѣтей предпочтительно предъ взрослыми тамъ, гдѣ экономическія силы находятся въ свободномъ дѣйствіи. Въ текстильной промышленности Соединенныхъ Штатовъ работа женщинъ и дѣтей преобладаетъ даже гораздо болѣе, чѣмъ въ Англіи; въ 1880 г. число работающихъ женщинъ и дѣтей было 112.859 при 59.685 рабочихъ мужчинъ, а въ Массачузетсѣ въ то же время изъ 61.246 человѣкъ рабочихъ было только 22.180 взрослыхъ мужчинъ. Пока не обнаруживается вмѣшательство законодательства и общественнаго мнѣнія, всегда существуетъ очень сильная тенденція къ употребленію труда дѣтей. Г. Уэдъ (Wade) говоритъ въ своемъ сочиненіи Fibre andFabric: „Тенденція послѣднихъ лѣтъ заключается въ употребленіи дѣтскаго труда. Мы видимъ, что мужчины часто лишаются занятія вслѣдствіе замѣны мюльной машины ring-frame и что дѣти занимаются пряденіемъ пряжи, которую обыкновенно пряли мужчины. На ткацкихъ фабрикахъ дѣвушки и женщины предпочитаются мужчинамъ, такъ что мы съ полнымъ основаніемъ можемъ ожидать, что не въ очень отдаленномъ будущемъ всѣ округа хлопчатобумажной промышленности войдутъ въ категорію женскихъ городовъ“ [1]).

§ 2. Машинное производство благопріятствуетъ употребленію женскаго труда. Въ современныхъ машинахъ все большая и большая сумма изобрѣтательнаго искусства направлена на приспособленіе дѣла управленія машинами къ физическимъ и умственнымъ способностямъ женщинъ и дѣтей. Эволюція машинъ не постоянно двигалась въ этомъ направленіи. Въ хлопчатобумажномъ пряденіи, напр., старыя машины—jenny Гаргривса и водная машина Аркрайта—обыкновеноо работали съ помощью женщинъ и дѣтей, причемъ женщины, работавшія раньше старыми инструментами—прялкой, веретеномъ, ручнымъ колесомъ, перешли на фаб-

---

1) Цитировало Wells'омъ, Contemporary Review, 1887 стр. 392.

рики. Но возрастающая сложность и размѣры мюльной машины сдѣлали ее слишкомъ обременительной для женщинъ и дѣтей, и пряденіе въ Англіи сдѣлалось вполнѣ мужскимъ занятіемъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ трудность получить мужской трудъ повела къ изобрѣтенію—уже 60 лѣтъ тому назадъ—прядильной ring-frame, которая можетъ работать при помощи женскаго труда. Ограниченность и несовершенства этого способа пряденія замедляли принятіе его въ Англіи вплоть до половины столѣтія. Но недавнія усовершенствованія повели къ быстрому росту распространенія ring-frame въ Лэнкаширѣ. Въ низкихъ сортахъ она быстро замѣняетъ мюльную машину, и въ мѣстностяхъ, гдѣ мало ткутся тонкіе сорта, она будетъ вѣроятно господствующей машиной [1]). Въ Лэнкаширѣ, впрочемъ, по всѣмъ вѣроятностямъ она не можетъ вытѣснить мюльную машину въ тонкихъ сортахъ. Ringf-rame все болѣе бросаетъ пряденіе въ руки дѣтей и женщинъ, которыя въ нѣкоторыхъ лэнкаширскихъ городахъ совершенно вытѣснили трудъ мужчинъ.

Что касается дѣтей, то экономическое стремленіе приспособить управленіе машиной къ ихъ ограниченной силѣ въ извѣстной мѣрѣ задерживается ростомъ сильнаго общественнаго чувства и законодательнымъ покровительствомъ малолѣтнимъ дѣтямъ. Если бы въ нашей странѣ и Америкѣ была предоставлена полная и постоянная свобода чисто „экономическимъ" тенденціямъ фабричной системы, то не могло бы быть сомнѣнія, что почти вся текстительная промышленность и многія другія отрасли мануфактуры велись бы дешевымъ трудомъ женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей. Прибыль, ожидаемая отъ такой свободной экплуатаціи дешеваго труда, была бы такъ велика, что изобрѣтательность еще болѣе, чѣмъ теперь, была бы сосредоточена на исключеніи мускульнаго напряженія и на сокращеніи техническаго искусства, соотвѣтственно особенностямъ болѣе дешеваго труда. Весьма возможно, что нѣкоторыя изъ обре-

---

[1]) Marsden, Cotton Spinning, стр. 2 6 и пр. См. Andrew, Fifty Years Cotton Trade, стр. 7.

Н. Д. Кузнецовъ.

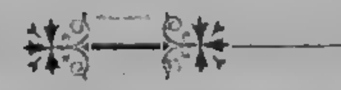
УПРАВЛЕНІЕ

ДѢЛАМИ

ИНОСТРАННЫХЪ ИСПОВѢДАНІЙ

ВЪ РОССІИ

ВЪ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Э. Г. Фалькъ.
1898.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Директоръ *С. Шпилевскій.*

ВВЕДЕНІЕ.

Въ настоящее время управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи опредѣляется „Уставами Духовныхъ Дѣлъ иностранныхъ исповѣданій“, помѣщенными въ XI т. ч. I Свода Законовъ изданія 1857 года. Въ общемъ кругу государственнаго управленія дѣла христіанскихъ иностранныхъ исповѣданій и иновѣрцевъ вѣдаются Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Производство по этимъ дѣламъ при Министрѣ сосредоточивается, на основаніи Учрежденій Министерствъ, въ Департаментѣ Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій (стт. 8, 9). По Своду Учрежденій Государственныхъ (т. I ч. I Св. Зак. изд. 1857 года) Департаментъ этотъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій. Къ первому отнесены дѣла римско-католическаго и армяно-католическаго исповѣданія, а ко второму дѣла армяно-григоріанскаго и протестанскихъ исповѣданій и, кромѣ того, духовныя дѣла магометанъ, евреевъ и ламаитовъ. Въ Департаментѣ Духовныхъ Дѣлъ не полагается особенной канцеляріи, а состоитъ вмѣсто нея Секретарскій при Директорѣ Департамента Столъ (томъ I, ч. I книга IV, Разд. V гл. IV стт. 1217—1220) [1]. Но прежде чѣмъ система управленія дѣлами иностранныхъ исповѣданій приняла существующую форму, она прошла длинный процессъ историческаго развитія. Сдѣлаемъ *нѣкоторую попытку* прослѣдить

[1]) По Своду Законовъ изданія 1892 г. т. I ч. II кн. V Разд. III, гл. V, Отд. III Департаментъ духовныхъ Дѣлъ состоитъ изъ отдѣленій, столовъ и особаго секретарскаго стола (ст. 365).

его *въ общихъ чертахъ* оканчивая временемъ изданія т. XI ч. I Свода Законовъ 1857 г. Имѣть въ виду мы будемъ управленіе дѣлами христіанскихъ исповѣданій: католическаго, протестантскаго и армяно-григоріанскаго. Начнемъ нашу рѣчь съ тѣхъ моментовъ исторіи Русскаго государства, относительно которыхъ сохранились болѣе или менѣе достаточныя извѣстія объ иновѣрной церковной жизни. Чтобы лучше оріентироваться въ данномъ вопросѣ, историческій процессъ образованія управленія дѣлами иностранныхъ исповѣданій удобно раздѣлить на нѣсколько періодовъ съ нѣкоторыми особенностями, отличающими ихъ одинъ отъ другого. Первымъ періодомъ мы назовемъ время до Эпохи преобразованій. Въ теченіе его происходитъ лишь зарожденіе и укрѣпленіе на русской почвѣ иновѣрной церковной жизни. За все это время нельзя еще говорить, собственно, объ управленіи дѣлами иностранныхъ исповѣданій, а можно имѣть въ виду лишь вообще то или другое отношеніе къ нимъ русской государственной власти. За отсутствіемъ прямыхъ распоряженій правительства по такимъ дѣламъ, для разъясненія отношенія его къ нимъ приходится обратиться къ разнаго рода договорамъ съ иностранцами, въ которыхъ очень часто затрогивался и вопросъ о положеніи въ Россіи иностранныхъ исповѣданій. Кромѣ того, необходимыя намъ данныя можно извлечь и изъ самаго хода событій иностранной жизни, описываемаго историками. На основаніи добытыхъ такимъ образомъ свѣдѣній мы увидимъ, что отношеніе русской государственной власти къ дѣламъ иностранныхъ исповѣданій опредѣлялось двумя принципами: охраненіемъ господствующей православной вѣры и полнымъ невмѣшательствомъ во внутреннюю церковную жизнь пребывающихъ въ Россіи иностранцевъ. „Государю нашему до ихъ вѣры дѣла нѣтъ“,—вотъ мысль руководившая обыкновенно правительствомъ по вопросамъ объ иностранныхъ исповѣданіяхъ. И только въ случаяхъ, когда состояніе иновѣрной

церковной жизни угрожало нарушить общій порядокъ и спокойствіе, государственная власть, конечно, принуждена была подробнѣе входить въ вопросы этой жизни. Таковы, какъ увидимъ, были дѣла генерала Баумана и Квирина Кульмана. Правительственнымъ органомъ болѣе и чаще другихъ занимавшимся дѣлами иностранныхъ исповѣданій былъ Посольскій приказъ.

Вторымъ періодомъ мы обозначаемъ время отъ Эпохи преобразованій до вступленія на престолъ Екатерины II-й. Значительно развившаяся къ концу перваго періода иновѣрная церковная жизнь на протяженіи втораго уже окончательно обосновывается на русской почвѣ. Принципъ охраненія православія по прежнему соблюдается правительствомъ, но полное невмѣшательство во внутреннюю церковную жизнь иностранцевъ теперь уже не могло быть проведено вполнѣ. Разныя обстоятельства среди этой жизни побудили Петра учредить въ 1711 году должность суперъ-интендента, которому онъ поручилъ надзоръ за протестантской церковной жизни и составленіе для нея нѣкоторыхъ правилъ. Этотъ случай приходится считать первой попыткой со стороны государственной власти установить нѣкоторое управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи. Съ учрежденіемъ Св. Синода онъ дѣлается главнымъ правительственнымъ органомъ, вѣдающимъ дѣла иностраннымъ исповѣданій. Передача ихъ въ это высшее установленіе показываетъ, что управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій пріобрѣло уже нѣкоторую прочность. Кромѣ Синода въ управленіи дѣлами иностранныхъ исповѣданій принимаетъ участіе и Коллегія Иностранныхъ дѣлъ, замѣнившая собою Посольскій приказъ, но она является лишь какъ бы помощницей Синода.

При Аннѣ Іоанновнѣ по управленію дѣлами иностранныхъ исповѣданій выступаетъ на сцену другой правительственный органъ Юстицъ-Коллегія Лифляндскихъ, Эстлянд-

скихъ и Финляндскихъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ этимъ, вліяніе на эти дѣла со стороны Синода начинаетъ уменьшаться, а самостоятельность Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ относительно нихъ—увеличиваться. По вопросу объ участіи въ управленіи дѣлами иностранныхъ исповѣданій со стороны всѣхъ этихъ правительственныхъ органовъ, кромѣ указовъ въ Полномъ Собраніи Постановленій и Распоряженій по Вѣдомству Православнаго Исповѣданія и первомъ полномъ Собраніи Законовъ, пришлось обращаться также къ дѣламъ, относящимся до иностранныхъ исповѣданій въ Россіи и хранящимся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ, и по описанію хода дѣла выводить заключеніе по нашему вопросу. Вообще, управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій за второй періодъ отличается неопредѣленностью и недостаточностью, что особенно отразилось на дѣлахъ армянскаго исповѣданія, которое въ теченіи всего періода не можетъ, подобно другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ, вполнѣ прочно обосноваться въ Россіи.

Время отъ Екатерины II-й оканчивая изданіемъ XI тома ч. I Св. Законовъ 1857 г. составитъ третій періодъ. Въ теченіе этого періода постепенно совершается уже настоящая организація управленія дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ зависимости отъ расширенія и усложненія самой иновѣрной церковной жизни. Каждое царствованіе вноситъ улучшеніе въ эту организацію.

Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II иностранная церковная жизнь значительно расширяется и усложняется. Недостаточность и неопредѣленность прежняго управленія ею начинаютъ сказываться все яснѣй и яснѣй. Сами иностранцы, убѣдившись на опытѣ, какъ необходимо для ихъ церковной жизни лучшее устройство управленія ею, обращаются къ правительству съ просьбами организовать его на болѣе твердыхъ и опредѣленныхъ началахъ. Регламентъ Пе-

тербургской Католической церкви 1769 года и „Манифестъ 1778 года о учрежденіяхъ для возстановленія согласія между членами Петербургской Реформатской церкви“ представляютъ уже цѣлые законодательные акты по регулированію нѣкоторыхъ сторонъ иновѣрной церковной жизни. Раздѣлы Польши даютъ Россіи значительное католическое населеніе и заставляютъ правительство болѣе подробно заняться устройствомъ управленія римско-католическими дѣлами, и въ царствованіе Екатерины II оно складывается въ общихъ своихъ чертахъ. Непродолжительное царствованіе Павла I, повернувшее, было, управленіе римско-католическими дѣлами по другому направленію, только содѣйствовало упроченію направленія Екатерины II. Кромѣ того, при Екатеринѣ армянское исповѣданіе пріобрѣтаетъ положеніе въ государствѣ одинаковое съ другими христіанскими исповѣданіями, и начинаются попытки организаціи его церковной жизни. При Павлѣ эта организація идетъ дальше и устанавливается значительное вліяніе русскаго правительства на положеніе армянскаго Католикоса. Царствованіе Александра I, столь обильное преобразованіями въ высшемъ государственномъ управленіи, не могло уже обойти вопросъ и объ управленіи дѣлами иностранныхъ исповѣданій. При Александрѣ I оно дѣлается особою отраслью государственнаго управленія Россіи и дѣла его, разсѣянныя по разнымъ учрежденіямъ, сосредоточиваются въ одномъ высшемъ государственномъ установленіи подъ названіемъ Главнаго Управленія дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Кромѣ того, относительно протестантскаго исповѣданія при Александрѣ I-мъ выясняется уже необходимость контроля и по такимъ вопросамъ его церковной жизни, которые, болѣе или менѣе, касаются его вѣроученія и принятыхъ обычаевъ.

Наконецъ, время Николая I представляетъ изъ себя заключительную часть періода организаціи управленія дѣлами

иностранныхъ исповѣданій въ Россіи. Уже значительно развитая регламентація иновѣрной церковной жизни за предшествовавшія царствованія, разныя удачныя подготовительныя распоряженія прежнихъ государей, удобныя политическія обстоятельства,—все это помогло правительству Николая I привести управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій почти въ тотъ самый видъ, въ какомъ оно находится и до сихъ поръ. Окончательное укрѣпленіе направленія принятаго Екатериной II по управленію дѣлами римско-католической церкви, Договоръ 1847 года съ Римскимъ Дворомъ, уничтоженіе уніатовъ, какъ отдѣльнаго исповѣданія, черезъ соединеніе ихъ съ Православной церковью, Общій Уставъ Лютеранской церкви въ Россіи, Положеніе объ управленіи Армяно-Григоріанской церкви въ Россіи, приходящіяся на царствованіе Николая I,—все это и было положено въ основу при составленіи XI тома ч. I кн. I, II и III Свода Законовъ 1857 года.

Завѣщанный первымъ періодомъ принципъ охраненія православія сохранился и во всѣ послѣдующіе. Русская государственная власть всегда заботилась и заботится, чтобы въ Россіи не происходило какой-нибудь пропаганды иновѣрныхъ ученій, невмѣшательство же правительства перваго періода во внутреннюю церковную жизнь иностранныхъ исповѣданій вслѣдствіе измѣнившихся условій этой жизни, конечно, уже не могло поддерживаться. Слѣды его, однако, можно усматривать, повидимому, въ той деликатности, съ какой русское правительство относилось къ вопросамъ церковной жизни христіанъ иновѣрныхъ исповѣданій. При составленіи тѣхъ или другихъ законодательныхъ актовъ оно старалось принимать во вниманіе содержаніе даннаго вѣроученія, установившіеся обряды, обычаи и т. п. Самая разработка вопросовъ управленія дѣлами иностранныхъ исповѣданій совершалась по просьбѣ или съ согласія и всегда при участіи пред-

ставителей этихъ исповѣданій. Прежде чѣмъ то или другое „Положеніе“, регулирующее иновѣрную церковную жизнь, получало силу закона, о немъ обыкновенно предоставлялось высказаться самимъ членамъ извѣстнаго исповѣданія. По утвержденіи же его оно почти всегда содержало оговорку, что, въ случаѣ признанія потребности какихъ-либо измѣненій или дополненій, иновѣрцамъ разрѣшалось дѣлать по этому поводу представленія правительству. Словомъ, полное невмѣшательство перваго періода перешло затѣмъ въ самую широкую вѣротерпимость.

Разсмотрѣніе процесса образованія управленія дѣлами иностранныхъ исповѣданій можетъ составить, кромѣ того, нѣкоторую иллюстрацію къ тому, какъ развивается управленіе въ зависимости отъ развитія самой жизни и какъ важно для правительственной власти понимать потребности жизни и во время отзываться на нихъ. Разсмотрѣніе это можетъ также способствовать и уясненію того, насколько необходимо участіе государственной власти въ дѣлахъ церковной жизни, когда она для своихъ высшихъ цѣлей пользуется земными средствами, какъ напримѣръ, имуществомъ, авторитетомъ власти и т. п.

ГЛАВА I.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

До Эпохи преобразованій. Отношеніе русской правительственной власти къ католической церкви на Нѣмецкомъ Дворѣ въ Новгородѣ. Вѣроисповѣдное положеніе въ Россіи членовъ Англо-русской торговой компаніи. Отношеніе русской правительственной власти къ римско-католическому исповѣданію и обоснованіе его церковной жизни на русской почвѣ. Отношеніе правительственной власти къ протестанскому исповѣданію и обоснованіе его церковной жизни. Дѣло генерала Николая Баумана. Положеніе армянскаго исповѣданія. Два принципа, опредѣлявшіе собой отношеніе русской правительственной власти къ дѣламъ иностранныхъ исповѣданій въ Россіи. Разыскное дѣло Квирина Кульмана. Вопросъ объ отношеніи къ иностраннымъ исповѣданіямъ русской церковной власти.

Извѣстіе о существованіи въ русской землѣ церквей иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій идутъ изъ глубокой древности. Всего естественнѣе ожидать извѣстій о такихъ церквахъ изъ мѣстностей, имѣвшихъ наибольшее соприкосновеніе съ иностранцами. И дѣйствительно, довольно подробныя свѣдѣнія сохранились о католической нѣмецкой церкви въ Новгородѣ. Въ XII столѣтіи въ городѣ Любекѣ происходили съѣзды представителей торговыхъ городовъ Германіи. На этихъ съѣздахъ составлялисъ разныя правила, обязательныя для членовъ торговаго союза. Между прочимъ, здѣсь были начертаны постановленія для нѣмецкаго двора въ Новгородѣ и записаны въ такъ нзаываемыя „скры“. До насъ дошелъ договоръ 1270 года, заключенный Новгородомъ съ нѣмецкими городами. Въ немъ Новгородъ призналъ за нѣмецкимъ дворомъ право руководствоваться въ своихъ дѣлахъ собственными правилами, утвержденными союзомъ и составлявшими „скры“ [1]).

---

[1]) „О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1270 году“. П. Андреевскій стр. 6, 7. Сравн. „Сѣверорусскія народоправства“. Н. Костомаровъ Спб. 1860 г. т. II, глава VIII.

Новгородская скра въ своей первой статьѣ гласитъ, что „отъ всего совѣта и по общему рѣшенію мудрѣйшихъ мужей изъ городовъ нѣмецкой земли предписано правду, которая издревле соблюдаема была и существовала въ Новгородскомъ нѣмецкомъ дворѣ, такъ блюсти и нынѣ всѣмъ тѣмъ, которые пріѣзжаютъ въ упомянутый дворъ водой и сухимъ путемъ“ [1]). Статьи 7—9 содержатъ постановленіе относительно священниковъ новгородской кирхи. Каждый поѣздъ гостей, мѣнявшійся два раза въ годъ, долженъ былъ привозить своего священника, которые и заступали мѣсто одинъ другаго, и вновь пріѣхавшаго слѣдовало держаться всѣмъ, во дворѣ живущимъ. Содержаніе священника во время пути возлагалось на самихъ ѣхавшихъ купцовъ. По пріѣздѣ же въ Новгородъ зимніе гости сейчасъ могли выдавать своему священнику 50 марокъ кунъ изъ имѣнія св. Петра, чтобы священникъ самъ заботился о своемъ содержаніи. Но лѣтніе гости, какъ во время пути, такъ и на дворѣ, должны были сами содержать своего священника. Такимъ образомъ, пребываніе нѣмцевъ въ Новгородѣ было вполнѣ временнымъ, да и самыя торговыя сношенія ихъ съ новгородцами, какъ показываютъ другія статьи скры, были доведены до minimum'а и потому, конечно, еще тѣмъ менѣе можетъ быть поставленъ вопросъ о какомъ либо отношеніи русской власти къ церковнымъ дѣламъ иностранцевъ. Съ подчиненіемъ Новгорода Москвѣ Іоаннъ III отнялъ церковь у нѣмецкихъ купцовъ [2]). Василій Іоанновичъ на основаніи перемирія, заключеннаго 25 мая 1514 года въ Новгородѣ между Новгородскимъ намѣстникомъ и Ганзейскими городами, возвратилъ имъ церковь и дворъ [3]). Но уже

---

[1]) Скра Новгородская. Приложеніе I къ книгѣ И. Андреевскаго „О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами“.

[2]) Сѣверорусскія народоправства. Костомаровъ гл. VIII, стр. 212, 213.

[3]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ т. V, № 65. Копія съ договорной грамоты 1514 г. нѣмецкихъ купеческихъ, именующихся ганзеатическими, 70 городовъ.

во второй половинѣ XVI вѣка, какъ свидѣтельствуетъ одинъ иностранецъ, посѣтившій Новгородъ, отъ церкви св. Петра видны были лишь однѣ развалины [1]).

Въ XVI вѣкѣ Московское государство уже достаточно окрѣпло, какъ политическое цѣлое, и теперь ему предстояла задача развитія промышленнаго. Взоры его, естественно, должны были обратиться на промышленный Западъ, чтобы въ общеніи съ нимъ установить свою торговлю и дать толчекъ собственной промышленности. Московскіе цари хорошо сознавали эту важную государственную задачу, и на этой почвѣ между Москвой и Западной Европой начинается обмѣнъ посольствъ и установленіе разныхъ договоровъ. Въ этихъ договорахъ часто затрагивался и вопросъ о вѣроисповѣдномъ положеніи въ Московскомъ государствѣ иностранцевъ, и на основаніи ихъ можно судить объ отношеніи къ этому вопросу русской государственной власти того времени. На время царствованія Іоанна Грознаго падаетъ возникновеніе въ Англіи извѣстной Англо-русской торговой компаніи. Ей разрѣшено было имѣть въ Москвѣ (на Варваркѣ) собственный домъ и устраивать склады во многихъ большихъ городахъ: Новгородѣ, Псковѣ, Ярославлѣ и друг. Черезъ англійскаго посла Рандольфа Компанія выхлопотала царскую грамоту. Представителямъ компаніи въ Россіи дозволялось „хранить свой собственный законъ и никто изъ нашихъ да не принуждаетъ ихъ противъ воли къ нашему закону“ [2]). Просьба о свободѣ вѣры для англійскихъ купцовъ въ Россіи была повторена англійскимъ посломъ Флетчеромъ. По поводу этого правительство Θеодора Іоанновича дало послу очень

---

[1]) Въ сочиненіи проф. Варшавск. университета Д. Цвѣтаева: „Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій“. Москва 1890 г., гл. I, стр. 23.

[2]) Въ сочиненіи проф. Цвѣтаева: „Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи въ XVI и XVII вв.“ стр. 12. Москва 1885 года.

характерный отвѣтъ: „государю нашему, великому государю царю и великому князю до ихъ вѣры и дѣла нѣтъ: многихъ вѣръ люди живутъ въ государя нашего государствѣ, а никоторыхъ государствъ отъ вѣры ихъ отводить не велитъ, всякій живетъ въ своей вѣрѣ; также и турскіе и англинскіе гости и цесаревы области и францовскіе и гишпанскіе и иныхъ государствъ гости, которые ни пріѣзжаютъ въ государя нашего государство, и тѣ всѣ живутъ въ своихъ вѣрахъ, а отъ вѣры ихъ не отводятъ, кто какъ хочетъ, тотъ такъ и живетъ въ своей вѣрѣ“ [1]).

Стремленіями Москвы завязать торговыя сношенія съ Европой хотѣло воспользоваться въ своихъ цѣляхъ папство. Не погасившее еще въ себѣ надежду на подчиненіе Востока, оно отправило посольство къ Іоанну Грозному съ предложеніемъ объ открытіи торговли съ Венеціей, а также и помощи въ виду тогдашняго затруднительнаго положенія Москвы. На главу посольства іезуита Поссевина, кромѣ политической миссіи, была возложена также задача добиться разрѣшенія построить въ Москвѣ католическую церковь. Если же этого не дозволятъ, то Поссевинъ, какъ рекомендовала ему папская инструкція, долженъ былъ увѣрять въ невозможности установить иначе торговыя сношенія съ католическими народами. Въ отвѣтъ на свои домогательства Поссевинъ услышалъ, что „Римлянамъ, Венеціанцамъ и Цесарской области торговымъ людямъ въ Московское государство пріѣзжать и торговать повольно и попамъ съ ними ихъ вѣры ѣздить воля безъ всякаго возбраненія, только имъ ученія своего русскимъ людямъ не плодить и костеловъ имъ въ государствѣ Московскомъ не ставить, каждый въ своей вѣрѣ да пребываетъ“ [2]).

---

[1]) Моск. Главн. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла англійскія 1581—1589 гг. № 1, листъ 539. Напечатано въ приложеніи III къ сочин. Цвѣтаева: „Вѣроиспов. полож. протест. купцовъ въ Россіи“.

[2]) Архивъ Мин. Ин. дѣлъ. Дѣла римско-католическія. Картонъ 1. 1695 г.

Такимъ образомъ, охраненіе православія и полное невмѣшательство въ религіозные интересы иностранцевъ—вотъ два принципа, которые опредѣляли собой отношеніе русскаго правительства къ иностраннымъ исповѣданіямъ.

При Борисѣ Годуновѣ католицизмъ опять сдѣлалъ попытку получить разрѣшеніе строить костелы въ Московскомъ государствѣ. Въ 1600 году Сигизмундъ отправилъ къ Борису Сапѣгу съ двумя іезуитами съ предложеніемъ мира. Въ условія этого мира было включено, чтобы полякамъ находящимся въ Россіи и пріобрѣвшимъ въ ней земли свободно отправлять богослуженіе, строить въ своихъ имѣніяхъ костелы, а также въ Москвѣ и другихъ городахъ, и завести при нихъ школы или коллегіи. Сапѣгѣ было сказано, что иностранцы могутъ свободно исповѣдывать свою вѣру, но строить латинскихъ церквей нельзя [1]). Даже въ Смутное время, когда католицизмъ особенно разсчитывалъ на осуществленіе своей обычной мечты, онъ долженъ былъ удовлетвориться лишь свободнымъ совершеніемъ богослуженія для природныхъ католиковъ, да не имѣвшей большого значенія домашней во дворцѣ каплицей для Марины [2]). Возмутительное отношеніе католиковъ ко всему православному при второмъ Самозванцѣ привело лишь къ тому, что очень вооружило русскихъ противъ католицизма и заставило правительство относиться къ нему еще съ бо́льшей осторожностью. Въ 1627 г. къ Ми-

---

№ 2. Списокъ съ прошенія римскихъ патеровъ Францизска и Павла о постройкѣ церкви въ нѣмецкой слободѣ, тутъ же выписка по сему дѣлу и о находившихся въ разныя времена въ Россіи римскихъ патерахъ. Выписка въ Посольскомъ приказѣ по поводу челобитной помѣщена въ приложеніи къ сочиненію проф. Цвѣтаева: „Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“.

[1]) Гр. Толстой. „Римскій католицизмъ въ Россіи“. Спб. 1876 года т. I, стр. 78.

[2]) Толстой. Op. cit., т. I, стр. 82. Сравн. Цвѣтаевъ, „Изъ исторіи иностр. исповѣд.“ книга 2, стр. 296.

хаилу Θеодоровичу являлся посолъ Людовика XIII, Людвигъ Гай, для установленія торговыхъ связей съ французами. Вопросъ о торговлѣ былъ тѣсно соединенъ съ вопросомъ о вѣрѣ. Гай просилъ разрѣшенія построить въ Москвѣ костелъ для французскихъ подданныхъ и держать имъ у себя „поповъ и учителей своей вѣры", но во всемъ этомъ ему было отказано „накрѣпко" [1]). Даже при наборѣ въ 1631 г. заграницей войска правительство воспретило нанимать солдатъ „понежскія вѣры". Богослуженіе для католиковъ могло совершаться лишь священниками, пріѣзжавшими въ свитѣ пословъ. Но „ни Алексѣй Михаиловичъ, ни Θеодоръ Алексѣевичъ, какъ замѣчаетъ проф. Цвѣтаевъ, не разрѣшали католикамъ ни постояннаго духовенства, ни костела, отвергнувъ всѣ домогательства, особенно настойчивыя со стороны польскихъ королей". Такое отношеніе къ католицизму, естественно, должно было смягчаться въ областяхъ, присоединяемыхъ къ Московскому государству путемъ завоеваній. Напр., въ Андрусовскомъ договорѣ, 1666 г. въ п. 3 сказано, что жители, уступленныхъ отъ Польши городовъ, свободно могутъ „имѣть употребленіе вѣры католической безъ всякаго въ отправленіи богомолія своего въ домахъ своихъ затрудненія" [2]).

Съ появленіемъ въ Россіи извѣстнаго Гордона дѣла католиковъ принимаютъ иной оборотъ. Въ 1684 г. вмѣстѣ съ другими онъ подалъ челобитную царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ и просилъ „ради ихъ душевнаго спасенія призвать пасторовъ и держать молитвенный домъ" [3]). Просьбу эту поддерживало посольство Жировскаго отъ цесаря Лео-

---

[1]) Толстой. Op. cit., т. I, стр. 98, сравн. Цвѣтаевъ: „Изъ ист. иностр. испов.", стр. 304.

[2]) Первое Полное Собраніе Законовъ, томъ I, № 398.

[3]) Челобитная Гордона съ товарищами, поданная царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ. Дѣла духовныя иностранныхъ исповѣданій св. I 1684 г. № 1. Помѣщена въ приложеніи къ сочиненію Цвѣтаева: „Изъ исторіи ин. испов.".

польда. Среди посольства находился іезуитъ Шмидтъ. На просьбы пословъ о постройкѣ костела и о пропускѣ двухъ ксендзовъ имъ было отвѣчено, что великіе государи посовѣтуются съ патріархомъ. Вскорѣ къ посольству присоединился „цезарскій гонецъ и секретарь короля Маврикій Вота“, одинъ изъ важныхъ членовъ іезуитскаго ордена. Вота сумѣлъ повліять на честолюбиваго князя Голицына, временщика той эпохи, и оставить въ Москвѣ Шмидта, который совершалъ службу и завелъ школы. „А по какому указу, тотъ іезуитъ на Москвѣ оставленъ, того въ посольскомъ приказѣ не вѣдомо“ [1]. Другой посолъ Леопольда, Игнатій Куртцъ, успѣлъ водворить въ Москвѣ другого іезуита Дебоа. О немъ въ грамотѣ Леопольду говорилось, что „великіе государи для братской съ нимъ любви и по желанію его цезарскому тому ксендзу быть до времени указали“ [2]. Кромѣ того, при помощи Куртца въ слободѣ былъ купленъ на цесарскія деньги домъ, записанный на имя торговаго иноземца Гвасконія. Черезъ 5 лѣтъ Шмидтъ просилъ отпустить его, а Леопольдъ прислалъ на его мѣсто Товія Тихановскаго. „На то что цезарь такъ произвольно распоряжается, назначеніемъ новыхъ іезуитовъ, не справившись напередъ о желаніяхъ и выборѣ правительства у насъ, прибавляетъ проф. Цвѣтаевъ, пока какъ бы не обращали вниманія“ [3].

Іезуиты водворенные въ Москвѣ благодаря императору Леопольду вскорѣ были высланы съ воспрещеніемъ появляться въ Россіи. Чтобы добиться возвращенія іезуитовъ, въ Москву снова пріѣзжаетъ цезарскій посолъ Куртцъ. Послу разъяснили, что іезуитамъ было позволено жить въ Москвѣ по

---

[1] Выписка въ Посольскомъ приказѣ по поводу челобитной патеровъ Франциска и Павла.

[2] Выписка въ Посольскомъ приказѣ.

[3] „Исторія сооруженія перваго костела въ Москвѣ“ проф. Цвѣтаева. Москва 1886 г. гл. III. стр. 57.

дружбѣ и любви государей къ императору и притомъ на время. Но іезуиты начали жить неспокойно, вступаться не въ свои дѣла, писать въ иныя государства многое, „что имъ не надлежало“ и практиковать разные способы для совращенія православныхъ [1]). Государи могутъ позволить лишь „побывать въ Москвѣ на время одному свѣтскому священнику кромѣ іезуитовъ и иныхъ законниковъ, и то для начальныхъ людей римскаго исповѣданія, которые служатъ ихъ царскому величеству, и отправлять для нихъ службу на дому“. Куртцъ, благодаря и за это, просилъ однако, чтобы было позволено жить въ Москвѣ не одному, а двумъ ксендзамъ. Именнымъ указомъ 1690 г. это было разрѣшено „для братскія дружбы съ Его Цесарскимъ Величествомъ“ [2]). При отъѣздѣ изъ Москвы Куртцъ оставилъ въ Москвѣ доминикана, который жилъ въ Нѣмецкой Слободѣ. На его мѣсто были присланы отъ Леопольда Лефлеръ и Яросъ. Поселившись въ Слободѣ на дворѣ Гваскопія, они построили тамъ деревянный костелъ и „отправляли богомоліе римское явно, а не въ домахъ“. Эти-то патеры и обратились въ 1695 г. къ государямъ о разрѣшеніи построить церковь каменную.

Гордонъ, между тѣмъ, еще ранѣе принялся за хлопоты о каменномъ костелѣ, открылъ сборъ пожертвованій на передѣлку молитвеннаго дома и, если вѣрить его запискамъ, въ одной частной бесѣдѣ съ Петромъ онъ получилъ позволеніе строить каменный костелъ [3]). Въ виду Азовскихъ походовъ указа по поводу челобитной католическихъ патеровъ учинено не было. Но 3 Іюня 1695 года „иноземскихъ дѣлъ стряпчій“ Якимовъ словесно извѣстилъ Посольскій приказъ, что католики на дворѣ Гваскопія строятъ каменный костелъ безъ царскаго указа и онъ уже наполовину готовъ. Обсто-

---

[1]) Выписка въ Посольскомъ приказѣ.

[2]) 1-е Полное Собраніе Законовъ т. III, № 1388.

[3]) Цвѣтаевъ. „Исторія сооруженія перваго костела въ Москвѣ“, стр. 104.

ятельство это встревожило и другихъ иностранцевъ и они опасались, какъ бы католики не стали чинить черезъ это соблазны не только русскимъ, но и имъ. Уполномоченнаго отъ Посольскаго приказа произвести слѣдствіе католики увѣряли, что это не костелъ, а только склепъ для погребенія семейства Гордона, но назначеніе постройки казалось другимъ, да и каменьщики, какъ означено въ дѣлѣ, прямо заявили, что ихъ подрядилъ Гвасконій сдѣлать на своемъ дворѣ погребъ, а надъ погребомъ костелъ каменный" [1]).

Всѣ эти данныя были отправлены Петру подъ Азовъ. Отвѣтомъ былъ указъ государей допросить Гвасконія и римскаго ксендза, на какомъ основаніи они строятъ костелъ, а работы остановить. Посольскій приказъ многократно требовалъ ихъ въ приказъ, но „римскій ксендзъ и Гвасконій по той посылкѣ въ приказъ не пошли и сказокъ не дали" [2]). Тогда приказъ произвелъ новый осмотръ. Петръ, убѣдившись въ назначеніи постройки, велѣлъ прекратить каменную кладку. Церковь вышла деревянная. Цезарскій посолъ Гваріентъ нашелъ ее тѣсной и рѣшилъ передѣлать на свой счетъ. У Гваріента же происходило собраніе по вопросу о содержаніи церкви и ея общины. Кромѣ того, Гваріентъ привезъ съ собой трехъ новыхъ ксендзовъ для замѣны прежнихъ. Отъ имени императора онъ просилъ объ отпускѣ Лефлера и Яроса, о принятіи двухъ на его мѣсто, а третьяго просилъ отправить въ Воронежъ на мѣсто тамошняго ксендза у венеціанскихъ корабельныхъ мастеровъ. Что касается воронежскаго патера, то, по словамъ проф. Цвѣтаева „бояре были озадачены: въ Посольскомъ приказѣ о немъ ничего не знали, отпуска ему отсюда не давали, какъ и вообще не выдавалось отпуска ни одному ксендзу ни въ Воронежъ, ни

---

[1]) Дѣла римско-католическія связка 1—1695 г., № 2 Приложеніе II, отд. 3 къ сочиненію „Изъ Исторіи Иностранныхъ Исповѣданій".

[2]) Ibid.

къ Азову“ [1]). На отправленіе ксендза въ Воронежъ Посольскій приказъ однако согласился. По прибытіи оттуда прежняго патера, таковымъ оказался не какой-либо новый, а уже извѣстный намъ Лефлеръ.

Нуждаясь въ союзѣ Польши противъ Швеціи, Петръ Гродненскимъ актомъ 1705 года предоставилъ католикамъ свободу вѣроисповѣданія и право строить костелы [2]). Не прошло и года, какъ въ Москвѣ существовалъ уже каменный костелъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Россію снова проникли іезуиты. По вторичномъ ихъ изгнаніи въ 1719 году, изъ-за костела начинаются споры между разными католическими орденами. Когда Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ пришлось сообщать Синоду о числѣ католическихъ костеловъ въ Россіи, то ни въ дѣлахъ Посольскаго приказа, ни въ дѣлахъ Московской Посольской канцеляріи не нашлось ни одного документа, оправдывавшаго существованіе этого костела. Обратились съ вопросомъ къ старостѣ костела, сыну Гордона, Петру. Онъ сказалъ, что государь далъ позволеніе строить костелъ его отцу подъ Азовомъ, но письменное или словесное — сказать не можетъ. Самъ онъ тогда не былъ въ Москвѣ, а слышалъ объ этомъ отъ своего брата и другихъ прихожанъ. Но все-таки онъ склоненъ думать, что дозволеніе было письменное, хотя его и нѣтъ сейчасъ, потому что при высылкѣ въ 1719 году изъ Москвы „римскихъ законниковъ“ всѣ письменные документы были отправлены въ Петербургъ [3]). Въ 1797 году настоятель Московскаго костела просилъ Павла I о выдачѣ ему копіи съ грамоты 1705 г.

---

[1]) „Истор. построенія перваго костела“ стр. 118.

[2]) „Римскій католицизмъ“ Толстого т. I-й стр. 137. „Исторія построенія костела“ стр. 120.

[3]) Дополненіе къ дѣлу о московскомъ каменномъ костелѣ, написанное московской Посольской канцеляріей въ 1721 г. Показаніе полковника Петра Гордона о достройкѣ костела. Помѣщено въ приложеніи III къ сочиненію „Изъ исторіи Иностран. исповѣданій“.

Петра I о костелѣ, но ему было въ этомъ отказано. Грамота эта была признана не достовѣрною [1]). Въ ней Петръ I названъ Императоромъ, хотя въ 1705 году онъ еще не носилъ этого титула. Кромѣ того, грамота наполнена „неимовѣрными похвалами“ капуцинскому ордену, и въ ней не обозначено, гдѣ и въ какое время она дана [2]).

Таково было положеніе въ русскомъ государствѣ католицизма до эпохи преобразованій. Въ виду недостатка свѣдѣній объ узаконеніяхъ, регулирующихъ церковную жизнь католиковъ, приходится ограничиться историческими данными, чтобы уже на основаніи ихъ сдѣлать нѣкоторыя заключенія объ отношеніи правительства къ католическому исповѣданію.

Подобнымъ же образомъ необходимо поступить и относительно другого иностраннаго исповѣданія—протестантскаго. Оно пользовалось гораздо лучшимъ положеніемъ въ Московскомъ государствѣ. Исторія его здѣсь обильнѣе фактами, касающимися собственно московской жизни протестантовъ, а потому и лучше можетъ разъяснить, какъ относилась правительственная власть къ дѣламъ иностранныхъ исповѣданій.

Перенесемся опять ко временамъ Іоанна Грознаго. Кромѣ торговыхъ договоровъ установленіе связей съ иностранцами шло и инымъ путемъ. Москвѣ пришлось вступить въ борьбу съ своими западными сосѣдями. Возникшія войны давали много плѣнныхъ. Царь, въ ожиданіи отъ нихъ пользы въ качествѣ разныхъ техниковъ, мастеровъ, художниковъ, лѣкарей и т. п., задерживалъ ихъ массами, разселялъ не только по большимъ городамъ, но и въ самыхъ глухихъ мѣстностяхъ. Черезъ войны съ Швеціей и Ливоніей въ Моск-

---

[1]) Челобитная Пешке (настоятеля московскаго костела) Императору Павлу I-му 10 Іюля 1797 года. Дѣла Иностранныхъ Исповѣданій. Католическія дѣла 1695 г. № 2, помѣщена въ приложеніи VI.

[2]) Копія съ жалованной грамоты Московскому костелу 1705 г. Дѣла Католическія 1705 года № 1, напечатана въ приложеніи V.

ву начался большой приливъ иностранцевъ—протестантовъ, среди которыхъ, естественно, могли попадаться и пасторы. При взятіи, наприм., Дерпта въ числѣ плѣнныхъ оказался пасторъ Брокель. Доставленный зимой 1559 года въ Москву, онъ, какъ разсказываетъ самъ, встрѣтилъ здѣсь одного доктора—иностранца. Докторъ говорилъ ему, что „въ этихъ нечестивыхъ мѣстахъ цѣлыхъ 30 лѣтъ онъ не могъ, къ своему сожалѣнію, пріобщиться Тѣла и Крови Христовыхъ по прямому установленію Его, такъ какъ тутъ не было христіанскаго проповѣдника". Брокель проповѣдывалъ въ Москвѣ, по домамъ пріобщалъ и крестилъ дѣтей. „Съ пребываніемъ его въ Москвѣ, какъ замѣчаетъ проф. Цвѣтаевъ, можно соединить начало Московской Лютеранской общины, пусть въ ней еще и не видно какой-нибудь строго опредѣленной организаціи"[1]). При Іоаннѣ Грозномъ, въ правленіе крещеннаго татарскаго царевича Симеона, община добилась устройства небольшаго храма безъ колокольни и колоколовъ. Но храмъ этотъ стоялъ недолго. Іоаннъ, разгнѣванный „на высокомѣріе, тщеславіе и дерзкіе поступки жителей Нѣмецкой слободы" разорилъ ее, и богослуженіе по прежнему должно было совершаться въ частномъ домѣ. При Борисѣ Годуновѣ, питавшемъ особое расположеніе къ иноземцамъ, кирха была возстановлена по просьбѣ докторовъ. Въ Смутное время она снова погибла отъ пожара. Въ царствованіе Годунова лютеранская община имѣла уже настолько средствъ, что могла не довольствоваться служеніемъ плѣнныхъ пасторовъ, но пригласить къ себѣ пастора изъ-за границы. Изъ Вестфаліи пріѣхалъ пасторъ Гуллеманъ и лейпцигскій студентъ Мартинъ Беръ, занявшійся обученіемъ дѣтей въ нѣмецкой школѣ. Впослѣдствіи Гуллеманъ поставилъ его па-

---

[1]) „Протестантство и протестанты въ Россіи до Эпохи преобразованій" проф. Д. Цвѣтаева стр. 35—37.

сторомъ. Когда послѣ смерти пастора Вебера Московская община оставалась нѣкоторое время вовсе безъ пастора, то община выбрала пасторомъ пріѣхавшаго съ однимъ купцомъ бочара Георга Окса. Въ пасторы ординировалъ его нижегородскій пасторъ Христіанъ [1]).

Въ 1617 г. въ Столбовскомъ договорѣ были опредѣлены вѣроисповѣдныя права въ Россіи шведскихъ подданныхъ. Разрѣшая шведскимъ купцамъ устраивать торговые дворы въ разныхъ городахъ, договоръ прибавляетъ: „а вѣры своей пѣніе вольно имъ по тѣмъ же дворамъ въ своихъ хоромахъ имѣть, а церквей по своей вѣрѣ не ставить“ [2]). Шведскій агентъ Меллеръ очень расширилъ смыслъ этого договора и устроилъ на свомъ подворьѣ въ Москвѣ особую церковь.

Благодаря щедрымъ приношеніямъ церковь Лютеранской общины увеличилась и, какъ видно изъ ея метрическихъ книгъ, въ 1624 году [3]), ею пользовались не только нѣмцы, „но и англичане, шотландцы и ирландцы, которыхъ было даже больше нѣмцевъ“. Въ 1626 году церковь сгорѣла и вновь ее построили дальше отъ центра у Земляного вала. Вскорѣ часть прихожанъ отдѣлилась отъ нея и устроила новую церковь въ Бѣломъ городѣ. Послѣ этого представители реформатскаго исповѣданія голландцы и англичане также начали стараться устроиться отдѣльно отъ лютеранъ своей собственной общиной съ отдѣльнымъ пасторомъ.

Въ 1629 году у реформатовъ является уже своя церковь въ Бѣломъ городѣ, недалеко отъ церкви второй Нѣмецкой общины. Сперва, по словамъ Олеарія, они выстроили

---

[1]) Ibid. стр. 54.

[2]) 14 пунктъ Столбовскаго договора. Напечатанъ въ приложеніи XI къ сочиненію „Вѣроисповѣдное положеніе протестант. купцовъ въ Россіи“.

[3]) „Памятники къ исторіи протестантства въ Россіи“, собранные профес. Варшавскаго Университета Д. Цвѣтаевымъ, Москва. 1888 г. ч. I. XVI. Excerpta aus dem. ältesten Kirchen-buche der alten gemeine zu Moscau стр. 184.

лишь небольшую деревянную часовню, а затѣмъ, не испросивъ разрѣшенія правительства, принялись за постройку каменной, но это имъ не удалось [1]). Въ 1643 году русскіе и особенно духовенство жаловались царю, что иностранцы все захватываютъ въ свои руки и ставятъ свои „ропаты" вблизи храмовъ православныхъ. Былъ изданъ указъ, вошедшій потомъ въ Уложеніе 1649 года, повелѣвавшій „сломать кирхи и впредь въ Китаѣ и въ Бѣломъ и въ Земляномъ городѣ кирхамъ не быть, а быть имъ за городомъ отъ церквей Божіихъ на дальнихъ мѣстахъ" (Уложеніе XIX, 40).

Несмотря на указъ, лютеране первой общины и голландцы черезъ иностранныя правительства начали хлопотать о постройкѣ церквей ближе къ центру, а лютеране второй общины самовольно выстроили себѣ кирху и при томъ на русской церковной землѣ [2]). Въ 1652 году иноземцы были переселены въ Ново-Нѣмецкую слободу на правомъ берегу Яузы и тамъ явились у нихъ двѣ кирхи лютеранскія и одна реформатская.

Въ мѣстахъ, уступленныхъ Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, было разрѣшено свободное отправленіе ихъ прежней вѣры. Договоромъ 1658 г. въ Валіесаріи [3]) эта свобода была предоставлена жителямъ ливонскихъ городовъ. Тѣмъ же договоромъ, подтвержденнымъ въ 1661 году въ Кардиссѣ при заключеніи вѣчнаго мира со Швеціей, шведскимъ подданнымъ дозволялось по-прежнему имѣть торговые дворы въ разныхъ городахъ „и въ тѣхъ дворахъ могутъ они чинить Божественную службу по своей вѣрѣ въ самыхъ своихъ избахъ и коморкахъ, а индѣ въ именованныхъ городахъ новыхъ церквей не строить, кромѣ той, которую они въ Колыванѣ изстари имѣютъ" [4]).

---

[1]) Въ соч. Цвѣтаева: „Протестантство и протестанты", стр. 67, 68.
[2]) Ibid., стр. 83, 84.
[3]) 1-е Полное Собраніе Законовъ, т. I, № 240, п. 7.
[4]) Ibid., № 301, п. 11.

Съ увеличенiемъ числа иностранцевъ и съ разрастанiемъ ихъ церковныхъ общинъ, естественно, среди ихъ могли возникать случаи, къ которымъ государственная власть не всегда могла оставаться въ положенiи невмѣшательства. И дѣйствительно, во второй половинѣ XVII в. среди протестантскихъ общинъ въ церковныхъ дѣлахъ начались раздоры, приведшiе къ возникновенiю „Дѣла генерала Баумана“, хранящагося въ Московъ. Главномъ Архивѣ Минист. Иностран. дѣлъ. Документы къ этому дѣлу изданы проф. Цвѣтаевымъ въ его „Памятникахъ къ исторiи протестантства“ ч. I. Обстоятельства этого дѣла достаточно обрисовываютъ положенiе тогдашнихъ лютеранскихъ общинъ, способы призыва ими пасторовъ, производство правительственнаго суда надъ ними и т. п.

Бауманъ былъ одинъ изъ военныхъ, приглашенныхъ на русскую службу посломъ въ Данiи княземъ Мышецкимъ. Узнавъ еще за границей о смерти московскаго пастора Якоби, Бауманъ пригласилъ Факерота изъ Тюрингiи занять его мѣсто и просилъ суперъ-интенданта Зеландскаго округа посвятить Факерота. Получивъ ординацiю, Факеротъ прибылъ въ Москву на счетъ Баумана. Вернувшись послѣ осады Конотопа, гдѣ Бауманъ получилъ чинъ генерала, онъ началъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла московскихъ протестантовъ. Онъ принялся хлопотать о возстановленiи церкви второй общины. Это ему удалось, и пасторомъ къ ней былъ опредѣленъ Факеротъ. За церковью по бòльшей части прихожанъ изъ военныхъ укрѣпилось названiе офицерской. Но вскорѣ между Бауманомъ и Факеротомъ начались неудовольствiя. Бауманъ, пользуясь своимъ влiянiемъ, захотѣлъ имѣть пасторомъ другого, именно Грегори, учителя нѣмецкой школы въ слободѣ. По настоянiю Баумана Грегори отправился за границу и въ Дрезденѣ въ присутствiи Курфюрста получилъ ординацiю въ пасторы. Саксонскiе правители, курфюрстъ Iо-

аннъ Георгъ и герцогъ Христіанъ дали ему рекомендательныя грамоты къ царю и просили царя за лютеранскія общины. Бауманъ, избранный незадолго передъ тѣмъ попечителемъ Старой Лютеранской общины, хотѣлъ было опредѣлить сюда Грегори вторымъ пасторомъ. Но образованный и талантливый Грегори едва-ли могъ разсчитывать на сочувственное отношеніе къ себѣ сослуживцевъ. Пасторъ Старой общины всѣми силами возсталъ противъ этого и такъ дерзко поступалъ съ Бауманомъ, что онъ отказался отъ попечительства. Тогда Грегори былъ назначенъ къ Факероту. Но послѣдній также уступалъ во всемъ Грегори и всяческими способами пытался подорвать его значеніе и отъ него отдѣлаться. На этой-то почвѣ и начались церковные раздоры. Постройка церкви и содержаніе школы при офицерской кирхѣ требовало большихъ расходовъ, и денегъ не хватало на жалованье пасторамъ. Въ виду недостатка пожертвованій Бауманъ и его сторонники пришли къ мысли обратиться за пособіемъ въ Германію. Къ этому могъ побуждать ихъ и примѣръ Старой общины, которая, повидимому, получала пособія изъ Гамбурга [1]). Съ этой цѣлью въ Германію былъ посланъ Грегори со сборной книгой и письмомъ, адресованнымъ ко всѣмъ покровителямъ евангелическаго аугсбургскаго исповѣданія, королямъ, курфюрстамъ, князьямъ. Въ письмѣ они просили о пособіи и, между прочимъ, говорили: „мы съ удивленіемъ смотримъ на счастье здѣшней реформатской церкви, о которой издали блюдутъ высокомочные господа Голландскіе штаты такъ тщательно, какъ бы она стояла въ Амстердамѣ" [2]). Подъ вліяніемъ членовъ общины русское правительство возложило на Грегори порученіе пригласить

---

[1]) „Протестантство и протестанты въ Россіи", стр. 98, 99.

[2]) „Генералъ Бауманъ и его дѣло", проф. Цвѣтаева. Москва 1884 года, стр. 18.

въ Россію разныхъ мастеровъ, но порученіе о сборѣ пожертвованій было дано ему безъ вѣдома правительства, за что Бауману былъ сдѣланъ строгій выговоръ. Сборная книга была покрыта подписями на крупную сумму. По возвращеніи Грегори между второй общиной и саксонскими государями устанавливается тѣсная связь. Они дѣлаются, какъ бы ея патронами. Пожертвованія, привезенныя Грегори, повели къ церковной распрѣ. Факеротъ началъ возводить на Грегори и Баумана разныя обвиненія. Бауманъ обратился съ жалобой въ свой Пушкарскій приказъ. Приказъ позвалъ Факерота къ допросу, но онъ, несмотря на двукратное приглашеніе, „учинился силенъ и для допросу въ Пушкарскій приказъ не пошелъ“ [1]). Тогда Пушкарскій приказъ долженъ былъ отнестись въ Иноземскій о доставленіи Факерота. Сторонники Факерота между тѣмъ подали челобитную въ Иноземскій приказъ. Въ ней они обвиняли Баумана въ оскорбленіи Факерота черезъ поручика Керстенъ Метца, а Грегори въ оскорбленіи чести русскаго государства тѣмъ, что за царя онъ молился послѣ римскаго цезаря и курфюрстовъ. Въ заключеніе они просили быть у нихъ пасторомъ Факероту [2]). Самъ Факеротъ также подалъ въ Иноземскій приказъ жалобу на Керстенъ Метца. Разобрать дѣло было повелѣно Посольскому приказу. Онъ отнесся въ Пушкарскій приказъ о присылкѣ въ него Баумана и Грегори [3]), а въ Иноземскій о присылкѣ лицъ подававшихъ просьбу на Метца [4]). Въ Посольскомъ приказѣ и происходилъ рядъ допросовъ и очныхъ

---

[1]) Память отъ 29 авг. 1668 г. изъ Пушкарскаго приказа въ Иноземскій о доставленіи въ Пушкарскій приказъ пастора Факерота для допроса. См. „Памятники къ исторіи протестантства въ Россіи“ I, 4.

[2]) Первая челобитная жившихъ въ Нѣмецкой слободѣ иноземныхъ военныхъ начальниковъ. „Памятники къ истор. прот.“ стр. 2.

[3]) Память изъ Посольскаго приказа въ Пушкарскій о присылкѣ генерала Баумана и пастора Грегори къ допросу отъ 9 сент. 1668 г. Ibid. стр. 8.

[4]) Память изъ Посольскаго приказа въ Иноземскій. Ibid. стр. 8.

ставокъ [1]). Бауманъ съ своей стороны подалъ челобитную въ Посольскій приказъ [2]) и въ оправданіе себя просилъ между прочимъ допросить противниковъ, какого они прихода. Тогда окажется, заявлялъ онъ, что кромѣ двухъ—трехъ они прихожане Старой церкви и „для того съ лукавствомъ и обманомъ въ нашу церковь и поповскія дѣла мѣшаются и противно правдѣ къ тому приставаютъ“. 22-го Декабря 1668 года состоялось рѣшеніе по дѣлу Баумана: при церкви оставлялся Факеротъ, а пастора Грегори, Бауманъ можетъ держать у себя дома, относительно же постройки церкви Бауманъ обязывался свести счеты съ прихожанами [3]). Во время шествія на Іорданъ въ январѣ слѣдующаго года Бауманъ подалъ прошеніе царю и просилъ въ виду его значительныхъ пожертвованій повелѣть отдать ему церковное зданіе, а другимъ жертвователямъ возвратить ихъ деньги [4]). Государь согласился. Бауманъ перевезъ зданіе къ себѣ въ садъ, снова собралъ его и сдѣлалъ при церкви пасторомъ Грегори. Сторонники Факерота также построили себѣ церковь, и такимъ образомъ въ Нѣмецкой слободѣ оказалось уже три лютеранскія церкви съ особыми пасторами [5]). Въ концѣ концовъ Бауманъ былъ отпущенъ въ Данію. Церковные споры нѣсколько ослабѣли, но совсѣмъ не прекратились. Герцогъ Саксонскій продолжалъ присылать пособія и они-то давали поводъ къ раздору. При помощи Герцога Эрнеста община устроила при церкви школу для безплатнаго обученія. Помощникомъ Грегори по преподаванію въ школѣ былъ Рингуберъ. Отъ него-то во время его пребыванія за границей

---

[1]) Допросы и очныя ставки въ Посольскомъ приказѣ. Ibid. стр. 14.

[2]) Челобитная Баумана 10 сентября 1668 года на своихъ противниковъ. Ibid. стр. 9.

[3]) Рѣшеніе по дѣлу 22 декабря 1668 года. Ibid. стр. 32.

[4]) Челобитная Баумана Алексѣю Михайловичу 6 января 1668 года. „Памятники“ стр. 33.

[5]) „Бауманъ и его дѣло“ проф. Цвѣтаева, стр. 43.

герцогъ хотѣлъ получилъ болѣе точныя свѣдѣнія объ общинѣ. Черезъ своего Вѣнскаго агента герцогъ предложилъ Рингуберу для отвѣта рядъ вопросовъ, которые нѣсколько могутъ свидѣтельствовать о положеніи церковныхъ дѣлъ протестантовъ въ Москвѣ. „Кончились-ли споры евангелическаго духовенства и настоятелей церкви“? спрашивали Рингубера. Онъ отвѣтилъ: „хотя спорное ихъ дѣло давно уже порѣшено въ Царской тайной канцеляріи (т. е. въ Посольскомъ приказѣ), однако старая вражда еще осталась, почему они всѣ очень дурно одинъ про другаго говорятъ и клевещутъ“. „Есть ли у реформатовъ своя церковь“? — „Есть, и уже очень давно, также и свой старый пасторъ съ двумя другими, живутъ они мирно, богослуженіе у нихъ процвѣтаетъ, въ Царскую канцелярію ходятъ рѣдко, не то что евангелики, которые въ продолженіе 6-ти лѣтъ вели много большихъ споровъ“. Въ это же время Рингуберъ написалъ изъ Вѣны письмо, въ которомъ между прочимъ замѣчалъ: „Всѣ эти пасторы ненавидятъ другъ друга. Магистръ Грегори предлагалъ имъ собраться на совѣщаніе для рѣшенія церковныхъ дѣлъ, чтобы не вселять недовѣрія къ своей религіи, рѣшая дѣла въ русскихъ канцеляріяхъ. Онъ однако ничего не добился“ [1]). Съ Рингуберомъ герцогъ отправилъ дары и грамоту Алексѣю Михайловичу, въ которой между прочимъ просилъ о покровительствѣ царя „нѣмцамъ своей вѣры“ [2]). Кромѣ того Рингуберъ привезъ отъ герцога письмо къ А. С. Матвѣеву и къ единовѣрцамъ, которыхъ герцогъ убѣждалъ прекратить споры и несогласія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Саксонскій герцогъ въ отвѣтной грамотѣ съ русскимъ посломъ отправленнымъ въ Саксонію снова просилъ царя о милости

---

[1]) Въ сочиненіи „Бауманъ и его дѣло“ проф. Цвѣтаева, стр. 52, 53.

[2]) Переводъ съ грамоты Саксонскаго герцога Эрнеста Благочестиваго изъ Фриденштейна отъ 14 февр. 1674 г. „Памятники къ исторіи протестан.“ XII, стр. 163.

„къ пребывающей въ Москвѣ Евангелическо-лютеранской церкви и къ людямъ той вѣры, чтобы имъ позволили при прежнихъ поволностяхъ быть, при держаніи невозбранномъ своея вѣры“ [1]).

„Начавшись съ просьбы главнымъ образомъ за пастора Грегори и его Офицерскую общину, ходатайства Саксонскихъ государей, замѣчаетъ проф. Цвѣтаевъ, принимали все болѣе и болѣе общій характеръ и подъ конецъ имѣли въ виду безъ различія всѣ московскія лютеранскія церкви и общины и всѣхъ жившихъ въ Россіи лютеранъ“ [2]). Дѣйствительно, „въ Памятникахъ къ исторіи протестантства“ помѣщена еще одна грамота Саксонскаго Курфюрста Іоанна Георга III уже къ царямъ Іоанну и Петру, въ которой также обращается къ нимъ просьба Курфюрста о сохраненіи къ „нѣмецкому роду и тѣмъ костеламъ, которые они имѣютъ, прежняго благоволенія и покровительства по примѣру ихъ предковъ [3]).

По смерти Грегори община не нашла ему преемника въ Слободѣ и подала Царю челобитную: „да будетъ велѣно намъ и нашимъ преемникамъ, писали они, постоянно держать здѣсь пастыря душъ нашихъ, потому что пастырю одного изъ молитвенныхъ храмовъ каждое лѣто приходится ѣздить изъ Москвы по полкамъ, ради чего лишаемся проповѣдей на полулѣтнее время“ [4]). Получивъ разрѣшеніе, община обратилась съ просьбою о пасторѣ въ Кенигсбергъ къ богословскому факультету, и къ ней былъ посланъ Ранъ. Прилежное и успѣшное исполненіе пасторскихъ обязанностей скоро возбудила противъ Рана, какъ опаснаго сопер-

---

[1]) Переводъ съ грамоты Саксон. герц. Эрнеста изъ Готы 23 сент. 1674 г. Ibid. XIII, стр. 168.

[2]) „Изъ исторіи Иностр. Исповѣд.“ книга I. стр. 186.

[3]) Грамота Саксонскаго курфюрста Іоанна Георга III въ переводѣ. „Памятники къ истор. протест.“ XIV, стр. 173.

[4]) Челобитная Алексѣю Михайловичу доктора Розенбурга съ товарищами. Напечатана въ сочиненіи „Изъ исторіи Иностранныхъ Исповѣданій“ книга I, стр. 188, 189.

ника, другихъ московскихъ пасторовъ. Между духовными лицами, какъ показываетъ исторія церковной жизни, нерѣдко практикуются при разгарѣ страстей личные счеты переносить на почву вопросовъ о вѣроученіи, и здѣсь стараться нанести болѣе тяжелый ударъ противнику. Московскіе пасторы вскорѣ и воспользовались этимъ способомъ. Самымъ удобнымъ они признали обвинить Рана въ неправильности ученія, котораго онъ держался, и старались привлечь для этого на свою сторону Доктора Дамма въ Кенигсбергѣ. Но церковный совѣтъ московской общины вступился за своего пастора, обратился съ просьбой въ Кенигсбергскую консисторію на Дамма, оправдывалъ Рана и своимъ заступничествомъ прекратилъ нападки на него. По смерти Рана община пригласила пасторомъ Мейнеке и обратилась съ просьбой къ государямъ Іоанну и Петру о повелѣніи пропустить Мейнеке къ нимъ въ Москву. На допросѣ въ Иноземскомъ приказѣ Мейнеке между прочимъ показалъ, что его вызвали изъ г. Ніена въ Новгородъ живущіе тамъ иноземцы для исповѣди. Въ Новгородъ онъ пріѣхалъ на нѣкоторое время. Здѣсь онъ получилъ приглашеніе отъ старѣйшинъ московской лютеранской церкви, которое они послали ему съ согласія прихожанъ. Поэтому онъ и явился въ Москву для службы при лютеранской церкви [1]). Около этого же времени начинаются хлопоты лютеранскихъ общинъ о построеніи каменныхъ церквей, съ существованіемъ которыхъ какъ бы лучше обезпечивалась самая свобода и прочность положенія лютеранскаго исповѣданія. Судя по метрическимъ книгамъ [2])

---

[1]) Челобитная прихожанъ Новой лютеранской въ Нѣмецкой слободѣ кирхи о пропускѣ изъ Новгорода въ Москву пастора Мейнеке 18 апр. 1863 г. Допросы Мейнеке въ Иноземскомъ приказѣ. „Памятники" IV, стр. 69, 71.

[2]) „Памятники" часть I, XVI, стр. 182. Пасторомъ Фадемрехтомъ подъ 1686 годомъ замѣчено: Diese sind die ersten gevesen, so in der neuen steinernen Kirche sind getrauet vorden.

Старой общины, въ 1686 году она уже имѣла каменную церковь. Съ началомъ единодержавія Петра является такая же церковь и у Новой лютеранской общины. Въ это же время устроена каменная церковь у реформатовъ, къ которымъ принадлежалъ тогда извѣстный Лефортъ. Профессоръ Цвѣтаевъ полагаетъ [1] на основаніи одного дѣла 1690 года № 1, хранящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, что постройка каменной кирки совершилась безъ предварительнаго разрѣшенія правительства. Въ Посольскомъ приказѣ въ 1690 году не нашлось ни одного документа оправдывавшаго такую постройку. Но тѣмъ не менѣе каменная церковь была оставлена.

Кромѣ Москвы въ XVII столѣтіи протестанты находились уже въ очень многихъ мѣстахъ: Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Ярославлѣ, Тулѣ, Астрахани, Новгородѣ, Псковѣ, Архангельскѣ, Бѣлгородѣ [2] и друг. О церковной жизни ихъ мало извѣстій, но, повидимому она ничѣмъ не отличалась отъ жизни московскихъ протестантскихъ общинъ. Въ Архангельскѣ, наприм. первая лютеранская церковь была построена на пожертвованія изъ Гамбурга, откуда къ ней присылали и пасторовъ [3]. Въ нѣкоторыхъ изъ городовъ не было своихъ пасторовъ и для служенія они приглашали пасторовъ изъ другихъ мѣстъ. Когда община становилась достаточно большой, то она содержала собственнаго пастора. Бѣлгородскіе протестанты, наприм., въ 1697 году нашли возможнымъ пригласить къ себѣ пасторомъ преподавателя московской школы Энгеля. За полученіемъ ординаціи Энгель

---

[1] „Изъ исторіи Иностр. Испов.“ стр. 263.

[2] Соколовъ Ив. „Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“. Москва 1880 года стр. 37 и срав. „Протестантство и протестанты“ Цвѣтаева гл. I.

[3] Соколовъ. „Отношеніе протестантизма“ стр. 31. Сравн. „Изъ исторіи Иностр. Испов.“ стр. 268.

долженъ былъ отправиться за-границу и объ этомъ подалъ челобитную государю, въ которой говорилъ: „а для постановки въ пасторы бреду я за Свейскій рубежъ за море, потому что здѣсь поставить въ пасторы и чинъ нашъ некому" [1]. Энгелю было позволено уѣхать, а по возвращеніи приказано явиться въ Посольскій приказъ.

Что же касается положенія за разсматриваемый періодъ третьяго иностраннаго исповѣданія армяно-григоріанскаго, то, по словамъ проф. Цвѣтаева, „мы встрѣчаемъ армянскихъ купцовъ, но ничего не знаемъ о существованіи армянскаго духовенства" [2]. Дѣйствительно, свѣдѣній объ установленіи торговыхъ сношеній русскихъ съ армянами можно найти не мало и въ Полномъ Собраніи Законовъ [3]. Отсутствіе же у армянъ въ Россіи духовенства несмотря на ихъ торговыя связи, повидимому, достаточно подтверждается однимъ документомъ, хранящимся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ [4]. Документъ этотъ представляетъ изъ себя челобитную Царю Алексѣю Михайловичу, поданную въ 1666 году армянскими купцами. Въ челобитной они указываютъ, что ихъ подобно бассурманамъ и невѣрнымъ не пускаютъ въ православныя церкви, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Астрахани и Казани, что русскіе священники отказываются приходить къ больнымъ и умирающимъ армянамъ, и потому многіе изъ нихъ умираютъ безъ исповѣди и Св. Причащенія. Между тѣмъ они вовсе не невѣрные и не бассурмане, а такіе же христіане, и русскіе, находящіеся въ Арменіи, допускаются и въ армянскія церк-

[1]) Челобитная Энгеля 27 апр. 1697 г. въ сочиненіи „Изъ истор. Иностр. Исповѣданій" стр. 274.

[2]) „Протестантство и протестанты" гл. III, стр. 180.

[3]) Наприм. Новоторговый Уставъ ст. 17. 1-е Полн. Собр. Зак. т. I № 408. Жалованная грамота Армянской компаніи № 409 и №№ 410, 539 и т. д.

[4]) Дѣла Армянскія 1666 года, № 4.

ви и не получаютъ въ случаѣ нужды отказа отъ тамошнихъ священниковъ. Поэтому они просятъ, чтобы царь повелѣлъ допускать ихъ въ русскіе храмы и не далъ имъ погибать безъ исповѣди и Св. Причащенія. А тогда, прибавляютъ они, и многіе другіе армяне охотно будутъ поселяться въ Россіи.

Но если перенестись ко временамъ до Московскаго государства, то у армянскихъ лѣтописцевъ встрѣчается извѣстіе, что въ 1062 году Великій князь русскій грамотой приглашалъ къ себѣ армянъ Нахотскихъ на помощь противъ поляковъ, обѣщая послѣ 3 лѣтъ давать отпускъ и свободу переселенія. Армяне прибыли въ Кіевъ и построили тамъ каменную церковь, отъ которой въ XVI столѣтіи оставались уже однѣ развалины [1]). Вообще же армянской церковной жизни удалось, какъ увидимъ, прочно обосноваться на русской почвѣ гораздо позднѣе, чѣмъ другимъ исповѣданіямъ.

Отмѣченные историческіе факты изъ жизни иностранцевъ въ Россіи позволяютъ сдѣлать нѣкоторое заключеніе о томъ, какъ протекала ихъ церковная жизнь и въ какомъ отношеніи находилось къ ней русское правительство. Мы видимъ, что за весь разсматриваемый періодъ, т. е. до XVIII вѣка, отвѣтъ правительства Феодора Іоанновича, данный англійскому послу Флетчеру: „государю до ихъ вѣры и дѣла нѣтъ" былъ основнымъ принципомъ въ отношеніяхъ русской власти къ иностраннымъ исповѣданіямъ. Устройство и поддержаніе иностранныхъ церквей, приглашеніе и содержаніе духовныхъ лицъ,—все это совершалось безъ вмѣшательства правительства. Протестантскія общины получали пасторовъ отъ единовѣрцевъ ихъ за границей изъ Гамбурга, Дрездена, Кенигсберга и друг. Если пасторомъ избирался

---

[1]) Собраніе актовъ, относящихся къ обозрѣнію исторіи армянскаго народа. Москва 1833 г. ч. II отд. VIII Историческая записка о сношеніи армянъ съ Россіеи § 4.

кто-нибудь изъ живущихъ въ Россіи, община въ послѣднее время отправляла его за границу для ординаціи, какъ это было наприм. съ Энгелемъ. Католикамъ присылало духовныхъ папство, а также австрійскій императоръ. Жалованье выдавалось имъ или изъ средствъ общинъ, или же какимъ нибудь заграничнымъ покровителемъ. Леопольдъ, наприм., отъ себя присылалъ жалованье іезуитамъ [1]).

Въ протестантскихъ общинахъ были старшины, которые вмѣстѣ съ пасторами составляли изъ себя церковный совѣтъ [2]). Предсѣдателемъ такого совѣта былъ наприм. уже извѣстный намъ Бауманъ. По словамъ пастора Грота, „совѣту Офицерской общины подлежали дѣла касавшіяся церкви, наказаніе недостойныхъ членовъ, брачныя условія [3]) и т. п. Но совѣты эти не были признаны правительствомъ, и распоряженія ихъ могли выполняться лишь на основаніи ихъ нравственнаго авторитета. Въ случаяхъ разногласій между пасторами совѣтъ церковный старался прекратить ихъ. Такъ это было, н.примѣръ, относительно раздоровъ Грегори и Факерота [4]), а затѣмъ пастора Рана съ Факеротомъ и Фадемрехтомъ. Протестантскія общины жили обособленно. Вмѣшиваться въ дѣла другой общины считалось незаконнымъ. Бауманъ, какъ мы знаемъ, ссылался на то, что въ дѣло вступились члены другой общины, которой оно не касалось. При недостаткѣ средствъ на религіозныя потребности иностранцы обращались на Западъ и оттуда, наприм., изъ Саксоніи получали помощь. Русское же правительство вообще нисколько не интересовалось внутренней церковной жизнью иностранцевъ. Но подобное отношеніе къ дѣламъ иностранныхъ исповѣданій,

---

[1]) „Римскій католицизмъ“ Толстой т. I, стр. 132.

[2]) „Отношеніе протестантизма къ Россіи“ Соколовъ, стр. 27.

[3]) Въ соч. „Протестантство и протестанты“ стр. 183, 184.

[4]) „Памятники къ исторіи протестантства“ ч. I. Переводъ съ письма Факерота (б) стр. 23.

конечно, не могло быть проведено абсолютно. Иностранцы всетаки были въ предѣлахъ Россіи, пользовались многими правами и входили въ самыя разнообразныя сношенія съ русскими. Поэтому вполнѣ естественно могло возникать опа-опасеніе, чтобы иностранныя религіозныя ученія не причинили какого-нибудь вреда господствующей вѣрѣ. И государственная власть зорко слѣдила, чтобы иностранцы тѣмъ или другимъ способомъ не пропагандировали бы своего ученія среди русскаго населенія. Охраненіе чистоты и неприкосновенности Православія было вторымъ принципомъ, который опредѣлялъ собой отношеніе правительственной власти къ иностраннымъ исповѣданіямъ. Этимъ именно принципомъ, а отнюдь не какой-нибудь нетерпимостью объясняются стремленія правительства ограничить иностранцевъ отправленіемъ только домашняго богослуженія и постоянные отказы его въ разрѣшеніи постройки сначала деревянныхъ, а потомъ и каменныхъ иностранныхъ церквей. Что такъ именно смотрѣли русскіе на вопросъ о построеніи иностранныхъ церквей, подтверждаетъ и появившееся въ самомъ концѣ XVII столѣтія [1]) „Слово на Латиновъ и Лютеровъ". Авторъ его разсуждалъ, что попустить лютеранамъ и католикамъ строить кирхи и костелы и отправлять въ нихъ службу—значитъ дать имъ способъ учить и развращать „къ своей погибельной ереси", а для русскихъ устроить соблазнъ и большой поводъ къ сомнѣнію „въ вѣрѣ греческаго закона. Многіе вѣдь скажутъ, если-бы видѣли неправоту вѣры у латинянъ и лютеранъ, то не повелѣли, а воспретили бы имъ сооружать костелы или кирхи и совершать въ нихъ службу". И отъ этого будетъ „своей православной греческой вѣрѣ ругательство, укоризны и поношеніе" [2]).

[1]) „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей-Россійскихъ". Москва 1884 г. книга III отд. 2. Предисловіе проф. Харьковскаго Университета А. Лебедева.
[2]) Ibid. „Слово на Латиновъ и Лютеровъ" стр. 13.

Съ точки зрѣнія принципа охраненія чистоты и крѣпости православія становится вполнѣ понятнымъ и различіе въ отношеніяхъ правительства къ католическому и протестантскому исповѣданіямъ. Извѣстно, что римскій католицизмъ не отдѣлимъ отъ стремленія всемірнаго подчиненія себѣ и настойчивой пропаганды безъ особеннаго разбора средствъ и способовъ. Все это, какъ мы видѣли, пришлось испытать на себѣ и Московскому государству, и правительство его хорошо понимало цѣли папства. Въ Выпискѣ въ Посольскомъ приказѣ по поводу челобитной 1695 года двухъ католическихъ патеровъ о построеніи въ Москвѣ каменнаго костела, между прочимъ, приведены отвѣты правительства австрійскому послу Куртцу, когда зашла рѣчь объ изгнаніи іезуитовъ. „А лютеры и кальвины, было сказано послу, хотя отстоятъ еретичествомъ своимъ отъ восточнаго благочестія дальше католиковъ, однако же противности отъ нихъ Грекороссійскому благочестію нѣтъ и ни въ какія духовныя дѣла они не вступаются“ [1]). Въ тѣхъ же видахъ пріѣзды и переѣзды иностранныхъ духовныхъ лицъ должны были происходить лишь съ разрѣшенія государственной власти. „А безъ вашего великихъ государей указу того пастора къ Москвѣ не пропускаютъ“, говорили въ 1663 году въ своей челобитной находившіеся въ Москвѣ иноземцы [2]). Признанный такимъ образомъ необходимымъ нѣкоторый правительственный надзоръ за дѣлами иностранныхъ исповѣданій былъ порученъ преимущественно Посольскому приказу [3]), который вообще

---

[1]) Выписка въ Посольскомъ приказѣ по поводу челобитной патеровъ Франциска и Павла. Московскій Главный Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ. Дѣла римско-католическія св. I. 1691 г. № 2, или въ приложеніи къ сочиненію „Изъ Исторіи Иностранныхъ Исповѣданій“.

[2]) Дѣло о пріѣздѣ пастора Іоакима Мейнеке. „Памятники“ IV, стр. 69. Челобитная прихожанъ Ново-лютеранской кирхи.

[3]) Въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ, изд. Новиковымъ ч. XX, Москва 1791 г. въ статьѣ: „Старинные приказы“ между прочимъ замѣчено: „Въ По-

вѣдалъ иноземцевъ. Въ Первомъ Полномъ Собраніи Законовъ есть царскій указъ 1680 г., въ которомъ сказано: „искони подданные Голландскихъ Штатовъ, также и иныхъ государствъ иноземцы въ государствѣ пребывающіе вѣдомы во *всякихъ дѣлахъ всякихъ чиновъ* съ людьми въ Государственномъ Посольскомъ приказѣ а въ иныхъ приказахъ нигдѣ ихъ никакихъ чиновъ людьми не вѣдаютъ. И впредь указалъ Великій Государь быть тому по прежнимъ указамъ, вѣдать ихъ всякихъ чиновъ людьми въ одномъ Посольскомъ приказѣ" [1]). Въ Посольскій приказъ должны были являться для допроса иностранныя духовныя лица по пріѣздѣ, просить черезъ него отпусковъ за границу, получать подорожныя, если отправлялись посѣщать своихъ единовѣрцевъ другихъ городовъ. Но все это, повидимому, далеко не всегда исполнялось. По крайней мѣрѣ, когда въ 1685 году явился въ Приказъ одинъ реформатскій пасторъ, то на допросѣ показалъ, что пріѣхалъ онъ въ Москву лѣтъ съ 8 тому назадъ, а имени своего въ Посольскомъ приказѣ не записалъ, потому что русскаго обычая не зналъ и жилъ онъ въ Москвѣ у иноземцевъ въ попахъ, и теперь хочетъ ѣхать въ свою землю и бьетъ челомъ государю, чтобы его отпустили за рубежъ [2]). Въ подобномъ же невѣдѣніи, какъ мы видѣли, былъ Посольскій приказъ и о поѣздкѣ въ Воронежъ католическаго патера къ венеціанскимъ корабельнымъ мастерамъ [3]). Но допросы пасторовъ бывали и въ Иноземскомъ приказѣ [4]). Затѣмъ, Посольскаго приказа касался и вопросъ о сооруженіи иностранныхъ церквей, и оттуда нужно было получать для этого разрѣшеніе.

сольскомъ приказѣ вѣдались церковныя и духовныя дѣла иностранныхъ въ Россіи церквей" стр. 363.

[1]) 1-е Полн. Собр. Зак. т. II, № 792.

[2]) „Протестантство и протестанты", гл. I, стр. 67.

[3]) См. выше стр. 17.

[4]) „Памятники къ исторіи протестантства" ч. I. „Дѣло о пріѣздѣ пастора Іоакима Мейнеке". IV. стр. 71.

Но иностранцы, какъ показываетъ исторія, почти всегда ухитрялись устроить дѣло такъ, что Приказъ узнавалъ о возникновеніи церкви уже послѣ того, какъ она была готова. Въ судебныхъ дѣлахъ иностранцевъ, какъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, дѣло Баумана, принималъ участіе и приказъ Иноземскій. Съ такимъ порядкомъ, повидимому, вполнѣ свыклось и иностранное духовенство. Пушкарскій приказъ, желая допросить пастора Факерота по дѣлу Баумана, два раза требовалъ къ себѣ пастора. Но онъ не пошелъ, считая себя, вѣроятно, не подчиненнымъ Пушкарскому приказу, и былъ доставленъ къ допросу черезъ Иноземскій приказъ. Сторонники Факерота подали свое прошеніе также въ Иноземскій приказъ. Самое же дѣло рѣшалось Посольскимъ приказомъ.

Нѣсколько съ другой стороны разъясняетъ отношеніе Посольскаго приказа къ церковнымъ дѣламъ иностранцевъ „Розыскное дѣло Квирина Кульмана 1689 года“. Появившійся въ Москвѣ Кульманъ, какъ выражалась о немъ царская грамота Новгородскому воеводѣ, „чинилъ многія ереси и свою братію-иноземцевъ прельщалъ, и вынуты у него многія еретическія и богомерзскія и хульныя книги и письма по которымъ прельщалъ многихъ людей иноземцевъ и училъ той ереси“ [1]). Присутствіе такого человѣка, конечно, возмутило церковную жизнь иностранцевъ и подняло противъ него пасторовъ. Кульманъ успѣлъ найти себѣ нѣсколькихъ послѣдователей. Возникли раздоры, въ которые должна была вмѣшаться и русская власть въ лицѣ Посольскаго приказа. По мѣрѣ раскрытія дѣла и доставленія въ Приказъ разныхъ сочиненій и писемъ, принадлежавшихъ Кульману, Посольскій приказъ сдѣлалъ ему, а также и его послѣдователямъ, рядъ

---

[1]) „Розыскное дѣло Квирина Кульмана“. Царская грамота Новгородскому воеводѣ въ октябрѣ 1689 г.—„Памятники къ исторіи протестантства.“, VIII стр. 149.

допросовъ. Не считая себя компетентнымъ судить объ ученіи Кульмана съ точки зрѣнія иностранныхъ исповѣданій, Приказъ спросилъ объ этомъ мнѣнія у духовныхъ лицъ этихъ исповѣданій. Протестантскій пасторъ первой общины Бартольдъ Фагецій доставилъ въ Приказъ письменное мнѣніе и нашелъ ученіе Кульмана полнымъ „злыхъ плевелъ безумія и противнымъ Богу, слову Его и христіанской наукѣ“ [1]). Еще болѣе рѣзкій отзывъ написалъ Мейнеке, пасторъ другой Лютеранской общины. Но кальвинскій пасторъ на запросъ Приказа о Кульманѣ отговорился незнаніемъ нѣмецкаго языка сочиненій Кульмана. По этому же вопросу были спрошены и католики въ лицѣ московскихъ іезуитовъ Товіи Тихановскаго и Давида. Если-бы кто-нибуть сталъ читать, отвѣчали іезуиты, пророчества и пѣсни, изъ которыхъ состоитъ книга Кульмана, то тотъ не только въ соблазнъ впадетъ, но и христіанской вѣры лишится [2]). Ко всѣмъ этимъ мнѣніямъ присоединили свой голосъ и переводчики Посольскаго приказа также далеко не въ пользу подсудимаго. По снятіи допросовъ, во время которыхъ прибѣгали и къ пыткамъ, и по выслушаніи всѣхъ этихъ отзывовъ, Кульманъ со всѣми его книгами и письмами былъ сожженъ [3]).

Но, если принять во вниманіе приказную систему управленія въ Московскомъ государствѣ, при которой одинъ и тотъ же родъ дѣлъ разсѣевался по многимъ приказамъ, то трудно, конечно, утверждать, чтобы дѣла иностранныхъ исповѣданій всецѣло находились бы подъ вѣдомствомъ Посольскаго приказа. И дѣйствительно, придворные доктора, напр., при Михаилѣ Феодоровичѣ хлопотали о построеніи своей церкви черезъ Аптекарскій приказъ, куда подали и проше-

---

[1]) Письменное мнѣніе московскихъ пасторовъ Мейнеке и Фагеція. представленное въ приказъ 1 іюня 1689 года. Ibid.

[2]) Разспросы іезуитовъ Товія и Давида того же числа.

[3]) Царская грамота Новгородскому воеводѣ 1684 г. „Памятники“ VIII, стр. 145—149.

ніе объ этомъ [1]). Допросъ иностраннымъ духовнымъ происходилъ также иногда и въ Иноземскомъ приказѣ, какъ это было съ пасторомъ Мейнеке въ 1683 году [2]).

Въ заключеніе, въ виду разсмотрѣнія слѣдующаго періода не безполезно задать себѣ вопросъ: какъ относилась къ дѣламъ иностранныхъ исповѣданій собственно русская церковная власть? Самая задача Правительства—охраненіе православія, конечно, вполнѣ допускала нѣкоторое участіе въ этомъ со стороны русскаго духовенства. Такъ послу Жировскому, хлопотавшему о построеніи костела и о пропускѣ двухъ ксендзовъ, было сказано, что великіе государи изволятъ о томъ посовѣтоваться съ патріархомъ [3]). Возможно думать, что совѣщаніе съ патріархомъ въ подобныхъ дѣлахъ происходило и въ другихъ случаяхъ. Но совѣтъ со стороны патріарха иногда принималъ, повидимому, и болѣе активную форму. Высылка іезуитовъ въ 1689 году совершилась подъ значительнымъ вліяніемъ патріарха съ духовенствомъ, который замѣтилъ, что іезуиты стали „чинить многую противность православной церкви" [4]). Перенесеніе въ 1643 году иностранныхъ церквей за-городъ было повелѣно благодаря просьбамъ духовенства, поставившаго вопросъ на нравственно-религіозную почву. Подъ этимъ же, вѣроятно, вліяніемъ вошла въ Уложеніе и извѣстная уже намъ 40 ст. XIX главы [5]). Что же касается внутренней церковной жизни иностранцевъ то, если ужъ сама государственная власть оставляла ее безъ вниманія, то еще тѣмъ менѣе могла вмѣшиваться въ нее русская духовная власть. Случай, отмѣчен-

---

1) „Протестантство и протестанты" гл. III, стр. 181.

2) Дѣло о пріѣздѣ пастора Іоакима Мейнеке. „Памятники" IV. стр. 71—72.

3) Выписка въ Посол. прик. по поводу челобитной 1695 г. Приложен. II въ соч. „Изъ Исторіи Иностр. Исповѣд.".

4) Выписка въ Посольск. приказѣ Ibid.

5) См. выше стр. 22.

ный историками на основаніи одного иностраннаго извѣстія, вполнѣ подтверждаетъ такое заключеніе. Въ 1673 году протестанты сами представали на разрѣшеніе патріарха дѣло о двоеженствѣ одного датчанина. Но патріархъ отвѣтилъ, что „это дѣло не подлежитъ его суду“ [1]).

ГЛАВА II.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

От эпохи преобразованій до Екатерины II. Сохраненіе правъ и привилегій по церковнымъ дѣламъ въ вновоприсоединяемыхъ областяхъ. Учрежденія, опредѣлявшія положеніе въ этихъ областяхъ церковныхъ дѣлъ до присоединенія ихъ къ Россіи. Патентъ Петра I-го Фагецію на званіе суперъ-интендента. Участіе святѣйшаго синода въ управленіи дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Обзоръ синодальныхъ распоряженій по этимъ дѣламъ. Дѣло о ссорѣ между капуцинами и францисканами въ Петербургѣ. Участіе въ управленіи дѣлами иностранныхъ исповѣданій Юстицъ-Коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ Дѣлъ. Разборъ ею дѣла возникшаго между прихожанами Петербургской католической церкви и патерами. Дѣло о ссорѣ между капуцинами и армянами въ Астрахани. Положеніе армянскаго исповѣданія за разматриваемый періодъ. Нѣсколько словъ объ исторіи армянской церкви вообще. Появленіе армянскаго духовенства въ Россіи и вопросъ о построеніи армянскихъ церквей.

Наступило XVIII столѣтіе, принесшее съ собой цѣлый рядъ коренныхъ измѣненій въ русской жизни. Преобразованія, затронувшія почти всѣ сферы этой жизни, не могли не отозваться и на отношеніяхъ правительственной власти къ дѣламъ иностранныхъ исповѣданій. О правительствѣ Петра I уже нельзя было сказать, что ему „до ихъ вѣры и дѣла никакого нѣтъ“. Прежняя политика невмѣшательства во внутреннюю церковную жизнь иновѣрцевъ болѣе или менѣе дер-

---

[1]) Reitenfels de rebus Moscov, 152, 207. Въ сочин. Соколова „Отношеніе протестантизма къ Россіи“ стр. 28. Также въ соч. Цвѣтаева „Протестантство и протестанты въ Россіи“ гл. IV. стр. 275.

жалась теперь лишь относительно новоприсоединяемыхъ земель. Россія, окрѣпшая духомъ послѣ Полтавской побѣды, обратила свои силы на Балтійское побережье и однимъ за другимъ начали овладѣвать городами, находившимися во власти Шведовъ: Ригою, Перновымъ, Ревелемъ. Зная о бѣдственномъ положеніи Лифляндіи подъ властью Шведовъ и стремленіе ихъ уничтожить въ ней прежнія права и законы съ замѣною ихъ Шведскими, Петръ обнародовалъ Универсалъ или воззваніе къ жителямъ Лифляндіи [1]). Въ немъ онъ приглашалъ лифляндцевъ перейдти въ русское подданство и обѣщалъ охранять евангелическое исповѣданіе ихъ и всѣ древнія права и привиллегіи. Продолжавшаяся около 8 мѣсяцевъ осада Риги окончилась сдачею города и заключеніемъ 4-го іюля 1710 года капитуляціи. Петръ предоставилъ право Рыцарству и Земству Лифляндіи, „чтобы они себѣ и наслѣдникамъ своимъ въ благосостоятельство и въ охраненіе, выпросили полезныя кондиціи“ [2]). Акты, на основаніи которыхъ происходило присоединеніе Лифляндіи, были: Универсалъ, обнародованный Петромъ, но до насъ не дошедшій [3]), Капитуляція, заключенная между Рижскимъ губернаторомъ генераломъ Штрембергомъ и генераломъ-фельдмаршаломъ графомъ Шереметевымъ 4-го іюля 1710 года, Договорныя статьи, предложенныя депутатами города Риги и Аккордные пункты, заключенные въ лагерѣ подъ Ригою между Шляхетствомъ и Земствомъ княжества Лифляндскаго и графомъ Шереметевымъ. Во всѣхъ этихъ актахъ шла рѣчь о сохраненіи прежнихъ правъ и привиллегій жителей въ духовныхъ и свѣт-

---

[1]) Историческія свѣдѣнія объ основаніяхъ и ходѣ мѣстнаго законодательства губерній остзейскихъ ч. I, стр. 66, 90.

[2]) Аккордные пункты, заключенные въ лагерѣ подъ Ригою. I-е Полн. Собр. Закон. т. IV, № 2279.

[3]) Историческія свѣдѣнія о основаніяхъ и ходѣ законодательства губерні остзейскихъ ч. I, стр. 94.

скихъ дѣлахъ. По вопросу о дѣлахъ церковныхъ въ нихъ устанавливается полная свобода въ новомъ краѣ лютеранскаго исповѣданія на основаніи Аугсбургскаго исповѣданія и символическихъ книгъ, принятыхъ въ этой церкви [1]). Церковная жизнь должна идти по-прежнему: церкви, школы, консисторіи, пасторы, служители при нѣмецкихъ и латинскихъ школахъ,—все это сохраняется на прежнихъ основаніяхъ. Бывшая въ прежнія польскія времена консисторія безъ аппеляціи должна быть возстановлена [2]).

Между прочимъ жители новаго края особенно хлопотали о сохраненіи для нихъ права пользоваться, такъ называемой, Привиллегіей Сигизмунда Августа. Вмѣстѣ съ постановленіемъ 28 ноября 1561 г. въ Вильнѣ договора о подданствѣ Ливоніи польскому королю, была обнародована особая грамота, сдѣлавшаяся извѣстной подъ названіемъ Привиллегіи Сигизмунда Августа и послужившая впослѣдствіи главнымъ основаніемъ всѣхъ правъ и привиллегій Лифляндіи и Курляндіи [3]). Въ этой привиллегіи Сигизмундъ Августъ между прочимъ согласился на прошеніе Ливонцевъ, въ которомъ они о своихъ церковныхъ дѣлахъ говорили: „Прежде всего и паче всего умоляемъ Ваше Королевское Величество, да сохранится намъ ненарушимо святая наша вѣра, какую мы по Евангелію и Апостольскимъ Писаніямъ, согласно Никейскому Собору и Аугсбургскому вѣроисповѣданію, доселѣ соблюдали и да не возмущаютъ насъ въ ней никакія прельщенія и вымыслы духовныхъ или свѣтскихъ лицъ; а ежели паче чаянія сіе случится, то мы, слѣдуя Священному Писанію, повелѣвающему повиноваться Богу паче людей, будемъ все

---

[1]) Капитуляція п. 45. 1-е Полн. Собр. Зак. т. IV, № 2277. Договорныя статьи ст. 1. № 2278. Аккордные пункты ст. 1, № 2279.

[2]) Капитуляція п. 34. Договорныя статьи ст. 1. Аккорд. пункты ст. 2—3.

[3]) Историческія свѣдѣнія объ основаніяхъ и ходѣ мѣстнаго законодательства губерній Остзейскихъ, ч. I стр. 42—44.

соблюдать нашу вѣру и введенные обряды и не допустимъ отторгнуть себя отъ оной. Когда же по діавольскому навожденію возникнутъ въ ней заблужденія, то да призовутся для разсмотрѣнія и искорененія оныхъ законоучители чистой Аугсбургской церкви" [1]). Послѣ принесенія присяги въ вѣрноподданствѣ Петръ 30-го сентября 1710 года даровалъ Жалованныя грамоты дворянству княжества Лифляндскаго и городу Ригѣ, которыми подтверждалъ всѣ ихъ благопріобрѣтенныя права и привиллегіи и особенно Привиллегію Сигизмунда Августа, статуты, рыцарскія и градскія права, обычаи, вольности, принадлежности, (елико оныя къ нынѣшнему правительству и времени приличаются) [2]). 12-го октября послѣдовала новая грамота. Въ ней государь, подтверждая резолюціи и отвѣты Шереметева, разрѣшилъ и тѣ пункты, которые были оставлены на его волю [3]). Въ августѣ того-же года состоялась Капитуляція о сдачѣ города Пернова. Ею также сохранялись всѣ права и привиллегіи жителей и она во многомъ напоминаетъ Капитуляцію, заключенную при сдачѣ Риги. Въ ст. 27 говорится: „чтобъ въ прежнія времена бывшая консисторія паки основана и пасторы и школы при ихъ прежнемъ ученіи и обрядахъ или доходахъ такъ, какъ они въ старину отъ благо шляхетскаго магистрата избираемы и опредѣляемы были, содержаны и при ихъ доходахъ соблюдены были" [4]). Послѣ Пернова Петръ обратился къ присоединенію Ревеля. 16-го августа онъ обнародовалъ къ жителямъ Эстляндіи и особенно Ревеля Универсалъ и приглашалъ жителей покориться безъ сопротивленія. Съ своей стороны Петръ обѣщалъ сохранить всѣ права и преимущества

---

[1]) Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1856 г. ч. XIX, отд. II о Евангелическо-Лютеранской церкви въ Россіи.

[2]) 1-е Полн. Собр. Законовъ т. IV, №№ 2301 и 2302.

[3]) Ibid., т. IV, № 2303.

[4]) Ibid., т. IV, № 2286.

жителей въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ и не только оставить безъ всякихъ нововведеній во всей области исповѣдуемую въ ней религію, всѣ древнія привиллегіи, вольности, права и премущества, которыя, „какъ всему міру извѣстно въ Шведское правленіе всегда нарушаемы были“, но и умножить все это, а также распространить на жителей Эстляндіи и то, что уже даровано Лифляндіи [1]). Но воззваніе осталось безъ отвѣта. Началась осада Ревеля, и 29 сент. 1710 г. была заключена Капитуляція между Шведскимъ Вице-губернаторомъ Паткулемъ и Россійскимъ генералъ-поручикомъ Бауэромъ. Въ этотъ же день были установлены въ главной квартирѣ близъ Ревеля и Договорные пункты со Шляхетствомъ и Земствомъ Эстляндіи и депутатами города. Всѣми этими актами позволена полная свобода Аугсбургскаго исповѣданія. Въ Капитуляціи [2]) кромѣ того обѣщано сохраненіе безъ перемѣны духовныхъ учрежденій, правъ и привиллегій пасторовъ, имущества церквей и духовенства и принятіе послѣдняго „подъ Высочайшее защищеніе“ (стт. 12—20). По ст. 18, пасторы по дѣламъ касающимся ихъ сана, или церкви или того, что къ этому относиться можетъ, должны быть судимы исключительно въ духовныхъ консисторіяхъ, и чтобы препозиты и консисторіалы по-прежнему смотрѣли за пасторами и церковнымъ порядкомъ. Въ договорѣ съ депутатами города разрѣшено сохраненіе имущества городскихъ церквей и школъ, жалованья, доходовъ и свободы пасторовъ (п. 3 и 5). Въ п. 4 позволено, „чтобъ имѣющее со веремемени Гееръ-мейстеровъ право епископальное, которое при поступленіи подъ правленіе высокохвальной короны Шведской сохранено и подъ ея защитою лѣтъ 130 безъ спора повольно въ дѣйство приводимо было, сему городу по прежнему старому обыкновенію, какъ въ консисторіальныхъ, такъ и

---

[1]) Ibid., т. IV, № 2287.
[2]) Ibid., т. IV, № 2297.

другихъ сему праву принадлежащихъ актахъ при всѣхъ городскихъ кирхахъ и школахъ въ дѣйство приводить и во всемъ исправлять неограниченная повольность паки дана была“ [1]). Въ Договорныхъ пунктахъ со Шляхетствомъ и Земствомъ была принята просьба ихъ, „чтобы оставить въ чистотѣ Аугсбургское исповѣданіе, и вслѣдствіе того помѣстить Евангелическихъ ставниковъ въ кирхи и школы такимъ образомъ, чтобы могло быть приводимо въ дѣйство право избранія пасторовъ на вакантныя пасторства посредствомъ голосованія прихожанъ и окрестныхъ жителей, числящихся въ приходѣ такъ, какъ въ сей странѣ всегда изстари водилось и въ обыкновеніи было, надъ коими имѣетъ быть поставленъ одинъ епископъ, избираемый изъ среды городскаго и земскаго духовенства“ (п. 1).

Послѣ принесенія присяги на вѣрность Россіи въ мартѣ 1712 года права, привиллегіи и свобода вѣры были подтверждены Жалованными грамотами Шляхетству и Земству Эстляндіи [2]) и городу Ревелю [3]). Къ концу царствованія Петра, какъ извѣстно, 30 августа 1721 года былъ заключенъ со Швеціей Ништадтскій мирный трактатъ. Швеція уступила Россіи всѣ свои права на Лифляндію, Эстляндію и островъ Эзель; при чемъ всѣмъ жителямъ оставлены права привиллегіи, обыкновенія и преимущества, которыми они пользовались подъ Шведскимъ правленіемъ (ст. 9) [4]). По вопросу же собственно о дѣлахъ церковныхъ въ Ништадтскомъ трактатѣ ст. 10 постановлено: „Въ уступленныхъ земляхъ не имѣетъ быть введено принужденіе въ совѣсти, а напротивъ того Евангелическая вѣра, церкви и училища, и что къ тому принадлежитъ, на томъ основаніи, *на которомъ при по-*

---

[1]) 1-е Полн. Собр. Зак. т. IV, № 2298.
[2]) Т. IV, № 2495 1-е Полн. Собр. Законовъ.
[3]) Ibid., № 2501.
[4]) Ништадтскій трактатъ 1-е Полн. Собр. Зак. т. IV, № 3819.

слѣднемъ Свѣйскомъ правительствѣ были, оставлены и содержаны будутъ съ тѣмъ однакожъ, чтобы въ нихъ и вѣра греческаго исповѣданія впредь также свободно и безъ всякаго помѣшательства могла быть отправляема".

Такимъ образомъ положеніе церковныхъ дѣлъ въ новоприсоединенныхъ земляхъ должно было оставаться такимъ, какъ оно было при послѣднемъ шведскомъ правленіи. А въ то время главнѣйшими постановленіями, опредѣлявшими церковное управленіе были: Уставъ 1634 года, изданный Шведскимъ правительствомъ собственно для Лифляндіи. Онъ опредѣлялъ составъ консисторіи, кругъ ея вѣдомства и отношеніе генералъ-суперъ-интендента къ свѣтскому президенту. Разсмотрѣнію консисторіи подлежали всѣ дѣла, имѣющія какое-либо отношеніе къ церкви, и власть ея простиралась въ этомъ отношеніи на всѣ лица духовнаго и свѣтскаго званія, какого-бы состоянія они ни были. По Учрежденію 1634 года, Лифляндская Оберъ-Консисторія состояла изъ равнаго числа свѣтскихъ и духовныхъ членовъ подъ предсѣдательствомъ свѣтскаго президента, который наблюдалъ за порядкомъ, назначалъ засѣданія, предлагалъ дѣла къ слушанію и объявлялъ рѣшенія [1]). Первымъ духовнымъ членомъ былъ генералъ-суперъ-интендентъ, который обязанъ былъ ради государя оказывать президенту уваженіе и содѣйствовать ему въ прекращеніи несогласій, возникающихъ между духовными и свѣтскими членами. Оберъ-Консисторія не подлежала апеляціи никакого гражданскаго суда. А ей были подвѣдомственны городовыя консисторіи въ Дерптѣ и Перновѣ, также составленныя изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ подъ предсѣдательствомъ городовыхъ [2]) бургомистровъ. Нѣкоторыя изъ правилъ устава 1634 года были отмѣнены Общимъ Цер-

---

[1]) Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1833 года ч. VIII № 3-й, отд. I. Распоряженія и 1856 года ч. XIX, отд. II.

[2]) Журналъ Мин. Вн. Дѣлъ 1833 г. ч. VIII.

ковнымъ Уставомъ 1686 года, но по присоединеніи Лифляндіи къ Россіи Лифляндская Оберъ-Консисторія снова была образована по уставу 1634 года. Согласно съ Учрежденіемъ 1634 года, была организована и Эзельская провинціальная консисторія, существовавшая еще со времени Датскаго правленія. Въ ней былъ свѣтскій предсѣдатель, свѣтскіе и духовные члены, изъ которыхъ первымъ былъ Эзельскій суперъ-интендентъ. Но Эстляндская и Нарвская консисторіи состояли исключительно изъ духовныхъ членовъ. Въ Эстляндской предсѣдательствовалъ епископъ, который при переходѣ Эстляндіи къ Россіи удалился въ Швецію, а въ Нарвской предсѣдательство принадлежало старшему изъ городскихъ пасторовъ, присутствовавшихъ въ консисторіи. Въ Ригѣ и Ревелѣ были особыя городовыя консисторіи, которыя находились при магистратахъ. Въ нихъ предсѣдательствовалъ одинъ изъ Бургомистровъ и вмѣстѣ съ духовенствомъ присутствовали нѣсколько изъ членовъ Магистратовъ. Непосредственный надзоръ за духовенствомъ возложенъ былъ въ Ригѣ на сеніора, а въ Ревелѣ на суперъ-интендента.

Что касается Лифляндіи, то въ ней существовало еще „Положеніе о главныхъ церковныхъ попечительствахъ въ Лифляндіи 1671 года". На основаніи его, кругъ вѣдомства консисторіи былъ суженъ: дѣла, относящіяся до церковной дисциплины и до управленія церковнымъ имуществомъ, не подлежали разсмотрѣнію консисторіи, но находились подъ вѣдомствомъ Главныхъ церковныхъ попечительствъ, составлявшихся изъ духовнаго и свѣтскаго члена и свѣтскаго предсѣдателя. Церковные попечители, которыхъ было по одному или по нѣсколько при каждой церкви, непосредственно подчинялись попечительству.

Нѣкоторыя постановленія объ ученіи Лютеранской церкви и управленіи ея дѣлами содержались также въ, такъ называемой, Священнической привиллегіи 1675 года. Она была

дана Шведскимъ правительствомъ духовенству, чтобы предоставленіемъ ему нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ поднять его въ глазахъ народа, потому что въ теченіе продолжавшейся почти сто лѣтъ войны церковныя дѣла пришли въ крайнее разстройство. Постановленія этой Привиллегіи вошли впослѣдствіи въ Общій Шведскій Церковный Уставъ.

Для всѣхъ областей, находившихся подъ властью Швеціи, къ коцу XVII вѣка былъ изданъ Общій Шведскій Церковный Уставъ и принадлежащее къ нему Особое Учрежденіе 1687 года о порядкѣ дѣлопроизводства въ консисторіяхъ. Въ виду затрудненій, встрѣтившихся при его примѣненіи въ Лифляндіи и Эстляндіи, по просьбѣ тамошняго дворянства, Шведское правительство издало въ 1691 и 1692 годахъ для каждой изъ этихъ мѣстностей особыя дополненія и поясненія къ уставу. Шведскій Церковный Уставъ предписывалъ держаться трехъ вселенскихъ символовъ вѣры, Аугсбургскаго исповѣданія 1530 года и, такъ называемой, Книги соглашеній [1]) (Liber Concordiae), которая, какъ извѣстно, была составлена во второй половинѣ XVI столѣтія богословами въ дополненіе къ Аугсбургскому исповѣданію. По Шведскому Учрежденію 1687 года, составъ и кругъ вѣдомства консисторій измѣнялся сравнительно съ Уставомъ 1634 года. Консисторіи должны были состоять изъ профессоровъ богословскаго факультета, а гдѣ нѣтъ университета, изъ преподавателей мѣстныхъ училищъ, хотя бы они были и свѣтскіе. Предсѣдательство въ консисторіи принадлежало епископу или суперъ-интенденту. На консисторіи можно было приносить апеляцію въ Гофгерихты. Кругъ вѣдомства консисторій былъ значительно ограниченъ. Задача консисторій и епископа заключалась лишь въ наблюденіи за точнымъ исполненіемъ церковныхъ постановленій, изданныхъ королемъ. Вообще власть

---

[1]) 1-е Полн. Собр. Законовъ т. XXXVI, № 27896.

самого духовенства въ Швеціи была очень ограниченной. Ученіе вѣры, разъясняемое въ подробностяхъ въ символическихъ книгахъ Лютеранской церкви, катехизисъ, по которому обучались Закону Божію, обряды богослуженія со всѣми чтеніями и пѣснями для каждаго воскреснаго и праздничнаго дня, назначеніе текста проповѣди, молитвенныя и назидательныя книги, правила, которыми слѣдовало руководствоваться при совершеніи и расторженіи браковъ,—все это требовало утвержденія государя. Для удостовѣренія, что пасторы правильно поступаютъ въ ученіи вѣры, въ совершеніи богослуженія и исполненіи своихъ обязанностей пробсты или благочинные должны были производить въ своихъ округахъ визитацію церквей и приходовъ. Затѣмъ визитацію производили и епископы или суперъ-интенденты. Предметы, на которые при этомъ они должны были обращать свое вниманіе, пункты для допросовъ о дѣйствіяхъ пасторовъ въ собраніи церковныхъ старшинъ и другихъ членовъ общества опредѣлялись закономъ. Каждое дѣло объ отступленіяхъ отъ установленныхъ правилъ ученія вѣры и совершенія богослуженія должно было доводиться до свѣдѣнія короля [1]).

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ изданія Общаго Церковнаго Устава, Шведское правительство издало на нѣмецкомъ и шведскомъ языкахъ агенду или служебникъ, въ которомъ подробно излагалось все относящееся до богослуженія. Въ основаніи этой агенды (1693 года) была положена древняя Шведская Церковная Агенда 1572 года съ ея дополненіями и исправленіями. Агенда была введена также въ Лифляндіи, Эстляндіи и Ингерманландіи и даже переведена на народные языки этихъ провинцій. Но въ Лифляндіи и Эстляндіи существовали и другіе служебники болѣе древніе, изданные еще при самомъ введеніи въ нихъ реформаціи. Поэтому тамъ

[1]) Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ 1833 г. ч. VIII и 1856 г. ч. XIX.

происходило разнообразіе въ совершеніи богослуженія, что было признано нежелательнымъ, и консисторіи старались прекратить его [1]).

О томъ, что Общій Шведскій Церковный Уставъ былъ утвержденъ и русскими государями, часто встрѣчаются прямыя указанія въ разныхъ правительственныхъ распоряженіяхъ по дѣламъ протестантскаго исповѣданія въ Россіи [2]). Но и всѣ другія церковныя учрежденія, дѣйствовавшія ранѣе въ Остзейскихъ губерніяхъ, не потеряли вполнѣ свою силу и, какъ увидимъ, принимались во вниманіе русскимъ правительствомъ, когда заходила рѣчь о необходимости какого либо преобразованія.

Нѣсколько иначе отнеслось правительство Петра I-го къ дѣламъ иновѣрцевъ, жившихъ внутри Россіи. Государь, какъ извѣстно, всячески старался привлекать въ Россію иностранцевъ. Съ этой цѣлью въ 1702 году былъ изданъ особый манифестъ съ обѣщаніемъ иностранцамъ свободы вѣроисповѣданія [3]). При такихъ условіяхъ количество иностранцевъ должно было значительно увеличиваться, а церковная жизнь ихъ дѣлаться обширнѣе и сложнѣе. Поэтому въ ней легко могли возникать безпорядки и споры, подобные, напримѣръ, дѣлу Баумана или Квирина Кульмана, возмутившія церковную жизнь протестантовъ во второй половинѣ XVII вѣка. Дѣйствительно, содержаніе „патента“, даннаго Петромъ въ 1715 году пастору Старой Московской общины Фагецію, указываетъ, что у протестантовъ въ то время далеко не царствовалъ порядокъ и согласіе. А это, конечно, не могло ускользнуть отъ проницательнаго взора Петра, старавшагося всюду заводить порядокъ, и не заставить его подумать и о мѣрахъ къ упорядоченію церковныхъ дѣлъ протестантовъ.

---

[1]) Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ ч. VIII, 1833 года.

[2]) 1-е Полное Собраніе Закон. т. XXXVI, № 27896, т. XXVIII, № 21491.

[3]) Ibid., т. IV, № 1910.

И вотъ 18 февраля 1711 года, какъ разсказывается въ Предисловіи въ „Справномъ Уставѣ Церковной Лютеранской вѣры" [1]), были собраны англійскія, лютеранскія, реформатскія и римско-католическія духовныя лица, старшины и представители. Канцлеръ Головкинъ и Вице-канцлеръ баронъ Шафировъ объявили собранію отъ имени государя, что онъ назначилъ Московскаго пастора Фагеція Суперъ-интендентомъ всѣхъ евангелическихъ церквей въ Россіи. Фагецію было поручено составить и опредѣленный уставъ для этихъ церквей. Нѣсколько болѣе, чѣмъ черезъ годъ уставъ былъ готовъ и Высочайше утвержденъ. Въ 1715 году „въ наивящее подтвержденіе" Фагецію былъ данъ уже письменный „патентъ на чинъ Суперъ-интендента надъ всѣми обрѣтающимися въ Россіи лютеранскими кирхами". Въ „патентѣ" высказывается взглядъ правительства на цѣль учрежденія званія Суперъ-интендента и разъясняются его обязанности. Въ виду того, что этотъ „патентъ" былъ напечатанъ проф. Цвѣтаевымъ уже давно и притомъ въ газетѣ [2]), а слѣдующіе тома собранныхъ имъ „Памятниковъ къ исторіи протестантства", куда долженъ войдти и „патентъ" Петра, еще не появились, мы и приведемъ здѣсь содержаніе „патента" цѣликомъ на основаніи копій съ него, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ „Дѣлахъ Иностранныхъ Исповѣданій". Въ Архивѣ въ нѣсколькихъ дѣлахъ находятся копіи съ „патента". Онъ часто приводился въ слу-

---

[1]) „Справной Уставъ Церковной Лютеранской вѣры". Ревель 1717 г. хранится въ Петербургѣ среди русскихъ рукописей Академіи Наукъ. Здѣсь онъ былъ найденъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ профессоромъ Варшавскаго Университета Цвѣтаевымъ. Объ этомъ проф. Цвѣтаевъ написалъ въ Московск. Вѣдомостяхъ 1882 г. № 319 статью подъ заглавіемъ: „Вновь открытый законъ Петра Великаго о протестантахъ". Въ ней и передается содержаніе Предисловія.

[2]) Московскія Вѣдомости 1882 года № 319-й. Патентъ входитъ въ книгу „Справной уставъ церковной лютеранской вѣры", откуда онъ и выписанъ профессоромъ Цвѣтаевымъ.

чаяхъ когда нужно было представить историческую справку по какому нибудь дѣлу. Копіи съ него находятся въ дѣлахъ: 1720 года іюля 30-го № 4 о пріѣздѣ въ Россію 6 капуциновъ [1]), патера Якова Деоледжіо съ товарищами; 1721 года № 1 „Дѣло по указу Синода о присылкѣ извѣстія о числѣ иновѣрныхъ церквей" [2]) и 1760 г. апрѣля 30 № 1 [3]) и № 2-й. Вотъ содержаніе патента по копіи съ него въ дѣлѣ 1720 г. № 4: Копія съ патента, даннаго пастору Бартольду Фагеціусу на чинъ суперъ-интендента надъ всѣми обрѣтающимися въ Россіи лютеранскими кирхами.

„Божіею милостью Мы Петръ I, Царь и всея Россіи Самодержецъ и прочая, и прочая, и прочая. Понеже мы ради важныхъ причинъ ко учрежденію и содержанію мира и добраго порядка и престереженію всякихъ нестройствъ и смятеній въ нашемъ государствѣ надъ обрѣтающимися евангелическими люторскими кирхами и собраніями за благо изобрѣли ихъ же вѣры и исповѣданія суперъ-интендентомъ учинить и учредить: того ради мы чести достойнаго и высокоученаго Бартольда Фагеціуса священнаго писанія лиценцията, пастора при Старомъ евангелическомъ люторскомъ собраніи при Москвѣ передъ иными въ разсужденіе воспріяли и онаго ради его добрыхъ властностей, наукъ и къ намъ имѣющей вѣрности суперъ-интендентомъ надъ всѣми въ Россіи обрѣтающимися люторскими кирхами и собраніями въ 1711 г. февраля въ день (18) учинили и учредили, яко мы его симъ въ томъ чинѣ подтверждаемъ и учреждаемъ; такожде хощемъ и повелѣваемъ, чтобъ помянутыя собранія, яко при евангелическихъ люторскихъ кирхахъ, обыкновенно его признавали и почитали и держали, а ему суперъ-интенденту

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Дѣла Иностран. Исповѣданій. Римско-Католическія. Картонъ 2.

[2]) Дѣла Иностр. Испов. картонъ 2.

[3]) Дѣла Иностр. Испов. римско-католическія картонъ 4.

Фагеціусу повелѣваемъ Мы всемилостивѣйше накрѣпко смотрѣть, дабы все при помянутыхъ кирхахъ и собраніяхъ порядочно чинилось и у оныхъ приставленные пасторы свои сонмы наипаче къ страху Божію, къ должному послушанію и вѣрности къ Намъ и Нашему Царскому Дому приводили, особливо жъ въ ихъ поученіяхъ отъ всякихъ подозрительныхъ словъ и реченій, отъ которыхъ вредъ и несогласіи призойдти; особливо жъ отъ такихъ, которыя Нашей или Нашихъ высокихъ союзниковъ высокой чести и интересамъ предосудительны быть могутъ, воздерживались и во всемъ такъ поступали, яко христіанамъ и вѣрнымъ подданнымъ надлежитъ и пристоитъ, дабы Мы причину имѣли имъ всѣмъ Царскою Нашей милостью впредь склонными пребывать. Такожде ему суперъ-интенденту имѣть осмотрѣніе прилежное, чтобы плѣнные Шведы, какъ въ собраніяхъ, такъ и въ прочемъ обходились и поступали спокойно, не подавая никакой причины, которая бы имѣла быть къ предосужденію Намъ и государству Нашему. Въ наивящее подтвержденіе данъ сей Нашъ патентъ за Нашею государственною печатью въ Санктъ-Петербургѣ октября 7 дня 1715 года".

„Оригинальный патентъ за подписью Государственнаго Канцлера и Кавалера графа Гавріила Ивановича Головкина. Запечатанъ среднею печатью подъ кустодіею".

Такимъ образомъ пасторъ Старой Московской лютеранской общины сталъ правительственнымъ лицомъ, которому поручался надзоръ за внутренней церковной жизнью протестантовъ. Назначеніе Фагеція суперъ-интендентомъ надъ всѣми лютеранскими церквами и собраніями и приходится считать первымъ шагомъ правительства по пути къ установленію управленія дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Но этотъ первый шагъ, вызванный самой жизнью, кажется, не былъ достаточно опредѣленнымъ. Ни въ дѣлахъ иностранныхъ исповѣданій, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ

Министерства Иностранныхъ Дѣлъ [1]), ни въ распоряженіяхъ по этимъ дѣламъ св. Синода нѣтъ болѣе никакихъ извѣстій о суперъ-интендентѣ. Приходится думать, что это званіе продержалось недолго [2]).

По установленіи Коллегій Посольскій приказъ былъ замѣненъ Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ, и, естественно, въ ея вѣдѣніе должны были перейдти дѣла Посольскаго приказа и по иностраннымъ исповѣданіямъ. Указъ капуцину Патрицію объ отправленіи имъ службы въ Петербургскомъ костелѣ Петръ, какъ это видно изъ дѣла 1720 г. № 1-й [3]), повелѣлъ дать изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Сюда же должны были являться иностранныя духовныя лица по пріѣздѣ изъ за границы [4]). Въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ патеръ Деоледжіо подалъ прошеніе [5]), въ которомъ изъяснялъ, что онъ призванъ въ Россію по повелѣнію Государя и на этомъ основаніи его прислалъ папа съ нѣсколькими другими духовными. Его папа назначилъ супеpіоромъ, какъ надъ ними, такъ и для Ингріи, Ливоніи и другихъ новозавоеванныхъ мѣстъ и чтобы отпрявлять ему службу въ Петербургскомъ костелѣ вмѣсто удаленныхъ іезуитовъ. На все это онъ просилъ рѣшенія Коллегіи.

Когда въ 1720 г. генералъ Лесли и другіе офицеры—католики Финляндскаго корпуса обратились къ правительству съ просьбой прислать имъ духовное лицо, то просьба

---

[1]) Если, конечно, не считать копій съ самого патента.

[2]) Срав. Статью проф. Цвѣтаева въ Москов. Вѣдомостяхъ 1882 г. № 319. Удаленіе Фагеція отъ должности суперъ-интендента онъ объясняетъ недовольствомъ ея учрежденіемъ со стороны лютеранъ, вызвавшимъ интриги противъ Фагеція.

[3]) Москов. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Дѣла Иностранныхъ Исповѣданій. Римско-католическія картонъ 2.

[4]) „Дѣло о пріѣздѣ въ Россію патера Деоледжіо съ товарищами 30 іюля 1720 года № 4“ въ дѣлахъ Иностран. Исповѣд. Католическихъ картонъ 2.

[5]) „Дѣло о ссорѣ между капуцинами и францисканами“ 1724—1725 г.г. № 5-й въ дѣлахъ Иностр. Испов. католическихъ картонъ 3.

поступила въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Здѣсь было постановлено призвать въ Коллегію находящихся въ Петербургѣ патеровъ и особенно старшаго изъ нихъ и объявить, чтобы они избрали изъ своей среды одного ксендза и объ избранномъ донесли Коллегіи для выдачи ему свободнаго пропуска [1]). Черезъ нѣкоторое время тогдашній суперіоръ Деоледжіо самъ обратился съ прошеніемъ въ Коллегію, чтобы ему было позволено, согласно просьбѣ офицеровъ католиковъ въ Ригѣ, отправить къ нимъ одного патера. Подобная же просьба отъ суперіора поступила въ Коллегію и относительно Ревеля [2]). При возникновеніи безпорядковъ въ Петербургскомъ костелѣ капуцины въ сентябрѣ 1720 г. подали прошеніе въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, въ которомъ просили прекратить безпорядки и „вмѣшательство супротивниковъ въ ихъ дѣла" [3]).

Съ учрежденіемъ Синода дѣла иностранныхъ исповѣданій попали въ его вѣдомство. Мы говоримъ „попали", потому что ни въ Полномъ Собраніи Законовъ, ни въ Полномъ Собраніи Постановленій и Распоряженій по Вѣдомству Православнаго Исповѣданія не оказывается ни одного указа, которымъ дѣла эти ясно передавались бы въ вѣдомство св. Синода. Разъясненія же этого остается искать какимъ-нибудь косвеннымъ путемъ, и прежде всего обратиться къ внимательному просмотру самыхъ дѣлъ, которыми пришлось заниматься Синоду, особенно же въ первое время послѣ его учрежденія. Какъ представитель интересовъ Православной церкви въ Россіи, св. Синодъ, конечно, не могъ исключить изъ своей задачи заботу объ охраненіи и чистотѣ Православія, а такая забота, естественно, могла требоваться относительно иностранныхъ исповѣданій

---

[1]) Дѣло 1720 г. № 4 картонъ 2.
[2]) Дѣло 1720 г. № 4. Ibid.
[3]) Ibid.

и особенно католическаго. Кромѣ того, будучи преемникомъ патріаршей власти [1]), Синодъ легко могъ почерпнуть въ этомъ періодѣ исторіи русской церкви яркіе примѣры, какъ патріархъ, являясь охранителемъ Православія, не оставлялъ совершенно безъ вниманія и церковныхъ дѣлъ иностранцевъ [2]). Синоду вскорѣ и представился случай разсматривать подобное дѣло. Уже въ августѣ 1721 года асессоръ св. Синода іерей Кондоиди донесъ Синоду, что къ его рукамъ „нечаянно прикоснулись два письма, писанныя изъ Италіи: одно отъ папы Римскаго, а другое отъ тамошней конгрегаціи, и въ этихъ письмахъ „нѣкоторыя рѣчи легкія къ разумѣнію, а иныя весьма сумнительны и темны“,—словомъ Кондоиди усмотрѣлъ, что римскій католицизмъ ведетъ пропаганду въ Россіи и, по мнѣнію пропагандистовъ, уже не безъ нѣкотораго успѣха. Орудіемъ пропаганды сдѣланы францисканы, въ распоряженіе которыхъ конгрегація приказала передать и Петербургскій костелъ, а капуцинамъ выѣхать. Вслѣдствіе такого доношенія Синодъ постановилъ: потребовать отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ письменнаго извѣстія, сколько находится въ Россіи иноземцевъ католиковъ, какъ обязавшихся службою Его Величеству, такъ и среди купечества. Францисканы же, какъ видно, „тщатся размножать въ Россіи нѣкоторыя православной вѣры противности и неполезныя государству дѣйства“ и потому по полученіи извѣстія „учинить объ нихъ слѣдствіе и надлежащее опредѣленіе, чтобы сѣющееся зло было тщательно истреблено и цѣлость вѣры и государства безвредно была бы соблюдена“ [3]). Для дальнѣйшаго разъясненія, почему дѣла иностранныхъ испо-

---

[1]) Полное Собраніе Постановл. и Распоряж. по Вѣдомству Православнаго Исповѣданія томъ I № 3. (изд. второе).

[2]) См. выше стр. 39.

[3]) Полн. Собр. Пост. и Распор. по Вѣдомству Правосл. Испов. томъ I-й изданіе второе № 176.

вѣданій попали въ вѣдомство Синода нужно, повидимому, обратиться къ самому манифесту 25 января 1721 года объ учрежденіи Духовной Коллегіи. Въ немъ между прочимъ написано: „и повелѣваемъ всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ Нашимъ всякаго чина духовнымъ и мірскимъ имѣть сіе за важное и сильное правительство и у него крайнія дѣлъ духовныхъ управы рѣшенія и вершенія просить и судомъ его опредѣленнымъ довольствоваться, и указовъ его слушать во всемъ подъ великимъ за противленіе и ослушаніе наказаніемъ противъ прочихъ Коллегій“ [1]). Слова манифеста: „и у него крайнія дѣлъ духовныхъ управы, рѣшенія и вершенія просить“ были поняты, повидимому, такъ, что подъ „духовными дѣлами“ подразумѣвали не только касающіяся Православной церкви, но и церквей иностранныхъ. По крайней мѣрѣ, когда въ сентябрѣ 1721 г. Выборгской провинціи бригадиръ и оберъ-комендантъ Шуваловъ представилъ на разсмотрѣніе Синода прошеніе Выборгскаго жителя Строльмана о назначеніи его вторымъ пасторомъ къ кирхѣ Пигвоярскаго погоста въ Кесгольмскомъ уѣздѣ, то свое доношеніе Синоду оправдывалъ именно этими словами манифеста, повторенными двумя Его Царскаго Величества именными указами изъ Сената 17-го февраля и 13-го мярта 1721 года [2]). Синодъ на это не возражалъ и постановилъ опредѣлить Строльмана пасторомъ.

Но какъ бы тамъ ни было, съ открытіемъ Духовной Коллегіи, она приняла въ свое вѣдѣніе и дѣла иностранныхъ исповѣданій. Дѣятельность ея въ этомъ направленіи началась съ того, что 22 мая 1721 г. она потребовала отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ доставленіе обстоятельной вѣдомости о

---

[1]) Полное Собр. Пост. и Расп. по Вѣд. Прав. Исп. т. I № 1.

[2]) Томъ I № 247. Интересно было бы прочесть эти указы, но ихъ не оказывается ни въ Полномъ Собраніи Законовъ, ни въ „Архивѣ Правит. Сената т. I Спб. 1872. (опись указовъ царствованія Петра 1704—1725 г.), ни въ книгѣ Указы Петра Великаго съ 1713—28 янв. 1725 года, ни въ нѣкоторыхъ другихъ сборникахъ, въ которые входятъ указы царствованія Петра I.

иностранныхъ кирхахъ и состоящихъ при нихъ духовныхъ лицахъ. Коллегія должна была донести между прочимъ о числѣ церквей, кѣмъ, когда и по какому позволенію онѣ построены, какія состоятъ при нихъ духовныя особы, по чьимъ указамъ, какимъ образомъ совершалось „постановленіе въ пасторы и въ прочіе духовныя особы при шведскомъ владѣніи и непремѣнно-ли донынѣ производится, или что, гдѣ вновь, кѣмъ, по какимъ указамъ возобновлено. Такую вѣдомость Синодъ „надлежащаго ради извѣстія всегда имѣть долженъ". Кромѣ того ему нужно было доносить и о всѣхъ вновь прибывающихъ въ Россію духовныхъ лицахъ. А всѣ находящіеся въ Петербургѣ иновѣрныя духовныя лица „позволительныя и непозволительныя" должны были вскорѣ сами предстать Синоду [1]).

Просматривая различныя распоряженія Синода по дѣламъ иностранныхъ исповѣданій, помѣщенныя въ семи томахъ Полнаго Собранія Постановленій и Распоряженій по Вѣдомству Православнаго Исповѣданія, доведенныхъ почти до самаго конца (23 дек.) 1732 года, мы видимъ, что относительно иностранныхъ исповѣданій Синодъ, какъ это и естественно, являлся органомъ правительственной власти. Кромѣ наблюденія за недопущеніемъ пропаганды [2]) Синодъ смотрѣлъ также, чтобы въ церковной жизни иностранцевъ былъ порядокъ и спокойствіе [3]) и чтобы она не нарушала интересовъ государственныхъ [4]). О послѣднихъ Синодъ почти постоянно упоминалъ въ своихъ указахъ, особенно при назначеніи ино-

---

[1]) Полн. Собр. Пост. и Расп. по Вѣд. Прав. Исповѣд. т. I изданіе второе № 107-й.

[2]) Полн. Собр. Постан. и Распор. по Вѣдом. Православн. Испов. томъ I-й № 176, т. III № 1144, т. V № 1655. т. VII № 2657, 2659, т. VII № 2660 и 2598, т. V № 1814.

[3]) Томъ I № 167, 247 и т. V № 1501.

[4]) Томъ I № 149, 277, 176, т. II № 580. 767, т. III № 1060, т. III № 1708, т. IV № 1221, 1302, 1330, т. V № 1814.

вѣрныхъ духовныхъ лицъ. Такъ въ указѣ 19 іюля 1721 года о назначеніи Тараніуса пасторомъ Сердобольской лютеранской церкви сказано: „и взять у него Тараніуса и у всѣхъ прихожанъ письменное обязательство съ подкрѣпленіемъ, что ему Тараніусу, будучи при той кирхѣ пасторомъ, корреспонденціи въ Швецію не чинить и противъ его Царскаго Величества и всего Россійскаго государства ничего ни тайно, ни явно, ни подъ какимъ предлогомъ не предвоспринимать, что ежели докажется причтено ему будетъ въ измѣну, „но имѣть ему Тараніусу всякое доброжелательное попеченіе яко подданному и пребывающему во услугахъ къ Его Царскому Величеству и всему Россійскому государству, и во ономъ пасторскомъ званіи ему Тараніусу исполнять, какъ подлежитъ поступать честному и доброму пастору“ [1]). По отобраніи подписки пасторъ долженъ былъ принять присягу, которая вмѣстѣ съ подпиской была доставлена въ Синодъ. Подобнымъ же образомъ Синодъ поступалъ и при назначеніи другихъ пасторовъ [2]).

27 апрѣля 1722 г. Синодъ разрѣшилъ капуцинамъ отправиться въ Астрахань и совершать тамъ домашнее богослуженіе [3]). Но когда послѣ того узналъ, что капуцины хотятъ отправить одного изъ своей среды въ Персію, то послалъ указы Астраханскому архіерею и губернатору „съ такимъ объявленіемъ“: „чтобы они о вышеозначенномъ ихъ намѣреніи вѣдали и, вѣдая то, воспріяли бы такія мѣры, какія къ государственной безопасности по тамошнему состоянію и по своему усмотрѣнію за благо разсудятъ, о чемъ для вѣдома и въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ послать указъ безъ замедленія“ [4]). Въ указѣ 24 іюня 1723 г. о разрѣше-

---

[1]) Полн. Собр. Пост. и Распор. по Вѣдом. Прав. Исп. т. I № 149.
[2]) Срав. т. II № 767, т. V № 1814.
[3]) Т. II № 571.
[4]) Полн. Собр. Постан. и Распор. по Вѣд. Прав. Испов. т. II № 580.

ніи строить въ Выборгскомъ и Кегсгольмскомъ уѣздѣ новыя кирхи Синодъ, подобно Сенату, основываетъ свое рѣшеніе на томъ, „чтобы оставшіеся въ Россійской сторонѣ чухны въ прежнія свои кирхи за границу не ходили и присылаемые въ тѣ мѣста Его Императорскаго Величества указы публиковать было объ гдѣ“ [1]).

Обезпечивать порядокъ и согласіе въ церковной жизни иностранцевъ, необходимые и для государственнаго спокойствія вообще, Синодъ могъ уже тѣмъ, что отъ него зависѣло назначеніе иностранныхъ духовныхъ лицъ. Дѣйствительно, какъ показываетъ наприм., уже извѣстное намъ дѣло Баумана и дѣло о ссорѣ между капуцинами и францисканами, о которомъ будетъ сказано ниже, ничто не обезпечиваетъ такъ церковный порядокъ и, согласіе какъ зависимость назначенія духовныхъ лицъ отъ твердой правительственной власти. Участіе Синода въ назначеніи духовныхъ лицъ носило лишь форму правительственнаго утвержденія, а самое избраніе въ протестантскихъ приходахъ совершалось самими прихожанами, а для католическихъ принималось во вниманіе и желаніе папства. Обыкновенно прихожане подавали отъ себя и особое прошеніе объ избранномъ ими лицѣ [2]). Этому избранію со стороны прихожанъ, которое еще тѣмъ болѣе могло препятствовать разнымъ безпорядкамъ и раздорамъ, Синодъ придавалъ рѣшающее значеніе. Такъ въ указѣ 19-го іюля 1721 года объ опредѣленіи Тараніуса пасторомъ къ Сердобольской лютеранской церкви, куда хотѣло попасть и другое лицо, Синодъ обосновываетъ свое назначеніе именно Тараніуса такъ: „и Угонимскаго погоста пастору Вастину при кирхѣ быть не велѣть для того, что помянутые жители иного пастора кромѣ онаго Тараніуса не желаютъ“ [3]). Если

---

[1]) Т. III № 1060.
[2]) Полн. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Исп. т. I № 149, № 247.
[3]) Т. I № 149.

желаніе прихожанъ не вполнѣ было ясно Синоду, онъ посылалъ даже особые указы, чтобы изслѣдовать „самою сущею правдою, никому ни для чего не наровя", дѣйствительно ли желаютъ прихожане имѣть у себя пасторомъ такое-то лицо [1]). Объ избранномъ собирались подписки прихожанъ и присылались въ Синодъ. Назначеніе духовныхъ лицъ, къ церквамъ, повидимому, непремѣнно должно было пройдти черезъ Синодъ. По крайней мѣрѣ въ 1724 г. одинъ пасторъ въ прошеніи Синоду объ утвержденіи его въ должности писалъ: „нынѣ безъ указу Его Императорскаго Величества отъ вашего святѣйшества при той кирхѣ служить опасенъ весьма" [2]). А въ 1723 г. 31 декабря капуцины, получившіе въ 1720 году изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ указъ о служеніи въ католической церкви въ Петербургѣ, обратились въ Синодъ съ прошеніемъ, „чтобъ и отъ святѣйшаго Синода такое-жъ позволеніе было" [3]) Въ спорѣ между капуцинами и францисканами въ 1724 г. о томъ, кому распоряжаться Петербургскимъ костеломъ, Синодъ рѣшилъ его въ пользу францискановъ [4]). Когда въ это дѣло вмѣшался находившійся при Дворѣ французскій министръ Кампредонъ и сталъ черезъ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ хлопотать за капуциновъ, то дѣло было доложено Коллегіей государю. Государь повелѣлъ до его прибытія въ Петербургъ служить въ костелѣ по прежнему капуцинамъ, „о чемъ Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ св. Синоду симъ доноситъ, дабы оный благоизволилъ о томъ къ кому надлежитъ въ С.-Петербургъ надлежащіе указы отправить и Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ объ отправленіи тѣхъ указовъ приказать увѣдомить для объявленія о томъ

---

[1]) Полн. Собр. Постан. и Распор. по Вѣд. Прав. Испов. т. I № 167, 247. Срав. т. IV № 1184.

[2]) Т. IV № 1221.

[3]) Т. IV № 1207.

[4]) Т. IV № 1207 и V № 1501.

помянутому королевскому французскому полномочному министру" [1]).

Центральному правительственному учрежденію, чтобы вѣрнѣе слѣдить за подчиненными ему лицами и лучше управлять ввѣренной ему стороной общественной жизни, полезно имѣть какое нибудь отвѣтственное передъ нимъ лицо, облеченное нѣкоторой властью и близко стоящее къ управляемымъ дѣламъ и лицамъ. Такими лицами относительно Синода и церковной жизни протестантовъ являлись *препозиты*. Это были старшіе пасторы даннаго округа. Къ нимъ посылались разные указы Синода по церковнымъ дѣламъ подвѣдомственнаго имъ округа. Отъ нихъ же требовались доношенія и справки нужныя Синоду и наблюденіе за подчиненными имъ пасторами особенно же по несовращенію ими православныхъ [2]). Назначеніе препозита, какъ свидѣтельствуетъ Синодскій указъ 22 іюля 1724 года объ опредѣленіи пастора Майделина препозитомъ надъ пасторами С.-Петербургскаго, Шлиссельбургскаго и Капорскаго уѣздовъ, происходило по избранію самихъ пасторовъ. „Оному Майделину, по общему ихъ пасторовъ требованію, буде спору не будетъ препозитомъ быть и всѣхъ обрѣтающихся въ вышеупомянутыхъ городахъ и уѣздахъ лютеранскаго исповѣданія пасторовъ содержать въ своемъ вѣдомствѣ и по нарядамъ изъ св. Синода или изъ Тіунской конторы, что надлежитъ исправлять, какъ указы повелѣваютъ. И въ томъ, а наипаче о вѣрности Его Императорскому Величеству и о доброжелательствѣ къ Россійской Имперіи привесть его Майделина къ присягѣ" [3]). Изъ другихъ препозитовъ въ дѣлахъ Сино-

---

[1]) Полн. Собр. Постан. и Расп. по Вѣд. Прав. Испов. т. IV № 1291.

[2]) Полн. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Исповѣд. т. VII № 2657, 2659, 2660.

[3]) Т. IV № 1330.

да встрѣчаются указанія на Выборгскаго [1]). Отношеніе препозитовъ къ Синоду и подчиненнымъ имъ пасторамъ обрисовывается, наприм., изъ указа 22 января 1724 г. 20 января въ Синодъ поступило прошеніе студента Выборгской Консисторіи Гоппіуса объ опредѣленіи его пасторомъ къ Терисъ-кирхѣ. Въ немъ проситель изъяснялъ, что по опредѣленію Выборгскаго препозита онъ служилъ при Терисъ-кирхѣ въ теченіе рождественскихъ праздниковъ. Затѣмъ препозитъ сказалъ ему, что, если прихожане согласятся имѣть его пасторомъ, то пусть онъ проситъ указа объ этомъ въ св. Синодѣ. По полученіи же указа онъ долженъ снова явиться къ препозиту. Согласіе прихожанъ у него есть, о чемъ они и дали ему письменное удостовѣреніе къ препозиту. Въ виду этого Гоппіусъ и проситъ „о произведеніи его духовнымъ чиномъ въ пастора къ той кирхѣ изъ св. Синода въ Выборгъ къ препозиту послать Е. И. В. указъ, и что ему просить повелѣно, о томъ отъ него препозита онъ имѣетъ ремизъ за его рукою" [2]). Пасторы при опредѣленіи на мѣста должны были получать одобрительное свидѣтельство отъ своего препозита [3]). Изъ дѣлъ тома V №№ 1814, 1938, когда на одно мѣсто явилось два претендента, видно, что одобрительное свидѣтельство долженъ былъ давать препозитъ именно своего округа. Одинъ изъ добивающихся мѣста въ кирхѣ Куріокѣ, въ округѣ Выборгскаго препозита, при помощи находящагося въ Петербургѣ препозита Майделина черезъ Тіунскую контору выхлопоталъ назначеніе для себя. Но опредѣленіе Тіунской конторы было отмѣнено Синодомъ между прочимъ и потому, что Негликъ получилъ указъ „безъ свидѣтельства настоящаго препозита черезъ аттестацію Майде-

---

[1]) Наприм. т. II № 767, т. IV № 1184, 1226, т. V № 1938 и друг. Срав. 1-е Полн. Собр. Зак. т. VIII № 5343, т. VI № 5343 и т. X № 7870.

[2]) Полн. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Исп. т. IV № 1184.

[3]) Т. IV № 1184, т. V № 1938, 1814, т. IV № 1320, 1221.

линову, неправильно" [1]). Кромѣ того препозитъ, какъ это показываетъ Синодскій указъ 8 іюня 1724 года, могъ дѣлать доношенія Синоду о мѣстныхъ церковныхъ нуждахъ, и доношенія эти принимались во вниманіе (томъ IV № 1302). Нѣчто подобное препозитамъ надъ лютеранскими пасторами было и у католиковъ. Такъ 7 февраля 1724 г. Синодъ при передачѣ Петербургскаго костела францисканамъ опредѣлилъ надъ ними начальникомъ патера Деоледжіо и предоставилъ ему право назначить годныхъ патеровъ въ Кронштадтъ, Ревель и Ригу по одному человѣку. А надъ ними „имѣть начальство и прилежно смотрѣть, дабы больше сверхъ помянутаго числа его ордена и никакихъ другихъ чиновъ римскаго закона священниковъ въ Петербургѣ, въ Ливоніи, а особливо въ Ригѣ, Ингерманландіи и Эстоніи не обрѣталось" [2]). Если же они явятся, Деоледжіо вмѣнялось въ обязанность немедленно доносить объ этомъ Синоду. За священниками же, находящимися при чужестранныхъ министрахъ для службы при нихъ или же за пріѣзжающими съ купеческими кораблями, Деоледжіо долженъ былъ смотрѣть, чтобы они не вмѣшивались въ церковныя дѣла. Вообще же относительно дѣлъ католическаго исповѣданія нужно замѣтить, что вслѣдствіе частыхъ раздоровъ между католиками разныхъ націй, постояннаго соперничества между духовными орденами, вмѣшательства папы въ церковную жизнь римско-католическихъ подданныхъ Россіи, управленіе его дѣлами носило еще болѣе неопредѣленный характеръ и тѣмъ менѣе могло сосредоточиваться въ одномъ Синодѣ.

Кромѣ назначенія духовныхъ лицъ разрѣшеніе Синода требовалось и для построенія иностранныхъ церквей и совершенія иностранной службы. По дѣлу объ отпускѣ въ

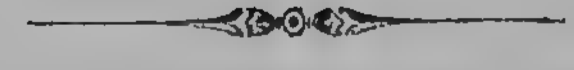
[1]) Полн. Собр. Постан. и Распор. по Вѣд. Прав. Исп. т. V № 1814.
[2]) Т. IV № 1207.

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ЛИЦЕЕМЪ.

№ 49.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литогр. Э. Г. Фалькъ, Духовская ул., соб. д.
1898.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

№ 49 Юридической Библіографіи.

---

1. Émile Gerberran. A travers les prisons. Bruxelles, 1895.

Вопросы, связанные съ цѣлесообразной постановкой дѣла тюремнаго патроната, представляются въ высшей степени существенными, заслуживающими серьезнаго вниманія вообще, у насъ же, въ Россіи, въ особенности. Дѣло нашего русскаго тюремнаго патроната еще слишкомъ юно. Собственнымъ опытомъ, могущимъ дать намъ руководящіе устои, мы пока еще не владѣемъ. Поэтому особенный интересъ представляютъ для насъ устои, выработанные въ тѣхъ странахъ, гдѣ патронатъ успѣлъ глубоко пустить корни.

Съ этой точки зрѣнія ознакомленіе съ дѣятельностью западно-европейскихъ обществъ тюремнаго патроната, съ воззрѣніями лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу этихъ обществъ, представляется не безполезнымъ. И въ этомъ послѣднемъ отношеніи выше названная работа, принадлежащая перу лица, принимающаго дѣятельное участіе въ обществѣ брюссельскаго тюремнаго патроната, заслуживаетъ вниманія.

Признавая дѣятельность общества тюремнаго патроната, направленную на возрожденіе преступнаго человѣка, на прикрѣпленіе его къ честной и трудовой жизни, заслуживающей особеннаго вниманія, возводя эту дѣятельность въ рангъ крайне плодотворнаго и въ высшей степени необходимаго общественнаго служенія, госпожа Gerberran сосредоточиваетъ свое вниманіе на обрисовкѣ тѣхъ началъ, которыя должны бы быть положены въ основу дѣятельности общества тюремнаго патроната и стать руководящими для его сочленовъ. Отмѣтимъ главнѣйшія изъ этихъ началъ.

Въ интересахъ успѣшнаго функціонированія обществъ тюремнаго патроната члены этихъ обществъ должны, по мнѣнію госпожи Gerberran, быть разбиты на двѣ секціи: секцію, занимающуюся посѣщеніемъ заключенныхъ въ карательныхъ учрежденіяхъ, и секцію,

заботящуюся о судьбѣ заключенныхъ по отбытіи ими наказанія; между этими секціями должна существовать тѣсная связь, и указанія первой должны приниматься въ соображеніе послѣдней.

Члены первой секціи должны стремиться къ ознакомленію съ личностью заключеннаго, его характеромъ и особенностями, должны заботиться о нравственномъ возрожденіи заключенныхъ.

При изученіи личности заключеннаго нельзя придавать, по мнѣнію госпожи Gerberran, рѣшающаго значенія тяжести учиненнаго заключеннымъ злодѣянія и его поведенію въ карательномъ учрежденіи, такъ какъ эти обстоятельства не всегда представляются „la thermometre morale“ преступника; нужно путемъ бесѣдъ съ заключеннымъ и личныхъ надъ нимъ наблюденій изучить присущія ему свойства и особенности, нужно ознакомиться съ его прошлымъ, съ обстоятельствами, толкнувшими его на преступный путь.

Изученіе личности заключеннаго, по мнѣнію госпожи Gerberran, представляется въ высшей степени существеннымъ для успѣшнаго функціонированія дѣла тюремнаго патроната. Только путемъ изученія личности заключеннаго можно уяснить себѣ, заслуживаетъ ли онъ того, чтобы общество тюремнаго патроната приняло его подъ свое покровительство, можетъ ли дѣятельность Общества примѣнительно къ нему увѣнчаться успѣхомъ.

Разбить заключенныхъ заранѣе на лицъ, достойныхъ вниманія общества тюремнаго патроната, и лицъ, не заслуживающихъ этого вниманія, невозможно; поэтому члены общества тюремнаго патроната должны первоначально посѣщать всѣхъ заключенныхъ (конечно, если заключенные изъявляютъ на то свое согласіе; свиданія не могутъ носить принудительнаго характера) и только впослѣдствіи могутъ сосредоточить свое вниманіе лишь на опредѣленныхъ лицахъ, прекративъ общеніе съ другими, не заслуживающими этого по присущимъ имъ свойствамъ и особенностямъ.

При посѣщеніи заключенныхъ, по мимо изученія присущихъ имъ свойствъ и особенностей, члены общества тюремнаго патроната должны заботиться о благотворномъ на нихъ воздѣйствіи, должны стремиться возбудить въ нихъ лучшія еще неугасшія стороны ихъ духовнаго я.

Въ интересахъ выполненія этой послѣдней миссіи, выпадающей на долю членовъ общества тюремнаго патроната, имъ слѣдуетъ, по мнѣнію госпожи Gerberran, поставить въ основу своей дѣятельности слѣдующія руководящія начала: „coeur, raison, fermeté, douceur“.

Члены второй секціи, пользуясь указаніями членовъ первой, должны направить свои усилія на устройство судьбы освобожденныхъ. Помогать, по мнѣнію госпожи Gerberran, слѣдуетъ только достойнымъ, т. е. тѣмъ, забота о которыхъ можетъ содѣйствовать ихъ возвращенію къ честной и трудовой жизни. Конечно, въ этомъ отношеніи прежде всего слѣдуетъ сосредоточить свое вниманіе на новичкахъ въ области преступной дѣятельности, хотя въ то же время окончательно устранить возможность оказанія помощи рецидивистамъ неосновательно: между ними нерѣдко встрѣчаются лица, которыя впали въ рецидивъ только потому, что они не встрѣтили въ трудную и критическую для нихъ минуту необходимой поддержки. Тяжесть учиненнаго злодѣянія также не можетъ служить основаніемъ, безусловно влекущимъ за собою устраненіе поддержки и покровительства со стороны обществъ тюремнаго патроната. Госпожа Gerberran подчеркиваетъ въ особенности необходимость поддержки и покровительства тѣмъ несчастнымъ обольщеннымъ дѣвушкамъ, которыя подъ вліяніемъ стыда и другихъ фатально сложившихся тяжелыхъ обстоятельствъ посягаютъ на жизнь своихъ новорожденныхъ младенцевъ. „Ce sont aussi les délinquantes“, замѣчаетъ госпожа Gerberran по поводу этихъ дѣвушекъ—дѣтоубійцъ, „sur lesquelles le Patronage acquiert la meilleure influence“ (стр. 77).

Приходя на помощь освобожденнымъ, не слѣдуетъ забывать и лицъ, судьба которыхъ тѣсно связана съ освобожденными, не слѣдуетъ, по мнѣнію госпожи Gerberran, забывать семьи освобожденныхъ (ихъ женъ, дѣтей), которой нерѣдко приходится переживать крайне тяжелыя минуты.

Помощь, по мнѣнію госпожи Gerberran, должна бы выразиться въ снабженіи покровительствуемыхъ необходимой одеждой, необходимыми для производства того или иного ремесла орудіями, въ облегченіи для нихъ переѣзда (снабженіи ихъ доровыми биле-

тамп) въ мѣста, гдѣ ихъ трудъ могъ бы получить приложеніе, въ содѣйствіи ихъ эмиграціи и проч.

Наконецъ, забота о судьбѣ заброшеннаго и преступнаго юношества, не безъ основанія, признается госпожею Gerberran одной изъ существенныхъ задачъ патроната „La préservation de la jeunesse". говоритъ она, „la protection de l'enfance a pris, et à juste titre, une place prédominante dans les oeuvres de patronage; c'est en effet surtout pour l'amélioration de ceux qui sont encore au début de le vie, qu'il convient de faire le plus d'efforts et de sacrifices".—

Таковы главнѣйшія положенія, развиваемыя госпожею Gerberran въ выше названномъ ея трудѣ.

Ознакомленіе съ этимъ трудомъ не безполезно для лицъ, желающихъ посвятить свои силы дѣлу начинающаго у насъ развиться патроната: въ немъ содержатся не безъинтересныя практическія указанія, изъ него можно почерпнуть разумныя руководящія начала.

А. Піонтковскій.

---

2. M-me Vloeberghs. La Visite à la Prison dans ses Conséquens immédiates et éloignées, Bruxelles. 1896.

Названная брошюра принадлежитъ перу автора выше разобраннаго труда „A travers les Prisons". Она посвящена разсмотрѣнію значенія посѣщенія заключенныхъ членами обществъ тюремнаго патроната. Авторъ совершенно основательно придаетъ такого рода посѣщенію въ высшей степени серьезное значеніе. Онъ видитъ въ этомъ посѣщеніи одно изъ средствъ, могущихъ содѣйствовать нравственному возрожденію преступника, и считаетъ поэтому этого рода дѣятельность членовъ обществъ тюремнаго патроната заслуживающей особеннаго вниманія, хотя не скрываетъ при этомъ, что на пути этой дѣятельности встрѣчаются крайне серьезныя затрудненія: въ высшей степени трудно пріобрѣсти довѣріе заключеннаго, для котораго дѣятельность, чуждая какихъ-либо узко-эгоистическихъ

импульсовъ, представляется обыкновенно чѣмъ-то невѣроятнымъ; пріобрѣсти это довѣріе, однако, по мнѣнію автора, не представляется невозможнымъ, а разъ это довѣріе пріобрѣтено, преступникъ спасенъ; „quand arrive ce jour“, замѣчаетъ авторъ, „vous avez vaincu, vous avez terrassé l'esprit mauvais; votre détenu est conquis, il est prêt à tenter l'effort de sa réhabilitation, il est presque sauvé enfin, car vous avez gagné sa confiance, et il veut ce que vous voulez“. Но этимъ, по мнѣнію автора, значеніе посѣщенія заключенныхъ не исчерпывается; при посредствѣ этихъ посѣщеній и связанныхъ съ ними бесѣдъ пріобрѣтаются свѣдѣнія о положеніи семьи заключенныхъ, въ большинствѣ случаевъ испытывающей невѣроятныя матеріальныя лишенія.

Пользуясь этими свѣдѣніями, члены обществъ тюремнаго патроната, могутъ протянуть своевременно руку помощи находящейся въ крайне тяжеломъ положеніи семьѣ заключеннаго и этимъ оказать великую услугу не только членамъ этой семьи, но и самому заключенному, для котораго нерѣдко разрушеніе его семейнаго очага, окончательное разореніе и такъ скуднаго его хозяйства представляются могучими стимулами, заставляющими его порвать всякія связи съ своей семьей и снова пойти по пути порока и преступленій..... Поддерживая семью заключеннаго и содѣйствуя въ тоже время его моральному возрожденію, члены обществъ тюремнаго патроната, по мнѣнію автора, могутъ предупредить эти гибельныя послѣдствія, привязать заключеннаго къ семьѣ и прикрѣпить его къ честной и трудовой жизни.

Таковы существенныя положенія, развиваемыя въ выше названной брошюрѣ. Брошюра написана живымъ языкомъ и читается съ интересомъ

А. Піонтковскій.

---

3. André Mornet. De la suspension des peines en cas de première condamnation et de leur aggravation à raison de la récidive en matière de crimes et délits Paris 1895.

Названное сочиненіе посвящено изученію постановленій французскаго законодательства, касающихся рецидива и института услов-

наго осужденія. Въ виду того, что эти постановленія воплощены главнымъ образомъ въ законѣ 1885 года о релегаціи рецидивистовъ (loi du 27 mai 1885 sur la rélégation des récidivistes) и законѣ 26-го марта 1891 года (La loi du 26 mars 1891 sur l'atténuation et l'aggravation des peines), вводящемъ во французское законодательство институтъ условнаго осужденія (sursis à l'exécution) и видоизмѣняющемъ и дополняющемъ постановленія касательно рецидива, это сочиненіе занимается преимущественно изученіемъ этихъ законовъ. Оно распадается на четыре части. Первая часть посвящена изученію тѣхъ статей закона 1891 года, которыя касаются института условнаго осужденія, вторая и третья—изученію постановленій, касающихся рецидива, четвертая—изученію закона 27 мая 1885 года о релегаціи рецидивистовъ.

Относясь вполнѣ сочувственно къ началамъ, положеннымъ въ основу законовъ 1885 и 1891 года (примѣненіе суровыхъ мѣръ борьбы съ профессіональнымъ преступнымъ людомъ, съ хронической преступностью, и мягкихъ мѣръ борьбы съ новичками въ области преступной дѣятельности—съ случайнымъ преступнымъ людомъ, съ острой преступностью), признавая эти начала вполнѣ цѣлесообразными, авторъ названнаго труда, Mornet, сосредоточиваетъ свое вниманіе исключительно на уясненіи смысла и содержанія текста этихъ законовъ и почти совершенно не касается уясненія характера и значенія вводимыхъ этими законами институтовъ; онъ ограничивается анализомъ и комментированіемъ этихъ законовъ.

Въ первой части своего труда Mornet занимается, какъ было замѣчено, изученіемъ регуляціи института условнаго осужденія. Сущность этого института заключается, какъ извѣстно, въ отпущеніи осужденнаго на опредѣленный періодъ времени на испытаніе, вмѣсто примѣненія къ нему причитающагося ему наказанія въ видѣ тюремнаго заключенія или штрафа, подъ угрозою примѣненія къ нему этого исполненіемъ пріостановленнаго наказанія, на случай нарушенія имъ въ періодъ испытанія указанныхъ для него условій. Въ той или иной формѣ этотъ институтъ извѣстенъ нынѣ многимъ западно-европейскимъ законодательствамъ, что нельзя

не признать въ высшей степени отраднымъ явленіемъ, такъ какъ этотъ институтъ представляется однимъ изъ цѣлесообразныхъ средствъ борьбы съ случайнымъ преступнымъ людомъ. Закономъ 26 марта 1891 года, обязаннымъ своимъ существованіемъ иниціативѣ извѣстнаго сенатора Беранже, этотъ институтъ принятъ французскимъ законодательствомъ. Въ той обрисовкѣ, которая придана этому институту закономъ 26 марта 1891 года, онъ заключается въ отпущеніи лица, присужденнаго къ тюрьмѣ или штрафу и неподвергавшагося прежде осужденію къ тюрьмѣ за преступленіе или проступокъ общаго права, на испытаніе срокомъ на пять лѣтъ, подъ страхомъ примѣненія къ нему исполненіемъ пріостановленнаго наказанія, на случай навлеченія имъ на себя въ испытательный періодъ новаго осужденія къ тюрьмѣ или болѣе строгому наказанію за преступленіе или проступокъ общаго права. Форма, въ которую вылялся этотъ институтъ извѣстна подъ именемъ континентально-европейской. Отличительной особенностью этой формы представляется отсутствіе въ періодъ испытанія какого бы то ни было надзора и руководства, а не пріостановка исполненія наказанія, какъ это, повидимому, предполагаетъ г. Mornet (стр. 31-я); въ какой бы формѣ институтъ условнаго осужденія не выражался, съ примѣненіемъ его всегда связывается пріостановка исполненія наказанія въ его матеріальномъ видѣ, въ чемъ не трудно убѣдиться при внимательномъ изученіи всѣхъ успѣвшихъ доселѣ образоваться формъ выраженія условнаго осужденія (массачузетско-австралійская и англійская формы, вопреки ошибочному мнѣнію Mornet, никакого исключенія въ этомъ отношеніи не представляютъ: и съ ними связывается пріостановка исполненія наказанія, а не пріостановка осужденія) [1].

Останавливаясь подробно на регуляціи закономъ 1891 года института условнаго осужденія, г. Mornet попутно изучаетъ и рѣшенія французскихъ судовъ, относящихся къ этой регуляціи, и совершенно основательно оспариваетъ ту серію этихъ рѣшеній, ко-

---

[1]) См. Подробности въ моемъ изслѣдованіи „Объ условномъ осужденіи, или системѣ испытанія“.

торыя, произвольно толкуя ясный текстъ закона, ограничиваютъ такъ или иначе область примѣненія условнаго осужденія. Придавая своему труду, къ сожалѣнію, узкодогматическій характеръ, Mornet не останавливается вовсе на изученіи природы института условнаго осужденія и уясненіи такого существеннаго вопроса какъ вопросъ о томъ, что представляетъ изъ себя этотъ институтъ, хотя изъ уясненія этого вопроса можно бы почерпнуть руководящія начала при разрѣшеніи и догматическихъ контроверзъ.

Несмотря на эти недостатки, первая часть труда г. Mornet можетъ, на ряду съ работами Bregeault и Mahoudeau, служить пособіемъ при изученіи тѣхъ статей закона 26-го марта 1891 года, которыя относятся къ регуляціи института условнаго осужденія.

Что же касается послѣднихъ трехъ частей труда г. Mornet, то онѣ посвящены изученію постановленій французскаго законадательства, касающихся рецидива. Во второй и третьей частяхъ своего труда г. Mornet останавливается на уясненіи и анализѣ 56, 57 и 58 ст. Code pénal, на тѣхъ видоизмѣненіяхъ, которыя внесены въ редакцію 57 и 58 ст. Code pénal закономъ 26 марта 1891 года; онъ изучаетъ всѣ виды рецидива, извѣстные францускому праву, подвергаетъ подробному анализу постановленія, касающіяся спеціальнаго рецидива (совершенія послѣ осужденія новаго тождественнаго съ прежде совершеннымъ преступнаго дѣянія), останавливается на изученіи видовъ этого рецидива (la petite récidive spéciale et la grande récidive spéciale), занимается уясненіемъ постановленій, касающихся общаго рецидива (совершенія послѣ осужденія новаго какого бы то ни было преступленія или проступка).

Анализъ постановленій, касающихся рецидива, дѣлаемый г. Mornet, конечно, значительно способствуетъ уясненію содержанія этихъ постановленій; однако одно это уясненіе врядъ ли можетъ быть признано достаточнымъ даже и въ догматическомъ изслѣдованіи; при изученіи того или иного закона, думается намъ, невозможно ограничиться только его анализомъ, его толкованіемъ, его уясненіемъ; нужно въ это изученіе внести критическій элементъ.

Этого то элемента въ трудѣ г. Mornet, къ сожалѣнію, не имѣется. г. Mornet не позаботился подвергнуть оцѣнкѣ изучаемыя имъ постановленія съ уголовно-политической точки зрѣнія, вслѣдствіе чего многое осталось для него незамѣченнымъ; онъ, напримѣръ, не замѣтилъ, какъ казуистичны эти постановленія, какъ странны и произвольны математическія вычисленія, устанавливаемыя ими при опредѣленіи наказанія на случай рецидива и проч.

Такимъ же недостаткомъ—отсутствіемъ критическаго элемента—страдаетъ и послѣдняя часть труда г. Mornet, посвященная изученію закона 1885 года о релегаціи рецидивистовъ.

Въ этой части г. Mornet подробно анализируетъ этотъ законъ и дополняющія его министерскія распоряженія, изучаетъ условія примѣненія релегаціи (наличность нѣсколькихъ осужденій въ десятилѣтній промежутокъ времени), разсматриваетъ виды релегаціи (индивидуальная и коллективная); къ сожалѣнію, онъ совершенно не подвергаетъ обсужденію вопросы о цѣлесообразности этого вида наказанія и его примѣнимости, несмотря на то, что эти въ высшей степени существенные вопросы обратили на себя въ послѣднее время всеобщее вниманіе и стали предметомъ всесторонняго изученія.

Узко-догматическій характеръ труда г. Mornet, отсутствіе въ немъ надлежащаго критическаго элемента значительно умаляютъ его научное достоинство; тѣмъ не менѣе этотъ трудъ, полный всесторонняго и глубокаго анализа юридическихъ нормъ, не можетъ быть признанъ безполезнымъ при изученіи такихъ крупныхъ явленій въ прогрессивномъ развитіи французскаго законодательства какъ законодательные акты 1885 и 1891 годовъ.

А. Піонтковскій.

---

4. Dr. P. F. Aschrott. Die Behandlung der verwahrlosten und verbrecherischen Jugend und Vorschläge zur Reform. Berlin. 1892.

Названная брошюра принадлежитъ перу Ашротта—одного изъ из-

вѣстныхъ ученыхъ въ семьѣ современныхъ германскихъ криминалистовъ. Она посвящена жгучему вопросу современной уголовной политики—вопросу о цѣлесообразной организаціи дѣла борьбы съ юнымъ преступнымъ людомъ.

Быстрый ростъ и развитіе юной преступной арміи невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе и, свидѣтельствуя о недостаточности и неудовлетворительности современныхъ средствъ борьбы съ ней, вызываетъ необходимость принятія болѣе соотвѣтствующихъ своему назначенію мѣръ. На изученіи и организаціи этихъ мѣръ и останавливается Ашроттъ въ своей брошюрѣ.

Исходя изъ вполнѣ правильнаго воззрѣнія, что въ интересахъ борьбы съ юнымъ преступнымъ людомъ необходимо принятіе соотвѣтствующихъ мѣропріятій по отношенію къ покинутому, заброшенному, хотя и не преступному юношеству, Ашроттъ останавливается одновременно и на изученіи этихъ мѣропріятій. Основнымъ орудіемъ въ борьбѣ какъ съ юнымъ преступнымъ людомъ, такъ и покинутымъ, заброшеннымъ, безпризорнымъ юношествомъ представляется, по его мнѣнію, *принудительное воспитаніе*. Безпризорные, покинутые и заброшенные юноши и дѣти, не достигшія шестнадцатилѣтняго возраста, должны быть призрѣваемы и воспитываемы государствомъ, и въ этомъ, по мнѣнію Ашротта, какого либо опаснаго и вреднаго посягательства на права родительской власти не заключается, такъ какъ самымъ фактомъ оставленія дѣтей на произволъ судьбы обнаруживается неспособность и неумѣніе со стороны родителей выполнять своихъ священныхъ обязанностей, между тѣмъ такое положеніе дѣтей и юношей отражается въ высшей степени гибельно какъ на ихъ судьбѣ, такъ и на интересахъ всего государства; ихъ слѣдуетъ, по мнѣнію Ашротта, помѣщать въ спеціальныя воспитательныя учрежденія, либо въ благонадежныя семьи, гдѣ бы они были окружены благопріятными для ихъ развитія условіями. Такія же мѣры воспитательнаго воздѣйствія слѣдуетъ примѣнять и къ преступнымъ агентамъ, не достигшимъ четырнадцатилѣтняго возраста (Ашроттъ ратуетъ за возвышеніе періода абсолютной невмѣняемости съ двѣнадцати, какъ имѣетъ мѣсто по общегерманскому уложенію, до четырнадцати лѣтъ). Что же касается

преступныхъ агентовъ въ возрастѣ отъ 14—18 лѣтъ, то и въ борьбѣ съ ними главной мѣрой должно представляться помѣщеніе въ исправительно-воспитательное учрежденіе, а не наказаніе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, при чемъ выборъ той или иной мѣры воздѣйствія долженъ находиться въ зависимости отъ характера и особенностей даннаго агента, отъ его духовной зрѣлости, а не отъ наличности разумѣнія—критерія, какъ извѣстно, принятаго большинствомъ современныхъ законодательствъ, но не могущаго однако служить основаніемъ для подраздѣленія юныхъ преступниковъ на лицъ, нуждающихся въ исправительно-воспитательномъ воздѣйствіи, и лицъ, къ которымъ примѣненіе уголовной кары можетъ быть признано цѣлесообразнымъ. Не отрицая абсолютно возможности примѣненія къ преступнымъ агентамъ въ возрастѣ отъ 14—18 лѣтъ карательныхъ средствъ, Ашроттъ, въ интересахъ предохраненія ихъ отъ пагубнаго воздѣйствія тюремной атмосферы, защищаетъ необходимость созданія для нихъ спеціальныхъ карательныхъ учрежденій и примѣненіе къ нимъ института условнаго осужденія.

Таковы главнѣйшія положенія, защищаемыя и развиваемыя Ашроттомъ.

Эти положенія въ общемъ представляются выраженіемъ современныхъ на этотъ вопросъ уголовно-политическихъ воззрѣній. Они въ общемъ раздѣляются всѣми представителями уголовной политики въ Германіи.

Защищая необходимость проведенія этихъ положеній, Ашроттъ останавливается на вопросахъ практическаго ихъ осуществленія и въ приложеніи къ своей брошюрѣ подробно занимается организаціей принудительнаго воспитанія.

Не касаясь детальнаго разсмотрѣнія этой организаціи, нельзя не отмѣтить одной присущей ей особенности. Ашроттъ защищаетъ необходимость созданія особаго органа „Iugendanwalt“ обязаннаго, такъ сказать, слѣдить за судьбою подростающаго поколѣнія и содѣйствовать принятію соотвѣтствующихъ мѣръ воспитательнаго свойства для предохраненія этого поколѣнія отъ нравственной порчи и окончательной деморализаціи. Созданіе этого органа (напоми-

пающаго собою аналогичный органъ (State Agent), съ успѣхомъ функціонирующій въ Массачузеттѣ), стоящаго близко къ населенію и могущаго имѣть своевременно свѣдѣнія о всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда принятіе со стороны государства принудительно-воспитательныхъ мѣръ представляется необходимымъ, органа, могущаго въ виду своего знакомства съ обстоятельствами, вызывающими принятіе принудительно-воспитательныхъ мѣръ, дать надлежащія указанія относительно цѣлесообразности примѣненія въ данномъ случаѣ той или иной мѣры, наконецъ, органа, могущаго слѣдить за ходомъ дѣла принудительнаго воспитанія и надзирать за поведеніемъ и судьбою условно-освобожденныхъ отъ принудительно-воспитательнаго воздѣйствія—представляется однимъ изъ существенныхъ условій успѣшнаго функціонированія всего дѣла принудительнаго воспитанія преступнаго и безпризорнаго юношества.

Въ приложеніяхъ къ брошюрѣ Ашротта помѣщены воззрѣнія международныхъ конгрессовъ на дѣло борьбы съ юнымъ преступнымъ людомъ, а равно и проектъ организаціи этого дѣла, выработанный спеціальной коммиссіей, образованной германской группой Международнаго Союза Криминалистовъ.

Отражая въ себѣ воззрѣнія современной германской уголовно-политической мысли на одинъ изъ существенныхъ уголовно-политическихъ вопросовъ, эта брошюра заслуживаетъ особеннаго вниманія. Ознакомленіе съ развиваемыми въ ней началами не безполезно при изученіи вопросовъ, касающихся судьбы безпризорнаго и преступнаго юношества.

А. Піонтковскій.

---

5. D-r Adolf Lenz. Die Zwangserziehung in England (The Reformatory and Industrial Schools) Stuttgart. 1894.

Работа D-r Lenz-a, привать-доцента Вѣнскаго университета, посвящена современному положенію дѣла принудительнаго воспитанія

преступной, порочной и безпризорной молодежи въ Англіи. Кромѣ введенія, касающагося уясненія природы и задачъ принудительнаго воспитанія, она распадается на двѣнадцать главъ, изъ которыхъ первыя шесть касаются обязанностей родителей по воспитанію дѣтей, дѣла воспитанія бѣдныхъ дѣтей вообще, исторіи принудительнаго воспитанія, его результатовъ, постановленій касательно наказуемости преступнаго юношества и условій примѣненія мѣръ принудительно-воспитательнаго свойства, прочія же главы занимаются изученіемъ современной организаціи дѣла принудительнаго воспитанія молодежи вообще и современнаго положенія исправительно-воспитательныхъ учрежденій въ частности.

Богатство матеріала—существенное достоинство этой работы; отсутствіе надлежащей системы въ обработкѣ и распредѣленіи этого матеріала—существенный ея недостатокъ, умаляющій ея научное значеніе. Особеннаго вниманія заслуживаютъ послѣднія шесть главъ этой работы, въ которыхъ подробно описываются всѣ виды англійскихъ исправительно-воспитательныхъ учрежденій (Reformatory Schools, Industrial Schools, Day Industrial, Truant Schools), детально обрисовывается ихъ внутренній распорядокъ.

Авторъ—сторонникъ построенія дѣла принудительнаго воспитанія преступной и безпризорной молодежи по англійскимъ образцамъ. Что организація этого дѣла въ Англіи во многихъ отношеніяхъ образцовая—спору нѣтъ (особеннаго вниманія, напр., съ уголовно-политической точки зрѣнія заслуживаетъ совмѣстное существованіе учрежденій, предназначенныхъ для воспитанія преступной молодежи, и учрежденій, предназначенныхъ, главнымъ образомъ, для безпризорнаго и порочнаго юношества), однако и въ этой организаціи имѣются замѣтные недочеты; къ числу послѣднихъ, напр., нельзя не отнести допущеніе примѣненія въ англійскихъ исправительно-воспитательныхъ учрежденіяхъ въ качествѣ дисциплинарной мѣры, хотя и только по отношенію къ мальчикамъ, тѣлеснаго наказанія. Къ сожалѣнію, авторъ не потрудился отмѣтить этихъ недочетовъ.

Несмотря, однако, на указанные недостатки, работа Lenz-а чи-

гается съ интересомъ. Ознакомленіе съ ней при изученіи англійскихъ исправительно-воспитательныхъ учрежденій не безполезно.

А. Піонтковскій.

---

6. Zeitschrift für Criminal-Antropologie, Gefängniswissenschaft und Prostitutionswesen, herausgegeben von Walter Wenge. Band I. Heft I, II, III. Berlin 1897.

Отраднымъ явленіемъ представляется появленіе въ текущемъ году журнала, заглавіе котораго мы выше выписали. Въ нѣмецкой литературѣ журнала, спеціально посвященнаго уголовно-антропологическимъ вопросамъ, до сихъ поръ не существовало. Появленіе названнаго выше журнала восполняетъ этотъ ощутительный пробѣлъ.

Названный журналъ, кромѣ изученія уголовно-антропологическихъ вопросовъ, посвящается изученію тюремныхъ вопросовъ и вопросовъ, касающихся проституціи. Въ немъ принимаютъ участіе, главнымъ образомъ, германскіе ученые—представители уголовной антропологіи, психіатріи и т. н. позитивной школы уголовнаго права. Въ числѣ его постоянныхъ сотрудниковъ фигурируютъ извѣстные и авторитетные представители науки, напр., Baer, Kraft-Ebing, Näcke, Liszt, Liliethal, Vargha, Prins, Havelock-Ellis и др.

Въ первыхъ трехъ до сихъ поръ полученныхъ нами книжкахъ этого журнала помѣщены статьи Näcke (Lorbroso und die Criminal-Antropologie von heute), Paul-я (Über Identifizierung), Penta (Die rationale Behandlung der Verberecher), Arndt-a (Verbrechen und Geistkrankheit) и др.; каждая изъ книжекъ содержитъ въ себѣ богатый библіографическій отдѣлъ.

Судя по характеру до сихъ поръ помѣщенныхъ статей, журналъ сосредоточиваетъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на изученіи уголовно-антропологическихъ вопросовъ. Онъ относится враждебно къ эксцессамъ ломброзовской доктрины и отрицаетъ существованіе созданнаго Ломброзо преступнаго типа.

А. Піонтковскій.

---

7. A. Bozi. Bekämpfung des Gewohnheitsverbrechens. Berlin 1895.

Брошюра Bozi посвящена вопросу, касающемуся борьбы съ преступниками по привычкѣ—лицами, для которыхъ преступная дѣятельность представляется обычнымъ дѣломъ, вполнѣ гармонирующимъ съ ихъ внутреннимъ укладомъ. Авторъ сторонникъ т. н. классическихъ доктринъ въ уголовно-правовой сферѣ. Идея возмездія представляется для него основой карательной дѣятельности. Руководствуясь этой идеей, онъ признаетъ невозможнымъ усиленіе репрессіи по отношенію къ привычному преступному люду и считаетъ всѣ попытки обоснованія такого усиленія неудачными. Наличность привычки, по его мнѣнію, скорѣе можетъ оказать вліяніе на уменьшеніе наказанія, вызвать смягченіе репрессіи, такъ какъ ею (т. е. привычкой) парализуется и ослабляется интензивность преступной воли.

Однако онъ признаетъ, что такое отношеніе къ столь вредному и опасному слою преступнаго люда какъ преступники по привычкѣ не можетъ не отразиться гибельно на интересахъ цѣлаго общежитія, и, для предотвращенія этихъ нежелательныхъ послѣдствій, считаетъ необходимымъ принятіе спеціальныхъ мѣръ, но не карательнаго, а, такъ сказать, административнаго, полицейскаго свойства. Принятіе такого рода мѣръ, по его мнѣнію, вполнѣ гармонируетъ съ правами и обязанностями государства. Соотвѣтствующей мѣрой, въ этомъ направленіи, по его мнѣнію, представляется заключеніе, по отбытіи наказанія, въ спеціально на то созданныя учрежденія—рабочія колоніи. Обставляя необходимыми гарантіями заключеніе въ эти учрежденія, онъ находитъ вполнѣ цѣлесообразнымъ придать продолжительности пребыванія въ нихъ неопредѣленный характеръ (стр. 33-я). Освобожденіе изъ нихъ должно наступить, по его мнѣнію, лишь тогда, когда возможная со стороны заключенныхъ опасность для интересовъ общежитія парализуется тѣмъ или инымъ способомъ.

Таково содержаніе брошюры г. Bozi.

Касаясь одного изъ капитальныхъ уголовно-политическихъ воп-

росовъ—дѣла борьбы съ хронической преступностью, г. Bozi, къ къ сожалѣнію, ограничился неимѣющими ни теоретическаго, ни практическаго значенія разсужденіями. Вѣруя въ неприложность идеи возмездія, онъ дошелъ въ своихъ разсужденіяхъ до крайне странныхъ результатовъ. Принимая эту отживающую свой вѣкъ идею за основное начало, на которомъ покоится все уголовное право, за единственно-возможный критерій при опредѣленіи размѣра наказанія, онъ пришелъ къ выводу, ясно указывающему на непригодность этого критерія,—къ необходимости смягченія наказанія по отношенію къ наиболѣе вредному и опасному слою преступнаго люда, и вмѣсто того, чтобы оставить этотъ критерій, какъ несоотвѣтствующій своему назначенію, призналъ необходимость существованія особой дѣятельности административнаго, полицейскаго характера, покоящейся на началахъ цѣлесообразности и направленной на борьбу съ преступнымъ людомъ. Но какое же значеніе при такомъ условіи имѣетъ карательная дѣятельность? Преслѣдуя одно воздаяніе зла за зло, чуждая какихъ-либо утилитарныхъ цѣлей, не представляется-ли она слишкомъ дорогой для общества забавой?! Да и на какомъ основаніи карательная дѣятельность—одинъ изъ видовъ государственной дѣятельности—должна быть лишена тѣхъ устоевъ, на которыхъ покоятся всѣ прочіе виды государственной дѣятельности? Почему идея цѣлесообразности, столь полезная въ различныхъ отрасляхъ государственной дѣятельности, представляется непригодной для карательной дѣятельности? Напрасный трудъ—искать отвѣта на эти вопросы въ брошюрѣ г. Bozi: они для него не существуютъ. Отдѣляя карательную дѣятельность отъ административной, полицейской и возлагая на послѣднюю веденіе борьбы съ преступностью, г. Bozi строитъ ее на опороченномъ имъ началѣ—на идеѣ цѣлесообразности. Удивительная логика!... Брошюра Bozi претендовать на какое-либо научное значеніе не можетъ, и если мы ее отмѣчаемъ, то только потому, что она представляется нагляднымъ доказательствомъ до какихъ курьезовъ можетъ довести построеніе уголовно-правовой доктрины на такомъ ложномъ началѣ какъ идея возмездія.

А. Піонтковскій.

8. *А. Ломанъ:* „Современное ученіе о государственной власти". Москва. 1896. 58 стр.

На ряду съ видными представителями современной государственной науки или, вѣрнѣе, вопреки ихъ взглядамъ на сущность государственной власти рѣшился сказать свое слово и авторъ названной брошюры съ такимъ заманчивымъ заглавіемъ. Читатель, однако, сильно разочаруется, если онъ вздумаетъ познакомиться съ трудомъ г. Ломана въ надеждѣ узнать, въ чемъ состоитъ современное ученіе о государственной власти. Брошюра Ломана не только не дастъ ему вѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ ученіи, но запутаетъ у читателя и тѣ, которыя онъ имѣлъ ранѣе. Къ нѣкоторымъ болѣе или менѣе правильнымъ представленіямъ о государственной власти у автора примѣшиваются такія странныя мнѣнія и разсужденія, которымъ мѣсто въ какой-либо газетной полемической статьѣ, а не въ книгѣ, претендующей на ученое значеніе.

Брошюра начинается правильнымъ замѣчаніемъ Ломана, что со времени Бодена понятіе о государственной власти сдѣлалось краеугольнымъ камнемъ въ наукѣ о государствѣ, но что самое это понятіе теперь неопредѣленно и темно. Неопредѣленность же и неясность теоріи, которая должна предшествовать конструкціи государственной власти на практикѣ, имѣетъ своимъ непосредственнымъ результатомъ превратное пониманіе и толкованіе того, что такое государственная власть и кому она принадлежитъ въ государствѣ. Увлеченіе неправильными теоріями и учеными трактатами приводитъ, по словамъ Ломана, къ тому, что по ихъ шаблону создается власть, неимѣющая ничего общаго съ выработанною въ теченіе вѣковъ народомъ властью. Такое перемѣщеніе государства „изъ кулька въ рогожку" Ломанъ видитъ въ французскихъ конституціяхъ текущаго столѣтія, многочисленность и недолговѣчность которыхъ объясняется имъ связью съ ошибочными теоріями Руссо и Монтескье. Какъ видно, нашъ государствовѣдъ имѣетъ очень смутное представленіе о теоріяхъ этихъ двухъ знаменитыхъ писателей прошлаго вѣка, взгляды которыхъ оказали сильное вліяніе на государственную науку и все политическое устройство въ XIX

столѣтіи, но только не въ томъ направленіи, о которомъ говоритъ Ломанъ. Несомнѣнно, что идея о народномъ суверенитетѣ, какъ источникѣ государственной власти, легла въ основаніе строя нѣкоторыхъ современныхъ конституціонныхъ государствъ (Франціи и др.), какъ, съ другой стороны, извѣстная всякому государствовѣду, теорія раздѣленія властей Монтескье и его идеи объ англійской конституціи вошли въ плоть и кровь современнаго европейскаго государства. Причину же непрочности французскихъ конституцій нужно искать не въ томъ, что Франція до сихъ поръ не успѣла организовать государственную власть, какъ это думаетъ нашъ авторъ, а въ цѣломъ рядѣ особенныхъ условій жизни европейскаго общества, въ такъ называемомъ соціальномъ вопросѣ XIX столѣтія. Ломанъ считаетъ также безжизненной писанную конституцію С. А. С. Штатовъ, которая поставлена во главѣ вмѣсто президента Штатовъ. Послѣ этихъ замѣчаній о мнимой неправильности разныхъ теорій о государствѣ Ломанъ неожиданно находитъ общую причину отмѣчаемаго имъ явленія, которой оказывается превратное пониманіе государственнаго эгоизма, вызывающее разнаго рода эпидемическія болѣзни въ государствѣ. Въ примѣръ такой болѣзни авторъ приводитъ ученіе классическихъ политико-экономовъ и ихъ противниковъ—соціалистическихъ писателей. Послѣдователи первой школы слишкомъ узко понимаютъ настоящій эгоизмъ человѣка, проходятъ мимо нищаго брата такъ, какъ скряга проходитъ мимо нищаго. Въ томъ же самомъ недостаткѣ Ломанъ обвиняетъ и соціалистовъ въ лицѣ К. Маркса и его сторониковъ, которые также не уяснили сути нашего эгоизма.

Послѣ этихъ отступленій и примѣровъ, мало идущихъ къ дѣлу, нашъ авторъ приступаетъ къ критикѣ существующихъ ученій о государственной власти.

На первомъ планѣ у него стоитъ, давно уже отвергнутое наукой, представленіе (Лейбница) о власти, какъ суммѣ отдѣльныхъ правомочій безъ всякаго внутренняго единства: государство, какъ юридическая личность, не теряетъ своего политическаго авторитета оттого, что оно иногда не пользуется какими-либо своими правами. Неправильны также теоріи, смѣшивающія юридическую точ-

ку зрѣнія на государственную власть съ политической. Для ея существованія не требуется постояннаго фактическаго примѣненія: она есть юридическое послѣдствіе наличности государства, которое можетъ пользоваться тѣми или другими своими правами. Также отрицательно Ломанъ относится ко взгляду на различіе государственной власти, какъ высшей, отъ международной, какъ власти независимой: оба эти свойства власти пополняютъ другъ друга и не мыслимы одна безъ другой. Въ международномъ союзѣ его члены—отдѣльныя государства подчинены лишь собственной власти; каждое изъ нихъ обладаетъ верховной властью, такъ что государственная и международная верховная власть—одна и таже государственная. Неясность въ ея понятіи происходитъ еще оттого, что государственную власть присвояютъ одному какому-либо элементу, входящему въ составъ государства, князю или народу или обоимъ вмѣстѣ, или же ищутъ ее въ какомъ-либо этическомъ или религіозномъ принципѣ. Государство—не дикій конь, которымъ управляетъ мощный всадникъ—монархъ, но оно не есть и измученный конь, которымъ управляютъ два сѣдока, какъ это представляется въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ. Государство есть личность совокупная, общество людей извѣстной территоріи, совокупное *я* въ потомствѣ. Государство не въ единеніи съ своими элементами—только тѣнь его, миражъ, фата-моргана. Приписать власть князю, народу или обоимъ вмѣстѣ значитъ, по мнѣнію Ломана, принимать фату-моргану за дѣйствительность. Онъ признаетъ за истинную только власть, сосредоточенную въ царѣ, какъ части народа и его главѣ, ссылаясь въ подтвержденіе своего взгляда на Гуго Гроція и проф. Ключевскаго[1]). Нормальная жизнь государства—въ развитіи всѣхъ его органовъ, въ дѣятельности которыхъ проявляется жизнь государства. Цитатами изъ твореній Шекспира и басень Крылова Ломанъ старается доказать необходимость государственной власти, неразрывной съ ея составными элементами. Очевидно, что у нашего государствовѣда въ этомъ случаѣ

---

[1]) Ломанъ ссылается на извѣстную рѣчь Ключевскаго по случаю смерти императора Александра III.

недостаетъ точнаго представленія объ отличіи формъ политическаго устройства общества, изъ которыхъ въ каждой есть единая и по своему существу всегда неограниченная власть, отъ организаціи государственной власти, нуждающейся въ однихъ и тѣхъ же органахъ и ихъ дружной дѣятельности при всякой формѣ правленія. Тенденціозность взглядовъ Ломана, какъ видно, признающаго вопреки исторіи и окружающей дѣйствительности нормальнымъ только монархическое государство, ясна изъ послѣдующихъ его замѣчаній о невозможности будто бы существованія представительныхъ государствъ на томъ основаніи, что власть принадлежитъ всѣмъ составнымъ органамъ и элементамъ государства, она едина и недѣлима. Но какъ разъ на такомъ аргументѣ построена вся теорія народнаго суверенитета Ж. Ж. Руссо, противъ которой возражаетъ въ данномъ случаѣ авторъ, недопускающій мысли о contrat social, какъ основанія делегаціи власти органу государства. Руссо, однако, допускалъ такую делегацію власти народомъ правительству, которое было только временнымъ ея обладателемъ. Нашъ же государствовѣдъ совершенно непослѣдовательно переноситъ вообще въ государствѣ весь центръ государственной власти на ея главу (царя), забывая совершенно, что въ Европѣ существуютъ государства, гдѣ власть распредѣляется между народомъ и главой государства, именно государства конституціонныя (представительныя). Ломанъ старается исправить примѣнительно ко своему взгляду на государственную власть теорію одного изъ современныхъ государствовѣдовъ, Зейделя, сравнивающаго государство со стаднымъ червемъ (Heerwurm). Ломанъ находитъ это сравненіе удачнымъ, надѣляя только червей—людей въ государствѣ способностью къ познанію своего эгоизма, роли разума и воли въ развитіи государства. Въ свою очередь, самъ Ломанъ прибѣгаетъ затѣмъ къ другому сравненію, не находя аналогію Зейделя вполнѣ вѣрной, подходящей къ своей теоріи: Ломанъ сравниваетъ государство съ выпуклымъ стекломъ, фокусъ котораго—глава государственной власти (царь). Это сравненіе относится только къ монархическимъ государствамъ, но нисколько не опредѣляетъ конституціоннаго государства, гдѣ власть такъ сказать растворена во всей

народной массѣ. Но сравненіе не доказательство. Посмотримъ, какія доказательства представляетъ въ оправданіе своей теоріи Ломанъ, далеко непокончившій, какъ оказывается, со всѣми научными теоріями о государственной власти.

Теперь рѣчь идетъ о взглядѣ на государственную власть, какъ высшую и независимую силу. Ломанъ признаетъ, что въ этомъ опредѣленіи заключается вѣрная мысль, что государственная власть выше всѣхъ силъ въ обществѣ, но здѣсь не выражено, въ чемъ обнаруживается эта высшая власть. Не удовлетворяетъ Ломана и опредѣленіе государственной власти, какъ единства ея правомочій: оно указываетъ только на внѣшній признакъ, но не выясняетъ природу этого единства, правовое содержаніе государственной власти, составлено по аналогіи съ опредѣленіемъ понятія собственности, какъ совокупностью правъ лица надъ опредѣленными вещами. На самомъ дѣлѣ сходство между обоими понятіями ограничивается только общностью содержанія правъ, содержащихся въ собственности и государственной власти. Характеръ же тѣхъ и другихъ правъ существенно различенъ (въ государственной власти публичный, въ собственности — частный); различны же и объекты правъ въ обоихъ случаяхъ (въ собственности—вещи, при государственной власти — свободные граждане), что отличаетъ и самъ Ломанъ. Въ заключеніе онъ высказываетъ еще возраженіе противъ тѣхъ теорій о государственной власти, которыя провозглашаютъ ее независимой отъ какого-либо внѣшняго авторитета: это означало бы, по мнѣнію Ломана, отрицать значеніе международнаго права. Едва ли, однако, кто будетъ оспаривать, что государство сохраняетъ свой независимый авторитетъ въ области международныхъ отношеній во всѣхъ случаяхъ. Если оно свободно относительно заключенія договоровъ съ другими членами международнаго союза, то и выполненіе такихъ договоровъ зависитъ отъ воли самого же государства, которое само накладываетъ на себя обязанность совершить заключенный ею договоръ. Въ томъ и заключается слабость международнаго союза, что онъ не обладаетъ возможностью принуждать своихъ членовъ къ выполненію ихъ обязанностей, такъ какъ они свободныя и независимыя государства.

Чтобы построить собственную теорію о государственной власти, Ломанъ не рѣшается слѣдовать принятому въ современной наукѣ опытному методу, примѣненіе котораго кажется ему даже вреднымъ въ данномъ случаѣ. По мнѣнію нашего изслѣдователя, такимъ образомъ можно создать теорію о государствѣ и его власти, неимѣющую ничего общаго съ дѣйствительностью. Невѣдомо по какимъ соображеніямъ, Ломану такое государство представляется земнымъ раемъ, и онъ опасается, что найдется немало охотниковъ населить этотъ рай. Ломанъ предпочитаетъ, чтобы его государство напоминало собою нѣчто, противоположное раю, и поэтому обращается съ цѣлью философскаго обоснованія государства, его власти, ихъ происхожденія и природы къ самопознанію. При помощи послѣдняго авторъ надѣется выяснить, что такое индивидуальный и государственный эгоизмъ, роль морали и права въ государствѣ и отношеніе его къ международному союзу. Однако, на первыхъ же порахъ философскій методъ приводитъ Ломана къ такимъ неожиданнымъ выводамъ, которые возможны только у изслѣдователя, совершенно игнорирующаго окружающую дѣйствительность. Ломанъ находитъ, что человѣкъ весь наполненъ эгоизмомъ (хотѣніемъ жить и разумомъ для осуществленія этого хотѣнія), который обнаруживается въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, какъ бы двухъ полюсахъ магнита. Эти полюсы: эгоизмъ въ тѣсномъ смыслѣ, самохраненіе въ настоящемъ и самоотверженіе или любовь къ ближнему—самоохраненіе въ будущемъ. Человѣкъ заботится о томъ и другомъ родѣ самоохраненія, какъ о своемъ индивидуальномъ *я*, такъ и своемъ размноженіи. По мѣрѣ разростанія потомства и расширенія нашего самопознанія мы познаемъ свое *я* въ родѣ, племени, націи, государствѣ и человѣчествѣ. Отсюда же вытекаетъ принципъ равенства и братства, связывающій всѣхъ людей какъ въ первобытной семьѣ, такъ и въ современномъ правовомъ государствѣ. Этотъ принципъ выраженъ въ христіанскомъ ученіи заповѣдью о любви къ ближнему, которая составляетъ основу и критерій морали, опредѣляющій наше уклоненіе въ ту или другую сторону—самоохраненія (зла) или самоотреченія (добра)—равновѣсіе нашего эгоизма. Мораль—наше самоохраненіе въ буду-

щемъ, которое освящается религіей. Великая ея задача и цѣль—борьба съ самоохраненіемъ въ настоящемъ въ пользу самосохраненія въ будущемъ. Религія поэтому одинъ изъ необходимыхъ факторовъ правильнаго развитія нашего эгоизма. Какъ на борца христіанской морали, Ломанъ указываетъ на графа Л. Н. Толстого, который, однако, насилуетъ человѣческую природу, отрицая въ ней одну необходимую ея сторону въ пользу другой. Ломанъ старается оправдать эту, гонимую Толстымъ, индивидуальную силу, мощь человѣка Умъ, сердце, нравственный характеръ, темпераментъ, сила, красота, образованіе людей обусловливаютъ безконечную разницу между ними въ богатствѣ, почетѣ, положеніи въ обществѣ. Властвуетъ, подымается надъ толпой мощь, сила, подчинается слабость. Тенденція преимущественной мощи—прогрессъ и совершенство человѣчества въ будущемъ. Поэтому Нитцше до извѣстной степени правъ, когда онъ утверждаетъ, что человѣкъ par excellence призванъ властвовать и что право свое онъ получаетъ за предѣлами морали. Смѣлый умъ Нитцше добрался до самаго полюса этой мощи, нашего эгоизма. „Повинуйся преимущественной мощи—есть другая заповѣдь, неуступающая первой: люби ближняго, какъ самого себя“. Такъ, заключаетъ Ломанъ, эгоизмъ нашъ обнаруживаетъ въ одно и тоже время въ соціальной жизни начала самосохраненія и размноженія, себялюбія и самоотреченія. Борьба этихъ началъ—законъ развитія и прогресса человѣчества.

Но борьба возможна между противоположными началами не по одному только названію, но и по существу. Между тѣмъ, у Ломана себялюбіе и самоотреченіе—проявленія одного и того же эгоистическаго начала въ человѣческой природѣ. Любовь къ ближнему можно назвать самоохраненіемъ въ будущемъ, но лишь по отношенію ко всему обществу, но не его членамъ—отдѣльнымъ лицамъ съ ихъ неискоренимымъ стремленіемъ къ утвержденію своей личности во внѣшнемъ мірѣ, обезпеченію ей извѣстной самостоятельности и независимости, необходимой для надлежащаго сохраненія и развитія всѣхъ силъ своей природы. И здравый смыслъ, и философія, и религія, и тысячелѣтній опытъ человѣчества свидѣтельствуютъ, что эгоизмъ въ смыслѣ себялюбія, стремленія къ

исключительному преслѣдованію своихъ личныхъ интересовъ, хотя бы въ явный ущербъ другимъ, прямо противоположенъ любви къ ближнему, отреченію отъ своей личности въ пользу другихъ, полному самопожертвованію. Сущность морали заключается въ этомъ самопожертвованіи, при которомъ забота о своей личности, развитіи ея силъ допускается только въ видѣ необходимаго средства для осуществленія начала любви къ ближнему. Такого рода эгоизмъ допускается и христіанской религіей (люби ближняго, какъ самого себя), и признается необходимымъ въ жизни общества, гдѣ право и государство ограждаютъ извѣстныя проявленія эгоизма отдѣльной личности, ненарушающія интересовъ остальныхъ членовъ общества.

Изъ своего широкаго понятія эгоизма Ломанъ выводитъ понятія государства, его власти и монархическаго принципа. Самоотреченіе и слабость сближаютъ людей при помощи морали и религіи, а самоохраненіе при помощи силы. Такъ возникаетъ сначала семейный союзъ, потомъ родовой и племенной союзы, государство и, наконецъ, союзъ международный. Ломанъ даетъ понятіе правового государства, которое не встрѣчается ни у одного изъ современныхъ государствовѣдовъ: правовое государство у него то, въ которомъ связь эгоизма обусловливается волей и чистымъ разумомъ, развившимися изъ инстинкта и практическаго ума, а не то, созданное теоретиками, государство, добавляетъ Ломанъ, въ которомъ есть парламентъ. Такимъ образомъ, современное конституціонное, государство, которое образовались исторически, а не выдумано теоретиками, по мнѣнію Ломана, не правовое государство. Подъ понятіе его у автора, совершенно отвлеченное, созданное имъ самимъ, подходитъ любое государство, не исключая восточнаго, всего менѣе напоминающаго собою истинное правовое государство. Не менѣе своеобразны разсужденія Ломана объ основаніяхъ организаціи государственной власти. Оказывается, что источникъ права и государства — индивидуальная совѣсть, которая въ первобытной общественной жизни создаетъ вмѣстѣ съ религіозными предписаніями обычное право, а въ современномъ правовомъ государствѣ объективное право, продуктъ народной жизни, образующійся путемъ борь-

бы между различными элементами этой жизни. Изъ той же совѣсти отдѣльныхъ лицъ вытекаетъ и монархическій принципъ: здравый смыслъ каждаго говоритъ ему, что общественная жизнь можетъ быть основана единственно на семейныхъ началахъ, какъ наиболѣе свойственныхъ человѣческой природѣ. Такъ въ семьѣ власть сосредоточивается въ лицѣ отца, въ родовомъ союзѣ—родоваго князя, въ правовомъ государствѣ—монарха, причемъ всѣ они подчиняются одинаково строгому закону природы (благу народа). Вполнѣ увѣренный въ непогрѣшимости всѣхъ этихъ политическихъ истинъ, почерпнутыхъ авторомъ изъ опыта давно прошедшихъ временъ, онъ упрекаетъ современныхъ теоретиковъ въ томъ, что они смутно понимаютъ всю эту мудрость. Причина же этого факта заключается, по мнѣнію Ломана, въ томъ, что они понимаютъ государство предшествующимъ въ обществѣ праву и создающимъ его произвольно. Дѣло, однако, въ томъ, что Ломанъ имѣетъ въ виду только нѣкоторую часть современныхъ (нѣмецкихъ) государствовѣдовъ, которые въ своихъ взглядахъ возвращаются къ политическимъ теоріямъ прошлаго столѣтія (Зейдель и др.), но они въ тоже время видоизмѣняютъ ихъ въ духѣ, распространеннаго на Западѣ Европы, конституціоннаго ученія о монархической власти, ограничивая ее въ интересахъ народнаго блага. Возражая противъ этихъ добавленій, нашъ публицистъ доходитъ до такого положенія, что „разъ государство существуетъ, мы должны допустить, что до его существованія существовалъ создавшій его монархъ. Иначе мы должны допустить, что государство создалось чудомъ“, что люди и территорія государства—„не отъ міра сего“. Но тогда какая же роль въ образованіи государства „индивидуальной совѣсти“, которую немного выше нашъ авторъ возвелъ въ творца всего права, государства,—и самаго монархическаго принципа?! Но еще болѣе даетъ возраженій Ломану исторія, въ которой существуетъ масса всякаго рода государствъ аристократическихъ и демократическихъ. Нашъ авторъ на столько увѣренъ въ непогрѣшимости своихъ взглядовъ, что исправляетъ самаго Монтескье, который, по его мнѣнію, не выяснилъ достаточно, что монархическій принципъ предшествуетъ самому государству и утверждалъ,

что онъ существуетъ ранѣе его. Монтескье, однако, говорилъ не объ одномъ только монархическомъ принципѣ, но и аристократическомъ и демократическомъ. Кромѣ того, въ каждомъ изъ этихъ принциповъ онъ видѣлъ лишь особенную черту той или другой формы политическаго устройства общества, которая выражается во всѣхъ его политическихъ учрежденіяхъ, почему, по замѣчанію самаго Монтескье, „основнаго принципа нельзя ослабить, подчинивъ его рѣшенію и голосованію“ [1]). Продолжая развивать свою мысль о неограниченной монархіи, какъ единственномъ нормальномъ государствѣ, Ломанъ прибѣгаетъ къ сравненію монарха съ отцомъ, а подданныхъ съ его дѣтьми и считаетъ безусловно необходимымъ обосновать власть монарха не теоріей contrat social или народной волей, а только теоріей „Божьей милостью“, осуществляющей высшій естественный законъ, права отца. Поэтому „при нормальномъ порядкѣ вещей во главѣ государства не можетъ стоять ни писанная хартія, ни коллегія: въ первомъ случаѣ мертвый разумъ—законъ будетъ преобладать надъ волей государственнаго эгоизма, во второмъ не будетъ осуществлена вполнѣ идея центростремительной силы этого эгоизма“. Ломану сильно нравится противопоставленіе этой силы центробѣжной силѣ того же эгоизма и онъ строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы эта послѣдняя не выходила изъ извѣстныхъ границъ, подчинялась всецѣло центростремительной силѣ, которая создаетъ семью, родъ, государство, его власть и главу—монарха. Такимъ образомъ, теперь уже не монархъ создаетъ государство, а его самаго вмѣстѣ съ государствомъ создаетъ какая-то „центростремительная сила человѣческаго эгоизма“, которую, однако, нашъ мудрый государствовѣдъ вслѣдъ за этимъ, замѣтивши, вѣроятно, свое противорѣчіе, выводитъ вмѣстѣ съ центробѣжной силой опять-таки изъ власти монарха. Послѣ всѣхъ этихъ salto mortale изъ области государственной науки Ломанъ даетъ опредѣленіе государства, какъ „совокупнаго эгоизма народа осѣдлаго на опредѣленной территоріи, движимаго по пути своего развитія тяготѣніемъ своего совокупнаго разума и воли при помощи морали, религіи, государственной власти и главы этой

---

[1]) См. у Ломана, 38 стр.

власти—монарха“. Въ этомъ опредѣленіи сконцентрировалось только одно, доминирующее во всѣхъ разсужденіяхъ, желаніе Ломана сдѣлать монархію—нормой, идеаломъ всякаго государства, а монарха въ немъ источникомъ всей жизни общества. Такія тенденціи естественны въ публицистѣ извѣстнаго лагеря, такъ называемаго охранительнаго направленія, могутъ, пожалуй, быть руководящимъ принципомъ въ дѣятельности государственныхъ людей въ монархическомъ государствѣ. Только въ подобномъ понятіи государства, оправдываемомъ лишь монархическими государствами, нѣтъ истинно научнаго понятія государства, подъ которое должны подходить всѣ дѣйствительныя государства, историческія и современныя. Такое правильное понятіе государства дается его опредѣленіемъ, давно уже принятымъ въ государственной наукѣ, которая видитъ въ немъ высшій союзъ людей—народъ, живущій на извѣстной территоріи подъ верховною властью.

Не менѣе запутанны и полны противорѣчій разсужденія Ломана о свойствѣ государственной власти. Такъ онъ отличаетъ государственную личность отъ индивидуальной юридической личности, но въ чемъ заключается это ихъ различіе, объ этомъ трудно догадаться: Ломанъ ограничивается сравненіемъ государственной личности съ периферической кольцеобразной волной отъ брошеннаго въ воду камня. Но изъ подобнаго сравненія можно только вывести одно заключеніе, что государственная власть стоитъ надъ дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ въ государствѣ, держитъ ихъ въ какомъ-то заколдованномъ кругу, совершенно ихъ поглощаетъ. Къ такому выводу въ сущности и приходитъ затѣмъ самъ Ломанъ, который считаетъ властвованіе (imperium) главнымъ содержаніемъ дѣятельности всѣхъ органовъ государственной власти по отношенію ко всѣмъ подданнымъ, входящимъ въ составъ государства. Ломанъ вѣрно опредѣляетъ юридическую природу этого властвованія, которая заключается въ обязательствѣ подданныхъ подчиняться власти во имя публичнаго интереса. Справедливо также замѣчаніе Ломана, что, издаваемыя государственною властью, нормы обязательны одинаково какъ для подданныхъ, такъ и для самаго государства, которое можетъ измѣнять ихъ только по установлен-

ной въ законѣ формѣ. Законъ — разумъ государства, и правовое государство то, въ которомъ дѣятельность органовъ государственной власти опредѣляется закономъ. Но эту власть нельзя опредѣлять, какъ, „свойство нормальнаго правоваго государства, въ силу котораго его эгоизмъ лишь при помощи собственной воли и разума связывается въ формѣ закона“ (51 стр.). Государственная власть существуетъ при всякой формѣ политическаго быта, а не только въ правовомъ государствѣ. Существенный ея признакъ— властвованіе (imperium) главы государства и высшихъ его органовъ (центральныхъ учрежденій въ государствѣ) надъ всѣми людьми, живущими въ предѣлахъ государства. Самъ Ломанъ затѣмъ указываетъ на другіе признаки государственной власти, хотя и не безъ примѣси нѣкоторыхъ своеобразныхъ и одностороннихъ разсужденій. Государственная власть—высшая и независимая ни отъ какой другой власти въ обществѣ. Она суверенная власть въ томъ смыслѣ, что нормируетъ государственную жизнь во всѣхъ направленіяхъ. Но только эта жизнь не вездѣ имѣетъ своимъ источникомъ и центромъ монарха. Государственная власть недѣлима, но отсюда опять не слѣдуетъ, чтобы она не могла быть раздѣлена по функціямъ въ союзныхъ государствахъ, что бы ни говорили противъ Іеллинекъ, Лабандъ и др. ученые, на которыхъ ссылается Ломанъ. Наконецъ, государственная власть—вѣчна въ томъ смыслѣ, что невозможно установить опредѣленно срокъ ея существованія. Напрасно только нашъ авторъ пускается въ разсужденія по поводу принятаго въ современной государственной наукѣ взгляда на абсолютность и неограниченность государственной власти въ юридическомъ смыслѣ. Призракъ возможнаго ея „ограниченія“ гдѣ-либо и когда-либо просто не даетъ покоя нашему государствовѣду, который вдругъ начинаетъ изрекать въ испугѣ самыя убѣдительныя, на его взглядъ, истины. „Абсолютность и неограниченность власти не существуетъ, спѣшитъ онъ заявить читателю, и не должны существовать въ нормальномъ правовомъ государствѣ: воля государственнаго эгоизма должна проявиться въ тѣснѣйшей связи съ своимъ разумомъ—закономъ и какъ фактически, такъ и юридически права государственнаго устройства и управленія, а также и международное пра-

во безусловно ограничивают волю государства при нормальномъ состоянии его эгоизма. Такъ государственная власть можетъ сама себя ограничивать при помощи этой воли и разума. Изъ этого ея самоограниченія вытекаютъ права подданныхъ, для которыхъ „все дозволенное закономъ составляетъ необходимое завоеваніе для ихъ индивидуальнаго эгоизма". Какъ это воля и разумъ какого-то миѳическаго „государственнаго эгоизма" могутъ себя ограничивать и въ тоже время эту волю саму ограничиваютъ внутри и внѣ государства, откровенно говоря, мы не можемъ себѣ представить и прямо не понимаемъ этой удивительной теоріи Ломана, созданной имъ, очевидно, съ цѣлью отклонить всякую идею объ ограниченіи власти какимъ-либо образомъ. Мы знаемъ, что въ международныхъ отношеніяхъ государства сохраняютъ вполнѣ независимость своей власти, и сами же представители воли и разума государства создавали (на Западѣ Европы и у насъ въ Россіи) не разъ его устройство и управленіе съ допущеніемъ болѣе или менѣе самостоятельнаго участія въ немъ гражданъ. Но Ломанъ можетъ успокоиться: современный государствовѣдъ, когда говоритъ объ абсолютности и неограниченности государственной, власти, онъ разумѣетъ подъ ними только то, неизмѣнно проявляющееся всюду, ея свойство, въ силу котораго она одинаковаго объема (суверенна, едина, независима) у всѣхъ представителей государственной власти: императоровъ, королей или президентовъ республики.

Въ заключеніи къ своей удивительной брошюрѣ Ломанъ повторяетъ свое сравненіе законовъ природы съ общественной и политической жизнью людей, примѣняетъ ихъ къ прогрессу общества, цѣль котораго—гармоническое развитіе и совершенство личности и государства. Эту заурядную мысль авторъ находитъ нужнымъ почему-то обставить цитатами изъ Шекспира и формулой изъ индійской книги Веды-Веданти: „то ты еси". Читатель остается въ полномъ недоумѣніи, какое отношеніе имѣетъ это „великое слово" или маковакія къ современному ученію о государственной власти. Развѣ только это косвенный намекъ со стороны автора, что этому ученію мѣсто въ Нирванѣ, по крайней мѣрѣ, въ той редакціи, въ которой оно является у Ломана?!

В. Щегловъ.

9. *Проф. Колеръ:* „Право, какъ элементъ культуры". Переводъ А. Вормса. Москва. 1896. 53 стр. Вопросы науки, искусства, литературы и жизни".

Эти „Вопросы"—одна изъ удачныхъ попытокъ популяризировать и освѣщать, наиболѣе интересующіе образованное общество, текущія явленія изъ области науки и жизни. Проф. Колеръ, давно извѣстный въ наукѣ сравнительной исторіи права своими трудами по праву различныхъ восточныхъ и примитивныхъ народовъ, далъ въ своей брошюрѣ читателямъ „Вопросовъ" одно изъ занимательныхъ чтеній: Колеръ здѣсь обобщаетъ данныя по исторіи права, которыя добыты имъ при разработкѣ памятниковъ права у различныхъ народовъ. Въ статьѣ Колера находятся краткіе очерки развитія брака и семьи, исторіи уголовнаго права, процессуальнаго права и развитія обязательственнаго права. Колеръ обращаетъ вниманіе при изложеніи на взаимную связь изучаемыхъ имъ институтовъ права и ихъ тѣсное соотношеніе съ другими сторонами культурной жизни народа. Онъ доказываетъ ту мысль, что все развитіе права зависитъ отъ общаго хода развитія народа и что право, какъ одинъ изъ элементовъ общественной жизни, есть явленіе измѣнчивое, историческое. Основная идея, объединяющая всѣ историческія явленія, идея универсальнаго процесса и развитія; эта же идея проникаетъ всѣ частныя явленія въ правѣ. Колеръ же отстаиваетъ взглядъ на необходимость историческаго и всемірно-историческаго изученія права.

Право опредѣляется Колеромъ, какъ продуктъ разума, указывающаго личности область ея дѣятельности съ цѣлью достиженія цѣлей разумнаго существованія. Поэтому право обусловливается жизненными цѣлями извѣстной культурной эпохи. У каждой эпохи есть свое особенное право. Колеръ сравниваетъ между собою римское право съ мусульманскимъ, индусскимъ и христіанско-германскимъ; главная черта перваго—міровой торговый оборотъ, втораго—стѣсненіе личнаго почина въ области гражданскаго оборота; въ индусскомъ правѣ выдается этическій элементъ, христіанско-германскомъ—взаимная вѣрность. Обращаясь къ исторіи брака,

Колеръ указываетъ на матріархальную семью, какъ раннюю форму брака послѣ гетеризма и до патріархальнаго брака. Колеръ не совсѣмъ вѣрно объясняетъ обычай „кувады", въ которомъ онъ видитъ символъ зарожденія идеи отцовской власти надъ дѣтьми въ средѣ материнской семьи: въ основаніи „кувады" лежатъ, кромѣ того, еще суевѣрныя представленія дикарей о возможности обезпечить счастье ребенку налагаемыми его отцомъ на себя лишеніями. Переходная ступень къ патріархату—бракъ съ установленіемъ власти мужа надъ женой, которое явилось смягченной формой прежняго рабскаго ея подчиненія мужу,—слѣдствія умычки и покупки жены мужемъ. И похищеніе жены, и, смѣнившая ее, покупка—общераспространенныя явленія. Покупку жены смѣняетъ дарственная форма брака. Жена перестаетъ быть товаромъ, вещью и получаетъ приданое. Колеръ указываетъ на слѣды такого постепеннаго развитія брака на Востокѣ (особенно у евреевъ и индусовъ), у кельтовъ, римлянъ, египтянъ. Къ эпохѣ же первобытнаго брака относится установленіе брачныхъ запрещеній (экзогамія и эндогамія). Понятіе объ отцовской власти и патр. семьѣ возникло постепенно; торжествомъ идеи этой семьи была жалкая участь дѣтей, рожденныхъ въ прелюбодѣяніи матерью: на такомъ ребенкѣ тяготѣло проклятіе, его отталкивали отъ домашняго очага вмѣстѣ съ его матерью. Подобно семейному праву, и въ остальныхъ областяхъ права замѣчается тоже полное совпаденіе между развитіемъ права и прогрессомъ культуры. Такъ въ обязательственномъ правѣ понятіе обязательства сводилось сначала къ представленію объ отвѣтственности должника предъ кредиторомъ своей личностью и даже жизнью. Рано устанавливается извѣстная оцѣнка отдѣльныхъ частей тѣла въ виду отвѣтственности за членовредительство. Смягченіемъ долговаго права была замѣна смерти должника его пыткой и истязаніями, изгнаніемъ изъ общества, даже лишеніемъ погребенія. Должникъ обязанъ былъ закладывать себя, свою свободу, честь, даже спасеніе своей души. Поступательное развитіе обязательственнаго права завершилось появленіемъ идеи отвлеченной, юридической зависимости, вытекающей изъ обязательственнаго отношенія. Восторжествовало сознаніе святости принятаго на себя обязательства. Уста-

новлены категоріи должниковъ, которымъ соотвѣтствовало и наказаніе за неуплату долга. Личная расправа надъ должникомъ замѣняется уголовными карами банкроту. Обѣднѣвшему должнику болѣе не грозитъ ножъ Шейлока, но злоумышленника постигаетъ сѣкира палача. Развитіе уголовнаго права началось съ мести, которая постепенно ограничивалась, пока не замѣнилась наказаніемъ, опредѣляемымъ государствомъ (судомъ). Постепенно развивается основное начало уголовнаго права—начало соотвѣтствія возмездія винѣ. Христіанскія государства держатся взгляда, что пострадавшій долженъ прощать, но что государство обязано наказывать. Наконецъ, и въ области уголовнаго процесса первоначальныя повсемѣстныя ордаліи (судъ Божій) превратились въ очистительную присягу.

Такъ, заключаетъ Колеръ, несомнѣнно, право не есть нѣчто неподвижное. Исторія права представляетъ картину безпрестанныхъ приливовъ и отливовъ, теченіе идей, которое содѣйствуетъ достиженію великихъ цѣлей. Мы вѣримъ въ непрерывное развитіе, стремленіе впередъ, вѣримъ въ постепенное совершенствованіе человѣчества, нашего права и культуры. Всюду мы наблюдаемъ ростъ права на почвѣ культуры въ зависимости отъ основныхъ законовъ человѣческой жизни. Всеобщая исторія права не только дѣлаетъ нашу мысль свободной отъ взгляда на право, какъ на безусловное и неизмѣнное правило, но и даетъ намъ бодрость переносить невзгоды, безчисленныя несправедливости историческаго существованія, осуждаетъ проповѣдь безусловной борьбы за свое право со стороны отдѣльныхъ индивидуумовъ, классовъ и народовъ и раскрываетъ какъ сдерживающіе, такъ и разлагающіе факторы нравственно-правоваго порядка, который есть сила народа, та почва, коснувшись которой онъ, какъ Антей, каждый разъ пріобрѣтаетъ новыя силы.

В. Щегловъ.

Отчетъ бывшаго департамента неокладныхъ сборовъ, а нынѣ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1895 годъ. Спб. 1897 г.

(Продолженіе).

Очень интересныя свѣдѣнія сообщаются отчетомъ въ главѣ о дѣятельности попечительствъ о народной трезвости. Завѣдывающіе дѣлами попечительствъ губернскіе и уѣздные комитеты открыли свои дѣйствія почти одновременно съ введеніемъ въ этихъ губерніяхъ казенной продажи питей. Число засѣданій комитетовъ въ отчетномъ году колеблется между 2 и 21. Число членовъ-соревнователей, показывающее степень того интереса, съ какимъ встрѣтило общество реформу, весьма разнообразно, какъ вообще по губерніямъ (1195 въ Пермской, 599 въ Самарской, 701 въ Оренбургской, 140 въ Уфимской), такъ и въ отдѣльныхъ комитетахъ одной и той же губерніи (доходя до 201 въ Камышевскомъ комитетѣ); необходимо, впрочемъ, замѣтить, что не всегда приведенное въ отчетѣ небольшое число членовъ-соревнователей можетъ служить указаніемъ на недостаточное желаніе мѣстнаго комитета привлечь къ дѣлу возможно большое число частныхъ лицъ, желающихъ принять участіе въ борьбѣ съ пьянствомъ, такъ какъ весьма многія лица, избранныя уѣздными комитетами въ члены-соревнователи, не были утверждены въ этомъ званіи до истеченія отчетнаго года. Преобладающее количество членовъ-соревнователей принадлежитъ къ числу лицъ, состоящихъ на государственной или общественной службѣ; большинство ихъ—священно-и-церковнослужители и учителя земскихъ и народныхъ училищъ. Въ Пермской и Оренбургской губерніи при этомъ болѣе 10% общаго числа членовъ-соревнователей составляютъ лица женскаго пола, также главнымъ образомъ учительницы и лица принадлежащія къ семействамъ мѣстнаго духовенства и чиновничества.

Участіе членовъ соревнователей въ дѣлахъ попечительства выражалось преимущественно въ устройствѣ и завѣдываніи на мѣстахъ учреждаемыми комитетами чайными, читальнями и народными раз-

влеченіями, иногда и въ посѣщеніи засѣданій комитетовъ. „Нѣкоторые комитеты, замѣчаетъ Отчетъ, правильно оцѣнили пользу этого рода сближенія органовъ, завѣдывающихъ дѣлами попечительства въ данномъ районѣ съ невходящими въ составъ ихъ лицами, фактически приводящими въ жизнь предпринимаемыя комитетомъ мѣры, и потому старались привлекать въ засѣданіи комитетовъ возможно большее число мѣстныхъ членовъ-соревнователей, оповѣщая ихъ о времени засѣданій комитета“. Однако, на основаніи цифровыхъ данныхъ отчетъ оказывается вынужденнымъ признать, что въ 1895 г. это желательное общеніе комитетовъ съ членами-соревнователями не успѣло проявиться въ достаточной степени.

Затѣмъ, что касается участковыхъ попечителей, то мѣропріятія мѣстныхъ комитетовъ по составленіи персонала ихъ признаются Отчетомъ неудовлетворительными. Институтъ участковыхъ попечителей является по смыслу реформы органомъ для проведенія въ жизнь постановленій губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ и для ближайшаго наблюденія на мѣстахъ за ходомъ питейной торговли; очевидно, что число такихъ попечителей должно быть весьма значительно и что они должны находиться, если не въ каждомъ населенномъ пунктѣ вообще, то по меньшей мѣрѣ въ каждомъ поселеніи, гдѣ производится торговля крѣпкими напитками или гдѣ имѣется какое нибудь учрежденіе попечительства. „Эта точка зрѣніе недостаточно принималась во вниманіе комитетами при опредѣленіи ими числа участковыхъ попечителей, и въ большинствѣ случахъ комитеты ограничились возложеніемъ этихъ обязанностей въ уѣздахъ на земскихъ начальниковъ, состоящихъ по закону членами уѣздныхъ комитетовъ. Вслѣдствіе этого, на одного попечителя приходится отъ 25 до 278 поселеній, размѣры же района, подчиненнаго вѣдѣнію одного попечителя, составляютъ площадь по Уфимской губерніи 1000—1500 кв. в. и по Пермской отъ 230 до 9143 кв. в.“ При этомъ многими комитетами была упущена изъ виду и другая сторона дѣла. По смыслу закона для каждаго попечителя долженъ быть опредѣленъ раіонъ участка съ тою цѣлью, чтобы вся территорія каждаго уѣзда была подѣлена между наличными участковыми попе-

чителями и чтобъ такимъ образомъ ни одинъ населенный пунктъ не былъ лишенъ надзора участковыхъ попечителей. Между тѣмъ многіе уѣздные комитеты не выполнили этого требованія объ опредѣленіи районовъ участковъ попечителей, вслѣдствіе чего избранные попечители отправляли свои функціи исключительно только въ мѣстахъ своего жительства, а вся остальная территорія уѣзда оставалась внѣ надзора попечителей. Такъ, напр., въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ комитетомъ было назначено всего 2 участковыхъ попечителя для Ревдинскаго и Верхъ-Исетскаго заводовъ, и затѣмъ для всей остальной территоріи этого обширнаго и населеннаго уѣзда не было ни одного попечителя.

Средства почительствъ въ отчетномъ году состояли главнымъ образомъ изъ казеннаго ассигнованія въ размѣрѣ 200,000, которое было распредѣлено между отдѣльными губерніями пропорціонально количества ихъ населенія; пожертвованія со стороны частныхъ лицъ и общественныхъ управленій встрѣчались очень рѣдко и по своимъ размѣрамъ (1110 р. отъ земства и городовъ и 1800 р. отъ частныхъ лицъ) не имѣютъ значенія, но все таки свидѣтельствуютъ о симпатіи, вызванной въ обществѣ новымъ институтомъ; также незначительны были и сборы отъ изданій, чтеній и другихъ народныхъ развлеченій—815 р.

Дѣятельность попечительствъ не представляется особенно успѣшной, но Отчетъ объясняетъ это позднимъ открытіемъ ихъ дѣйствій, необходимостью подбирать персоналъ дѣятелей, выработать программу дѣятельности комитетовъ, получить необходимыя разрѣшенія на открытіе читаленъ, устройство чтеній и т. п. Въ главѣ всѣхъ мѣръ для борьбы съ пьянствомъ, поручаемыхъ попечительствамъ, законъ ставитъ надзоръ, въ интересахъ народнаго здравія и нравственности, за тѣмъ, чтобы торговля крѣпкими напитками производилась согласно установленнымъ для сего правиламъ. Результаты этого надзора со стороны попечительства въ отчетномъ году мало замѣтны; они сводятся къ указаніямъ Пермскимъ попечительствомъ полиціи на незаконное допущеніе въ продажу хмѣльной браги и напитка „ершъ“ (смѣсь пива и водки), къ указанію Осинскаго комитета на желательность запрещенія продажи т. наз.

киндербальзама и къ нѣсколькимъ ходатайствамъ объ ограниченіи или воспрещеніи питейной торговли въ тѣхъ или иныхъ мѣстахъ. „Засимъ отдѣльные Комитеты, говоритъ Отчетъ, правда указываютъ, что ими обращено вниманіе на разныя неправильности по части продажи крѣпкихъ напитковъ; но изъ того обстоятельства, что въ спеціальныя средства ни одного изъ Комитетовъ не поступило въ отчетномъ году суммъ, слѣдующихъ за обнаруженіе тайной торговли или другихъ серьезныхъ нарушеній порядка производства питейной торговли, явствуетъ, что неправильности по этой части, обратившія на себя вниманіе попечительствъ, не имѣли существеннаго значенія. Нѣкоторые изъ Комитетовъ стараются объяснить это обстоятельство тѣмъ, что, съ введеніемъ казенной продажи питей, нарушеній правилъ продажи таковыхъ почти не бываетъ; но такое объясненіе едвали правильно. Казенная продажа питей несомнѣнно во многомъ упорядочило дѣло торговли крѣпкими напитками, но она конечно не могла устранить всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ злоупотребленій, которыя сопровождаютъ продажу крѣпкихъ напитковъ, оставшейся и въ районѣ казенной продажи питей до нѣкоторой степени въ рукахъ частныхъ лицъ. Что же касается въ частности корчемства, то едвали можно сомнѣваться, что, при постепенномъ введеніи казенной продажи, оно должно было возрастать въ уѣздахъ, граничащихъ съ немонопольными губерніями, такъ какъ населеніе, не успѣвъ еще освоиться съ преимуществами казеннаго вина (большая крѣпость и чистота), естественнымъ образомъ могло стремиться къ пріобрѣтенію въ сосѣднихъ губерніяхъ хотя бы и дурнаго, но болѣе дешеваго вина“ (стр. 398). Отсутствіе существенныхъ слѣдовъ дѣятельности попечительствъ Отчетъ объясняетъ тѣмъ, что одни попечительства недостаточно прониклись сознаніемъ важности ихъ надзора за ходомъ питейной торговли, а другія не выяснили себѣ практическихъ для того способовъ или просто не успѣли снабдить своихъ членовъ тѣми удостовѣреніями и знаками, безъ коихъ посѣщеніе ими питейныхъ заведеній въ этихъ цѣляхъ могло затрудняться.

„Еще менѣе рельефно“ выразилась дѣятельность попечительствъ по части распространенія среди населенія здравыхъ понятій о вре-

дѣ неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ; по крайней мѣрѣ представленные попечительствами отчеты не содержали въ себѣ никакихъ опредѣленныхъ указаній на то, что ими что нибудь сдѣлано въ этомъ направленіи. Нѣкоторое исключеніе исключеніе представляетъ лишь Оренбургскій комитетъ, издавшій для разсылки въ читальни и для безплатной раздачи населенію, брошюру св. Гагинскаго: „Пьянство и его вредныя послѣдствія.“ Нельзя впрочемъ упускать изъ вида, что дѣятельности попечительствъ въ этомъ направленіи должно было предшествовать ознакомленіе съ литературой, а затѣмъ, какой бы способъ ни избрали попечительства для воздѣйствія на населенія — распространеніе ли соотвѣтствующихъ изданій или устройство народныхъ чтеній — они нуждались въ разрѣшеніи подлежащихъ властей, для полученія котораго требовалось болѣе или менѣе продолжительное время.

Наибольшее вниманіе попечительствами было обращено на изысканіе способовъ для предоставленія населенію возможности имѣть развлеченіе или осмысленный отдыхъ въ свободное время, какъ на важнѣйшую мѣру борьбы съ пьянствомъ. Типомъ заведенія, которое могло бы замѣнить собою прежній кабакъ, какъ мѣсто развлеченія, попечительства избрали чайныя, которыя и были открыты въ отчетномъ году въ числѣ 120 во всѣхъ четырехъ губерніяхъ; имѣя въ виду при этомъ создать изъ нихъ нѣчто въ родѣ простонародныхъ клубовъ, гдѣ бы мѣстное населеніе могло проводить досуги и внѣ времени потребнаго собственно для чаепитія, попечительства, устраивая читальни (26), обыкновенно пріурочивали ихъ къ чайнымъ; съ тою же цѣлью отдѣльные комитеты устраивали въ чайныхъ туманныя картины; затѣмъ чайныя, неуспѣвшія открыть читаленъ, обзаводились однимъ или нѣсколькими органами печати, предоставляя ихъ безплатно для пользованія посѣтителямъ. Не всѣ комитеты завѣдывали чайными непосредственно чрезъ своихъ агентовъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ прибѣгали и къ сдачѣ ихъ какъ бы въ аренду частнымъ предпринимателямъ, которые обязывались содержать помѣщеніи въ должной чистотѣ и отпускать чай по установленной комитетами таксѣ. „Такая постановка дѣла, справедливо замѣчаетъ Отчетъ, конечно, нежелательна, такъ какъ

съ устраненіемъ себя отъ хозяйственнаго завѣдыванія чайными, комитетъ перестаетъ быть полнымъ въ нихъ хозяиномъ и едва ли въ состояніи будетъ поддержать въ нихъ ту обстановку, какая желательна въ чайныхъ, какъ учрежденіяхъ, предназначенныхъ для предоставленія населенію возможности разумно проводить свой досугъ. Если же тѣмъ не менѣе нѣкоторые комитеты прибѣгли къ такой сдачѣ, то это было, вѣроятно, допущено лишь въ видѣ мѣры временной; съ развитіемъ же дѣла, когда, съ устройствомъ при чайныхъ народныхъ читалень и другихъ развлеченій, онѣ постепенно все болѣе будутъ принимать характеръ народныхъ клубовъ, попечительства, нѣтъ сомнѣнія, примутъ всѣ чайныя въ свое непосредственное завѣдываніе (стр. 401). Определить, окупается ли содержаніе чайныхъ, по даннымъ отчета невозможно, такъ какъ эти данныя недостаточно подробны и точны; вообще же Отчетъ предполагаетъ, что содержаніе чайныхъ будетъ представлять для попечительствъ расходную статью, такъ какъ цѣны за порціи назначаются обыкновенно соотвѣтственно дѣйствительной стоимости отпускаемыхъ чая и сахара; тѣмъ не менѣе при безплатномъ помѣщеніи и значительномъ числѣ посѣтителей возможно даже и полученіе дохода отъ чайныхъ, какъ это доказываетъ примѣръ Бугурусланской чайной, которая при отпускѣ 47674 порціи чая, по 3 коп. за порцію, дала валоваго дохода 1417 р. 39 к., тогда какъ общая сумма расходовъ, включая сюда и 280 р. на наемъ помѣщенія, не превысила 1200 р.

Почти поголовная безграмотность населенія не позволяетъ попечительствамъ ограничиться читальнями, и они должны были принять болѣе активныя мѣры для развитія и развлеченія народа, т. е. прибѣгнуть къ народнымъ чтеніямъ, театральнымъ представленіямъ и отчасти къ распространенію хороваго пѣнія и устройству народныхъ гуляній. Вслѣдствіе неизбѣжныхъ формальностей, народныя чтенія могли состояться только въ Самарѣ, Оренбургѣ, Орскѣ и Троицкѣ; девять другихъ комитетовъ сдѣлали необходимыя приготовленія къ устройству чтеній, но не успѣли получить разрѣшенія. Придавая справедливо большое значеніе народнымъ чтеніямъ съ туманными картинами, попечительства стремились

организовать ихъ въ качествѣ нормальнаго развлеченія для населенія во всѣ праздничные дни: такъ въ Самарѣ въ теченіе менѣе чѣмъ 10 мѣсяцевъ было устроено 66 чтеній. Чтенія—въ Самарѣ платныя, въ другихъ трехъ городахъ безплатныя, чрезвычайно охотно посѣщались публикой. Гораздо труднѣе, конечно, было организовать театральныя представленія; тѣмъ не менѣе Пермское попечительство успѣло устроить ихъ въ 4 пунктахъ, въ томъ числѣ въ трехъ случаяхъ на постоянныхъ сценахъ, устроенныхъ или заарендованныхъ комитетами. Число посѣтителей было въ г. Осѣ по 150 чел., въ Юзовскомъ заводѣ и с. Ильинскомъ по 200—400 чел., а въ г. Ирбитѣ—300—640 чел. на каждомъ представленіи.

Оцѣнивая дѣятельность попечительствъ о народной трезвости, Отчетъ признаетъ, что большая часть видовъ этой дѣятельности сравнительно мало еще развилась въ отчетномъ году, но объясняетъ это разными причинами: позднимъ возникновеніемъ комитетовъ, необходимостью непроизводительной затраты времени на сформированіе личнаго состава участковыхъ попечителей и на ознакомленіе съ новымъ дѣломъ и наконецъ тѣмъ, что для осуществленія почти всѣхъ родовъ дѣятельности попечительствъ необходимо было ждать различныхъ разрѣшеній отъ мѣстныхъ и даже центральныхъ властей. Если же, отрѣшаясь отъ всякой критики, заключаетъ отчетъ, обратить лишь вниманіе на цифровыя данныя, то нельзя не признать, что абсолютно польза сдѣланнаго уже несомнѣнна. Не говоря уже о томъ, что къ участію въ той или иной роли въ борьбѣ съ пьянствомъ привлечено въ 4 губерніяхъ района до 3400 лицъ, имѣется на лицо вновь возникшихъ, при участіи попечительствъ, 120 чайныхъ съ 26 при нихъ читальнями, пріобрѣтено для народныхъ чтеній 60 волшебныхъ фонарей съ 1980 къ нимъ картинами и т. д. Нечего и говорить, что съ точки зрѣнія существующей потребности—этого мало; но само по себѣ сдѣланное являетъ собою громадную пользу и представляется началомъ, многообѣщающимъ для будущаго.“ (стр. 407).

Слѣдующія свѣдѣнія сообщаетъ Отчетъ о вліяніи питейной реформы на населеніе. На первыхъ порахъ открытія казенныхъ винныхъ лавокъ людямъ, привыкшихъ къ кабацкому помѣщенію,

трудно было свыкнуться съ новымъ порядкомъ, не допускавшимъ посѣтителямъ ни поболтать съ сидѣльцемъ или товарищемъ, ни засиживаться, ни распить одну, другую посудину. Новый порядокъ сначала возмущалъ посѣтителей, особенно завсегдатаевъ кабаковъ, и были случаи оскорбленія сидѣльцевъ; были даже угрозы разнести лавку, преимущественно за то, что сидѣльцы не продавали вина пьянымъ и не отпускали его ночью. Однакожъ, мало по малу, порядокъ этотъ привился и вскорѣ населеніе, въ особенности сельское, стало смотрѣть на казенную винную лавку, какъ на правительственное учрежденіе; къ продавцу начали относиться сдержаннѣе, такъ что между тою и другою стороною установились наилучшія отношенія. Продавщицы въ винныхъ лавкахъ болѣе возмущались отношеніемъ къ нимъ городскаго населенія, нежели сельскаго, которое обращалось къ нимъ вѣжливо и даже съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Съ прекращеніемъ возможности распивать вино въ лавкахъ пьянство, однакожъ, приняло другую форму, купивъ вино въ лавкѣ, стали распивать его на улицѣ, сначала тутъ же возлѣ лавки, а потомъ, когда мѣстная полиція начала воспрещать скопленіе народа возлѣ лавокъ, переходили въ другія, болѣе скрытыя отъ глазъ полиціи мѣста. Въ помощь къ пившимъ, на улицахъ появились спеціальные поставщики стаканчиковъ, пробочниковъ, несложныхъ закусокъ и т. п. Такое явленіе, впрочемъ, заранѣе можно было ожидать; то, что скрывалось въ помѣщеніи кабатчика, должно было вызываться наружу; при чемъ это явленіе, по словамъ мѣстныхъ органовъ печати, бросалось въ глаза болѣе въ городахъ, нежели по селеніямъ, гдѣ оно, естественно, не такъ замѣтно. И такое явленіе, конечно будетъ еще долго продолжаться.

Что касается продаваемаго казною вина, то въ первое время качество его было не вездѣ удовлетворительнымъ. Эта неудовлетворительность зависѣла главнымъ образомъ отъ недоброкачественности воды, употреблявшейся для разсыропки спирта; вслѣдствіе обилія въ ней известковыхъ солей, вино иногда оказывалось мутнымъ. Но тотчасъ же были приняты мѣры къ устраненію этого недостатка; воду, идущую на приготовленіе вина, стали кипятить,

тщательно профильтровывать и даже перегонять. Кромѣ этого недостатка, котораго сначала нельзя было предвидѣть, встрѣчались нѣкоторыя упущенія, которыя, вслѣдствіе сложности реформы и спѣшности введенія ея, могли ускользать отъ вниманія и хотя отчасти были извинительны, но, тѣмъ не менѣе, подлежали немедленному устраненію, чтобы не допустить ихъ сдѣлаться хроническими и этимъ не навлечь справедливыхъ нареканій. Эти упущенія были слѣдующія: вино отпускалось въ продажу съ соромъ отъ пробокъ и смолки, посуда нерѣдко не обмывалась начисто съ наружной стороны и на ней оставались остатки прежней оберточной бумаги, грязные этикеты съ оборванными краями наклеивались на находившіеся уже на посудѣ этикеты, оттиски печати были плохіе, старая посуда не очищалась и т. д. Для устраненія этихъ недостатковъ мѣстными управленіями акцизныхъ сборовъ изданы были соотвѣтственныя инструкціи, назначены надежные браковщики и т. п. Потребители также нерѣдко жаловались на то, что они не получаютъ отъ продавцевъ сдачу полностью: такъ какъ по закону казенное вино должно продаваться и въ мелкой посудѣ по той же цѣнѣ за ведро, какъ и въ крупной, т. е. напр. при цѣнѣ въ 7 руб., $^1/_{40}$ часть ведра продается по $17^1/_2$ коп., то при значительной дневной продажѣ вина въ посудѣ этого размѣра иногда не хватало полукопѣекъ для сдачи, тѣмъ болѣе, что сами посѣтители не уплачивали полукопѣйками, ранѣе имъ выданными въ видѣ сдачи, и нерѣдко, вслѣдствіе блестящей поверхности этихъ денегъ, отдавали ихъ дѣтямъ для забавы. Во избѣжаніе такихъ жалобъ предписано, чтобы продавцы не допускали у себя истощенія мелкихъ денегъ и заблаговременно запасались ими въ достаточномъ количествѣ.

Отношеніе населенія къ казенному вину Отчетъ признаетъ благопріятнымъ. „Большинство населенія казеннымъ виномъ вполнѣ довольно, потому что отъ него прежде всего не болитъ голова. Слухъ о доброкачественности казеннаго вина быстро распространился между крестьянскимъ населеніемъ смежныхъ съ монопольными губерніями есть напр., указанія на такіе случаи, что изъ Вятской губ. кре-

стьяне ѣздятъ въ Пермскую за казеннымъ виномъ, предпочитая его мѣстному, хотя и болѣе дешевому. На крестьянскихъ свадьбахъ казенное вино, какъ лучшее, подается гостямъ впередъ и уже послѣ, когда гости навеселѣ, идутъ въ ходъ остатки запасовъ прежняго вина. Также благопріятно отзываются о казенномъ винѣ и потребители изъ прочихъ слоевъ общества. Въ театральныхъ и другихъ буфетахъ г. Перми почти исключительно употребляется казенное вино обыкновенной очистки, тогда какъ прежде, при продажѣ частнаго вина обыкновенной очистки, послѣднее въ буфетахъ совсѣмъ не подавалось и въ продажѣ было только вино высшей очистки, которое напротивъ, теперь почти вовсе не требовалось. Встрѣчаются однако-жъ крестьяне, которымъ не нравится казенное вино. По ихъ словамъ, они не получаютъ отъ него тѣхъ сильныхъ вкусовыхъ ощущеній, которыя они испытывали отъ кабацкаго вина. и потому казенное вино не признаютъ за настоящую водку: она, будто бы, не такъ вкусна, какъ прежде. Поэтому для придаиія крѣпости и особенно пріятнаго на ихъ взглядъ вкуса они примѣшиваютъ къ казенному вину табакъ, толченый перецъ и другія тому подобныя примѣси".

Особенно недовольнымъ введеніемъ реформы оказалось магометанское населеніе восточныхъ губерній, по мнѣнію отчета вслѣдствіе того, что теперь нельзя получать вина ночью, такъ какъ въ этомъ населеніи распространено тайное потребленіе вина, запрещаемаго кораномъ. Для удовлетворенія ихъ потребности въ винѣ въ бакалейныхъ лавкахъ Мензелиноваго и др. уѣздахъ Уфимской губерніи стали продавать „киндербальзамъ"—спиртъ въ 50—55°, сдобренный нѣкоторыми ароматическими маслами; но, такъ какъ, согласно заключенія врачебнаго отдѣленія Уфимскаго губернскаго правленія, этотъ напитокъ признали весьма вреднымъ для здоровья, то продажа его воспрещена.

Признавая, что трудно ожидать, чтобы вѣковое зло, пьянство, могло быть пресѣчено въ теченіе одного года, отчетъ находитъ однако что уже и въ это короткое время вліяніе реформы благотворно отразилось на населеніи вообще и въ особенности на сельскомъ населеніи. „Въ прежнее дореформенное время, крестьяне,

привозившіе на базаръ сельскіе продукты, возвращались домой мертвецки пьяными, пропивъ всю свою выручку въ кабакахъ, широко раскрывавшихъ для нихъ двери своихъ помѣщеній. Это явленіе сдѣлалось теперь рѣдкостью, такъ какъ въ казенной винной лавкѣ имъ напиться нельзя, а если и осушатъ на самомъ базарѣ купленную въ лавкѣ посудину, то ужъ не въ такомъ размѣрѣ, какъ прежде, и выручка благополучно дойдетъ до дому. Массовыя крестьянскія попойки по окончаніи полевыхъ работъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже выводятся; въ періодъ свадебъ и въ храмовые праздники хотя и продолжаются разгулы, но уже не въ прежнихъ размѣрахъ. Жалобъ на прогулы рабочихъ въ дни послѣпраздничные мало по малу прекращаются; меньше приходится выпивать заразъ, такъ какъ двери винной лавки въ опредѣленное время закрываются и ночью нельзя достать вина; рабочіе инструменты остаются у рабочихъ на рукахъ, такъ какъ въ винныхъ лавкахъ ихъ не берутъ ни въ долгъ, ни за деньги. Преосвященный Макарій, еп. оренбургскій, свидѣтельствуетъ, что при объѣздѣ епархіи онъ распрашивалъ священнослужителей, какъ отразилась реформа на народной нравственности, и вездѣ получался отрадный отвѣтъ, что какъ пьяный разгулъ, такъ и злоупотребленія крѣпкими напитками ослабѣли. По свидѣтельству учредительницы школы народныхъ чтеній съ волшебными фонарями и потребительнаго товарищества въ Кизелѣ (Соликамскаго у.) на заводѣ, на которомъ работаетъ до 4 т. человѣкъ, пьянство и сопряженныя съ нимъ безобразія въ Кизелѣ и сосѣднихъ селеніяхъ значительно уменьшились, при чемъ, по ея мнѣнію, женскій элементъ, въ лицѣ продавщицъ, дѣйствуетъ сдерживающимъ и облагораживающимъ образомъ на покупателей. По наблюденію врача, завѣдывающаго Нижне-Тагильскою заводскою больницею (Верхотурскаго у.) первые дни Новаго года, въ особенности послѣ Крещенія, престольнаго дня на этомъ заводѣ, пріемная больницы была прежде полна посѣтителей, искавшихъ врачебной помощи отъ болѣзней, происхожденіемъ своимъ всецѣло обязанныхъ праздничному времяпровожденію; между тѣмъ въ 1895 г. въ пріемной больницѣ не было ни одного раненаго и это явленіе врачъ приписываетъ

исключительно введенію казенной продажи вина. Разгулы пьяной толпы, по свидѣтельству полицейскихъ властей, буйства и случаи нарушенія общественной тишины стали рѣже; на базарахъ, ярмаркахъ и во время храмовыхъ праздниковъ не бросаются въ глаза группы охмѣлѣвшихъ людей, какъ это нерѣдко имѣло мѣсто раньше, правильность торговли въ казенныхъ винныхъ лавкахъ, во многихъ случаяхъ, лишаетъ возможности даже слабыхъ къ вину людей предаться пагубной страсти и увлечь за собою другихъ. „Съ уничтоженіемъ свободнаго промысла виномъ, заключаетъ отчетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ устраненіемъ вреднаго вліянія кабатчика, создается благопріятная почва для совмѣстной работы церкви, школы и общества на пользу народнаго благосостоянія и въ значительной мѣрѣ устраняются препятствовавшіе ей элементы".

Нельзя не замѣтить, что все это оптимистическое сужденіе о благотворномъ вліяніи, оказанномъ казенной продажи на нравственность населенія восточныхъ губерній, основываются на чисто субъективныхъ заявленіяхъ, не представляющихъ никакой гарантіи точности наблюденія и безпристрастности. Никакихъ объективныхъ показаній полезнаго вліянія питейной реформы отчетъ уловить не могъ. Во всякомъ случаѣ въ немъ имѣется указаніе, что управляющій пермской казенной палатой увѣдомилъ, что данныя о поступленіи окладныхъ сборовъ въ губерніи за 1895 годъ не даютъ достаточно матеріала для сужденія о вліяніи реформы. Поступленіе окладныхъ сборовъ въ 1895 г. въ общемъ было совершенно такое же, какъ и въ предшествовавшемъ ему 1894 году, и ежегодно остающаяся по окладнымъ сборамъ недоимка 200000 руб. оставалась и на 1896 годъ. Правда, этому обстоятельству дается такое толкованіе. Изъ полученныхъ отъ мѣстныхъ податныхъ инспекторовъ донесеній выяснилось, что въ большинствѣ селеній Пермской губ. замѣчено уменьшеніе пьянства, что не можетъ не указывать на нѣкоторое повышеніе благосостоянія сельскаго населенія, и если оно не отразилось сразу на увеличеніи поступленія окладныхъ сборовъ, то это зависѣло отъ другихъ причинъ, лежащихъ внѣ реформы. Въ 1895 г. населеніе Пермской губ. находилось въ ожиданіи Высочайшаго манифеста и надѣялось на льготы и

прощеніе недоимокъ, а потому многіе воздерживались отъ взноса не только недоимокъ, но даже и годовыхъ окладовъ. Съ другой стороны, постигшіе въ 1891—92 гг. Пермскую губернію неурожай продолжалъ сказываться въ пострадавшихъ мѣстностяхъ и въ 1895 году. „Вполнѣ естественно поэтому, что крестьянское населеніе получившійся отъ вліянія питейной реформы нѣкоторый матеріальный избытокъ употребило не на уплату окладныхъ сборовъ, а на исправленіе хозяйства“. Но, если трудно отмѣтить цифровыми данными вліяніе реформы на экономическое положеніе населенія, то болѣе легко замѣтить результаты перехода капитала, который былъ занятъ при частной торговлѣ питейнымъ дѣломъ, къ другимъ занятіямъ. Отчетъ отмѣчаетъ оживленіе торговли и промышленности, какъ результатъ питейной реформы. Въ первое время, съ превращеніемъ частной питейной торговли, сборъ съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій значительно упалъ: освободившійся капиталъ присматривался съ новыми условіями жизни, не зная, куда обратить свою дѣятельность. Но затѣмъ поступленія начинаютъ увеличиватся и въ 1896 г. сборъ съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій значительно превысилъ доходъ предыдущаго года. Въ 1896 г. противъ 1895 году выбрано было торговыхъ документовъ болѣе на 4074 шт., на сумму болѣе 36 т. руб.

Новая система питейной торговли возстановила забытое со времени отмѣны откуповъ старое преступленіе, съ которымъ столѣтія боролось правительство — корчемство. Съ введеніемъ казенной продажи питей появился новый родъ нарушеній, а именно тайное водвореніе вина изъ сосѣднихъ немонопольныхъ губерній. Причина этого объясняется слѣдующимъ. Въ прежнее время крестьяне для свадебъ, при помочахъ и предъ большими праздниками всегда запасались виномъ въ довольно значительномъ количествѣ, покупая его ведрами, такъ какъ цѣна за ведро была значительно меньше цѣнъ розничной продажи. Ведерная цѣна колебалась отъ 5 до 7 рублей, въ розничной же продажѣ ведро вина обходилось покупателю отъ 10 даже до 19 руб. Между тѣмъ съ введеніемъ казенной монополіи при покупкѣ вина ведрами никакой уступки не дѣлается. Это обстоятельство и имѣло послѣдствіемъ тайный про-

возъ вина изъ сосѣднихъ немонопольныхъ губерній, тѣмъ болѣе, что крестьяне не стѣсняются ѣздить за 100—150 верстъ, чтобы выгадать нѣсколько рублей и не гонятся за качествомъ вина. Такъ напр. въ Пермскую губ. вино тайно ввозилось изъ Тобольской губерніи, гдѣ ведро вина можно купить за 5—5 р. 50 к.; то же самое встрѣчается и въ Самарской губ., въ которую вино привозится изъ сосѣднихъ губерній Казанской, Саратовской и Симбирской. Чтобы отвлечь подозрѣнія мѣстнаго надзора, крестьяне прибѣгаютъ къ разнымъ хитростямъ. Такъ въ Шадринскомъ уѣздѣ (Пермской губ.) были случаи когда крестьяне привозили купленное вино изъ Тобольской губ. въ зерновомъ хлѣбѣ или въ лагунахъ, привязанныхъ къ телегѣ и обмазанныхъ дегтемъ, чтобы показать, что въ нихъ не вино, а деготь. Въ отчетномъ году о тайномъ провозѣ вина было возбуждено 386 дѣлъ, что составляетъ 31% всѣхъ нарушеній Положенія о казенной продажѣ питей въ 4 монопольныхъ губерніяхъ. По количеству нарушеній этой категоріи первое мѣсто занимаетъ Самарская (44%), за ней слѣдуетъ Оренбургская (34%), Уфимская (12%) и Пермская (10%). Вѣроятной причиной значительнаго ввоза вина въ Самарскую губ. признается легкость и удобство провоза его изъ губерній, лежащихъ по другую сторону Волги. Гораздо чаще встрѣчалось другое нарушеніе Положенія—это торговля виномъ безъ надлежащаго разрѣшенія и храненіе питей въ заведеніяхъ, не имѣющихъ на то права. Какъ въ 1894 г. и ранѣе наибольшій контингентъ нарушеній составляла безпатентная торговля питьями, такъ теперь ея мѣсто заняли продажа и храненіе питей безъ надлежащаго разрѣшенія. Этихъ нарушеній въ 1895 г всего было 798 случаевъ. Если сравнивать число нарушеній этой категоріи въ 1896 году съ числомъ подходящихъ нарушеній—безпатентной торговли—въ 1894 г., то получится слѣдующее: въ Пермской губ. нарушенія увеличились на 111%, въ Самарской уменьшились на 48%, въ Уфимской и Оренбургской вмѣстѣ также понизились на 46%.

А. Свирщевскій.

Первая всеобщая перепись населенія Россійской Имперіи 1897 г. Вып. 1. Населеніе Имперіи по переписи 28 Января 1897 года по уѣздамъ. Составлено Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ на основаніи мѣстныхъ Подсчетныхъ Вѣдомостей. Спб. 1897, стр. 29.

Тотчасъ же по окончаніи производства первой всеобщей переписи населенія Россіи 28 января 1897 г., въ апрѣлѣ Главная Переписная Коммиссія опубликовала свѣдѣнія о населеніи Имперіи на основаніи доставленныхъ ей мѣстными переписными органами поуѣздныхъ подсчетныхъ вѣдомостей. Свѣдѣнія эти появились между прочимъ въ Правительственномъ Вѣстникѣ и Вѣстникѣ Финансовъ. Но легшія въ основанія ихъ поуѣздныя вѣдомости впослѣдствіи подверглись болѣе или менѣе значительнымъ исправленіямъ при мѣстной повѣркѣ переписного матеріала, и, когда вмѣстѣ съ переписнымъ матеріаломъ въ Центральный Статистическій Комитетъ поступили и болѣе тщательныя вывѣренныя и исправленныя подсчетныя вѣдомости, то, при сличеніи ихъ съ представленными ранѣе, въ весьма многихъ случаяхъ обнаружены были въ мѣстныхъ подсчетахъ нѣкоторыя разницы, которыя легко объясняются чрезвычайной спѣшностью первыхъ подсчетовъ на мѣстахъ сдѣланныхъ счетчиками и завѣдывающими переписными участками. Особенно часто неточности эти замѣчены по городамъ, при подсчетѣ населенія которыхъ не вездѣ однообразно причислялись къ городамъ жители такихъ пригородныхъ слободъ и поселковъ, которые составляютъ вмѣстѣ съ городомъ какъ бы одно населенное мѣсто.

Въ виду того, что ожидать опубликованія точныхъ результатовъ переписи можно лишь спустя болѣе или менѣе значительное время, такъ какъ необходима тщательная провѣрка всѣхъ записей относительно каждаго отдѣльнаго лица, то Центральный Статистическій Комитетъ, желая отвѣтить на обращаемые къ нему отовсюду запросы о количествѣ населенія въ той или другой территоріальной единицѣ, призналъ необходимымъ опубликовать имѣющіяся у него въ настоящее время свѣдѣнія. Хотя они по возможности тщательно провѣрены, но все же должны признаваться лишь

предварительными, такъ какъ при дальнѣйшей разработкѣ могутъ могутъ подлежать еще болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ.

Вышедшій въ свѣтъ первый выпускъ изданія, посвященнаго результатомъ первой всеобщей переписи населенія Россіи, заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія: 1) объ общемъ числѣ постояннаго населенія въ каждомъ изъ уѣздовъ Россійской Имперіи при чемъ изъ этого количества выдѣлено въ особую графу количество населенія въ городахъ. и 2) такія же данныя по губерніямъ и областямъ. Общая численность населенія Россіи кромѣ Финляндіи, опредѣлился въ 126.411.736 человѣкъ вмѣсто 126.683.312, какъ было сообщено въ апрѣлѣ прошлаго года.

А. Свирщевскій.

S0041277
СФ СПбГУ

